

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 2(15)'10

Выходит 4 раза в год

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

Эффективное управление

- Дронов Р.В.*
Перспективы развития деятельности ФСБ России
в области нейтрализации коррупционной угрозы4
- Чистов А.М.*
Основные направления новационного развития экономической теории9
- Кошелева Т.Н.*
Зарубежный опыт инновационной политики
для малого предпринимательства 14
- Глазов М.М., Хандожко Л.А., Сидорова М.Н.*
Анализ экономической эффективности метеорологических прогнозов
(на примере морского порта Мурманска)..... 19

История и современность

- Лимонов В.А.*
Идея цикличности исторического процесса
в трудах русских мыслителей XVIII–XIX вв.26
- Кузнецов В.Н.*
Роль петербургского предпринимательства в создании предпосылок
отечественной промышленной революции (первая половина XIX века)32
- Зарембо Н.Г.*
Русская православная церковь и движение иоаннитов
в Санкт-Петербурге (1890–1900 гг.).....39
- Рассказова Л.В.*
Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы
и крестьянские практики..... 44

Глобализация: полемика цивилизаций

- Заглубский С.А.*
Что мешает построению справедливого общества?.....50
- Смирнов С.Б.*
Российско-украинские отношения в зеркале российских
и украинских школьных учебников истории55
- Дорский А.Ю.*
Ценности публичной сферы: английские истоки французского лозунга61
- Бурковский И.В.*
Теоретико-методологический аспект проблемы ресурсов
политической власти 66

Феномены социального развития

- Сунарчина М.М.*
Исторические предпосылки и современные исследования
социального партнёрства72

<i>Звенигородская Н.Ф.</i> Проблема социального сиротства на примере Лужского района Ленинградской области: причины, следствия, пути решения	77
<i>Малькевич А.А.</i> Политическая социализация: основные теоретические подходы	83
<i>Вдовушкина Н.С.</i> Архетипические мотивы рисковенных социокультурных ситуаций.....	88
Академический опыт	
<i>Ермина Т.И.</i> Законодательная регламентация системы награждений в учебном ведомстве в XIX – начале XX веков	94
<i>Брачев В.С.</i> Председатель студенческого отдела Союза русского народа в Санкт-Петербургском университете Георгий Шенкен: из истории студенческой забастовки 1908 г.	98
<i>Игнатьев Д.Ю.</i> Театральность университета: российский контекст.....	105
<i>Исаев Р.И., Пилявский В.П.</i> Создание предприятий малого наукоемкого бизнеса при вузах: проблемы и перспективы	110
<i>Дегтярёв Г.М., Носов В.Н.</i> О некоторых трудностях на путях инновационного развития России.....	114
К 65-летию Дня Победы	
<i>Пыхалов И.В.</i> Сталин и Победа.....	119
<i>Демидова Г.И.</i> Константин Симонов. Перечитывая заново... ..	124
<i>Веричев А.В.</i> Советская авиация в небе фронтового Волхова	128
<i>Цветкова Г.П.</i> «И невозможное возможно...» Судьба корабля «Конструктор».....	133
Люди на войне	
<i>Архипова Л.И.</i> Военные очерки	139
<i>Сержантов В.Ф.</i> Освобождение Ленинградской земли. Несколько слов о военном прошлом	144
Мир художественной культуры	
<i>Рудинская А.Д.</i> «Дубат» – настольная игра долган: взаимообогащение культур народов.....	149
<i>Осипов Д.В.</i> «Венера, снимающая сандалию» И.П. Витали и ее семейство: поиски и восстановление шедевров.....	154
<i>Бороноева Т.А.</i> Современное изобразительное искусство Бурятии: поиск ментальных оснований художественной культуры	160
<i>Пань Икуй</i> Пейзаж «Отшельничество в горах Фучунь» Хуан Гунвана как отражение эстетических взглядов мастера.....	167
<i>Бойко А.А.</i> Иконографическая типология авторского политического плаката периода перестройки.....	173
<i>Контрббинский Б.Г.</i> Театрализованные формы празднично-обрядовой культуры и ее воспитательный потенциал.....	179

Осмысление ноосферы

<i>Розенберг Г.С.</i> Ноосферное перепутье: «назад к природе», «вперед к природе», «вместе с природой»?	186
<i>Субетто А.И.</i> Ноосферная экономика и общественный интеллект – парадигмальные основы устойчивого развития социума	194
<i>Паранина Г.Н.</i> Отражение пространства и времени в древних символах (на примере знака Рюрика)	199

Природная среда

<i>Ловелиус Н.В., Ретеюм А.Ю.</i> Внутривековые колебания уровня мирового океана	208
<i>Румянцев В.А., Сорокин А.И., Маркова Е.Г.</i> Байкал и Ладога – крупнейшие озера как непрерывно возобновляемые сокровища России	216
<i>Румянцев В.А., Кудерский Л.А.</i> Ладожское озеро: общая характеристика, экологическое состояние	222
<i>Ловелиус Н.В., Колесников А.П.</i> Влияние факторов среды на изменчивость прироста древесных растений (на примере ели и сосны в долине р. Луги)	231

ЛЕКСИКОН

<i>Исупов К.Г.</i> Космос русского самосознания	239
Преступное состояние мира	243
Путь	243

НОВОСТИ

Заключение Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Российский институт культурологии» на проект закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», апрель 2010 г., Москва	246
<i>Цветасва М.Н.</i> Научно-практический семинар «Музей и церковь», 9 апреля 2010 г., Санкт-Петербург	249
<i>Бужина Т.В.</i> Четвёртое собрание Научно-образовательного культурологического общества, 15–17 апреля 2010 г., Санкт-Петербург	251
<i>Егоркин В.Г.</i> Конференция «Научный журнал в России 2010», 26–27 апреля 2010 г., Москва	253
<i>Гуменюк А.С.</i> Конференция «Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший», 26–27 апреля 2010 г., Санкт-Петербург, ГМЗ «Петергоф»	254
<i>Карлин Л.Н., Тельнова И.Н.</i> Международная конференция «50 лет развития образования и просвещения для формирования будущего океанов и прибрежных территорий», 27–30 апреля 2010 г., Санкт-Петербург	256
Summary	259
Сведения об авторах	266
Условия подачи материалов	269

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338(470+571) + 343.35(470+571)
ББК 65.05(2Рос) + 67.40(2Рос)

Р.В. Дронов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ РОССИИ В ОБЛАСТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННОЙ УГРОЗЫ

Рассмотрено современное состояние коррупционной угрозы национальной безопасности России, предложены пути совершенствования деятельности Федеральной службы безопасности Российской Федерации в области нейтрализации коррупции, обоснована необходимость создания нового специализированного органа по борьбе с коррупцией.

Ключевые слова:

криминальная угроза, коррупция, национальная безопасность, правоохранительные органы, спецслужбы.

В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации Д.А. Медведев подчеркнул: «коррупция – один из главных барьеров на пути нашего развития. Очевидно, что борьба с ней должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым проявлениям этого социального зла». По результатам исследований международной организации «Transparency International», индекс коррумпированности российской власти в 1999 г. был 2,4 балла, наша страна занимала 82 место в списке из 99 стран. В 2009 г. ситуация принципиально не изменилась – мы оказались на 146 месте из 180 стран, набрав 2,2 балла [7].

Мы разделяем точку зрения Н.П. Патрушева, что за годы реформ представители криминальных кругов, используя внутреннюю нестабильность нашего государства, вызванную переустройством национального хозяйства, активно проникают в органы государственной власти и предпринимают попытки установить контроль над национальной экономикой, что

стало не только мощным фактором подрыва национальной безопасности российского государства, но и оказало влияние на международную безопасность в целом [5].

В связи с этим за последние годы практически ни один официальный документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в России либо положение дел в области борьбы с преступностью, не обходится без упоминания об угрозе коррупции, а с 2008 г. стала формироваться нормативно-правовая основа противодействия коррупционной угрозе в Российской Федерации. Так, в мае 2008 г. Президент Д.А. Медведев подписал Указ «О мерах по противодействию коррупции», в июле был принят Национальный план противодействия коррупции, а 25 декабря – Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Очевидно, стремительно набравшая силу и пустившая глубокие корни в нашем обществе коррупция является одним из основных препятствий на пути реформирования отечественной экономики, призванного вывести Россию на рубежи передовых держав мира.

По данным исследований Фонда «ИНДЕМ», за период с 2001 по 2005 г. емкость коррупционного рынка в России возросла с 33,5 млрд до 319 млрд долларов, соответственно, отношение объема рынка деловой коррупции (316 млрд долларов) к доходам федерального бюджета составило 0,66 и 2,66 [1]. Средний размер взятки чиновникам со стороны представителей бизнеса за этот период вырос с 10 тыс. до 136 тыс. долларов [4].

В рейтинге стран с благоприятными условиями для ведения бизнеса в 2009 г. Россия опустилась на две строчки до 120-го места из 183 стран. А в некоторых рейтингах Россия вообще находится в самом «подвале». Например, по такому показателю, как получение разрешения на строительство, у нашей страны 182-е место из 183 [2].

Результаты исследований фонда «ИНДЕМ», ВЦИОМ, ВНИИ МВД России и др. говорят о том, что в ближайшие годы мы можем прогнозировать развитие коррупции в еще более изощренных формах и возрастание ее влияния на принятие ключевых решений в экономической, социальной, политической, правоохранительной и других сферах жизни нашей страны. Подобные оценки коррупционной угрозы требуют от органов безопасности мобилизации всех усилий в деле противодействия криминальной угрозе.

В связи с тем, что Федеральная служба безопасности Российской Федерации организует и осуществляет обеспечение безопасности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, и их органах управления, а также в органах внутренних дел Российской Федерации, федеральной службе по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органах Российской Федерации, а также обеспечивает осуществление в пределах своих полномочий контрразведывательных и иных мер по обеспечению безопасности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в условиях роста угрозы коррупции, ФСБ должна стать, на наш взгляд, основным силовым ведомством в сфере противодействия этому антисоциальному явлению.

Данное предположение опирается на Указ Президента Российской Федерации № 891 от 1 сентября 1995 г. «Об упорядо-

чении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий», согласно которому лишь органы Федеральной службы безопасности вправе в полном объеме осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, в соответствии с главой второй Федерального закона «О федеральной службе безопасности», данное ведомство вправе осуществлять наряду с оперативно-розыскной деятельностью по борьбе с преступностью контрразведывательную деятельность.

Перечисленные выше возможности, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что Федеральная служба безопасности Российской Федерации объективно может взять на себя функции координатора и организатора оперативно-розыскной работы в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации. Таким образом, под флагом ФСБ России следует объединить усилия подразделений российских правоохранительных органов и специальных служб (МВД России, ФТС России и т.д.) занимающихся борьбой с коррупционной угрозой. Имеется в виду создание нового специализированного органа, который можно условно назвать – Служба по борьбе с коррупцией Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Данный шаг будет соответствовать Статье 6 «Орган или органы по предупреждению и противодействию коррупции» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, которая гласит:

«1. Каждое Государство-участник обеспечивает, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, наличие органа или, в надлежащих случаях, органов, осуществляющих предупреждение коррупции с помощью таких мер, как:

– проведение политики, упомянутой в статье 5 настоящей Конвенции, и, в надлежащих случаях, осуществление надзора и координации проведения такой политики;

– расширение и распространение знаний по вопросам предупреждения коррупции.

2. Каждое государство-участник обеспечивает органу или органам, упомянутым в пункте 1 настоящей статьи, необходимую самостоятельность, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы с тем, чтобы такой орган

6 или органы могли выполнять свои функции эффективно и в условиях свободы от любого ненадлежащего влияния. Следует обеспечить необходимые материальные ресурсы и специализированный персонал, а также такую подготовку персонала, которая может потребоваться для выполнения возложенных на него функций.

3. Каждое государство-участник сообщает Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций название и адрес органа или органов, которые могут оказывать другим Государствам-участникам содействие в разработке и осуществлении конкретных мер по предупреждению коррупции» [3, с. 50-51].

Таким образом, новая силовая структура будет являться органом Федеральной службы безопасности Российской Федерации, который будет специально уполномочен на решение задач в области противодействия коррупции, координации деятельности иных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в этой области.

Правовую основу деятельности Службы будут составлять Конституция Российской Федерации, Федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, международные договоры, а также специально разработанное Положение о Службе.

На наш взгляд, деятельность новой силовой структуры должна осуществляться на следующих принципах:

- законности;
- уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина;
- гуманизма;
- единства системы органов ФСБ и централизации управления ими;
- конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности.

Службу может возглавить руководитель – Первый заместитель директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Руководитель Службы по борьбе с коррупцией будет нести персональную ответственность за выполнение возложенных на Службу задач и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности.

Основными задачами Службы могут быть, на наш взгляд, следующие:

- разработка предложений по формированию государственной политики в сфере исполнения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции;
- разработка мер по совершенствованию нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности;
- осуществление в пределах своей компетенции мер по противодействию коррупции;
- координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по противодействию коррупции;
- создание и ведение единого банка данных по вопросам, касающимся противодействия коррупции;
- осуществление в соответствии с международными договорами Российской Федерации взаимодействия и информационного обмена с международными организациями и компетентными органами иностранных государств в области противодействия коррупции.

По нашему мнению, новое ведомство в соответствии с возложенными на него задачами должно осуществлять следующий ряд функций:

- подготавливать и вносить Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации предложения по совершенствованию государственной политики в области противодействия коррупции;
- информировать Президента, Правительство Российской Федерации и по их поручениям федеральные органы государственной власти по вопросам, отнесенным к компетенции Службы;
- участвовать в разработке и реализации федеральных целевых программ в области противодействия коррупции;
- осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию коррупции в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- выполнять другие функции, возложенные на Службу законодательством Российской Федерации.

Опираясь на личный опыт работы в специальных службах, а также в ходе бесед с сотрудниками оперативных подразделений и следователей органов ФСБ России, мы пришли к выводу, что многие

проблемы в борьбе с коррупцией силами Федеральной службы безопасности Российской Федерации связаны с именно с несовершенством действующего законодательства, а не с правоприменительной практикой.

Так, например, законодательство рассматривает проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и предупреждению коррупции как одно из направлений борьбы органов ФСБ с преступностью (статья 8, 10 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»). Таким образом, борьба с коррупцией является сегодня вспомогательной функцией борьбы с преступностью в целом.

Кроме того, разработка и осуществление во взаимодействии с другими государственными органами мер по борьбе с коррупцией является обязанностью органов ФСБ (пункт «с» статья 12 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»).

Вместе с тем, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие коррупционных и иных преступлений двусмысленно рассматривается не только как «обязанность», но и как «право» органов ФСБ. Таким образом, возникает вопрос о той мере «возможного» и «должного», которая будет реализовываться в практической деятельности, связанной с применением правовых предписаний.

На наш взгляд, создание силовой структуры, отвечающей за противодействие коррупционной угрозе, должно привести к серьезным изменениям в процессуальном законодательстве.

Так, например, в связи с особой опасностью коррупционной угрозы, уже сейчас, то есть до создания специализированного антикоррупционного ведомства, назрела необходимость сместить вектор подследственности по коррупционным преступлениям в сторону Федеральной службы безопасности Российской Федерации, внося соответствующие изменения в Статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В настоящее время, в соответствии со статьей 151 УПК России, следователи органов безопасности вправе производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, относящимся к коррупционным: дача и получение взятки, превышение и злоупотребление должностными полномочиями и т.д., только в связи с расследованием уголовного дела о преступлении, отнесенном к их подследственности. Правовая монополия на расследо-

вание таких преступлений принадлежит органам прокуратуры.

Таким образом, оперативные подразделения органов безопасности, реализовав свое право и выполнив обязанности по выявлению коррупционных преступлений, вынуждены передавать результаты своей деятельности в другие правоохранительные ведомства.

В случае создания специализированного антикоррупционного ведомства можно будет выделить следующие его основные задачи:

- вскрытие руководящих звеньев преступных сообществ;
- выявление, документирование и легализация данных для разоблачения организаторов и участников конкретных видов преступной деятельности;
- выявление коррумпированных связей участников преступных сообществ;
- нейтрализация действий коррумпированных чиновников, препятствующих проведению оперативно-розыскных мероприятий;
- раскрытие способов создания и функционирования звеньев теневой экономики;
- выявление и устранение причин коррупционных преступлений и условий, способствующих их совершению и др.

Объединение усилий разрозненных российских государственных силовых ведомств, занимающихся борьбой с коррупцией, позволит значительно сократить финансовые и материально-технические затраты государства на содержание силовых ведомств, повысить эффективность государственного управления в данной сфере, обеспечить четкую координацию в решении задач противодействия коррупции и т.д. В результате создания Службы сократится время, затрачиваемое на принятие решений в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства от коррупционной угрозы, конкуренция между «силовиками» прекратится, не будет необходимости тратить силы, средства и время на согласование действий различных силовых структур и т.д.

Создание новой правоохранительной структуры, по нашему мнению, инициирует не только значительный рост эффективности работы органов безопасности, но и будет способствовать серьезному притоку квалифицированных кадров в ряды «силовиков», а так же росту их имиджа в глазах общественности.

О том, что необходимо сконцентрировать противодействие коррупционной угро-

зе в руках Федеральной службы безопасности Российской Федерации, свидетельствуют результаты исследований мнения населения на протяжении последнего десятилетия. Так, еще в 2001 г. исследовательским центром «Мониторинг групп» на вопрос о том, что должно быть приоритетом в деятельности органов федеральной службы безопасности, опрошенные ответили: борьба с иностранными разведслужбами – 21 %; борьба с экономическими преступлениями – 22 %; борьба с организованной преступностью – 42 %; борьба с коррупцией – 44 %; борьба с терроризмом – 48 % [8, с. 38].

Таким образом, рост криминальной угрозы и ее коррупционной составляющей говорит о необходимости формирования единой силовой структуры, отвечающей за борьбу с коррупцией. Растаскивание правоохранительной системы по ведомственным направлениям в борьбе с вышеобозначенным злом не позволяет создать единый мощный «кулак» и поставить точку в борьбе с криминалом.

Как показывает практика, сегодня существует сложная, многоступенчатая и длительная по срокам исполнения процедура запроса и выдачи информации в отношении участников организованных преступных группировок, не соответствующая динамике процессов, происходящих в криминальной среде. Кроме того, при проведении некоторых операций присутствуют «ведомственные интересы», направленные не на нанесение серьезного удара по криминалу, а на формальный отчет «о проделанной работе» – задержания, возбужденные уголовные дела и пр.

Таким образом, создание единого ответственного центра по борьбе с коррупцией позволит эффективно реализовать обозначенные Президентом Российской Федерации Д. Медведевым цели Национального плана противодействия коррупции.

Однако, создавая новую специальную силовую структуру, необходимо серьезно

проработать правовой аспект контроля ее деятельности как со стороны государственных органов, так и со стороны общества.

По нашему мнению, для поддержания достигнутого уровня демократии, необходима пятиступенчатая система контроля, включающая в себя парламентский (комиссии по вопросам безопасности Государственной Думы и Совета Федерации), правительственный (Совет безопасности, Совет обороны), парламентско-правительственный (федеральный уполномоченный по вопросам безопасности), межведомственный (постоянный комитет по вопросам безопасности в спецслужбах) и ведомственный (соответствующие комитеты и отделы в специальных службах) контроль.

Должна быть налажена и система эффективного контроля со стороны самого общества, граждан. Для чего необходимо обеспечить в пределах разумной достаточности соответствующую гласность в работе специальных служб, открыто обсуждать в обществе все факты злоупотребления своим положением или превышением полномочий со стороны отдельных сотрудников, либо подразделений спецслужб, когда нарушаются права и свободы граждан.

Однако следует согласиться с мнением главы администрации президента Российской Федерации С. Нарышкина, что «борьба с коррупцией – дело не только правоохранительных структур. Эта работа требует объединения всех сил гражданского общества» [6].

Не вызывает сомнений, что полностью искоренить коррупцию как социально опасное явление, уходящее своими корнями глубоко в экономическое, политическое и социальное устройство общества, не представляется возможным. Таким образом, опираясь на опыт других государств – Италии, Китая, Южной Кореи и др., мы можем вести речь только о значительном ограничении масштабов данного негативного явления.

Список литературы:

1. Gladunov O. Rastut dohody, rastut i vzyatki // Rossiyskaya gazeta. – 28.07.2006.
2. Kuz'min V. Klimat-kontrol' // Rossiyskaya gazeta. – 03.02.2010.
3. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korruptsiyey i otmyvaniem prestupnykh dohodov: Sb. dokumentov / Sost. V.S. Ovchinskii. – M.: INFRA-M, 2004. – 640 s.
4. Naumov I. Rejtingi Rossii opyat' isportila korruptsiya // Nezavisimaya gazeta. – 24.10.2008.
5. Patrusev N.P. Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i ee rol' v obespechenii natsionalnoy bezopasnosti Rossii // Problemy mezhdunarodnoy i natsionalnoy bezopasnosti / Sbornik nauchnykh trudov. – SPb.: Izd. centr SPbGIMU, 2001. – S. 5–16.
6. Polonskaya I. Otorvat' chinovnika ot kormushki // Rossiyskaya gazeta. – 18.06.2009.
7. «Transparency International» – Индекс восприятия коррупции 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.transparency.org.ru/CENTER/cpi_09.asp
8. Хлобустов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – 477 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Формулируются принципы теории эффективного управления социально-экономическими системами, которые обеспечивают развитие экономических наук на базе таких новаций, как максимизация социальных показателей (а не прибыли), недопущение эксплуатации труда, использование инновационного развития производства, снижающего ресурсо- и энергопотребление на единицу продукции, внедрение экономико-математических моделей ценообразования. Признается целесообразным обращение к марксовской экономической теории.

Ключевые слова:

инновационный объект, кризис, основные фонды, прибыль, программно-целевое прогнозирование, производственные отношения, социальная цель, социально-экономическая система, теория Маркса, форма собственности, экономические новации, эксплуатация, энерго-ресурсное ценообразование, эффективное управление.

Сложившиеся экономические науки (классическая, неоклассическая/маржиналистская, монетарная, институциональная, неоинституциональная) подлежат закономерной трансформации ввиду их несоответствия предъявляемым к ним требованиям эволюционирующего социализма [1]. По такой причине обозначенные экономические науки не могут быть методологической основой специальных (прикладных) экономических наук, необходимых при подготовке управленческих работников. А это делает невозможным формирование корпуса компетентных (в области эффективного управления) социально ориентированных нравственно порядочных (безупречных) управленческих работников (топ-менеджеров и менеджеров). Из-за этого невозможно эффективное социально ориентированное управление производственными образованиями (ПО) как социально-экономическими системами (СЭС) различных иерархических уровней (РИУ), начиная от предприятий – СЭС основного иерархического уровня. Указанная причина создаёт преграду в преодолении эксплуатации трудового народа – решении главной проблемы человечества.

И, наконец, это тормозит закономерную социализацию капиталистической эксплуататорской системы с ее периодически повторяющимися глобальными социально-экономическими кризисами.

Закономерная трансформация сложившихся экономических наук возможна на базе совокупности соответствующих экономических новаций. Под экономическими новациями (открытиями) закономерно

понимать выявление новых знаний, существенно приближающих к истине при истолковании того или иного экономического (управленческого) аспекта социально-экономических объектов и совершаемых на них процессов. Истинным же следует считать такое знание, которое, во-первых, теоретически обосновано, исходя из комплексного научного подхода и, во-вторых, подтверждается на практике и на соответствующих логистических моделях объекта исследования [1]. Комплексным научным подходом обеспечивается недопустимость использования неверных результатов исследований при решении экономических проблем [1].

Экономические новации должны обеспечить трансформацию сложившихся экономических наук в теорию эффективного управления СЭС РИУ, которая соответствует требованиям, предъявляемым к ней. А именно, теория эффективного управления СЭС РИУ содержит определённые предмет и объект исследования и эффективно-го управления СЭС; она имеет конкретное содержание и, в первую очередь, – корректное целеполагание и методологические основы эффективного управления СЭС по всем его функциям; она имеет обоснование исходя из комплексного научного подхода, а также практическое и логистическое подтверждение ее достоверности.

Экономические новации (открытия) целесообразно сформулировать по содержанию и последовательности их рассмотрению в следующем порядке:

– способствующие формированию понятия «объект исследования экономической теории»;

- способствующие развернутой характеристике объекта исследования (экономической теории) в соответствии с его назначением;
- обеспечивающие возможность формирования понятия «предмет исследования экономической теории»;
- определяющие цели функционирования, в т. ч. развитие объекта эффективного управления ПО как СЭС;
- формирующие состав и содержание основных показателей общих результативных целей ПО как СЭС;
- обеспечивающие возможно точные формулировки конечных социальных результативных целей;
- находящие опосредованные результативные цели;
- логистически истолковывающие объект исследования и эффективного управления, используя при этом логистически истолковываемые ПО (СЭС) как полигон для апробации достоверности теории эффективного управления по основным его аспектам;
- оптимизирующие функционирование, в т.ч. развитие ПО как СЭС;
- обеспечивающие возможность эффективного управления ПО как СЭС по всем его функциям;
- обосновывающие неприемлемость трудо-временного (классического) и предельно-полезностного (неоклассического, маржиналистского) истолкования стоимостных (ценностных) экономических категорий и закономерности использования при этом энерго-ресурсных экономических категорий [1; 2];
- формирующие обоснованные экономико-математические модели ценообразования;
- выявляющие экономические законы, при учете действия которых возможно формирование ТЭУ СЭС;
- формирующие новые экономические положения, понятия, при истолковании которых позитивно решаются проблемы ТЭУ СЭС;
- способствующие уточнению понятия «эксплуатация трудящихся» и методов исчисления ее уровня;
- обеспечивающие возможность совершенствования институциональных аспектов ТЭУ СЭС РИУ;
- выявляющие и классифицирующие формы собственности на средства производства, а также определение их рациональной структуры;
- обосновывающие эффективное управление СЭС как альтернативу капита-

листическим предпринимательству и менеджменту;

- обосновывающую закономерную социализацию капиталистических предприятий по соответствующему алгоритму;

- обеспечивающие возможность трансформации сложившихся экономических наук: классической, неоклассической, монетарной, институциональной;

- развивающие марксову экономическую науку до уровня ТЭУ СЭС;

- обеспечивающие возможность развития ПО как СЭС по прогрессивным типам с точки зрения соотношения экстенсивного и интенсивного экономических факторов;

- обеспечивающие возможность своевременной замены морально устаревших объектов основных фондов;

- определяющие возможность пропорционального развития СЭС РИУ.

Важнейшие из указанных экономических новаций концентрированно сформулированы ниже.

1. Объектом исследования (и эффективного управления) экономической теории является производственное образование как социально-экономическая система, представляющая собой энергофицированную информатизированную, обладающую производительной силой (способностью производить полезную продукцию или оказывать полезные услуги) совокупность применяемых ресурсов, состоящую из трех основных компонентов: основных фондов (ОФ), вещественных оборотных средств (ВОС), контингента работников (КР). Объект исследования и эффективного управления может находиться на различных иерархических уровнях, начиная от предприятия (СЭС основного иерархического уровня) и завершая интернациональной СЭС. Эффективное управление может иметь различные организационные схемы: от сосредоточенных на объекте основных управленческих функций до делегирования значительной их части другим кооперируемым СЭС.

2. Предметом исследования и эффективного управления экономической теории являются производственные (управленческие – организационно-экономические и социально-экономические) отношения с целью обеспечения эффективного управления ПО как СЭС по всем его функциям, исходя из схемы расширенного экстенсивно-интенсивного воспроизводства по оптимальным вариантам.

3. Эффективное управление ПО как СЭС закономерно исходит из обоснован-

ных целей, которые бывают результативные и обеспечивающие. Последние являются средством (причиной) достижения первых (следственных).

Результативные цели складываются из конечных (социальных) и опосредованных.

Конечное назначение ПО как СЭС – обеспечение максимально возможных значений показателей социальных (конечных) целей, а не максимизации чистой прибыли (показателя паразитических целей собственников средств производства капиталистических предприятий) [2].

4. Эффективное управление ПО как СЭС должно осуществляться с учетом объективного действия совокупности экономических законов.

Всеобщим экономическим законом отражается назначение ПО как СЭС – обеспечивать нормальную жизнедеятельность и воспроизводство всех слоев трудового народа. Основным экономическим законом отражается объективная необходимость эффективного управления ПО как СЭС. Только при эффективном управлении обеспечивается возможность решения на должном уровне любой социально-экономической проблемы, в т. ч. основной из них, состоящей в максимально возможном удовлетворении нормальных материальных и духовных потребностей трудового народа, без экологических и нравственных ущербов.

5. Вторая группа экономических законов отражает необходимость эффективного управления ПО как СЭС по всем его основным функциям: целеполаганию, программно-целевому оптимизационному прогнозированию и планированию функционирования (в т. ч. развития ПО как СЭС); комплексному учету и анализу функционирования (в т. ч. развития СЭС); комплексной организации функционирования (в т. ч. развития СЭС); комплексной диспетчеризации и контролю за функционированием, (в т. ч. развитием СЭС).

6. В третью группу входят экономические законы:

– отражающий недопустимость эксплуатации трудового народа во всех формах ее проявления;

– отражающий формы собственности на средства производства, что предотвращает эксплуатацию трудового народа;

– отражающий необходимость институционального (в первую очередь, государственного) участия в эффективном социально ориентированном управлении ПО как СЭС;

– отражающий необходимость энерго-ресурсного (вместо трудо-временного и предельно-полезностного) подхода при истолковании стоимостных и ценностных экономических категорий;

– отражающий необходимость развития ПО как СЭС по прогрессивным типам с точки зрения соотношения экстенсивного и интенсивного экономических факторов;

– отражающий необходимость своевременной замены объектов основных фондов с учетом наступления полного относительного морального износа второй их формы;

– отражающий необходимость пропорционального развития различных отраслей (секторов) национальной СЭС с учетом использования соответствующей экономико-математической модели сбалансирования;

– отражающий необходимость социальной трансформации капиталистических предприятий и обеспечения эффективного управления ими в соответствии с обоснованным алгоритмом [1];

– отражающий необходимость философского истолкования объекта эффективного управления [1].

7. Обозначенные выше новации (в т. ч. экономические законы) используются при формировании ТЭУ СЭС в определённом их сочетании в каждой из ее глав.

Примерное поглавное содержание ТЭУ СЭС изложено ниже:

1) Теория эффективного управления социально-экономическими системами. Предмет исследования и определяющие его темы.

2) Совокупность применяемых ресурсов социально-экономической системы – объект исследования теории эффективного управления.

3) Логистическое истолкование функционирующей социально-экономической системы.

4) Цели социально-экономических систем.

5) Показатели целей социально-экономической системы.

6) Сущность и показатели эксплуатации трудящихся.

7) Показатели обеспечивающих целей социально-экономической системы.

8) Оптимизационные модели выбора лучшего варианта социально-экономической системы.

9) Инновационный подход как оптимизационный в теории эффективного

12 | управления социально-экономическими системами.

10) Программно-целевое прогнозирование закономерного развития социально-экономической системы.

11) Комплексный учет и анализ функционирования, в том числе развития социально-экономической системы.

12) Методологические основы комплексной организации функционирования социально-экономической системы.

13) Формы собственности на средства производства и основной признак рационализации их структуры.

14) От апологии к социализации капитализма в России.

15) Эффективное управление социально-экономическими системами – реальное воплощение нравственности.

16) Методология и методика ценообразования. От суперзавышенных цен к обоснованным.

17) Институциональный аспект в теории эффективного управления социально-экономическими системами.

18) Эффективное управление социально-экономической системой как антикризисное – альтернатива капиталистическим предпринимательству и менеджменту.

19) Основные направления трансформации сложившихся экономических теорий.

20) От марксовской экономической науки к теории эффективного управления социально-экономическими системами.

8. Классификация экономических наук базируется на их разделении на теоретические (в т. ч. методологические) и специальные (конкретные), методологически базирующиеся на первых.

9. Развитие производства закономерно на инновационной основе, т. е. с учетом осуществления инновационных оргтехмероприятий. Инновационным закономерно считать такое оригинальное оргтехмероприятие, при осуществлении которого увеличивается результат производства на инвестируемом предприятии и обеспечивается снижение использования ресурсов, т. е. решается важнейшая экономическая проблема. Без соответствующего показателя интенсивного фактора – эффективности производства – относительной ресурсоотдачи невозможно инновационное обоснование инвестируемых объектов [2].

10. В теории эффективного управления СЭС с учетом обозначенных выше новаций определены разновидности экономических показателей и, в первую

очередь, обобщающего показателя экономической (социально-экономической – конечной) эффективности ПО как СЭС, а также – синонимы этой характеристики: относительный эффект, обеспечиваемый инвестиционным объектом (ИО); относительный результат, обеспечиваемый ИО; относительное используемое качество ИО; относительная используемая полезность ИО; относительная используемая производительная сила ИО; относительная используемая производственная мощность ИО; относительная используемая потребительная стоимость ИО; относительная концентрация производства, обеспечиваемая ИО; относительное безрисковое состояние, обеспечиваемое ИО; интенсивность функционирования инвестиционного объекта; уровень инновационности инвестиционного объекта.

Показатель эффективности инновационного объекта при критериальном его использовании имеет три разновидности: 1) приведенные текущие затраты; 2) приведенные единовременные затраты; 3) ресурсоемкость продукции.

11. Формирование теории эффективно-го управления невозможно без уточнения сложившихся и выявления новых необходимых экономических понятий и категорий. К ним, в первую очередь, относятся: «экономические теории»; «предмет экономической теории»; «объект экономической теории»; «содержание экономической теории»; «цели эффективного управления объектом»; «экономические экстенсивный и интенсивный факторы производства»; «типы развития производства в зависимости от соотношения экстенсивного и интенсивного факторов развития производства»; «приоритетность обозначенных типов развития производства»; «интенсивность производства»; «эффективность производства»; «эффект от функционирования предприятия»; «совокупность применяемых ресурсов предприятия»; «полезность совокупности применяемых ресурсов предприятия»; «качество совокупности применяемых ресурсов предприятия»; «концентрация производства»; «специализация предприятия»; «эксплуатация трудящихся», «уровень социальной защищенности трудящихся»; «уровень эксплуатации трудящихся»; «предельно-допустимые доходы трудящихся и других граждан страны»; «минимально-допустимые доходы трудящихся и других граждан страны»; «стоимость изделия»; «цена изделия»; «экономико-математические модели,

необходимые при выполнении каждой из основных функций эффективного управления»; «инновации»; «инновационный подход» и др.

Таким образом, нами сформулирована теория эффективного управления производственными образованиями как СЭС РИУ, развивающая уже сложившиеся экономические науки [1]. ТЭУ СЭС является методологической основой специальных (прикладных) экономических наук. ТЭУ СЭС и соответствующие прикладные экономические науки необходимы для соответствующей учебной экономической литературы, нацеленной на подготовку компетентных, социально ориентированных, нравственно безупречных управленческих работников. Корпус этих работников должен обеспечить эффективное управление производственными образованиями как социально-экономическими системами. Последние формируются путем закономерной институциональной социальной трансформации капиталистических предприятий.

Формирование теории эффективного управления социально-экономическими системами различных иерархических уровней является выполнимым при наличии соответствующих новаций как потенциальной научной базы.

В вузах России сложилась практика преподавания маржиналистско-монетаристской экономической теории с ее предельно-полезностными субъективными подходами. Эта теория изучается как микро- и макроэкономика. В связи с этим из учебного процесса изъята экономическая теория, базирующаяся на марковом факторном воспроизводственном подходе. Препятствует изучению марксовской экономической теории и сложившаяся практика грифования экономических учебников, превратившаяся, по существу, в цензуру по отношению к прогрессивным аспектам экономической науки. В связи с этим целесообразно осуществление надлежащих мер по устранению обозначенных недостатков.

Одним из такого рода мероприятий могло бы быть восстановление в учебных планах экономической теории, базирующейся

на марковских исходных предпосылках и соответствующих им опубликованных учебниках. При этом целесообразно усовершенствовать сложившуюся практику грифования учебников по экономическим наукам с акцентом на те из них, в которых имеет место существенное развитие экономической теории.

Целесообразна широкая презентация учебников по экономической теории, базирующейся на соответствующих исходных предпосылках в форме комплексного научного подхода, предотвращающего использование некорректных результатов исследований при решении экономических проблем [1].

В условиях разгорающегося глобального финансового и экономического кризиса ученые-экономисты, не находя позитивных ответов в маржиналистских и других антимарксистских экономических теориях, ищут пути выхода из него, обращаясь к марксовской классической экономической науке.

Главной причиной социально-экономических и финансовых кризисов, по Марксу, является частная собственность на средства производства и обусловленная ею эксплуатация трудового народа, которая может быть преодолена путем подлинной социализации капиталистической системы. Не случайно, принимая во внимание позицию Маркса по проблеме преодоления кризисов в указанных формах, учеными-экономистами капиталистических стран в настоящее время оказалось особенно востребованными его главное произведение – «Капитал».

Другие экономические концепции (за исключением марксистской экономической теории и ТЭУ СЭС) также не могут быть использованы для ответа на вопрос о путях преодоления социально-экономических и финансовых кризисов, т. к. все они, по существу, предназначены для апологии капиталистической системы, вместо обоснования необходимости ее подлинной социализации. К такого рода теориям относятся классические (немарксистские), неоклассические, монетаристские, институциональные, постинституциональные и т. д.

Список литературы

1. Чистов Л.М. Теория эффективного управления социально-экономическими системами. Основа экономической науки. – СПб.: Астерион, 2009. – 680 с.
2. Чистов Л.М. Теория эффективного управления социально-экономическими системами как основа экономической науки. Результат развития марксовской экономической науки. – СПб.: Астерион, 2009. – 44 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Дается определение национальной инновационной системы, охарактеризованы формы и методы государственного управления инновационной системой. Проводится сравнительный анализ инновационной политики, прямых и косвенных мер государственного управления инновационным развитием в США, странах Организации экономического сотрудничества и развития.

Ключевые слова:

государственное управление, инновационное развитие, малое предпринимательство, налоговые льготы, национальная инновационная система, Силиконовая долина.

Начиная с последней четверти XX в. экономически развитые страны мира уделяют огромное внимание инновационным факторам экономического роста. В этих промышленно развитых странах созданы национальные инновационные системы. С.Н. Барейко дает достаточно интересное определение инновационной системе, которое, по мнению автора, следует немного уточнить: национальная инновационная система – это взаимосвязанный общим организационно-экономическим механизмом комплекс предприятий и общественных организаций, деятельность которых направлена на создание, внедрение и распространение новшеств, обеспечением деятельности которых занимаются структуры и органы государственной власти в рамках определенной страновой целостности [2, с. 70].

Можно выделить три основные модели инновационного развития экономически развитых стран:

1. Страны, ориентированные на лидерство в науке и инновационном развитии, выделяющие существенные финансовые ресурсы на фундаментальные и прикладные исследования, реализующие крупные целевые комплексные программы и проекты, в т. ч. в военно-промышленном секторе экономики (США, Англия, Франция).

2. Страны, активно распространяющие инновации, создающие благоприятную инновационную среду во всех сферах экономики (Германия, Швеция, Швейцария).

3. Страны, отличающиеся высокой восприимчивостью к достижениям мирового научно-технического прогресса, активно координирующие действия различных секторов в области инноваций всех видов (Япония, Южная Корея) [1, с. 232].

Несмотря на особенности в управлении национальными инновационными системами в каждой стране, прослеживается ряд общих тенденций, особенно под влиянием разразившегося в 2007–2008 гг. мирового финансово-экономического кризиса, охватившего значительную часть экономически развитых стран:

- усиление экономического влияния и регулирующих функций государства, в т. ч. и в инновационной сфере;

- все большее соответствие исследований и инновационных разработок высокодоходным целям на сегодня или в ближайшей временной перспективе;

- формирование крупных национальных межотраслевых и глобальных научно-технических программ;

- постепенный переход к долгосрочному программированию инновационного развития области, региона, страны;

- глобализация инновационной сферы, проявляющаяся в возрастающей доле зарубежного финансирования научных исследований, и создание инновационных организаций в регионах с благоприятным инвестиционным климатом.

Разработкой и реализацией инновационной политики занимается немало государственных ведомств. В США и многих экономически развитых странах управление национальной инновационной системой осуществляется на высшем (президент, парламент, правительство), среднем (министерства, ведомства), и нижнем (государственные организации) государственных уровнях. Методы государственного управления национальной инновационной системой бывают прямые и косвенные. Прямые методы осуществляются преимущественно в административно-ведомственной и про-

граммно-целевой формах. Косвенным методом выступает, в первую очередь, либерализация налогового законодательства (в частности, применение налоговых льгот, которые имеют непосредственное отношение к малому инновационному предпринимательству) [3].

Оба метода государственного управления инновационным развитием нашли свое применение в США в так называемой Силиконовой долине. Более трети живущих и работающих там специалистов говорят по-английски с акцентом, а русский – родной язык примерно для каждого десятого сотрудника здешних хайтек-компаний. Основная причина, по которой «стартапы» (разработка инновации на начальном этапе) стремятся попасть в Силиконовую долину, заключается в том, что США – это более половины всего мирового технологического рынка практически в любой отрасли. Работа в Силиконовой долине – это наличие огромного числа ученых, менеджеров, специалистов по коммерциализации научных разработок, которые являются необходимым и важнейшим ресурсом для «стартапов» [5].

Важной особенностью Силиконовой долины является инновационная среда, и в первую очередь, бизнес-сервисы для молодых технологических и наукоемких компаний. Силиконовая долина – это еще и масштабная инфраструктура, работающая исключительно на поддержку инноваций. Часть последней составляет венчурный капитал. Его обладатель помогает своему портфельному инновационному предприятию строить и развивать креативную идею до практических результатов, привлекать менеджеров и разработчиков, позиционировать новый продукт или технологию и выводить их на рынок [5].

Существует и такой важный фактор: в Силиконовой долине сложилась особая атмосфера, которая вдохновляет предпринимателей на то, чтобы брать на себя риски, строить новые предприятия и продвигать их вперед. Такая предпринимательская культура позволяет бизнесмену ошибиться. Такой толерантностью к неудачам предпринимательская культура в Силиконовой долине отличается, например, от предпринимательской культуры в Европе [4, с. 16].

Среди экономически развитых стран наиболее активно государство воздействует на экономические (в т. ч. инновацион-

ные) процессы во Франции. В Великобритании подход к инновационной политике и инновационному развитию определяется сочетанием рыночных концепций и отдельных элементов централизованного административного руководства. Такие особенности Великобритании связаны с наличием преемственности в подходах сменяющих друг друга политических партий, которые отошли от принципов планирования экономического развития, но в то же время сохранили в определенной мере курс на вмешательство государства в дела предпринимателей.

В отличие от США, в сфере малого предпринимательства Западной Европы ведущую роль играют государственные организации, контролируемые другими институтами, а также западноевропейская (в частности, французская) индустрия рискованного капитала, которая сформировалась под активным воздействием правительства и усилий специализированных подразделений банков и других финансовых структур.

Для поддержки регулирования и стимулирования инновационного развития государство активно использует административные и экономические методы, федеральное финансирование и субсидирование НИОКР, проведение функциональных и прикладных исследований в университетах. Особый интерес представляет опыт таких стран, как США, Япония, ФРГ, Великобритания, Франция и Канада. В этих странах стимулирование развития малого инновационного предпринимательства имеет общую основу – активное участие государства в формировании и проведении инновационной политики [3].

В промышленно развитых странах используются следующие виды налоговых льгот, с помощью которых государство активизирует и стимулирует инновационную деятельность малого предпринимательства:

- «налоговые каникулы» в течение нескольких лет на прибыль, полученную от реализации инновационных проектов;
- снижение ставок налога на прибыль, направленную на выполняемые по заказу и совместные с государственными предприятиями НИОКР;
- льготное налогообложение прибыли, полученной в результате использования патентов, лицензий, «ноу-хау» и других нематериальных активов, входящих в состав интеллектуальной собственности;

– отсрочка налоговых платежей из прибыли в части затрат на инновационные и другие цели [2, с. 72].

Сложная система налогообложения, неурегулированность налогового законодательства, достаточно высокие ставки налогов вынуждают предпринимателей тратить значительные денежные, временные и человеческие ресурсы на выплату самих налогов, и на ведение налоговой и бухгалтерской отчетности, а также на подготовку к налоговым проверкам [7].

Учитывая эти обстоятельства, правительства стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приняли решение о создании эффективной, справедливой и простой налоговой системы, которая может реально способствовать экономическому росту каждой страны. В большинстве стран ОЭСР индивидуальные предприниматели платят обычный подоходный налог по прогрессивной шкале, за вычетом расходов на бизнес [8]. В США в 80-е гг. XX в. понижение ставки подоходного налога способствовало росту числа индивидуальных предпринимателей – самозанятых.

На поведение предпринимателей влияет не только ставка налога, но и структура налогов. Твердые (а не прогрессивные) ставки налогов стимулируют создание новых индивидуальных предпринимателей. Прогрессивная шкала налогов дает возможность правительству собирать больше налогов с более успешных компаний, дающих большую прибыль, но при этом тормозится создание новых предприятий.

В большинстве стран ОЭСР индивидуальные предприниматели платят меньше налогов, чем компании. В Чехии индивидуальные предприниматели платят подоходный налог в размере 35 % от ежегодного дохода за вычетом расходов. В целом индивидуальные предприниматели Чехии платят половину от суммы подоходного налога и отчислений в социальные фонды, уплачиваемой работниками компаний. В Португалии индивидуальные предприниматели платят высокий подоходный налог, но притом они пользуются весьма значительными льготами системы социального страхования. В Греции индивидуальные предприниматели платят налоги на уровне 15–37 % от налоговых платежей сотрудников компаний [8].

Индивидуальные предприниматели часто используют специальные налоговые режимы. В Португалии индивидуальные

предприниматели, имеющие ежегодный доход ниже 187 200 дол. США, не обязаны вести бухгалтерский учет и платят подоходный налог по ставкам, основанным на коэффициентах. Специальные упрощенные налоговые режимы для индивидуальных предпринимателей установлены в Венгрии, Мексике, Испании. В Корее индивидуальные предприниматели могут разделить общий доход бизнеса в качестве подоходного налога на всех членов семьи, при этом размер налога для домохозяйства уменьшается [8].

Предприятия стран ОЭСР платят т. н. корпоративный налог. Если ставка корпоративного налога ниже ставки подоходного, то индивидуальные предприниматели получают стимул преобразоваться в компанию. Более низкая ставка корпоративного налога для малых и средних предприятий создает для них преимущества: повышается их реальная прибыль и уровень инвестиций в бизнес. В среднем малые предприятия в странах ОЭСР платят налог в размере 15–20 % прибыли, крупные – 30–40 % [8].

В странах ОЭСР более низкие ставки налогов для малых и средних предприятий компенсируют их сложности в получении внешнего финансирования. Во многих странах ОЭСР установлены специальные налоговые преференции для малых и средних предприятий. Например, в Корее стартующие малые и средние предприятия платят только 50 % налога на прибыль и ответственность в течение первых 5 лет. Кроме того, в течение первых 2 лет деятельности они вообще не платят налогов на регистрацию и сделки. В Чехии малые и средние предприятия пользуются налоговыми каникулами в течение до 10 лет, если занимаются производством, связанным с высокими технологиями. В Японии малые и средние предприятия пользуются 7 % инвестиционной налоговой льготой или 30 % льготой при покупке машин и оборудования [8].

В некоторых странах ОЭСР – в Канаде, Чехии, Франции, Германии, Греции, Ирландии, Италии, Японии, Новой Зеландии, Польше, Португалии, Великобритании – малые и средние предприятия не платят НДС или пользуются налоговой льготой по уплате НДС [8].

Налоговые льготы для малых и средних предприятий должны выравнивать «провалы» рынка, а не провоцировать предпринимателей на уход от налогов. Например, налоговые льготы для малых и

средних предприятий могут отрицательно повлиять на их рост, если эти предприятия будут стремиться не выходить за установленный «потолок» прибыли для сохранения льготной ставки налога. Низкие ставки корпоративных налогов для малых предприятий также могут способствовать дроблению относительно крупных компаний на более мелкие.

Необходима периодическая оценка эффективности работы всей налоговой системы, а также пересмотр критериев и условий льготного налогообложения малых и средних предприятий, с учетом реальной экономической ситуации в каждой стране. Применение прогрессивной шкалы для подоходного налога отбивает охоту у успешных предпринимателей стремиться к достижению более высокой прибыли. Целесообразно использовать фиксированные ставки.

Специальные налоговые режимы для малых предприятий и индивидуальных предпринимателей следует периодически пересматривать и отслеживать – не ведут ли они к перекосам на рынке, к уходу малых и средних предприятий от налогов, не препятствуют ли они росту предпринимательства. Рекомендуется максимально упростить налоговые процедуры, свести к минимуму потери средств и времени из-за соблюдения налогового законодательства. Заполнение налоговой отчетности и форм должно быть максимально простым и понятным для предприятий.

Опыт Италии весьма важен, поскольку там теневой сектор имеет значительные размеры, а также велика доля малых и микропредприятий в общем количестве предприятий. В Италии применяется система налогообложения малых и средних предприятий, сходная с российскими упрощенными системами налогообложения или вмененным налогом [9].

С 90-х гг. XX в. в Италии было проведено несколько реформ в системе налогообложения малых и средних предприятий. Основным инструментом послужил так называемый «анализ сектора». Это сложная статистическая процедура, направленная на установление разумного, приемлемого фиксированного налога для порога ежегодного оборота ИП и малых предприятий, который составляет менее 5 млн евро.

Главный финансовый инструмент государственной инновационной политики – это использование средств из государственного бюджета, в т. ч. и прямое вы-

деление средств на приоритетные направления инновационного развития, определяющие конкурентоспособности экономики страны. В экономически развитых странах государство несет от 20 до 50 % национальных научных инновационных расходов по развитию и поддержке инноваций, в т. ч. и по стимулированию развития малого инновационного предпринимательства. Доля затрат на исследовательские работы и инновационные разработки в общей сумме государственных расходов невелика, но в последние 20 лет достаточно стабильна. Она составила 6–7 % в США, 4–5 % – в ФРГ, Франции, Великобритании и Италии, 3–5 % – в Японии [2, с. 73].

Государственный сектор в экономически развитых странах, хотя и является важным источником, занимает второстепенное место в финансировании и проведении инновационных разработок, в отличие от России, где большинство малых предпринимательских структур полагает, что значительным фактором, препятствующим их инновационному развитию, является недостаток финансовой и иной поддержки государства [2, с. 73]. Во Франции последняя находится на уровне 42 %, в Германии – 37 %, США – 36 %, Японии – 21 %. Доля государственного сектора в выполнении НИОКР еще более низкая, чем в их финансировании, и составляет по промышленно развитым странам 10–21 % от общего объема проводимых научных инновационных проектов [6, с. 108].

Самым важным источником рискованного капитала в экономически развитых странах Западной Европы являются банковские структуры, наиболее значительное влияние которых имеет место в Австрии, в то время как в Швеции и Бельгии они практически не играют заметной роли в финансировании инновационного развития.

Пенсионные фонды и страховые компании играют большую роль в Великобритании, Дании, Нидерландах и Ирландии, в то время как в Австрии, Бельгии, Италии и Португалии их роль незначительна. Однако ни в одной экономически развитой стране пенсионные фонды не имеют такого значения, как в США.

С точки зрения использования зарубежного опыта и сравнительной оценки основы инновационной политики и инновационного механизма зарубежных стран можно отметить, что основы инновационной политики и главные элементы

18 | инновационного механизма в принципиальном плане не отличаются. При этом организационные и управленческие аспекты инноваций, а также прямые меры воздействия государства, практически идентичны (по структуре, формам, функциям и задачам), причем имеющиеся различия не являются принципиальными. По косвенным методам воздействия в области инноваций подходы сближаются. Имеются различия лишь в методах и порядке финансирования инноваций и (достаточно значительные) в инновационном законодательстве.

Список литературы:

1. Арутюнов Ю. А., Гончаренко Л. П. Инновационная политика: учебник. – М.: КНОРУС, 2009. — 349с.
2. Барейко С. Н. Государственное регулирование инновационных процессов: отечественный и зарубежный опыт // Стратегия инновационного развития регионов Северо-Запада России: опыт и проблемы: Сб. научн. тр. в 2-х ч.: ч. 1. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2009. – С. 69–74.
3. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп.— М.: Издательская корпорация «Логос», 2001. — 200 с.
4. Денисов Д. Наш человек из Пало-Альто // Санкт-Петербургский Бизнес- журнал. – 2009, № 12 (109). – С. 14–19.
5. Льюис М. Новейшая новинка: История Силиконовой долины («The New New Thing: A Silicon Valley Story», пер. с англ. Б. Пинскер). — М.: Олимп бизнес, 2004. — 383 с.
6. Мухамедьяров А.М. Инновационный менеджмент. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 108–110.
7. Balco T. Reducing the regulatory burden on SMEs. – Интернет ресурс. Режим доступа: www.iapmei.pt/conferencia/5_Tomas_Balco.ppt
8. Chen D., Lee F. C. and Mintz J. Taxation, SMEs and Entrepreneurship // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. – 2002/9.
9. Tax Enforcement for SMEs: Lessons from the Italian Experience, Giampaolo Arachi and Alessandro Santoro // Journal of Tax Research. – 2007, Volume 5, Number 2 (Michigan Issue), December.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ (НА ПРИМЕРЕ МОРСКОГО ПОРТА МУРМАНСКА)

Предложен подход к анализу и оценке экономической эффективности метеорологических прогнозов (апробированный на примере морского порта Мурманска за период с 2004 по 2008 гг., октябрь – март), который основывается на матричной форме представления, обобщения и анализа информационных сведений, имеющих отношение как к потерям, так и к выгоде от реализации метеорологических прогнозов, отражающей многомерность результата (функции) в рамках достаточной аргументной зависимости. Рассмотренный подход позволит потребителю получить экономический эффект от использования метеорологических прогнозов, оптимизировать управленческие решения и повысить эффективность работы морского порта.

Ключевые слова:

инерционный прогноз, критерий оптимальности, критерий успешности, методические прогнозы, оправдываемость метеорологических прогнозов, экономическая эффективность.

Использование метеорологической информации в хозяйственной практике предназначено для снижения потерь, возможных при неблагоприятных условиях погоды. Это крайне важно для регионов Заполярья, где в холодную половину года приходится вести производственную деятельность – в том числе и морскому флоту. Отсюда очевидна актуальность анализа экономической эффективности метеорологических прогнозов и численной оценки экономической полезности прогнозов погоды для северного морского порта.

Экономическая характеристика потребителя метеорологических прогнозов рассматривается в виде матрицы потерь, где содержатся сведения как о потерях, так и выгоде реализации метеорологических прогнозов.

Производственные решения, как и их результативность, во многом определяются спецификой работы потребителя метеорологических прогнозов, а значит, и выбором критерия оптимальности. В качестве таких критериев могут быть использованы средние потери или средняя выгода, среднее время, затрачиваемое на производственную операцию.

Полезность прогнозов выступает как результат целенаправленной совместной научно-производственной деятельности как поставщика, так и потребителя метеорологических прогнозов. Эффективность прогнозов отражает возможность потребителя адаптироваться к ожидаемым условиям погоды.

Процесс учета погодозависимости эффективно реализуется в морских портах Заполярья. Мурманский морской порт определен ключевым элементом всей транспортной системы Севера России. В соответствии с генеральным планом развития Мурманского транспортного узла грузооборот порта к 2015–2020 гг. может превысить 100 млн т [1, с. 98]. Дальнейшее рассмотрение ведется на примере Мурманского морского порта.

В Росгидромете создана и активно функционирует система гидрометеорологического обеспечения для Арктики «Север». В настоящее время эта система обеспечивает надежную информационную поддержку, благодаря которой стало возможным круглогодичное безледокольное плавание по трассе Мурманск–Дудинка транспортного судна «Норильский никель». Инфраструктуру системы «Север» составляют государственное учреждение «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт» – основной центр системы, – и другие центры [1, с. 99].

Основная информационная продукция для всех морских организаций – прогнозы скорости ветра, состояние водной поверхности и условий погоды в приводном слое.

Применительно к морским портам следует выделить некоторые особенности разработки метеорологических прогнозов и, конечно же, специфику их учета. Прежде всего, необходимо понимание региональных особенностей развития метеорологических условий и физико-

20 географических особенностей расположения самого порта. Специализация гидрометеорологического обеспечения устанавливается в соответствии с назначением порта и с учетом местных особенностей погоды.

Особо опасные условия погоды складываются на побережье вдоль Севморпути. Единственной мерой защиты является простой судов и погрузоразгрузочной техники, что приводит к серьезным финансовым потерям. Прямые потери $L = L_{\max}$ в условиях опасной погоды связаны с повреждениями судов, разрушением портового оборудования и потерями доходов. При этом наиболее часты и опасны явления ветрового характера, т.е. штормы, ураганы и связанные с ними наводнения, навалы льда и возможное обледенение судов. Прогноз ветра для морского порта является определяющим фактором эффективного планирования и выполнения всех видов работ на акватории порта [4, с. 65].

Чтобы решать задачи материализации прогнозов, необходимо установить математическую модель механизма погодозависимости. По существу, это центральная комплексная проблема, которую следует разделить на две частные [5, с. 10].

Первая – разработка матрицы (таблицы) сопряженности прогнозов. Это обобщенный результат «прогноза Π_j – факта Φ_i » за определенный период (месяц, сезон и т.п.). Решение этой части проблемы – матричного описания прогнозов – связано еще с одной задачей – оценкой качества краткосрочных метеорологических прогнозов. Успешность прогнозов определяется в настоящее время посредством критерия «общая оправдываемость». С метеорологической точки зрения это очень слабый критерий, не показательный, он не отражает успеха прогнозирования.

Вторая проблема связана с функциональным описанием погодозависимости потребителя. Для этого используется функция полезности, которая с позиции изучения метеорологической опасности записывается в виде функции потерь:

$$s_{ij} = s(\Phi_i, d_j),$$

где Φ_i ($i = 1, n$) – фактическая погода (явление, условие и т.п.) в период, предусмотренный прогнозом и, соответственно, действием потребителя d_j ($j = 1, m$) [4, с. 40].

Такая функция отражает экономические последствия (s) в зависимости от действий (d) потребителя на основании

прогнозов и последующего осуществления защитных мероприятий и погоды (Φ) [5, с. 11].

Описание методологии погодозависимости в комплексной системе «погода–прогноз–потребитель» требует облечь эту зависимость в формализованный вид. Естественно, в качестве функции выступает деятельность человека (сфера экономики), а ее аргументом (частным) остается гидрометеорологическая среда. Если допустить дескриптивную форму записи, то вышесказанное в виде меры зависимости в общем приближении можно представить формулой [4, с.14]:

$$\begin{array}{l} \text{Эко-} \\ \text{номи-} \\ \text{ческая} \\ \text{зависи-} \\ \text{мость} \end{array} = f \begin{array}{l} \text{степени погодоза-} \\ \text{висимости качества} \\ \text{информационного} \\ \text{обеспечения научно-} \\ \text{технической адап-} \\ \text{тивности к погоде} \end{array}$$

В обозначенной комплексной системе «погода–прогноз–потребитель» полезность реализуется как выгода знаний о предстоящей погоде, материализуемая посредством выбора более предпочтительных решений, то есть действий, адекватных ожидаемой погоде.

Наиболее распространенной и универсальной формой дискретного представления, обобщения и анализа информационных сведений является матричная, отражающая многомерность результата (функции) в рамках достаточной аргументной зависимости. Это относится и к метеорологическим прогнозам ($n_{ij} = f(\Pi_j, \Phi_i)$) и к результатам решений и действий потребителя ($s_{ij} = f(d(\Pi_j), \Phi_i)$) [4, с. 19], где n_{ij} – частоты матрицы сопряженности ($n_{11}, n_{12}, n_{21}, n_{22}$);

Π_j – прогнозировалось: Π – наличие явления, неблагоприятного условия погоды;

$\bar{\Pi}$ – отсутствие явления, неблагоприятного условия погоды;

Φ – фактически наблюдавшиеся частоты наличия явления;

$\bar{\Phi}$ – фактически наблюдавшиеся частоты отсутствия явления;

$d(\Pi)$ – решения и действия потребителя. Потребитель принимает решение, действие $d(\Pi_j) = d_j$;

$d(\Pi)$ – потребителем применяются меры защиты согласно тексту прогноза Π ;

$d(\bar{\Pi})$ – потребителем меры защиты не применяются, работа выполняется согласно тексту прогноза $\bar{\Pi}$ [4, с. 35–36, 38, 40].

Инерционные и методические прогнозы формируются на основании исходных метеорологических условий. Методом инерционных прогнозов выступает заложена в самой природе степень инерционности исходного состояния или условия погоды. Методические прогнозы вносят в это исходное состояние научно обоснованную динамику его пространственного и временного изменений.

Функция потерь в матричном отображении при условии простой альтернативы действия потребителя $d(\Pi)$ и $d(\bar{\Pi})$ может быть представлена альтернативной матрицей потерь s_{ij} [4, с. 91].

$$s_{ij} = \begin{array}{|c|c|c|} \hline & d(\Pi) & d(\bar{\Pi}) \\ \hline \Phi & s_{11} + \varepsilon s_{12} \\ & s_{12} - \varepsilon s_{12} & s_{12} \\ \hline \bar{\Phi} & s_{21} & s_{22} \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|c|} \hline & \\ \hline C + \varepsilon L & L \\ \hline C & 0 \\ \hline \end{array} \quad (1)$$

Дадим пояснения введенным обозначениям:

$s_{11} = C$ – затраты на меры защиты;

$s_{12} = L$ – прямые потери в случае ошибок-пропусков явления или опасного условия погоды;

$s_{22} = 0$ – потери при благоприятной погоде отсутствуют;

ε – коэффициент непредотвращенных потерь, равный отношению доли непредотвращенных потерь ($\varepsilon s_{12} = \varepsilon L$) к максимальным потерям ($s_{12} = L$).

Принимаемые меры защиты не являются кардинальными. Естественно, что часть потерь не удастся предотвратить. Эти непредотвращенные потери εs_{12} рассматриваются как доля от максимально возможных s_{12} . Тем не менее, определенная часть возможных потерь оказывается предотвращенной ($s_{12} - \varepsilon s_{12}$).

Если $(s_{11} + \varepsilon s_{12})$ есть общие издержки потребителя (его собственные и за счет природных явлений), то $(s_{12} - \varepsilon s_{12})$ – это положительный результат за счет использования прогнозов, снижающий общие издержки.

Ошибки (страховки) вызывают напрасно израсходованные средства на меры защиты (s_{21}).

Наиболее общим показателем погодозависимости морского порта является матрица, содержащая потери за счет внутренних и внешних факторов. Матрица потерь отражает последствия

действий потребителя в связи с ожидаемыми проявлениями погоды. Очевидно, что показатели влияния погодных условий должны включать такие элементы матрицы потерь, которые более полно раскрывали бы зависимость потребителя от метеорологических условий. Особое значение в такой оценке придается не только той части потерь, которую не удастся предотвратить ($L_{\text{н}} = \varepsilon L$), но и предотвращенной части потерь ($s_{12} - \varepsilon s_{12}$). Таким образом, задача потребителя состоит в том, чтобы минимизировать негативное влияние погодных условий.

Необходимо выстроить принципиальную схему разработки матрицы потерь. Такую работу осуществляет потребитель метеорологических прогнозов (отделы финансового учета) при активном содействии поставщика информации (метеоролога, прогнозиста). Непредотвращенные метеорологические потери (εL) должны фиксироваться в бухгалтерских отчетах морских организаций [4, с. 73].

Для оценки экономической полезности прогнозов погоды для морского порта Мурманска в качестве исходного материала были использованы метеорологические данные. Эти данные содержат сведения о прогностических и фактических значениях скорости ветра, которые в дальнейшем используются для разработки матриц сопряженности.

Исходные данные охватывают период октябрь–март с 2004 по 2008 гг. Всего было взято 729 суточных прогнозов, содержащих как опасные для морского порта, так и благоприятные условия погоды. Прогностические и фактические значения скорости ветра нами были систематизированы: период с октября по март взят как наиболее опасный и сложный для работы морского порта Мурманска и прохождения морских судов в акватории Баренцева моря и Арктике.

На основании полученных матриц сопряженности устанавливаются меры адекватности прогностической и фактической погоды – это так называемые «критерии успешности». Результаты расчета критериев успешности прогнозов скорости ветра приведены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что методические прогнозы имеют более высокую успешность. Критерий точности (Q) методических прогнозов в 1,95 раза выше, чем у инерционных прогнозов.

Результаты расчета критериев успешности прогнозов скорости ветра при $V \geq 12$ м/с (г. Мурманск, с 2004 по 2008 гг., октябрь–март)

Критерии успешности	Методический прогноз	Инерционный прогноз	Относительное превышение
Критерий надежности H	0,382	0,275	1,39
Критерий точности Q	0,536	0,275	1,95
Критерий – информационное отношение ν	0,2310	0,0656	3,52

Дадим экономическую оценку погодозависимости. Содержание матрицы потерь потребителя метеорологических прогнозов определяется рядом экономических показателей, в частности, таких, как грузооборот порта, стоимость судосудок, необходимые расходы на защитные мероприятия и, конечно же, непредотвращенная часть потерь.

Грузооборот порта Мурманска в январе–октябре 2008 г. составил 23,18 млн т [2]. Отсюда средний грузооборот порта (Q) за сутки – 76,0 тыс. т.

При известной средней грузоподъемности судов (D) (сухогрузов, танкеров, контейнеровозов) 12,2 тыс. т и среднем коэффициенте использования грузоподъемности судов, равном $\beta_i = 0,85$, грузооборот порта (n) за сутки есть величина [3, с. 13]

$$n_c = \sum \frac{Q_i}{D_i \times \beta_i} = \frac{76,0}{12,2 \times 0,85} = 7 \text{ судов/сутки}$$

По данным ЦНИИ морского флота, среднесуточные расходы на стоянке морских судов среднего класса равны 0,491 млн руб. Отсюда общая стоимость судосудок в порту составит $7 \times 0,491 = 3,4$ млн руб.

На меры защиты (s_{11}) допускается величина $0,5 \times 3,4 = 1,7$ млн руб., необходимая чтобы избежать максимально возможных потерь при опасных скоростях ветра.

Отношение затрат к убыткам (s_{11}/s_{12}) по ряду портов России составляет 0,37. Отсюда можно принять, что максимальные потери $s_{12} = 1,7/0,37 = 4,6$ млн руб./сутки, то есть на период суточного прогноза. Непредотвращенные потери (εs_{12}) при среднем ($\varepsilon = 0,25$) составляют 1,2 млн руб./сутки. Величина напрасно принятых мер защиты (s_{21}) принимается равной $0,5 \times 1,7 = 0,85$ млн руб./сутки.

В итоге матрица потерь для морского порта Мурманска имеет вид:

$$S_{ij} = \begin{array}{|c|c|c|} \hline & \overbrace{d(\Pi_j)} & \\ \hline \Phi_i & d(\Pi) & d(\overline{\Pi}) \\ \hline \Phi & \frac{1,7 + 1,2}{4,6 - 1,2} & 4,6 \\ \hline \overline{\Phi} & 0,85 & 0 \\ \hline \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{млн руб.} \\ \text{прогноз} \end{array} \quad (2)$$

Задача потребителя заключается в том, чтобы постоянно вести поиск более эффективных организационных, финансовых и технологических мер защиты. В процессе такой долговременной адаптации достигается снижение средних (байесовских) потерь ($\Delta \overline{R}_m^{uu} = \overline{R}_m - \overline{R}_m$) [6, с. 325]. Разность $\Delta \overline{R}_m^{uu}$ есть величина снижения потерь, т.е. фактически сбереженные материальные средства или иные ценности потребителя за счет использования оперативных методических прогнозов.

Рассчитаем сводную таблицу «Разность между средними байесовскими потерями (млн. руб./прогноз) за период с 2004 по 2008 гг., октябрь – март» (см. табл. 2).

Разность средних потерь ($\Delta \overline{R}_m^{uu}$) есть объективный показатель сбережения материальных ценностей, выраженный в денежном измерении. Из табл. 2 видно, что за период с 2004 по 2008 г. $\Delta \overline{R}_m^{uu} = 0,602$ млн руб./прогноз при $\varepsilon = 0$ и $\Delta \overline{R}_m^{uu} = 0,331$ млн руб./прогноз при $\varepsilon = 0,25$.

С позиции классической экономики величина $\Delta \overline{R}_m^{uu}$ есть научно-производственный результат специализированного метеорологического обеспечения в системе «погода–прогноз–потребитель». При оценке эффективности использования прогнозов следует учитывать, что потребитель (порт) имеет возможность адаптироваться к ожидаемым условиям погоды. Адаптация осуществляется в режиме постоянного доверия оперативным методическим прогнозам. При этом содержание прогнозов, их заблаговременность и продолжительность

**Разность между средними байесовскими потерями (млн руб./прогноз)
(методические и инерционные прогнозы скорости ветра при $V \geq 12$ м/с;
г. Мурманск, 2004–2008 гг., октябрь–март)**

ε	Разность ($\bar{R}_{ин}$ – $\bar{R}_м$), (октябрь – март)				$\Delta \bar{R}_м^{ин}$, (октябрь–март)
	2004–2005	2005–2006	2006–2007	2007–2008	2004–2008
0	0,781	0,640	0,328	0,659	0,602
0,25	0,465	0,362	0,138	0,357	0,331
0,5	0,149	0,084	– 0,051	0,055	0,060
0,75	– 0,167	– 0,194	– 0,241	– 0,246	– 0,212
1	– 0,483	– 0,472	– 0,431	– 0,548	– 0,483

(прогностический период), включая штормовые предупреждения, устанавливаются потребителем согласно договорным условиям с учетом требований его хозяйственной практики.

Потребитель осуществляет как оперативную адаптацию (ежесуточную или на более короткие периоды) в соответствии с содержанием поступающих прогнозов, так и долговременную, рассчитанную на снижение текущих затрат в будущем. Для решения этих задач используется обобщенная информация – матрица потерь потребителя и матрица сопряженности прогнозов.

Основная цель адаптации (подстройки к ожидаемой погоде) – обеспечить максимальную выгоду использования прогнозов (W), используя более эффективные защитные мероприятия [6, с. 317].

Процесс адаптации – это сложный и возможно длительный механизм выстраивания оптимального регламента решений и эффективных мер защиты (снижения величины ε). Что же определяет процесс выстраивания эффективной адаптации потребителя? Два основных условия: качество (успешность) прогностической информации и научно обоснованный регламент эффективных действий потребителя (порта) [4, с. 128].

Рассмотрим возможности адаптации потребителя, погодозависимость которого представлена матрицей потерь (2). Более точное отражение области эффективной адаптации ($G = f(C/L, \varepsilon, n_{ij})$) [4, с. 129] представлено на рис. 1, где

G – показатель адаптации потребителя в зависимости от C/L и ε ;

C/L – численная характеристика потребителя (морского порта), выраженная

томпсоновским отношением «затрат к убыткам» [4, с. 69];

ε – мера незащищенности порта – коэффициент непредотвращенных потерь;

n_{ij} – частоты матрицы сопряженности ($n_{11}, n_{12}, n_{21}, n_{22}$) [6, с. 137].

На рис. 1 условия адаптации являются допустимыми. Однако даже в этой области ($G > 1$) более предпочтительным выступает отношение ($C/L \leq 0,1$). Можно выделить следующие области реализации прогнозов: ($G < 1, C/L \leq 0,3$ и $0,4$) – условия экономически выгодной реализации прогнозов (область В). Остальные области (А, С при $G > 1$ и Д при $G < 1$) не отражают эффективную адаптацию.

Экономическая полезность оперативных метеорологических прогнозов рассматривается посредством оценки двух основных показателей: экономического эффекта (ε) и экономической эффективности (P) [6, с. 339].

Для оценки экономического эффекта и экономической эффективности надо установить средние байесовские потери при использовании методических $\bar{R}_м$ и инерционных $\bar{R}_{ин}$ прогнозов.

Экономический эффект, получаемый потребителем от использования методических прогнозов, рассчитывается по формуле [4, с. 96]:

$$\varepsilon = \beta \times N \times [(R_{ин} - R_м) - 3_{ин}], \quad (3)$$

где β – коэффициент долевого участия системы гидрометслужбы в получении экономического эффекта $\beta = 0,7$;

N – общее число прогнозов для данного потребителя за выбранный период времени ($N = 729$);

$\bar{R}_{ин}$ и $\bar{R}_м$ – средние потери при использовании, соответственно, инерционных и методических прогнозов;

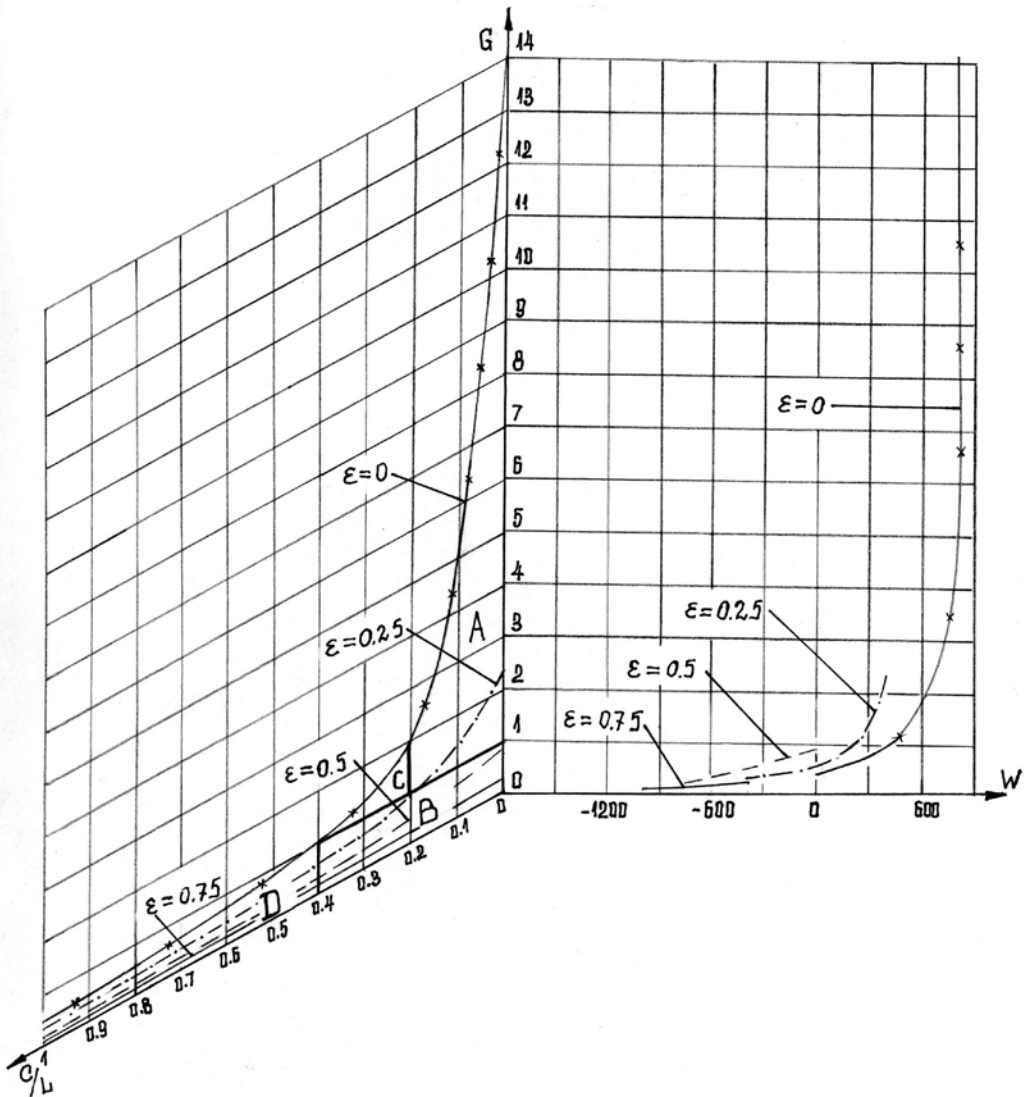

Рис. 1. Возможности адаптации работ морского порта Мурманска к ожидаемым условиям погоды

Z_{mn} – стоимость единицы прогностической информации – затраты на разработку прогноза (было принято $Z_{mn} = 0,0015$ млн руб.) в Государственном учреждении «Управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (ГУ «УГМС»).

В целях сравнительной оценки экономической полезности определяется экономическая эффективность [4, с. 96] (см. табл. 3):

$$P = \frac{\mathcal{E}}{N \times Z_{mn}} \quad (4)$$

Средний за период (по годам, октябрь-март) экономический эффект при $\varepsilon = 0,25$ составляет 42,0 млн руб., а за четыре периода (2004–2008 гг., октябрь-март) экономический эффект (\mathcal{E}_o) составляет $42,0 \times 4 = 168,0$ млн руб. (общая абсолютная экономическая полезность за 4 периода 2004–2008 гг.).

Эффективность показывает, сколько потребитель получает средств за счет снижения потерь (в денежном измерении) на один рубль затрат в Службе прогнозов конкретного ГУ «УГМС». Очевидно, что

Показатели полезности

Годы (октябрь–март)	ε	$\bar{R}_{ин},$ млн руб.	$\bar{R}_м,$ млн руб.	$\Delta\bar{R}_м^{ин},$ млн руб.	$\mathcal{E}_м,$ млн руб.	$\mathcal{E}_0,$ млн руб. (2004– 2008)	$P_м,$ руб.	$P_0,$ руб. 2004– 2008
2004–2005	0	0,678	– 0,103	0,781	99,3	168	363	153
	0,25	1,057	0,592	0,465	59,1		216	
2005–2006	0	0,511	– 0,129	0,640	81,3		297	
	0,25	0,751	0,389	0,362	45,9		168	
2006–2007	0	0,399	0,071	0,328	41,6		152	
	0,25	0,588	0,450	0,138	17,4		63	
2007–2008	0	0,559	– 0,100	0,659	84,2		306	
	0,25	0,810	0,453	0,357	45,5		165	
Среднее	0	0,537	– 0,065	0,602	76,6	280		
	0,25	0,802	0,471	0,331	42,0	153		

экономическая результативность использования методических прогнозов достигается, если отношение стоимости результата к затратам $P > 1,0$.

На один рубль затрат на прогнозы в Государственном учреждении «Мурманский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды с региональными функциями» потребитель (порт) получает сбережение материальных средств на 280 руб. при $\varepsilon = 0$; при $\varepsilon = 0,25$ – 153 руб. – вследствие снижения потерь за счет методических прогнозов.

Во всех отраслях экономики производственная эффективность выступает ведущим показателем в оценках экономической деятельности.

Приведенный метод оценки экономического эффекта и эффективности прогнозов отражает преимущество специализированного научного метеорологического обеспечения относительно того обеспечения, которое потребитель может осуществлять

сам, ориентируясь на текущую погоду. Для потребителя прогностическая информация представляет собой особого рода ресурс, который позволяет эффективно выстраивать производственную деятельность.

Выполненная оценка адаптации и экономической полезности показывает, что использование прогностических ресурсов в оперативной практике позволяет получить экономический эффект при кардинальных мерах защиты ($\varepsilon = 0$) 76,6 млн руб. при экономической эффективности, составляющей 280 руб. на 1 руб. затрат на прогнозы; а при относительно умеренной защите ($\varepsilon = 0,25$) 42,0 млн руб. при экономической эффективности, составляющей 153 руб. на 1 руб. затрат на прогнозы. Таким образом, гидрометеорологическое обеспечение определяет экономический эффект и экономическую эффективность. Предложенный подход может быть приемлем и для других портов России.

Список литературы

1. Балясников С.Б., Бресткин С.В. 75 лет Северному морскому пути: история, современность и перспективы // Метеоспектр. – 2008, № 3. – С. 94–101.
2. Грузооборот порта Мурманск возрос // Корабел.ру. – Электрон. журн. – СПб., 2009. – Режим доступа: http://www.korabel.ru/news/comments/statistics/gruzooborot_porta_murmansk_v_yanvare-ktiyabre_2008_goda_vozros_na_112_i_sostavil_232_milliona_tonn.html
3. Сабодаш О.А. План морского порта. Ч. I. – Владивосток: Изд. ДВГТУ, 2007. – 13 с.
4. Хандожко Л.А. Экономическая эффективность метеорологических прогнозов: науч.-мет. пос. – Обнинск: ГУ «ВНИИГМИ-МЦД», 2008. – 129 с.
5. Хандожко Л.А. Современные проблемы и перспективы развития экономической метеорологии // Метеоспектр. – 2008, № 3. – С. 10–13.
6. Хандожко Л.А. Экономическая метеорология. – СПб.: Гидрометеиздат, 2005. – 339 с.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.1
ББК Т019.1г(2)

В.А. Лимонов

ИДЕЯ ЦИКЛИЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVIII–XIX ВВ.

Идея цикличности в трудах русских просветителей рассмотрена как экспликация философии истории. Анализируется историология А. Н. Радищева в диалектике «тока/противотока»; взгляды Н. М. Карамзина на цикличность исторического процесса по двум моделям: «прогрессистской» и «вечного возврата». Приводится обзор взглядов П. Я. Чаадаева сквозь призму «апокалиптического синтеза», метемпсихоза и палингенеза.

Ключевые слова:

волновая идея исторического процесса, диалектика «тока/противотока», Карамзин Н.М., метемпсихоз, палингенез, Радищев А.Н., цикличность, Чаадаев П.Я.

Идея цикличности исторического процесса была известна русским мыслителям XVIII–XIX вв. Мы проведем обзор нескольких выразительных эпизодов из трудов А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева в связи с этой идеей.

Русских просветителей не особенно смущала несовместимость моделей линейного (прогрессистского) и кругового (повторяющегося) развития истории. Эти две концепции излагались в их трудах с той же непосредственностью, с какой уживались идея Дж. Локка о врожденных качествах человека и общее мнение о возможности «исправления нравов». Можно привести характерный пример – позицию кн. М.М. Щербатова. С одной стороны, мы встречаем у него макиавеллическое выражение «Внутренность человека всегда одинакова» [9, с. 8]. Автор убежден в том, что как ни «трудно понимать потаенные причины давно минувших дел, но люди всегда в одинаковых обстоятельствах почти одинаково понимают». Исходя из неизменности человеческой природы, историк вправе опираться на принцип повтора в истории: «Пример настоящего века есть то, что может наиболее направлять наши догадки о прошедшем» («Примечаниях на ответ г-на генерал-майора Болтина на Письмо князя

Щербатова...», 1782). Но с другой стороны: «История не повторяется». Вывод о взглядах А.Н. Радищева, который был сделан Т.В. Артемьевой, как нам представляется, не совсем точен: Радищев «не разделял позицию сторонников мирового коловорота, характерную для Петровской эпохи и породившую образ “мировых часов”, стрелки которых поочередно указывают на страны, коим надлежит первенствовать на “театре мира”, пока не пробьет час других занять это почетное место» [1, с. 86]. Нам необходимо учитывать масштаб обобщения у автора, т. к. для мыслителя XVIII в. *мировой* процесс предстал «круговоротным» и палингенезическим, но в топосах локального времени *отдельной* страны и народа могло преобладать прямолинейное движение. Так, в представлении Н.И. Новикова, который свою жизнь посвятил пропаганде масонской идеи самосовершенствования богоподобной личности (линейная модель), история подвержена самоповторениям [1, с. 19]. Интересно, что здесь же Т.В. Артемьева приводит реплику Петра Великого, сравнившего циклическое торжество наук в разных странах, от Греции до России и обратно, с циркуляцией крови в человеческом теле. Особенно яркими в связи с идеей циклического

волнового движения истории являются рассуждения о диалектике «тока и противотока» у А.Н. Радищева. Мысль Радищева движется сложными и порой опасными путями «исторических параллелизмов» и уподоблений, знаменующими возвратный захват чужого прошлого опыта. Он не написал очередной «Истории Государства Российского», и все же его наследие свидетельствует о грандиозной попытке осознать проблемную целостность наук об историческом человеке в максимально возможной полноте. В этом смысле, с нашей точки зрения, тексты опального русского просветителя еще не подвергнуты комплексному изучению.

В работах Радищева античная мысль о Судьбе переплетается с социально-политической утопией «народоправства». Присутствуют в рассуждениях определенные стереотипы теории, которая объясняла биологические особенности и закономерности развития живых организмов влиянием только внешних факторов при отбрасывании в сторону генетических механизмов и программ, когда развитие происходит через следующие одно за другим новообразования, дифференциацию частей целого (теория эпигенеза). Последнее говорит о том, что Радищев не приветствовал популярное в то время биологическое учение, исходящее из признания изначально предустановленной или предопределенной, существующей в свернутой форме, программы или организации развития, без всяких отклонений «ведущей процесс» своей материализации в животном мире (теория преформизма).

Особенно интересно, что Радищев объединяет философию обреченности человеческого рода на всеобщую гибель и теологию открытого в будущее саморазвития человечества на основе по-масонски понятого бесконечного самоусовершенствования. «Кто мир нравственный уподобил колесу», – говорил он в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 г.), – тот высказал «великую истину» [8, с. 71]. А состоит она в том, что «в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, родится, растет, дабы произвести себе подобных, потому умереть и уступить им свое место» [8, с. 72]. В соответствии с просветительской аналогией законов природы и законов общества та же судьба кругового возврата от начала к концу и обратно ожидает и любой социум в его дальнейшей судьбе.

Радищев способен в одной-двух фразах выразить катастрофичность возвышения и падения двух ветвей христианства: от кроткой скрытости в пещерах оно перешло к усилению, пережило времена суеверий, воздвигло папство, Лютер расколол Церковь, «вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до края возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени» [8, с. 72].

Проза Радищева не была лишена пролического пафоса и той ориентации на героические образцы древности, о которых с таким пиететом писали многие просветители, и с особенным пылом – В.В. Попугаев в трактате «О политическом просвещении вообще» (1804). Радищев усвоил себе мысль о «постепенности», т. е. о возрастающей сложности эволюционной последовательности в деле органического усовершенствования Натуры. Приведем для примера «эволюционистский» пассаж из трактата «О человеке...»: «В природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы находим, что одно другого совершеннее или <...> искусственнее в своем сложении» [8, с. 384]. Историческая антропология Радищева утверждает ту новаторскую мысль, что человек как «существо двустепенное» не есть венец природы. В судьбе человека как телесно-духовного существа мировая эволюция реализует равнодействие двух векторов: нисходящую (умаление телесного) и восходящую (расширение «умственности») линии развития [8, с. 362–363].

Эта диалектика «тока/противотока» лишь косвенным образом связана с идеей мирового круга. В центр трактата Радищев ставит проблему смерти. Он пытается снять ее в диалектике взаимопереходов, в образах метемпсихоза и палингенеза. Радищев высказал следующее: «Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющее доводы. <...> Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки из мрака к бытию, как будто от сна встают проужденные, да воскреснут во множестве» [8, с. 381]. Нам представляется, что эта мысль русского просветителя является предчувствием философии «Общего дела» Н.Ф. Фёдорова и его концепции всеобщего воскрешения всех почивших поколений. И все же основная формула жизни у Радищева остается негативной: «Жизнь есть то действие явления, чрез которое семя раз-

верзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и приближаться к разрушению» [8, с. 332]. Сам скептик и почти деист, Радищев не без удовольствия цитирует скептика Сенеку: «Ты хочешь знать то, где / Будешь по кончине? / Там будешь ты, где / Был ты до рожденья» («Троянки», 2 акт). В главе «Спасская Полесь» «Путешествия...» читателю предложена антиутопия катастрофического саморазрушения государств и народов. Имена Д. Вико и Радищева уже давно ставят рядом. Действительно, Радищев примерял возрастную циклическую теорию Вико на свой материал [8, с. 307–311]. Отмечено, что Радищев передал самую суть этой исторической концепции: «Читая историю всех времен и всех столетий и видя, что все бывшие царства подвержены были переменам и переходили из хорошего в худое состояние и из худого в хорошее и продолжавшись многие столетия, рушились. Я думаю, что и всякое государство будет тому же подвержено» [6, с. 14].

Трактат «О человеке...» завершается картинами положительного воздаяния в мире ином, блаженном и спасительном. Перешедший за грань земного бытия человек не вернется в прежнее состояние по древнему стереотипу метемпсихоза, так как «возвратный путь для него невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего» [8, с. 397]. Душа останется в единстве с телом, и организм, сохранивший духовно-душевно-телесную целостность, перейдет в «новой своей организации», раскроется навстречу вечности, ибо вечность не есть мечта» [8, с. 338].

Так циклическая историология Радищева парадоксальным образом смыкается с масонской метафизикой вечного движения к последней истине и с идеей преображения дольного человека в блаженном пакибытии.

Элементы цикличности исторического процесса характерны и для концепции Н. М. Карамзина. В истории формирования его философско-исторической позиции есть весьма существенный эпизод, связанный с диалогом двух циклических концепций – Д. Вико и И.-Г. Гердера. Он литературно оформлен как переписка двух друзей – Мелодора и Филалета, опубликованная во второй части альманаха «Аглая» в 1794 г. Реплики Мелодора производят грустное впечатление. «Мелодор, впавший в скепсис, начинает склоняться к песси-

мистической теории круговорота Вико. <...> Ему отвечал Филалет, вооруженный оптимистической философией истории Гердера» [6, с. 258]. Другой исследователь, с опорой на «параллельные места» из «Писем русского путешественника» уточняет: «Карамзин развивает теорию циклического развития человеческой культуры, воспринятой, возможно, через К. Ф. Вольнея, о книге которого («Руины, или Размышления о революциях империи») он высоко отозвался в «Московском журнале»» [5, с. 137]. Наконец, новейший автор предлагает понять расщепление позиции Карамзина на «циклиста» и «антиклиста» как спор теории и реального исторического опыта в пользу последнего [7].

Итак, с одной стороны, Мелодор («Вечное движение в одном кругу, вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи со днем, вечное смещение истин с заблуждениями и добродетелей с пороками, капля радостных и море горестных слез»), а с другой – Филалет («Может быть, то, что кажется смертному великим неустройством, есть чудесное согласие для ангелов; <...> То, что кажется нам разрушением, есть для их небесных очей новое, совершеннейшее бытие») [3, с. 254, 260].

Вполне справедливым представляется, что такие трактовки позиции Карамзина нуждаются в определенном уточнении: для автора «Истории Российской...» в плане теоретической историософии важны были *обе* трактовки исторического процесса – и по модели вечного возврата, и по модели прогрессистской. Тем более, что и Вико и Гердер их обеих не чурались. Тот новый опыт, который пришел к Карамзину с созерцанием ужасов якобинского террора, не отменял старой теории истории, но дополнял ее катастрофическими акцентами и новой аксиологией в свете актуального исторического дня. Когда встретились теория и живое наблюдение, возникла необходимость откорректировать умозрительную модель в рамках живого опыта. Ситуация эта повторилась в дни июньских событий 1848 г., когда Герцен на страницах своей первой эмигрантской книги «С того берега» (1849) приводит огромную цитату из карамзинской переписки Мелодора и Филалета и констатирует с грустью: «И вот мы <...> пришли опять к *corsi* и *ricorsi* (взлету и падению. – В. Л.) старика Вико» [2, с. 32]. Карамзин в общении с читателем чувствует себя чуть ли не Геродотом, «читающим предания веков» посреди «безмолвствующей толпы»; автору важно

подчеркнуть не повествовательный пафос рассказа, но роль объясняющего аналитика: «Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связи деяний». Надо отметить, что позиция «подражания древним», которую Карамзин предлагает современникам разделить с ним, носит вполне ренессансный характер. Как классическое Возрождение под «подражанием» вовсе не имело в виду прямое воспроизведение или копирование, но творческую «оглядку» с корректным вживанием в древние стилистические образцы, так и отечественный писатель-историк призывает учиться у древних не словесному антуражу описания, а мировоззренческой объективности. Метод возвратной «рифмы» исторических ситуаций исполняет у Карамзина роли то просто иллюстрации, то морального суждения, то аргумента в причинно-следственных рядах режима объяснения произошедших событий; иногда эти функции соединены в синтетическом выводе-пояснении, как в случае с комментарием изобретательной жестокости царя Иоанна IV Васильевича. «В смиренности великодушном, – повествует Карамзин в гл. 7-й девятого тома «Истории...», – страдальцы умирали на лобном месте, как Греки в Термопилах, за отечество, за Веру и за верность, не имея и мысли о бунте» [4, т. IX, VII. Ст. 258)].

В «сравнении Иоанна с другими мучителями» Карамзин привлекает впечатляющие примеры, и не только из истории императорского Рима: «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, Героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в годах мужества и старости есть для ума загадка, и мы усомнились бы в истине самых достоверных о нем известий, если бы летописи других народов не являли нам столь же удивительных примеров; если бы Калигула, образец Государей и чудовище, если бы Нерон, питомец мудрого Сенеки, предмет любви, предмет омерзения, не царствовал в Риме. Они были язычники; но Людовик XI был Христианин, не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азиатским и Римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка: сии ужасные метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата» [4, Т. IX, VII. Ст.

259]. Карамзин выработал триадичное деление русской истории (в отличие от пятирицы А. Шлёцера): 1) древнейший период (от Юрика до Иоанна III; время уделов); 2) средний период (от Иоанна до Петра I; время единовластия); 3) новая история (от Петра I до Александра I; время изменения гражданских обычаев). У карамзинской хронологии нашлись и защитники, и критики, но главное в другом: он первым осознал и описал три стадии русской истории как неслиянные и нераздельные, каузально связанные и сомкнутые в состоявшемся историческом смысле шага циклического процесса.

В этой связи рассмотрим взгляды на цикличность истории человечества и России на примере «апокалиптического синтеза» П.Я. Чаадаева, который обращается с авторитетами прошлого с вольностью, поразившей даже конгенитального его собеседника – А.С. Пушкина. Так, вполне по-платоновски Гомер за неуважение к богам и аффектированную непристойность получает негативные контексты, зато Давид возвышен в своем пророческом призвании, коль скоро в его «возвышенных песнях <...> настоящее удивительно сливается с будущим». Подобным образом Марк Аврелий противостоит Моисею: в первом наш философ увидел апофеоз эгоистского самомнения, а во втором – глашатая истины средствами индивидуального пророческого слова [10, с. 119].

Три источника питают творческие инициативы Чаадаева в его «Философических письмах». Во-первых, стереотип французской просветительской социологии – «мнения правят миром»: задачи «исправления» и «воспитания» общественного мнения и формирования «нового направления идей» формулируются во втором «Письме», а в четвертом усилены авторитетом Вольтера. Во-вторых, классическая немецкая философия; в-третьих, масонская утопия морального самосовершенствования. Чаадаев был человеком, до конца жизни озадаченным проблемой личного спасения. Эта внутренняя тревога, которая к финалу его жизни катастрофически росла, экстраполировалась на историческое будущее христианского человечества. Повторим: именно христианского (а еще точнее – православного и католического), ибо вопрос о народах восточных религий его не беспокоил.

Мировую эволюцию Чаадаев видит как поэтапно-циклическое завершение судеб людей во «Всеединстве», когда история всех частных сознаний синтезируется в

«мировой драме»; через слияние в «мировом разуме» поднимутся к единству в «мировой материи», а далее – благодатно сольются в полноте Божественной Истины и бессмертия [10, с. 133]. Весь корпус «Философических писем» завершается тезисом о «последней фазе человеческой природы», когда, по завершению финального мирового цикла, «вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего <...>, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез» [10, с. 158]. Католические симпатии Чаадаева, сформированные в общении с кн. Н. В. Голицыным, кн. З. Волконской, С. П. Свечиной в Париже и усиленные влиянием Ж. де Местра, Ф. Ламенне и Ж.-П. Боссюэ, ни для кого не секрет. Вот почему философия Всеединства, придуманная для христианского человечества, предлагала путь к спасению только через дороги, которые «ведут в Рим» (это вызывало законное раздражение славянофилов, равно как и «русских европейцев»).

В последних «Письмах» Чаадаев все западнические «минусы» поменял на славянофильские «плюсы» и парадоксально примирил православную философию истории с католической ее интерпретацией. Чтобы оценить оригинальность историософских построений Чаадаева, надобно всмотреться в трактовку им оппозиции *дискретность/непрерывность* (в истории и в рамках личного самосознания). Автор «Писем» говорит о сне как образе смерти: «Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни» [10, с. 158]. Чтобы примирить экзистентную непрерывность человека как существа родового с дискретной природой его самосознания, Чаадаев предлагает идею следующего порядка: субъекту непрерывность бытия обеспечивается через *метемпсихоз*, а для социума в целом гарантией недискретной жизни становится альтернатива исторического обновления, т.е. *палингенез*.

Свою идею «воспоминания о какой-то лучшей жизни» [10, с. 153]. Чаадаев дополнял образами возврата-обновления, социального палингенеза и «жизни без смерти» [10 с. 159]. Непосредственным источником вновь иницируемой идеи палингенезического возврата-обновления, т.е. циклически осознанного духовно-социального ренессанса, следует назвать П.С. Балланша. Его книги «Опыт об общественных установлениях в их отношении к новым идеям» (*Essai sur les institutions*

sociales dans leur rapport avec les idées nouvelles, 1819) и «Опыты социальной палингенезии» (*Essai de Palingénésie sociale*, 1827–1829) Чаадаеву были известны, как и Балланш прочел первое «Философическое письмо», которое передал ему И.А. Тургенев.

Чаадаев с горечью говорит о дискретности русской исторической памяти: «Мы так странно движемся во времени, что с каждым шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно» [10, с. 38]. Великая история Западной Европы прошла мимо России; подхватив религиозно-политические идеалы умирающей Византии, она обрекла себя на исторические небытие и стагнацию. Чаадаев выступил с немислимой философической инициативой: он предлагал России вернуться на изначальные исторические пути, чтобы все начать с истоков, а в момент выбора христианства как фундамирующей всю русскую культуру конфессии предпочесть католичество, в котором мыслителя привлекала его социальная активность и масштабный исторический энтузиазм.

В позднейших «Письмах» он приходит к невозможности реального возврата к «началам», это легко только в области идеальных конструкций (в духе Шеллинга, например, с которым он состоял в переписке): «Счастлив был бы человек, если б мог возвратиться на прежний путь свой! – Это невозможно!» [10, с. 156]. В «Отрывке...» сказано: «История народов сызнова не перечисляется» [10, с. 315]. Теперь будущее своего народа Чаадаев (не без влияния диалогов с Пушкиным) видит не в метемпсихозе и палингенезе, но в деятельном участии в общеевропейском движении, в сочетании внимательного ученичества с поиском национальной идентичности. Чтобы русская историософия из сферы теоретической могла перейти к стратегиям «ума холодных наблюдений», нужен был историк-свидетель, стоящий на позиции здравого смысла. Необходимы были новые исследования по русской истории, новые концепции цикличности исторического процесса. Эти идеи были предложены русскими мыслителями в последующие годы.

Таким образом, в философско-историческом дискурсе отечественных мыслителей важное место занимают идеи цикличности истории. Философия, историология и социология А.Н. Радищева достаточно логично для своего времени соединяют различные и внешне противоречивые и «несоединимые» картины мира. Это и

концепции циклического круговорота в природе, и натурфилософски осмысленная цикличность социальной жизни. Присутствуют в рассуждениях просветителя определенные стереотипы теории эпигенеза. Радищев объединяет философию обреченности человеческого рода на всеобщую гибель и теологию открытого в будущее саморазвития человечества на основе бесконечного самоусовершенствования. В соответствии с просветительской аналогией законов природы и законов общества фатум кругового возврата от начала к концу и обратно ожидает и любой социум в его дальнейшей судьбе. Радищев усвоил себе мысль о «постепенности», т. е. возрастающей в сложности эволюционной последовательности, в деле органического усовершенствования *Натуры*. Диалектика «тока/противотока» лишь косвенным образом связана с идеей мирового круга.

Для Н.М. Карамзина важны были *обе* трактовки исторического процесса – и по модели вечного возврата, и по модели прогрессистской, тем более, что и Вико и Гердер не отвергали их. Карамзин вы-

работал новое деление русской истории. У карамзинской хронологии нашлись и защитники и критики, но главное состоит в другом: он первым осознал и описал три стадии русской истории как неслиянные и нераздельные, каузально связанные и сомкнутые в состоявшемся историческом смысле шага циклического процесса.

П.Я. Чаадаев с горечью говорил о дискретности русской исторической памяти. С его точки зрения, история России реализовалась автохтонно, вне связи с «великой» историей Европы, а наследование религиозно-политическим идеалам Византии обрекло ее на исторические небытие и стагнацию. Чаадаев выступил с немислимой философической инициативой: он предлагал России вернуться на изначальные исторические пути, чтобы все начать с истоков, а в момент выбора конфессии христианства как основы русской культуры предпочесть католичество, в котором мыслителя привлекала его социальная активность и масштабный исторический энтузиазм.

Список литературы:

1. Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века. – СПб.: Ин-т человека РАН, 1998. – 267 с. («Философский век». Альманах. Вып. 4).
1. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 551 с.
3. Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2 т. Т. 2 / Сост., коммент. Г.П. Макогоненко. – М.; Л.: Худож. литература, 1964. – 455 с.
4. Карамзин Н. М. История Государства Российского: Репринт., воспроизведение изд-я 5, выпущ. в 3 книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. – М.: Книга, 1989.
5. Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII – начало XIX в. [Текст] / Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР; ред.: Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1981. – С. 132–155. – (XVIII век ; сборник 13).
6. Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII – начало XIX в. [Текст] / Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР; ред.: Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1981. – С. 3–65. – (XVIII век ; сборник 13).
7. Петров А. В. «Доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театре мира» (Просветительская антропология и философия истории Н. М. Карамзина) // Русская литература и философия: постижение человека: Матер. Всеросс. науч. конф-ции. – Липецк, 2004. – С. 127–147.
8. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения / Под общ. ред. и с предисл. И. Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1949. – 559 с.
9. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (Конец XVIII – первая треть XIX вв.) / Сост. А.Е. Шикло, под ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1990. – 285 с.
10. Чаадаев П. Я. Статьи письма / Сост., вступ. ст. и комм. Б. Н. Тарасова. – М.: Современник, 1987. – 621 с.

РОЛЬ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЗДАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Показано, что в Петербурге в первой трети XIX века, раньше чем в других губерниях России, началось технико-технологическое перевооружение производства. Определены роль и место столичного предпринимательства в подготовке и разворачивании технического переворота в Петербургском промышленном районе в предреформенный период.

Ключевые слова:

модернизация, предпринимательство, промышленная революция, промышленность, технический переворот.

Вопрос о месте и роли предпринимательства в подготовке и осуществлении промышленной революции¹ в Петербургском промышленном районе², как и в других модернизационных процессах предреформенного и пореформенного периодов Российской империи, до настоящего времени недостаточно разработан. Это объясняется различием подходов авторов, узкой специализацией историков и другими причинами, рассмотренными в работе [8, с. 4–5]. Отметим основные различия в подходах отечественных авторов и общих результатах их исследований по интересующей нас проблеме. Если дореволюционные исследователи [3; 5] довольно обстоятельно и всесторонне освещали деятельность органов государственного и общественного управления, предпринимателей, иностранных специалистов по развитию российской экономики, то советские исследователи делали это весьма избирательно и субъективно, акцентируя основное внимание на общих тенденциях и проблемах социально-экономической истории. При этом деятельность органов государственной власти, предпринимателей, а также иностранных специалистов, привлекаемых к решению сложных технико-технологических проблем, рассматривалась авторами преимущественно критически, с позиций «классового подхода» [10; 13; 15; 20; 21; 22].

Современные исследователи оценивают предпринимательскую деятельность не столь односторонне и категорично, как советские авторы, справедливо указывая как на ущербность моральной стороны деятельности большинства дореволюционных отечественных предпринимателей (заводовладельцев, фабрикантов, финансистов, торговцев и т.д.), так и на прогрессивные, творчески-созидательные аспекты предпринимательства [6, с. 345–355; 9, с. 107–110]. Большинство работ

по истории российского предпринимательства представляет собой популярные очерки истории отдельных отраслей материального производства или крупных промышленных предприятий. К тому же среди рассматриваемых персоналий в публикациях численно преобладают московские предприниматели, тогда как деловой мир Петербурга представлен всего несколькими именами [4; 7; 9; 11; 14; 19; 23].

При рассмотрении вопроса о месте и роли делового мира в промышленном развитии столицы Российской империи, следует иметь в виду, что они на протяжении имперского периода не оставались неизменными. Из литературы известно, что государство в нашей стране, в отличие от стран Западной Европы, на протяжении веков занимало особое положение «творца» гражданского общества, регулятора политических, экономических и духовных отношений, а казенный сектор занимал центральное место в хозяйственно-экономической системе страны. В то же время российские самодержцы не отказывали в поддержке предпринимательству, прежде всего крупному, способствуя его развитию различными прямыми административно-правовыми и косвенными финансово-экономическими мерами государственного регулирования. Правда, место государства в хозяйственно-экономической системе страны и степень его вмешательства в частнохозяйственную деятельность в разное время колебалась в зависимости от складывающихся исторических обстоятельств. Так, например, в начале петровской эпохи основная ставка правительства делалась на создание обрабатывающей промышленности, обслуживающей интересы казны (прежде всего, военные нужды), царского двора и столичной элиты. Но по мере упрочения военно-политического и экономического

положения страны Петр I способствовал развитию частного предпринимательства. Из 17 основанных за время его правления казенных мануфактур 3 были переданы в частное владение в 1720–1724 гг. Столько же перешло в частную собственность при преемниках первого российского императора. В начале второй четверти XVIII в. в Петербурге действовали 11 казенных и 15 частных мануфактур [17, с. 248–250]. В конце XVIII – начале XIX вв. на массовый, преимущественно столичный, рынок работало только 42% из 100 мануфактур Петербурга. При этом более четверти казенных мануфактур (26 %) обслуживали царский двор и столичную знать, 13 % – удовлетворяли военные нужды и 19 % – были заняты производством строительных материалов и керамической утвари [10, с. 79]. Установлено, что в первой половине XVIII столетия в городе действовали 20 металлообрабатывающих заводов и около 60 предприятий легкой промышленности и смежных с ней отраслей, а во второй половине того же века происходило техническое переоснащение казенных мануфактур и переход к машинной фабрике. На смену приписанных мастеровых приходили наемные рабочие [17, с. 245]. Столичное частное промышленное предпринимательство, по образному выражению современных исследователей, в XVIII в. было задавлено «...могучей казенной промышленностью, ориентированной на потребности обороны» [16, с. 144].

Тем не менее, как удалось установить, во второй половине XVIII столетия роль предпринимательства (вначале преимущественно иностранного, позднее – российского происхождения)³ в развитии промышленности постепенно усиливается. Удерживая и укрепляя позиции в текстильной, кожевенной, пищевой и некоторых других отраслях промышленности [2, с. 14, 19; 16, с. 143–144], петербургский деловой мир в конце XVIII – начале XIX вв. включается в процесс развития отечественного машиностроения, реконструкцию тяжелой промышленности.

Следует заметить, что горнозаводская, металлообрабатывающая промышленность и машиностроение в связи с их высокой капиталоемкостью и отсутствием достаточного числа квалифицированных инженерных кадров и рабочих длительное время развивалось чрезвычайно медленно. Создание крупных металлургических и механических заводов, оснащенных сложными механизмами и инструментами, по силам было лишь казне. Поскольку

первые шаги по подготовке технического переворота в отечественной промышленности были сделаны в казенной промышленности в конце XVIII в., остановимся на этом вопросе подробнее.

Из литературы известно, что первые отечественные паровые машины были построены и использованы в производственных целях в конце XVIII в. вдали от Петербурга на казенном Александровском доменном и пушечном заводе в Петрозаводске (1790) и на Гумешевском медном руднике на Урале (1799). Причем, приоритет в создании новой техники и оснащении ею российских предприятий в конце XIX – начале XX вв. принадлежал иностранцам, приглашенным российскими самодержцами на русскую службу. Так, в целях приобретения и освоения новой английской техники Екатериной II в 1786 г. для Александровского и Петровского металлургических заводов в Олонецкой губернии был выписан один из крупных инженеров того времени по горнозаводской технике шотландец Ч. Гаскойн. Он привез с собой инженеров и мастеров по различным отраслям механического дела. Поскольку правительство Великобритании под страхом смертной казни запретило вывоз машин из страны с 1786 по 1842 гг., в России предпочли приглашать специалистов.

Благодаря иностранным специалистам в Петербурге в начале XIX в. зарождается и развивается отечественное машиностроение. В 1805 г. Ч. Гаскойн построил и установил паровую машину на Александровской бумагопрядильной мануфактуре под Петербургом. Английскими специалистами было построено еще несколько паровых машин для петербургских и других отечественных предприятий, но все они не отличались высоким качеством и быстро выходили из строя. И дело здесь, по-видимому, заключалось не столько в неумелости англичан, как утверждает С.Г. Струмилин, а в неизбежных в новом деле издержках [22, с. 3–5]. По мере накопления опыта производство паровых машин было налажено на казенных отечественных заводах Петербурга – чугунолитейном, переведенном в 1801 г. из Кронштадта в район Петергофской дороги, и в механической мастерской Александровской бумагопрядильной мануфактуры, а также на колпинских ижорских заводах. Все они финансировались казной и удовлетворяли интересы казенных, (в основном военных) ведомств.

Значительные успехи в механизации петербургской промышленности связаны

с деятельностью предпринимателя Чарльза (Карла) Берда (1766–1843). Он приехал в Россию вместе с Ч. Гаскойном со знаменитого в то время Карронского пушечного завода в Англии. Ему как известному специалисту в литейном деле было поручено строительство в Кронштадте филиала вышеупомянутого Александровского завода в Петрозаводске. В 1792 г. Ч. Берд основал первый в тяжелой промышленности петербургский частный механический и литейный завод. Первоначально на заводе изготавливали чугунные кухонные и печные приборы, камбузы, различные инструменты для Адмиралтейства, Артиллерийской экспедиции и для дворцовых надобностей [5, с. 8]. Во втором десятилетии XIX в. этот завод оснастил паровыми машинами несколько отечественных предприятий, среди которых были Петербургский арсенал (1810), Тульский оружейный завод (1811), Экспедиция заготовления государственных бумаг (1815), Варшавский арсенал (1817). Важной заслугой этого предприятия, как заметил один дореволюционный автор, было не только распространение паровых и других машин, но и воспитание первого поколения рабочих для машиностроительного дела [5, с. 8]. Позднее небольшая мастерская Берда превратилась в крупный машиностроительный завод. Всего же заводом до 1825 г. было построено 130 заводских и пароходных паровых машин, в том числе для первого русского парохода «Елизавета» (1815). После смерти основателя завода в 1843 г. его дело наследовал сын – Ф.Берд. В конце 1850-х гг. на заводе числилось 1,2–1,5 тыс. рабочих. Завод был оснащен 8 паровыми двигателями мощностью 181 л.с. [1, с. 69; 21, с. 93].

В 1824 г. возник и первый специализированный завод по производству паровых машин – завод великобританского подданного Р. Илуса. С этого же года изготавлял также чугунолитейный завод Горного департамента, переоборудованный в 1844 г. в Главный механический завод Николаевской железной дороги [10, с. 104].

Большой вклад в техническое перевооружение промышленности и транспорта России внес Александровский чугунолитейный (механический) завод, основанный в 1825 г. Рабочие и оборудование достались ему с упомянутого выше Казенного литейного завода, разрушенного наводнением 1824 г. Этот завод, управляемый энергичным директором Кларком, стал, по выражению современника, «одним из главных двигателей машиностроения». Он выпу-

скал паровые машины и станки для новых фабрик и заводов, «насаждал опытных машинистов и слесарей» для многих предприятий Петербурга, Урала и внутренних губерний России, служил, наряду с заводом Берда, «распространителем практических знаний в области механического искусства». В 1842 г. он был передан из-под управления Горного ведомства в распоряжение Главного управления путей сообщения и причислен к Николаевской железной дороге. Изменилась и его специализация. Именно здесь были предприняты попытки строительства первых отечественных паровозов. В 1844 г. завод был передан в долгосрочную аренду американской фирме «Гаррисон, Уайннс и К^о». Новые владельцы построили машинный, слесарный, котельный, сборочный и модельный цеха, а также корабельную верфь и паровой лесопильный завод. За 24 года на Александровском заводе были построены около 200 паровозов, 253 пассажирских и около 2700 товарных вагонов и платформ [5, с. 9–10].

Наряду с машиностроением высокой степени развития достигло в начале промышленного переворота⁴ столичное хлопчатобумажное производство. Попутно отметим, что переход от ручного к механизированному труду начинается в нем в виде отдельных экспериментов задолго до начала промышленной революции. Известно, что старт механизированному бумагопрядению в России был дан на петербургской Александровской мануфактуре, основанной по повелению императора Павла I в 1798 г. предприимчивым аббатом М. Оссовским. Однако он не сумел осуществить свой замысел. После кончины основателя в 1799 г. мануфактура была передана в казенное ведомство и финансировалась «сохранной казной». В 1805 г. здесь, как уже сказано, была установлена первая в хлопчатобумажном производстве паровая машина, в 1808 г. – первый ткацкий механический станок, а также машины для апертуры (отделки) тканей [21, с. 38–39].

До начала 20-х гг. процесс механизации бумагопрядильной промышленности протекал крайне медленно. Это объясняется большим технико-технологическим отставанием России не только от Англии – признанного мирового лидера промышленной революции, но и от Франции и Бельгии, далеко продвинувшимся в техническом развитии к началу XIX столетия.

Ситуация стала меняться к лучшему после введения в России в 1822 г. протекционистского режима. В 20-е гг. XIX в. акти-

визировалось частное предпринимательство в текстильном производстве. Правда, не все частные мануфактуры оказались долговечными. Так, в 1824 г. было основано частное бумагопрядильное предприятие П. Ренненкампа вблизи Петербурга на Шлиссельбургском тракте. Фабриканту предоставили значительную денежную субсидию. В 1828 г. здесь была поставлена паровая машина в 24 л. с., построенная на Александровском механическом и чугунолитейном заводе. Занятые здесь 260 вольнонаемных рабочих обоего пола выработывали продукции на 300 тыс. руб. в год. Пряжа продавалась по 70 руб. за пуд главным образом в Шуйском районе Центрального промышленного района. Но в 1832 г. фабрика сгорела и больше не возобновлялась [21, с. 42]. Следует заметить, что большинство частных фабрик подобных льгот не имели, довольствуясь невысокого качества машинами, выписанными из Бельгии и Франции.

В середине 30-х гг. наступает перелом в развитии российского бумагопрядения, вызванный притоком крупных капиталов. В 1835 г. было учреждено первое в России акционерное общество бумагопрядения – Российская бумагопрядильня с акционерным капиталом в 3,5 млн. руб. Учредителями выступили петербургские предприниматели К. Мейснер, К. Клейн, английские подданные В. Лодер, В. Буск и директор Александровской мануфактуры А. Вильсон. К 1847 г. Российская бумагопрядильня была оснащена 60 тыс. веретен и стала самой мощной среди российских бумагопрядильных фабрик: Невская бумагопрядильная мануфактура и Сампсониевская мануфактура, которые вместе с Российской бумагопрядильней с самого начала и до 70-х гг. XIX века задавали тон в механическом бумагопрядении. В 1850-е гг. указанные мануфактуры также превратились в крупные акционерные компании.

Примечательно, что в начале 1850-х гг. петербургские бумагопрядильные фабрики по энерговооруженности и технической оснащенности были общероссийскими лидерами. Все они имели паровые машины, в то время как на московских и владимирских еще стояли водяные двигатели, характерные для мануфактурных предприятий. По числу механических веретен, внедренных в производство, петербургские фабрики более чем в 2,6 раза превосходили предприятия Московской

губернии, а по паровой энерговооруженности в 9 раз превосходили общероссийский средний показатель. Высокая механизация производства способствовала достижению высокой производительности труда, которая была больше, чем в других промышленных центрах страны [21, с. 70]. Техничко-технологическое превосходство петербургских заводов и фабрик, их более высокую производительность и высокое качество промышленных изделий с дореформенного периода и до начала XX в. отмечали многие отечественные исследователи истории промышленности [13, с. 124; 15, с. 203–204]. Помимо передовых технологий секрет этих успехов заключался и в качестве рабочей силы, поступающей в Петербург. Как заметил один осведомленный наблюдатель, столичные рабочие, извозчики, официанты, банщики и другой обслуживающий персонал по производительности и качеству труда заметно превосходили московских и провинциальных работников. Даже Московская губерния «...из своих наиболее грамотных волостей посылает население в отхожие промыслы не в Москву, а в Петербург. То же делают и другие губернии России» [12, с. 32]. К сказанному следует добавить, что Петербург издавна служил кузницей квалифицированных кадров специалистов и рабочих, пополнявших предприятия не только столицы, но и других промышленных центров страны. В конце 1820 – начале 1830 гг. к имеющимся в столице Горному институту и Институту корпуса путей сообщения, добавились новые технические учебные заведения (Практический технологический институт, Училище гражданских инженеров и др.), на базе которых была организована массовая подготовка собственных инженерных и технических кадров.

Нельзя не отметить и еще одну передовую петербургскую отрасль хлопчатобумажной промышленности, где относительно рано началась механизация – ситценабивное дело. Начало ему было положено еще в 1753 г. строительством ситценабивной мануфактуры вблизи Красного Села английскими предпринимателями Чанберлином и Козансом, получившими монопольную привилегию на производство ситцев в России. В 1763 г. по указу Мануфактур-коллегии было организовано другое ситценабивное заведение – Сирициуса и Леймана, в Шлиссельбурге. В начале 1820-х гг. мануфактура была оснащена паровыми машинами, цилиндропечатной машиной, пресс-машинами, двумя каландрами для отделки товара [10, с. 80].

36 Наряду с хлопчатобумажной Царскосельская и Шлиссельбургская мануфактуры выпускали и льняные ткани.

Французский предприниматель Битепаж впервые применил ситцепечатные машины на основанной им в Нарвской части Петербурга ситцевой фабрике в 1815–1816 гг. Правительство гарантировало владельцу десятилетнюю привилегию на монопольное производство ситца в стране. Производительность труда ситцепечатной машины в 100 раз превышала производительность рабочего-печатника. После отмены монополии в 1827 г. ситценабивное производство быстро распространилось в Московской и других губерниях [21, с. 47]. В 1833 г. в Петербурге было 137 промышленных предприятий с 5,5 тыс. рабочих [17, с. 246]. Первое место среди них принадлежало текстильному производству.

В 1840–1850 гг. столичное машиностроение выходит на более высокий уровень. В 1848 г. герцог Максимилиан Лейхтенбергский организовал при своем гальванопластическом заведении механический завод вблизи Нарвской заставы. Этот крупное по тогдашним меркам предприятие изготовляло различные машины, а в 1853 г. при сооружении Варшавской железной дороги приступило к строительству паровозов. Однако после смерти владельца в 1858 г. завод был передан Главному обществу российских железных дорог, которое распродало все его основные подразделения частным лицам. Современники вполне обосновано характеризовали это решение как подрывную акцию, инспирированную зарубежным капиталом с целью сдерживания развития отечественного производства [5, с. 15].

Большой вклад в механизацию столичных предприятий внес механический завод полковника Н.А. Огарева, открытый в 1849 г. на месте бывшего Казенного Петербургского литейного завода после его коренной реконструкции. Он был оснащен 6 паровыми машинами мощностью в 148 л.с. Численность рабочих составляла 1,8 тыс. чел. Завод выпускал различные машины, мосты, лафеты для орудий. Известно также, что на этом заводе было налажено производство первых отечественных локомотивов.

Крупным машиностроительным предприятием, специализировавшимся на пароходостроении, являлся завод известного предпринимателя, выходца из Швеции, Э. Нобеля. Основанный в 1840 г. Э. Нобелем и Н.А. Огаревым как литейный и для строительных работ завод, в

годы Крымской войны он наряду с заводом Берда был привлечен к строительству канонерских лодок и паровых машин для Военно-морского ведомства. С 1848 г. отцу стал помогать Л.Э. Нобель. В послевоенные годы завод сосредоточился на строительстве судов для гражданского сектора. Только за четыре года (1856–1859) на нем было построено около 50 пароходов.

Значительный импульс развитию машиностроения в Петербурге дала Крымская война. Накануне ее военный флот Российской империи по всем портам составлял 446 военных судов различного назначения, среди которых было только около 15 % (65) паровых судов, причем две трети из них были построены в Англии. Из-за неудовлетворительных возможностей действующих казенных машиностроительных заводов, правительству пришлось размещать военные заказы по оснащению судов паровыми машинами военно-морского флота не только на частных предприятиях, но и в мелких механических мастерских, что неблагоприятно сказывалось на качестве изделий. Тем не менее, за 14 месяцев усилиями петербургских предприятий было построено для флота 103 паровых машины в 15 тыс. сил [5, с. 21].

Следствием поражения в Крымской войне, а также в связи с развитием военного флота и началом железнодорожного строительства, явилось основание в Петербурге ряда крупных металлообрабатывающих и машиностроительных заводов. В частности, во второй половине 1850-х гг. возникли Балтийский судостроительный и механический завод (1856), Невский железоделательный механический и судостроительный завод, Металлический завод, Металлический и механический завод И.К. Воронова (1857), Механический завод Ф. Сан-Галли и др.

В результате в середине XIX в. в Петербурге и его пригородах сложился крупный машиностроительный комплекс из 10 металлообрабатывающих заводов с 4 тыс. занятых на них рабочих и производительностью в 2,9 тыс. руб. На его долю приходилось 75 % общероссийской продукции и 64 % рабочих всех механических заводов в России [16, с. 193]. Эти заводы производили паровые машины, разнообразное промышленное оборудование. Создавались они при помощи правительственных субсидий и льгот, выполняя нередко выгодные казенные заказы.

Москва, считавшаяся всероссийским центром мануфактурной промышленности,

в дореформенный период заметно отставала от Петербурга в развитии машиностроения. Согласно официальным сведениям за 1842 г., в Москве и уездах одноименной губернии было расположено 1 157 фабрик, оснащенных 63 паровыми, 131 – конными и 66 – водяными приводами. На них имелось 5 525 разных машин и аппаратов, 46 487 ткацких (преимущественно ручных) и 5 894 жакардовых станков. В 1853 г. Московская губерния располагала лишь одним механическим заводом С.А. Алексеева, строившим паровые машины. Кроме того, несложные машины создавали 8 частных чугуно-литейных заводов, 15 небольших механических заводов, производивших продукцию на ничтожную сумму в 390 тыс. рублей [5, с. 16]. Не лучшим было положение и в других российских губерниях. Оно было вызвано тем, что до введения таможенного тарифа 1857 г. правительство запрещало привоз морем чугуна и железа, тогда как машины и аппараты не облагались пошлинами. Собственная горно-металлургическая и чугунолитейная промышленность в то время не могли обеспечить потребности производства в достаточном количестве и нужном ассортименте качественного железа. Естественно, что в таких условиях российским заводчикам было трудно конкурировать с иностранцами. Неудивительно, что в отечественном машиностроении (за исключением Петербурга) преобладали мелкие предприятия, значительная часть которых производила сельскохозяйственное оборудование для свеклосахарного производства и винокуренной промышленности. К 1861 г. насчитывалось 53 предприятия по изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий [21, с. 95].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в Петербурге в первой половине XIX в. возникли предпосылки для промышленной революции и капиталистической модернизации. Они проявлялись в широ-

ком распространении на фабриках и заводах вольнонаемного труда, во внедрении паровых двигателей и системы машин в ведущих отраслях столичной промышленности, в массовой подготовке квалифицированных инженерно-технических кадров. Причем по степени интенсивности, масштабам и темпам развития технико-технологический прогресс здесь заметно опережал большинство регионов Российской империи, что объясняется столичным статусом Петербурга, его близостью к ведущим индустриальным странам Западной Европы, возможностью использования передового зарубежного опыта в виде знаний и навыков иностранных специалистов, новой техники и технологии, развитой транспортной инфраструктуры и другими факторами.

Активную роль в механизации ведущих отраслей столичной промышленности сыграли предприниматели, среди которых в первые десятилетия XIX в. тон задавали иностранцы. Но их усилия не принесли бы заметных успехов без помощи и поддержки государственных органов. В предреформенный период, как, впрочем, и позднее, имперская власть развивала ведущие отрасли промышленности, организационно и финансово поддерживая при этом отдельные крупные частные предприятия. Отмечая важную роль государства в создании предпосылок промышленной революции и развитии отечественной промышленности, вместе с тем не следует забывать о недостатках государственного регулирования, актуальных и для современной России. В их числе чрезмерная бюрократизация, выборочный подход к стимулированию предпринимательской деятельности, определяемый подчас субъективными сословными предпочтениями и личными, корыстными интересами чиновников центрального и местного аппарата управления, несовершенством законодательной базы.

Список литературы:

1. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. – СПб.: Изд-во «Logos», 2000 – 584 с.
2. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. – СПб.: Искусство СПб., 1998. – 448 с.
3. Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т.1. – СПб.: Типогр. М.О. Вольфа, 1877. – VIII, 183 с.
4. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М.: Ось, 1997. – 160 с.
5. Историко-статистический обзор промышленности России. Гр. IX. Машины, аппараты и экипажи / Под ред. инж.-техн. Н.Ф. Лабзина. – СПб.: Типогр. Киршбаума, 1883. – 111 с.
6. История предпринимательства в России. В 2-х книгах. Кн.2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: РОССПЭН, 2000. – 572 с.

7. Кабанов С.А., Кулевский Л.К. Во благо России: Очерки о предпринимателях и меценатах России. – СПб.: Бояныч, 1997. – 208 с.
8. Кузнецов В.Н. Основные этапы и особенности капиталистической модернизации на Северо-Западе России (вторая половина XIX века)// Общество. Среда. Развитие. – 2008, № 3. – С. 3–19.
9. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 192 с.
10. Лившиц О.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 295 с.
11. Мартынов С.Д. Мануфактура и фабриканты: Прохоровы, Гарднер, Крестовниковы, Брокер, Кноп. – СПб.: Пирс, 1993. – 87 с.
12. Москва - Петербург: Pro et contra : Диалог культур в истории национального самосознания. Антология / вступ. ст. К.Г. Исупов ; сост. К.Г. Исупов . – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитар. академии [РХГА], 2000 . – 711 с. – (Русский Путь).
13. Очерки истории Ленинграда. Т.2. Период капитализма. Вторая половина XIX века/ Отв. редактор Б.М. Кочаков. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 885 с.
14. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / Редкол.: В.И. Бovyкин и др.; рук. проекта А.К.Сорокин. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 344 с.
15. Рынцзонский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. – М.: Наука, 1978. – 294 с.
16. Санкт-Петербург. 300 лет истории /Е.В. Анисимов, Е.М. Балашов, А.З. Ваксер и др. – СПб.: Наука, 2003. – 760 с.
17. Санкт-Петербург.1703-2003. Юбилейный статистический сборник. Вып.3 / под редакцией И.И. Елисевой, Е.И. Грибовой. – СПб.: Судостроение, 2004. – 448 с.
18. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). – СПб.: Наука, 1998. – 256 с.
19. Смышляев В.А. Сан-Галли – человек и завод. – СПб.: Нестор, 2007.– 334 с.
20. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1975. – 315 с.
21. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
22. Струминин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. – М.: Наука, 1966. – 614 с.
23. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. – М.: Современник, 1995. – 479 с.

¹Промышленная революция «...является длительным многофакторным процессом, который первоначально развернулся в обрабатывающей промышленности <...> и постепенно захватил все четыре основные отрасли материального производства – обрабатывающую и добывающую промышленность, транспорт и сельское хозяйство». Промышленная революция включала три этапа: 1) 50-е гг. – начало промышленной революции; 2) экстенсивный этап развития промышленной революции (60–70-е гг.); 3) завершающий, интенсивный этап развития (80–90-е гг.) [20, с. 4; 21, с. 268–269].

² Под Петербургским промышленным районом здесь понимается территория самой столицы, Петербургский, Царскосельский, Шлиссельбургский, Ямбургский уезды Петербургской губернии и г. Кронштадт, где функционировали основанные в XVIII – начале XIX вв. крупные казенные и частные предприятия, работающие на столичный и внешний рынок. В их числе, помимо казенных Адмиралтейского, Ижорского и Сестрорецкого оружейного заводов, можно выделить частные Шлиссельбургскую ситценабивную мануфактуру, Нарвскую льнопрядильную мануфактуру, латунный и меднопрокатный завод (в районе станции Сиверская); медно-сталелитейный и механический завод в Гатчине, предприятия по производству стекла в Дивенской и Дружной Горке и др. [17, с. 246]. В 1860–1880-е гг. модернизирующее влияние Петербурга распространилось на ближние Новгородскую, Псковскую, Охонскую и дальние губернии. В первые пореформенные десятилетия сформировался Северо-Западный экономический район, возглавляемый Петербургом, характеризующийся типичными для такого района социально-экономическими и культурными взаимосвязями.

³ По данным Л.Н.Семеновой, в Петербурге и его окрестностях в 1747 г. действовало 18 промышленных предприятий, принадлежавших иностранцам, и только 9 – русским [18, с. 72].

⁴ Под промышленным переворотом понимается переход от мануфактуры к фабрике, оснащенной паровыми двигателями и системой машин, с заменой ручного труда механизированным производством. По мнению П.Г. Рынцзонского, начало перехода датируется последним предреформенным пятилетием (1855–1860), а завершение относится к середине 1880-х гг. [15, с. 185] Обоснованно считая данный процесс составной частью промышленной революции, А.М. Соловьева завершение промышленного переворота датирует концом 1870-х гг. Согласно предложенной ею периодизации, первые две фазы промышленной революции из шести занял промышленный переворот. При этом первая фаза включала технический переворот в исполнительных механизмах, вторая – введение рабочих машин в обрабатывающей промышленности. На третьей фазе, по ее мнению, произошло революционизирование топливно-энергетической базы (переход с древесного угля на минеральное топливо – каменный уголь и нефть), четвертую заняла транспортная революция, пятая фаза характеризуется созданием машин машинами, а шестая – развитием производства средств производства [20, с. 4]. Не подвергая сомнению обоснованность выводов вышеупомянутых исследователей для Российской империи в целом, мы считаем, что технический переворот, а следовательно, и промышленная революция, начались в Петербургском промышленном районе во второй трети XIX в., т. е. на 15–20 лет раньше, чем в других российских губерниях. Завершился же он в середине 1880-х гг. В первой половине XIX в., как установлено автором, сложились предпосылки для последующего широкого развертывания капиталистической модернизации, включая технико-технологического перевооружение производства. [8, с. 5].

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ДВИЖЕНИЕ ИОАННИТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1890–1900 гг.)

В начале XX века Русская Православная церковь столкнулась с движением иоаннитов, ревностных почитателей о. Иоанна Кронштадтского, выходящим за рамки официального православия. Дана характеристика движения иоаннитов. Показаны пути решения этой проблемы со стороны духовных властей Санкт-Петербурга.

Ключевые слова:

духовенство, Иоанн Кронштадтский, иоанниты, Русская Православная церковь, Санкт-Петербург

Особая атмосфера религиозно-нравственных исканий на рубеже XIX–XX вв. в России на фоне падения влияния православной церкви и формализации отношений духовенства с паствой привела к поиску безусловных духовных авторитетов. Таким для части православных в этот период стал протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте о. Иоанн Кронштадтский. Среди его наиболее ревностных почитателей, названных прессой того времени «иоаннитами», встречались разные формы поклонения, вплоть до убеждённости в том, что в лице о. Иоанна будто бы вторично на землю пришёл Иисус Христос. Первые известия об иоаннитах относятся к 90-м гг. XIX в. [11, с. 1407]. Главные их центры находились в Петербурге, Кронштадте, Ораниенбауме. Постепенно сложилось движение или особое сообщество людей со своим мировоззрением и обрядностью.

В вероучении иоаннитов выделяются два основных постулата. Во-первых, обожествление Иоанна Кронштадтского. Иоанниты считали, что он является «жилищем Святой Троицы», сам «Бог вселился в него и дал ему власть» [5, с. 7–8]. Появлению такой точки зрения способствовали многочисленные случаи исцеления по его молитвам. Во-вторых, ожидание конца света и Страшного суда. Все признаки этого, по убеждениям иоаннитов, уже есть, и, согласно их вычислениям, «шестнадцать лет не хватает» до него [4, с. 15]. При этом иоанниты искренне считали себя православными, сохраняли приверженность православным таинствам исповеди и причастия и всегда подчёркивали: «Только от Церкви Христовой учение может нам жизнь и просветление дать» [5, с. 17]. В социально-политической сфере иоанниты придерживались взглядов,

близких взглядам Иоанна Кронштадтского, но часто даже более правых. Прославление самодержавия и тесная связь его с православием – тема постоянная для их произведений. В их публицистике также постоянно присутствуют антисемитские высказывания, негативные оценки интеллигенции и светской культуры [4, с. 19, 39]. Все это создаёт ощущение их близости к правым партиям, но отношение членов «Союза русского народа» к иоаннитам в столице было различным.

В среде иоаннитов было два типа лидеров: «праведные люди» и «литературные вожди». К первым относились «богородица» Порфирия (Матрёна) Ивановна Киселева, «архангел Михаил» (Михаил Петров), Назарий Дмитриев, называемый «пророком Ильёй» или «Иоанном Богословом». Иоаннитские авторы создают образ Порфирии как «подвижницы Христовой»: пришла босая, спала на голом полу, была неграмотна, но обладала даром говорить на разных языках [14, с. 1117]. В 90-е гг. XIX в. она появилась в Кронштадте, а затем переехала в Ораниенбаум, и тогда около неё сложился кружок почитателей её и о. Иоанна. Принимала она посетителей, сидя на троне, над её головой сиял венец из электрических лампочек. Пришедшие просить о помощи падали перед ней ниц. В «Петербургском листке» появилась публикация о том, что она таким образом выманивала деньги у доверчивых людей [8, с. 1–2]. Иоанн Кронштадтский прислал письмо в редакцию газеты. Он потребовал прекратить «нелепое враньё» по отношению к больной женщине, жертвовавшей средства на строительство храмов [22, с. 2]. В 1905 г. Министерство внутренних дел пришло к выводу, что Киселева, Петров и Дмитриев стояли во главе группы вымогателей

денег, но против них трудно было выдвинуть обвинение [10, с. 261]. После смерти Киселёвой в ноябре 1905 г. её квартира и могила стали местом поклонения.

Самыми известными «литературными вождями» иоаннитов были Н.И. Большаков и В.Ф. Пустошкин. Первый издавал и редактировал еженедельный журнал «Кронштадтский маяк» (выходил с 1906 г.), ставший идейным и организационным центром иоаннитов. Журнал выпускал приложение – брошюры с трудами Иоанна Кронштадтского, но чаще с произведениями иоаннитских авторов и духовными стихами, прославляющими о. Иоанна, а также Порфирию. Журнал «Кронштадтский маяк», приложения к нему (книги, в т. ч.) синодалные издания, веночки, портреты Иоанна Кронштадтского развозили из Петербурга по всей стране иоаннитские книгоноши. Самоотверженная деятельность книгоношей способствовала быстрому распространению идей иоаннитов. Книгоноши на рубеже веков стали легендарными фигурами: «Это люди чрезвычайно скрытые, выдержанные, с виду кроткие и смиренные, очень рассудительные» [18, с. 77]. Книгоноши вербовали новых членов движения, и крестьяне отдавали им своих детей на воспитание в их приютах, находясь в уверенности, что Иоанн Кронштадтский покровительствует этим людям. Иногда им удавалось устроиться книгоношами Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Для них это было удобно: они получали удостоверение на право торговли и проездные билеты от этой организации [18, с. 78].

В 1908 г. Н.И. Большаков предпринял попытку официально оформить деятельность книгоношей. Он подал прошение в Министерство внутренних дел об учреждении общества «Православно-церковный маяк» с целью защиты веры, церкви и самодержавия через распространение книг соответствующего содержания, икон и портретов царя. Оно было отправлено по принадлежности обер-прокурору на основании ст. 5 «Временных правил о союзах и обществах» от 4 марта 1906 года [13, № 27479]. Синод решил недопустимым учреждение Большаковым общества и потребовал от своего Хозяйственного управления прекратить отпуск ему книг синодального издательства на комиссию (реализацию) [24, л. 56–59 об., л. 64 об.].

В.Ф. Пустошкин не только сочинял брошюры, но и явился организатором иоаннитских приютов или общежитий

в Петербурге. Иоанниты считали, что нужно вести правильный образ жизни в ожидании конца света и лучше делать это совместно. В Петербурге в 1905–1909 гг. действовало несколько таких общежитий. Случалось, иоанниты снимали 2–3 квартиры в одном доме. Сначала такие жилища требовались для приезжающих издалека к о. Иоанну Кронштадтскому, но постепенно они превратились в общины единомышленников. Почти во всех квартирах-общежитиях жили дети (в т. ч. и без родителей), отданные туда для православного воспитания. Почти все поселившиеся происходили из крестьян [25, л. 39–42 об., 78–82, 143]. Руководили приютами чаще женщины, называемые в среде иоаннитов «матушками». Мужчины и женщины жили отдельно, семьи тоже разделяли, часто помещая их членов даже в разные квартиры. Все иоаннитские общины поддерживали между собой постоянную связь, и жизнь в них устроена была одинаково. Важнейшие элементы её – молитвы и исполнение духовных песен, обычно сочиненных самими иоаннитами. Они прославляли о. Иоанна Кронштадтского и «богородицу» Порфирию Киселеву.

В общинах существовал особый обряд. Просфоры, освященные о. Иоанном Кронштадтским, растворяли в виноградном вине, и глава общины раздавал их всем её членам [3, с. 21–22]. Многие православные духовные лица находили, что такой обряд напоминает причастие, и проведение его светским лицом недопустимо, но другие не усматривали в этом явных нарушений. Повседневная жизнь общин была строго регламентирована. Взрослые обычно спали на полу, а дети на нарах. Все просыпались в пять часов утра, Молились в течение дня и ночью. Пищу употребляли только постную, готовили её здесь же на всю общинную квартиру. Всем членам общины запрещалось курение и употребление алкогольных напитков. Дети и девушки занимались изготовлением венков и цветов для украшения икон, которые потом продавали взрослые члены общины – книгоноши [25, л. 153, 164]. Детей не водили гулять, и, проводя весь день в небольшом помещении, они имели изуродованный вид.

В прессе, преимущественно, православной, на протяжении 1905–1908 гг. публиковались разоблачения деятельности иоаннитов и рассказы о тяжелой жизни детей в иоаннитских приютах. Очень активен был «Петербургский листок», од-

ним из первых поднявший данную тему. Народно-церковная газета «Колокол», возглавляемая синодальным чиновником В.М.Скворцовым, регулярно рассказывала о жертвах иоаннитов. В журналах «Православный путеводитель», «Миссионерское обозрение» помещались статьи непримиримого борца с иоаннитами миссионера Н.И. Булгакова. Он утверждал, что мировоззрение и обрядность иоаннитов близки к хлыстовству [6, с. 720–723].

Постепенно светские и духовные власти начали наступление на движение иоаннитов. Важным шагом явилось заявление о. Иоанна Кронштадтского о том, что женщины под видом «богомолок», посланных им или Ивановским монастырем, «многих простодушных вводят в обман», но не имеют к нему и обители никакого отношения (речь шла об иоаннитских книгоношах – *Н.З.*). Протоиерей высказал предположение, что полиция займется ими [7, с. 526].

Перед православной церковью встал вопрос об отношении к движению иоаннитов. На IV Миссионерском съезде (1908) комиссия подготовила о них доклад. После его обсуждения «общее собрание подавляющим большинством голосов признало их сектою, родственною с хлыстовством» [11, с. 1410]. Это решение стало основой определения Синода от 4–11 декабря 1908 г. Учение иоаннитов объявлялось «еретическим, кощунственным и богохульным». Православных христиан предостерегали от участия в «Кронштадтском маяке», а Петербургскому духовному цензурному комитету поручали следить за ним. Пункты 4 и 5 поручали духовенству при совершении над иоаннитами таинств требовать от них отречения от главных заблуждений их учения и предостерегать отправляющихся к Иоанну Кронштадтскому о «возможности различных злоупотреблений со стороны вожаков иоаннитов». Иоаннитов можно было отлучать от церкви [12, с. 377–378].

Важным шагом властей Санкт-Петербурга стало закрытие в июле 1909 г. приютов иоаннитов по пяти адресам «за открытие их без испрошения на то надлежащего разрешения» [20, л. 1]. Забрав 120 детей оттуда, их поместили в другие приюты. Этому предшествовало обследование иоаннитских квартир. Итоги его были отражены в докладе начальника сыскальной полиции от 20 мая, на котором министр внутренних дел оставил резолюцию градоначальнику: «Эти никем не

разрешенные приюты подлежат безусловному закрытию» [25, л. 277]. В результате приюты закрыли на основании Правил о положении усиленной охраны [13, прил. 1 к ст. 1.(прим. 2) ст. 16. п. 3; 25, л. 292 об.]. В защиту иоаннитов выступил деятель правого толка Н.Н. Жеденов, разославший свое заявление в Министерство внутренних дел и другие официальные инстанции [20, л. 15–17 об., 51–51 об.]. В журнале «Кронштадтский маяк» последовал ряд публикаций в поддержку приютов, а В.Ф. Пустошкин выпустил по этому поводу брошюру [15].

В 1909 г. российское общество охватила новая волна интереса к иоаннитам. Во-первых, после смерти о. Иоанна Кронштадтского в декабре 1908 г. возросла активность иоаннитов. Во-вторых, закрытие иоаннитских приютов подробно освещалось в прессе. Центр движения иоаннитов находился в Петербурге и его окрестностях, так что епархиальные власти и столичное духовенство были вынуждены вырабатывать свою позицию и предпринимать конкретные шаги по отношению к ним.

Особое отношение руководителей Петербургской епархии к иоаннитам вытекает в ходе анализа епархиальных отчетов 1907–1908 гг. Эти документы объявляют иоаннитов «православными, только монашествующими людьми» [17, л. 240], утверждают, что они «неразвиты духовно» и испуганы современной жизнью [16, л. 259]. Еще на упоминавшемся IV миссионерском съезде в Киеве (1908) с особым мнением выступил петербургский епархиальный миссионер Д.И. Боголюбов, который предложил иную их оценку: «Нет оснований считать иоаннитов сектой хлыстовской, так многие черты иоаннитства свойственны и православию» [11, с. 1408]. Как уже отмечалось, в решении миссионерского съезда и в определении Синода содержалась другая точка зрения. Д.И. Боголюбов изложил свое мнение в брошюре «О так называемых "иоаннитах" в русском народе» [3]. Автор попытался ответить на вопрос: можно ли считать иоаннитов сектантами хлыстовского толка? Для этого он изучил литературу, обрядность и быт иоаннитов. По его мнению, в догматах веры и форме устройства общин они не отступали от православия, то есть не могли считаться сектантами. Д.И. Боголюбов объяснил причины существования общежитий у иоаннитов тем, что в беспокойное время люди объединяются, «спасая в чистоте души свои», но

и это не повод объявлять их хлыстами. Автор приходил к выводу, что «в "иоаннитстве" церковь православная найдет не врага себе, а союзника и пламенного поборника за все наши исторические христианские святыни» [3, с. 14, 16, 18, 31].

В.М. Скворцов поместил в своей газете «Колокол» статью с осуждением сочинения Д.И. Боголюбова и отношения столичной миссии к иоаннитам [23, с. 1–2]. Поводом для нее послужило закрытие иоаннитских приютов в Петербурге. Автор обвинял столичное духовенство и миссию в бездействии по отношению к этим сектантам. В пример он ставил работу бывшего миссионера Н.И. Булгакова, который «ревностно наблюдал и до подноготной исследовал эти трущобы». В.М. Скворцов критиковал деятельность миссионера «новой» школы Д.И. Боголюбова. Он подчёркивал, что, несмотря на определение Синода, осуждавшее иоаннитов, борьбу с их приютами вела только полиция. Статья называла конкретных лиц, потворствовавших движению иоаннитов: это цензор архимандрит Александр, миссионер Д.И. Боголюбов, игумен Арсений. Первый разрешил печатать фототипию «Свет России» с изображением Иоанна Кронштадтский в окружении народа, Георгия Победоносца, Михаила Архангела с двусмысленной надписью, с точки зрения Скворцова, «Пою Богу моему». Он обвинял Д.И. Боголюбова и игумена Арсения в том, что они написали брошюры, популярные у иоаннитов-книгоношей, а духовного цензора архимандрита Александра в том, что он разрешил их публикацию [2].

В докладной записке на имя митрополита Антония архимандрит Александр дал подробные объяснения. Причину столь резкой критики цензор видел в плохом характере В.М. Скворцова, который имеет «привычку мстить и "сводить счёты" со своими бывшими сотрудниками, порвавшими связь с его редакцией», а Д.И. Боголюбов и автор отзыва ранее работали под его руководством в «Миссионерском обозрении» [19, л. 11 об.–12]. Архимандрит Александр подробно объяснил, почему разрешил печатать фототипию и брошюры [19, лл. 24–24 об.].

В объяснительной записке по поводу той же статьи глава миссионерского совета епископ Никандр подчеркнул, что борьба с иоаннитами в столице не остановлена, а книга «О так называемых иоаннитах в русском народе» «не оправдывает сектантства последних, а лишь устанавливает, что

в борьбе с ними надо различать: 1) почитателей о. Иоанна в полном согласии с православным учением, но по простоте или невежеству своему допускающих выражения об о. Иоанне сектантские, еретические; 2) почитателей-мошенников, эксплуатирующих религиозное чувство простого народа; 3) почитателей, действительно сектантствующих в хлыстовском направлении» [19, л. 7 об.]. Оправдывая Д.И. Боголюбова, руководитель Миссионерского Совета утверждал, что он отнюдь не поддерживал мошенников из числа иоаннитов: «Было несколько примеров обращения в Совет с жалобой на вожаков иоаннитов, что они мошеннически завладели деньгами жалобщиков, и с просьбой взыскать деньги. Таким жалобщикам обычно разъяснялось, что им надо обращаться со своей просьбой не в Миссионерский Совет, а к гражданской судебной власти. Так поступал, насколько мне известно, и миссионер Д. Боголюбов» [19, л. 7 об.–8].

Важным организационным шагом иоаннитов явилось создание «Иоанновского братства» с «целью прославления памяти о. Иоанна Кронштадтского путем составления и издания его жизнеописания, устройством просветительных благотворительных учреждений его имени». Членами братства могли быть только «православные русские», верные царю и отвергающие «лжеучения материалистов, социалистов, революционеров и масонов» [5, л. 52]. Собрания общества проходили с 9 сентября 1909 г. Уже на первом собрании, помимо учредителя общества директора Петергофского тюремного комитета Б.А. Васильева, выступили лидер иоаннитов Н.И. Большаков и их сторонники Н.Н. Жеденов, игумен Арсений [1, с. 2–4]. Журнал «Кронштадтский маяк» регулярно публиковал сообщения о деятельности братства. 23 ноября 1909 г. Санкт-Петербургское Особое городское по делам обществ присутствие приняло решение «общество это на основании ст. ст. 4 и 33 закона 4 марта 1906 года закрыть», посчитав, что братство уклонилось от положений устава и «приняло характер общества религиозного, подлежащего ведению не гражданской, епархиальной власти» [20, л. 138].

Особое место во взаимоотношениях деятелей православной церкви и иоаннитов занимает прошение 27 петербургских иоаннитов на имя Антония, митрополита Петербургского. Оно было подано 4 ноября 1909 г. и содержало утверждение,

что иоанниты – «православно-церковные христиане» и готовы перейти под контроль Епархиального Миссионерского Совета. Подача прошения могла бы стать поворотным пунктом в сложных отношениях церкви и почитателей о. Иоанна, так как среди его авторов были широко известные «вожаки» иоаннитов Н.И. Большаков, В.Ф. Пустошкин и другие. Именно они в своих книгах жестко критиковали православное духовенство, а теперь готовы были подчиниться пастырям и миссионерам. В «Прибавлении к Церковным ведомостям» появилась статья «Знаменитое прошение представителей "иоаннитства" на имя высокопреосвященного Антония», посвященная этому событию. В ней положительно оценивались действия петербургской миссии, которая не клеймила иоаннитов, а стремилась очистить их взгляды от всего еретического [9, с. 2431].

На 1909 г. приходится период максимального подъема иоаннитского движения. Затем наступает его постепенный спад.

Православная церковь, желая укрепить свой авторитет именем Иоанна Кронштадтского, столкнулась с движением, выходящим за рамки официального православия. Синод и многие миссионеры считали иоаннитство отходом от официального православия. За растворение иоаннитов в рамках официальной церкви выступали отдельные миссионеры и некоторые представители духовенства, отчасти поддержанные Петербургскими епархиальными властями. Они не хотели отталкивать от православной церкви людей, верующих истово и зачастую искренне, пусть и не вполне канонично, в условиях, когда общий уровень религиозности явно снижался.

Список литературы:

1. Алексеев А. И. Новоселье Иоанновского братства // Кронштадтский маяк.– 1909, № 41.– С. 2–4.
2. Арсений, игумен. Открытое письмо редактору-издателю журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» Н.И. Большакову и беседа б. синодального миссионера и главного учредителя союза русского народа о. Арсения: – СПб.: Тип. «Надежда», 1909.– 32 с.
3. Боголюбов Д.И. О так называемых «иоаннитах» в русском народе. – СПб.: Тип. «Надежда», 1909.–31 с.
4. Большаков Н.И. XX век. О кончине мира и страшном суде. – СПб.: Ред. журнала «Кронштадтский маяк», 1907.– 39 с.
5. Большаков Н.И. Правда о секте иоаннитов. – СПб.: Тип. М.Михайловой 1906.– 71 с.
6. Булгаков Н.И. Состояние сектантства в Петербурге//Православный путеводитель.– 1905, №1.– С. 720–723.
7. Вести и заметки // Русский паломник. – 1907, № 33.– С. 524–526.
8. Духовцев И. Кронштадтская «богородица» не покаялась// Петербургский листок. – 1905, 22 марта.– С. 2.
9. К.И.Н. Знаменитое прошение представителей «иоаннитства» на имя высокопреосвященного Антония // Прибавление к Церковным ведомостям. 1909, № 51–52.– С. 2430–2433.
10. Киценко Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ.– М.: Новое литературное обозрение, 2006.– 390 с.
11. О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в городе Киеве //Прибавление к Церковным ведомостям.–1908.– № 30.– С. 1399–1410.
12. Определение Синода от 4–11 декабря 1908 года № 8814 по поводу постановлений Киевского Миссионерского съезда о т.н. иоаннитах и адвентистах // Церковные ведомости.–1908, № 51–52. – С. 377–378.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXVI.– СПб., 1909. – 1141, [15] с.
14. Пустошкин В.Ф. Как нужно жить, чтобы богатым быть и чисто ходить. – СПб.: Тип. М.Михайловой, 1907. – 31 с.
15. Пустошкин В.Ф. Открытое письмо его превосходительству господину С.-Петербургскому градоначальнику генерал-майору Д.В. Драчевскому от устроителя общежительных мастерских в д. № 4 по Теряевой улице В.Ф. Пустошкина. [СПб.]: Графический институт Э. Лукшевица, [1909]. – 4 с.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2229.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2348.
19. РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 333.
20. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206.
21. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб., 1890. – 92 с.
22. Сергиев И.И. Правдивое слово о статье в «Петербургском листке»// Петербургский листок.– 1905, 25 марта.– С. 2.
23. Скворцов В. М. Иоаннитские трущобы и миссионерское столпотворение // Колокол.– 1909.– 4 июля. – С. 1–2.
24. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 100. Д. 56.
25. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344.

РАЗГРОМ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ (1917–1919): ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРАКТИКИ

Ставится задача разобраться в сути и субъектах культурного конфликта 1917–1919 гг. и опровергнуть устоявшееся мнение о разгроме усадеб крестьянами. На основе сопоставления официальных документов советской власти, документов личного происхождения и реальных крестьянских практик в отношении дворянских усадеб и их хозяев (на примере Пензенской губернии) делается вывод о том, что разгром усадеб и коллекций, изгнание хозяев явились результатом провокационной деятельности большевиков. Ликвидация усадеб представлена как культурная трагедия России.

Ключевые слова:

дворянская усадьба, культурная политика РКП(б), крестьянское движение 1917–1919 гг., национализация, усадебная культура, Пензенская губерния

Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., справедливо называют «культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах» [19, с. 7]. Культурные потери определяются, во-первых, громадными невосполнимыми утратами художественного наследия; во-вторых, утратой «письменного следа», т. е. письменных свидетельств об этом наследии, по которым можно хотя бы зафиксировать, понять, что имели. Семейные и родовые архивы содержали коллекции исторических документов и фотографий, научные работы, сведения генеалогического характера, закрепляли в виде дневников, писем, мемуаров многообразный исторический социокультурный опыт нескольких поколений.

Наряду с выяснением вопроса об объеме и содержании утраченного не менее важна задача понимания сути культурного конфликта, его субъектов, мотивации их поведения, объектной сферы. Указывается на «культурно-цивилизационный оттенок» [18, с. 200] революционного процесса, особенно заметный в отношении к усадьбам, так как многие из них были сосредоточением как европейской культуры, так и земли, и богатства, а традиционная культура бытовала в крестьянских низах в условиях бедности, безземелья, необразованности.

Весьма плодотворным является обращение к архивным фондам местных земельных комитетов (волостных, уездных и губернских). Большинство усадеб поступало в ведение волостных земельных комитетов. Составляемые описи интересны не только перечислением мебели, посуды, книг, картин, недвижимых объектов (парк, господский дом, хозпостройки), а

также скота и прочего «живого и мёртвого инвентаря», а именно обстоятельствами хранения и обращения с этим наследием со стороны крестьян. При анализе этих документов картина конфликта двух культур уточняется, детализируется, расставляются по-другому акценты и даже снимаются огульные обвинения.

В статье анализируется поведение крестьян, направленное на культурное наследие дворянства, выявление отношения к этому наследию, способы включения/невключения его в повседневный обиход, приспособления к повседневным нуждам¹ (1). Использованы документы Пензенских губземкома и губисполкома [2, 3, 17]. Собраны сведения о почти 500 частновладельческих имениях².

В большинстве работ, посвящённых усадебной трагедии, разгром изображается весьма схематично: крестьяне разграбили и сожгли помещичью усадьбу из «ненависти к прошлому» [19, с. 8]. Однако «ненависть к прошлому» не входила в крестьянскую мотивационную сферу поведения [21]. Именно необъяснимость и неожиданность крестьянской ненависти и явилась камнем преткновения и причиной трагических исходов многих конкретных дворянских судеб³. В задачу данной статьи не входит подробный анализ причин и форм крестьянского движения в революционный период, однако на нескольких важных моментах необходимо остановиться.

(а) Потравы, поджоги, даже единичные случаи убийства помещиков – это отнюдь не признаки революционности крестьянства в 1917 г. Подобное случалось и в XVIII, и в XIX вв., и рассматривается как средство самозащиты в положении

подчинения (когда превышена мера эксплуатации) [22, с.13].

(б) С другой стороны, случаи неоправданной жестокости и немотивированного грабежа, объектами которых были не только усадьбы, могли быть хулиганством, особенно распространившимся в деревне рубежа веков, никак не связанным с актом социальной справедливости⁴.

(с) Наконец, при изложении событий гибели усадеб видно, что часто происходит явная путаница: крестьяне отождествляются с большевистской властью и её органами в селе или уезде (советами, комитетами), якобы одинаково способствовавшими уничтожению дворянской усадьбы.

Одной из главных проблем исследователя, вникающего в тему, становится достоверность официальных документальных источников. При сравнении официальных данных и документов личного происхождения (воспоминаний, писем, устных семейных преданий и проч.) можно найти весьма существенные разночтения, которые ведут к опровержению существующей официальной версии. Так, например, по документам губуправления земледелия известно, что в Бекетовке Сазоновых «помещичий дом сожжён *крестьянами*» [3, оп. 1, д. 185]. Между тем, правнучка владельца усадьбы пишет: «Когда во время революции 1917 г. уничтожались помещичьи усадьбы, он был предупрежден крестьянами и успел спрятать семью. Не дали сжечь и пустой дом, заявив, что барин не враг простых людей, а верный помощник. К сожалению, ночью через некоторое время налет *революционного отряда* повторился, и Сергей Никифорович погиб» (курсив мой – Л.Р.)⁵. (б) Подобные истории далеко не единичны.

Таким образом, официальная версия разграбления *крестьянами* помещичьих домов вследствие классовой ненависти к владельцам нуждается в проверке. К сожалению, «очная ставка» документов по каждой усадьбе невозможна. Важно представить как можно более широкий спектр взаимных действий и отношений друг к другу владельцев и крестьян с целью выяснения подлинной исторической картины.

Этапы и объекты. Разгром усадеб – не одномоментное и неоднородное действие. В процессе борьбы за власть политика большевистской партии в отношении дворянских имений менялась, но при этом всегда в первую очередь имелись в виду земля и хозяйственный комплекс. Как представляется по документам, процесс

уничтожения усадеб в губернии проходил несколько этапов. Первый – это погромы, начавшиеся в период между Февральской и Октябрьской революциями, 8 июля 1917 г., и продолжавшиеся до весны 1918 г. Второй этап (собственно национализация или ликвидация) – с весны и до конца 1918 г., когда процесс перераспределения земли и ликвидации имений был в основном закончен, хотя на местах работа продолжалась и в 1919 г. [16, с.VI]. Подобная периодизация характерна для большинства губерний центральной России, что служит дополнительным аргументом в пользу точки зрения о провокационной роли большевистской партии в уничтожении национального культурного наследия [см., напр., 4, 10, 12].

Инициатором погромов весны-лета 1917 г. следует считать партию большевиков, которая в борьбе с эсерами за власть и за влияние в крестьянских массах призывала последних к незаконному самостоятельному захвату земли и усадеб, объясняя, что «это не есть самоуправство, это есть восстановление прав, и с восстановлением прав нельзя ждать»⁶.

В ноябре 1917 г. пензенская группа РСДРП (б) напечатала обращение о проведении в жизнь на местах декрета II съезда Советов о земле, с противоположными лозунгами: «**Никаких погромов! Никаких насилий!** Требуйте от своих Советов общегубернского крестьянского съезда. До съезда от захвата земли воздерживайтесь». 27 декабря 1917 г. открывается IV Губернский крестьянский съезд, выступая на котором большевик В. В. Кураев вновь призывает: «Необходимо немедленно провести то, что делается по всей России, – взять власть, конфисковать помещичьи земли» [14, с. 54].

8 января 1918 г. для решения земельных вопросов была организована губернская земельная коллегия и в ней отдел по ликвидации частновладельческих имений. 27 марта 1918 г. была принята резолюция I Губернского съезда Советов по земельному вопросу, где ставилась задача ликвидации имений, которые объявлялись всенародной собственностью, поступающей в распоряжение волостных и уездных комитетов. Таким образом, с ранней весны 1918 г. с организацией земельных отделов и комитетов новая власть берёт под свой контроль уничтожение усадеб как хозяйственных единиц.

29 июня 1918 г. II Общегубернский съезд Советов крестьянских депутатов принимает «Временную инструкцию по

46 | проведению основного закона о социализации земли». Она же утверждала «законные» основания изъятия частной, личной собственности, находившейся в помещичьих домах, и требовала выдворения владельцев из усадеб.

Очередь до художественных и книжных коллекций, архивов дошла только к осени 1918 г., т.е. после года неразберихи, войны, разрухи и т. д.⁷ 16 ноября 1918 г. было утверждено постановление Губисполкома «О реквизиции, конфискации и национализации библиотек».

Реальные практики. В литературе отмечается, что в период весны–лета 1917 г. в деревне не заметно влияние какой-либо партии, крестьяне действуют вполне автономно и самостоятельно [12, с.10]. Но уже в конце осени 1917 г. субъектом действий становится новая власть, при этом помещики и крестьяне находятся на противоположной стороне, в качестве объектов приложения сил и постановлений этой власти.

Таким образом, период с весны до осени 1917 г. – та редкая ситуация, когда крестьянство из объекта приложения волеизъявлений и эмоций господствующих классов и власти превратилось в субъект по отношению к этим общественным институтам. Этот краткий период представляет интерес с точки зрения поведения крестьян, получивших возможность действовать по собственным принципам, в отношении, в том числе, объектов культурного наследия.

По доминирующим действиям его можно разделить на весну–лето и осень 1917 г. Как свидетельствуют документы, весной преобладали мирные настроения, владельцы и крестьяне шли на уступки, и соглашения достигались сравнительно легко. Объектом действий крестьян была земля, включая леса и луга [10, с. 172; 11, с. 62]. На заседаниях Губземкомитета (Временного правительства) весны–лета 1917 г. констатировалось, что никаких насилий к частным владельцам в этот период не было, жалобы многих оказались преувеличенными. Характерно, что исследователи, занимающиеся судьбой усадебных ценностей, с удивлением констатируют, что даже сразу после большевистского переворота местное население не нанесло значительного ущерба провинциальным и столичным усадьбам [15, с.31].

Нередким было миролюбие по отношению к помещикам, желающим уехать или остаться, но не препятствующим разделу земли, передающим её в ведение органов самоуправления. Так, с мая по июль без

всяких осложнений были взяты на учет исполнительными органами Временного правительства на местах имения Х.А. Вестфалена, М.В. Катковой, А.К. Кнорре, Е.А. Балашовой⁸. Не было разграблено крупнейшее в губернии имение гр. М.А. Келлер. Часть имений была взята на учет в октябре, до этого имения не были разграблены. Как правило, передачу осуществляли лично владельцы или управляющие [3, оп. 1, дд. 168, 169, 171, 172, 176, 182–185, 187, 188, 193; 2, оп. 4, д. 29].

Во многих случаях крестьяне не препятствовали проживанию помещиков в своих усадьбах и только много позже, с марта 1918 г., под давлением постановлений советской власти и приехавшего инструктора выселяли помещиков. Так было в Васильевке Языковых [3, оп. 1, д. 169, л. 4]. Имение не грабилось, и весь период его запустения пришелся на хозяйствование советской власти, в т. ч. и растаскивание по советским учреждениям художественно ценной мебели.

Крестьяне не препятствовали помещикам оставаться в усадьбах на правах членов крестьянского общества. По приговору этого общества им выделялись земля, скот и инвентарь по норме. Так было с владельцем благоустроенной усадьбы в с. Трофимовщина Е.Н. Кикиным [3, оп. 1, дд. 171, 166]. Тем не менее, в 1919 г. его книжное собрание было реквизировано советской властью и пропало в недрах уездного отдела народного образования [7, с. 64].

В некоторых случаях разгром крестьяне начинали «по образцу», в ответ на попытку помещика продать имущество. В имении гр. Н.В. Толстой «имущества совершенно никакого не осталось, и кто прав, кто виноват в хищении имущества, трудно понять». Все ценное было вывезено прежним управляющим еще при Временном правительстве неизвестно куда. Остатки расхищены местными крестьянами [3, оп. 1, дд. 171, 172, 189, 190].

Волна крестьянской анархии поднялась в Пензенской губернии в ответ на решение IV Губернского крестьянского съезда в декабре 1917 г. о необходимости передать все имения в волостные земельные комитеты, которые и решат дальше, что с ними делать: ликвидировать с продажей имущества или оставить как образцовые хозяйства. Поскольку перед этим во многих имениях крестьяне уже «просто так» разобрали скот, инвентарь и поделили землю (ориентируясь на провокационные лозунги большевиков «грабь

награбленное!» и на свое понимание справедливого уравнительного идеала собственности на землю), – то теперь они не соглашались платить за взятые деньги. Отсюда и привычный рефлекс поведения: делёж по справедливости между всеми, или уничтожение, чтобы не досталось чужим, каковыми тогда были представители земельных комитетов. Своеобразная «справедливость наоборот» [17, с. 175]. Именно поздняя осень и декабрь 1917 г. характеризуются волной расхищения усадебного имущества.

При анализе материалов определенную трудность представляет понятие «погром усадьбы», которым в исторических работах обозначают достаточно разные действия крестьян, направленные на разные объекты имения. Они имели для крестьянина неравную ценность. Главная из них – земля, далее пригодный в крестьянском хозяйстве инвентарь, скот. На это, в первую очередь, были устремлены действия погромщиков. Самыми малозначимыми были предметы дворянского обихода, библиотеки, коллекции, архивы.

Кроме того, необходимо всякий раз точно определять социальный статус исполнителей. Деревенское население той поры было далеко не однородным. Кроме крестьян-земледельцев, носителей традиционной культуры, в деревнях жили люди, испытавшие революционное влияние города: крестьяне-отходники, жившие ранее в городах; интеллигенция (врачи, учителя, телеграфисты, ветеринары); демобилизованные солдаты Русско-японской и Первой мировой войн. Именно пришедшие с развалившегося фронта солдаты упоминаются во многих документах личного происхождения впереди почти каждого разгрома.

Поджоги и разграбление имущества владельцев не являются собственно революционной формой протестного поведения крестьян. Непосредственной причиной разорения усадеб был страх крестьян, «что в оставшиеся не разоренными имения снова явятся помещики» [3, оп. 1, д. 169, л. 3 об; II, с. 61]. Таким образом, культурное наследие не было прямым объектом и целью насилия крестьян. Культурные ценности, характеризующие образ жизни дворянства (книги, картины, художественная мебель и проч.), не использовались, но сохранялись. Все это было реквизировано новой властью на следующем этапе национализации.

Масштабы разрушения, весьма, впрочем, неполные, можно представить, учи-

тывая два показателя: наличие сохранившегося дома владельца и проживание бывшего хозяина в усадьбе. Наличие неразрушенного господского дома свидетельствует о том, что по поводу владельца и его имущества не было насильственных организованных действий, или ему дали возможность уехать из имения. По моим самым предварительным и не окончательным подсчетам, к концу 1917 г. приблизительно в 30 % пензенских имений сохранины помещичьи дома (в 141 из 460). При этом необходимо иметь в виду, что дома владельцев были не во всех учтённых имениях. На конец 1918 г. из 278 имений, на которые у меня есть сведения, в 96 дом сохранен, т. е. 25,4 %.

Итак, прямые действия в отношении культурного наследия усадеб стали совершаться с конца 1917 г. Как правило, в этот период крестьяне не допускают в имение никого: ни бывших хозяев, ни представителей новой власти. Так было в араповском имении Проказна, где господский дом, стоявший нетронутым, был разграблен в ответ на решение новой власти об организации народного хозяйства в 1918 г. [3, оп. 1, д. 169, 171, 187, 188, 192]. Во многих случаях сообщалось, что без вооруженной силы подавить сопротивление крестьян и взять имение под контроль уездных земельных комитетов нельзя [3, оп. 1, д. 188, л. 22–23].

Были случаи, когда крестьяне, захватив усадьбу, сами привозили господам их собственность из усадьбы в город. Например, в декабре 1917 г. помещикам Обуховым крестьяне по своей инициативе привезли всю обстановку и библиотеку, чтобы «не растаскали по рукам» [8, с. 221].

Примечательно, что во многих случаях господские дома не захватывались крестьянами под жилье. И это понятно: крестьянский образ жизни невозможен в барском доме, их содержание было не под силу крестьянским обществам. Они оставались в так называемом «ведении» волостных или уездных земкомитетов, то есть бесхозными, и постепенно разрушались и гибли; либо передавались властью «на культурные нужды» для устройства школ, библиотек, больниц. Например, в Васильевке Языковых был организован детский дом, что привело к полному уничтожению к 1924 г. и дома, и парка [1].

Не все усадьбы были разграблены крестьянами. Часто господский дом занимали приходившие для умирения крестьян и ликвидации имений революционные от-

48 | ряды. Хранившееся там имущество, как и окна, двери, перегородки они использовали на дрова, нары; из железа с крыши делали ведра и т. д. Такова судьба дворца Устиновых в Грабовке. [3, оп. 1, дд. 186, 656]

Приходится констатировать, что во многих случаях гибель библиотек и других культурных ценностей – на совести представителей советской власти, а не крестьян. Именно в процессе планомерной «законной» ликвидации имений, проводимой новой властью с весны 1918 г., и была уничтожена значительная часть культурного наследия, до того собранная и сохранявшаяся крестьянами во многих усадьбах. Точная статистика здесь вряд ли возможна. Аргументом могут служить имеющиеся в ликвидационных делах описи имущества господских домов. Значит, оно не было к этому времени разграблено. Однако действия новой власти по вывозу его из усадьбы провоцировали растаскивание и разграбление имущества крестьянами, справедливо полагающими, что помещичье добро принадлежит при разделе, в первую очередь, им, а не уездной или губернской власти.

Передачи национализированных книжных собраний в волостные, сельские, школьные библиотеки не должны нас обольщать.

На деле это означало то же уничтожение, только отсроченное. Книги либо расхищались по дороге (на курево, разжигу, обклейку, упаковку), либо позже списывались как неустребованный, идеологически чуждый, мало оборачиваемый фонд. [13, с. 176–182; 3, оп. 1, д. 177, лл. 15–19; д. 169, л. 4].

Необходимо сказать, что вышеприведённые случаи никак не отменяют фактов грабежа и поджога усадеб и крестьянами. Полагаю, что проведенное исследование, неизбежно фрагментарное и неполное, позволяет сделать вывод, что в ходе событий 1917–1918 гг. культурные ценности дворянства не были прямой целью уничтожения и объектом прямого насилия со стороны крестьянства. Разгром дворянских усадеб в 1917–1918 гг. представляется более сложным процессом, чем лобовое столкновение дворянства и крестьянства, учёной и низовой культуры, или результат «многовековой» классовой ненависти, повлекший за собой уничтожение культурного наследия. Приходится констатировать, что, несмотря на почти столетие, прошедшее с того времени, многое только начинает открываться для исследователя, желаемого составить подлинную картину одной из великих национальных трагедий, происшедшей в 1917 г.

Список литературы:

1. Гвоздев Б.Н. Поездка по Пензенской губернии. Июнь 1924 г. Рукопись. Архив Пензенского краеведческого музея.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. р.-2 Исполнительный комитет Пензенского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. р-309 Пензенской губ. земельный комитет.
4. Гужова И.В. Судьба памятников усадебной культуры в Калужской губернии в первые годы Советской власти // Русская усадьба: Сб ОИРУ. Вып. 13–14 (29–30). – М.: Улей, 2008. – С. 84–100.
5. Данилов В.П., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922» (Вместо предисловия) // Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. – М., 2002. – 944 с.
6. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. –М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 784 с.
7. Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография. – 1934. Вып. 2. – С. 43–78.
8. «Живу в душе друзей моих...»/ Объединение гос. литературно-мемориальных музеев Пензенской области. – Пенза, 2004.
9. Ильина О. Канун восьмого дня. – Казань: Заман, 2003. – 400 с.
10. Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 - 1918 гг.). – Самара: Офорт, 2005. – 308с.
11. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 544 с.
12. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина – М., 2003. – 480 с.
13. Курмаев М.В. Национализация усадебных библиотек на территории Пензенского края (1918–1920)// Библиотека в контексте истории: Материалы 5-й международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2003 г. – М.: Пашков дом, 2003. – С. 176–182.
14. Морозов В. Ф. Большевик Василий Кураев. – Пенза, 1961. – 167 с.
15. Мосякин А. Антикварный экспортный фонд: антология документов и фактов // Наше наследие. – 1991, № 20.
16. Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основного направления его восстановления. Ч.1

17. Подготовка и победа Великой октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии: Сб документов и материалов. – Пенза: Кн. изд-во, 1957. – 302 с.
18. Рейман М. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. – 1994, № 4. – С. 195 – 204.
19. Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930// Русская усадьба: Сб ОИРУ. Вып. 15 (31). – М.: Улей, 2009.
20. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Пенза: ПГПУ, 2007. – 374 с.
21. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 677 с.
22. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 11–15.

¹ В мою задачу не входит рассмотрение степени правоты или вины обеих сторон конфликта, приведшего к катастрофическому результату. «Каждая из противоборствующих сторон имела свою *Правду* и свою *Неправду*. Их невозможно совместить и примирить, но можно и нужно понять, принимая столкнувшиеся силы такими, какими они были на самом деле» [5, с.5].

² Понятие частновладельческого имения включает в себя наряду с дворянской усадьбой и усадьбу арендатора земли, и просто земельный надел. Однако в подавляющем большинстве случаев имеются ввиду именно дворянские имения с усадебным комплексом. Провести чёткую границу между указанными типами по имеющимся документам не представлялось возможным. По подсчётам, в Пензенской губернии к 1917 г. было 1124 частновладельческих имения.

³ Например, отец мемуаристки О. Ильиной, внук Е.А. Баратынского, предводитель дворянства, остался на территории, захваченной Красной Армией, рассчитывая, что местные жители не выдадут в благодарность за его деятельность в их защиту, но был арестован и расстрелян [9].

⁴ «Нельзя не признать, что революция 1905–1907 годов придала дополнительное ускорение процессу размытия традиционного уклада крестьянской повседневности, привела к дальнейшему росту преступности в империи, появлению такого феномена, как хулиганство» [20, с. 139].

⁵ Письмо О.Л. Сазоновой сотруднику Пензенского краеведческого музея А.В. Тюстину от 2.10.03. Благодарю его за предоставленные материалы.

⁶ Н.И. Бухарин в работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) признавался, что вопреки эсерам, твердившим, будто нельзя «выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений», и пугавшим резнёй и земельным хаосом, только большевики «кричали крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков.<...> Наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли» [цит. по: 6, с. 617]. Ср.: здесь же, с.565.

⁷ 5 октября 1918 г. издан декрет СНК «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»; 5 декабря 1918 г. декрет «Об охране научных ценностей»; 27 декабря 1918 г. инструкция Наркомпроса «О порядке реквизиции частных библиотек»; 4 апреля 1919 г. утверждена коллегией Главархива «Инструкция для осмотра усадебных архивов». [6, с.579, 603].

⁸ В акте передачи имения зафиксировано, что В.Х. Вестфалену предоставляется вывести на 8 лошадях и 8 повозках домашнюю движимость и вещи, мелкие выделанные овчины, 2 поросят, кур и петухов, корову Жданку и телка от нее, а также 10 возов сухого торфа. В связи с этим ему разрешено проживать в имении до 26 июня 1918 г. [3, оп.1, д.172; 2, оп. 4, д. 29, л. 43–46].

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 316.012
ББК 60.5

С.А. Загрубский

ЧТО МЕШАЕТ ПОСТРОЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА?

Рассмотрена тема, привлекавшая внимание мыслителей всех народов и во все времена: как построить идеальное общество? Что надо сделать, чтобы исключить несправедливости и страдания? Обосновывается объективность причин человеческих страданий и потому — невозможность исключения их из социальной жизни какими-либо волевыми усилиями. Обосновывается причина возможного усиления страданий индивидов в обществе, стремящемся к предположенному идеалу.

Ключевые слова:

границы разрешенного поведения, различие стремлений индивидуальных и общих, социальная проблематика, социальные рекомендации.

В общественном знании существует несколько положений, никем не оспариваемых. Первое — человек как порождение природы есть существо социализированное, общественное. Второе — само общество есть порождение не природное, а человеческое. Не оспаривает никто и тот факт, что общество человеческое насыщено противоречиями и проблемами, а такие науки, как политология и социология для того и существуют, чтобы эти противоречия осознавать и с ними справляться. Если мы все это допускаем без возражений, то возникает предложение: раз уж сами мы общество строим, то не построить ли общество справедливое, в котором бы все были удовлетворены? Почему мы все время строим «не то»? Давайте, построим «то»!

Предложение это, конечно же, возникало неоднократно. Широко известны рекомендации религиозные, социально-утопические (Платон, Т. Мор, Кампанелла, Фурье и др.), даже научные (К. Маркс),

известны практические попытки: в древности — в Спарте, на Крите; уже тысячи лет — монастыри как образцы сообщества безгрешного и беспроblemного; но наиболее явны и зримы по массовости своего охвата попытки построения обществ по заранее продуманной или, по крайней мере, как-то обоснованной идее — уже в наше время, в XX веке. Это, конечно, в первую очередь, общества в СССР, Италии, Германии и целом ряде стран. Все эти предложения и попытки как в древности, так и в новое время, не только окончились ничем и были вполне сознательно отвергнуты, но сопровождались бесконечными трагедиями, несчастьями, людскими потерями.

И, конечно, возникает естественный вопрос — почему? Может быть, нельзя или вредно мечтать? Может быть, построение справедливых обществ предлагают преступные люди, которым удастся затем всех остальных обмануть? Может быть (самое печальное предположение, хотя оно тоже

существует), разумность, справедливость и доброта принципиально, генетически чужды людям?

На эти вопросы человечество не дало практического ответа, но поиск ответа теоретический – в наших силах. Попытаемся сами мысленно построить справедливое общество и обратим особое внимание на то, не начнет ли на какой-либо ступени это построение противоречить нашей первичной цели, то есть не приведет ли к чему-то «плохому» наше стремление сделать «как лучше».

Итак, мы живем сегодня, к своему общественному существованию имеем ряд претензий и стремимся построить общество, свободное от наших сегодняшних недостатков. Что же надо сделать в первую очередь? И что мы вообще можем сделать в первую очередь?

Очевидно, в первую очередь нам необходимо, а уже прямо сейчас и доступно – тщательно продумать детали желаемого будущего, по возможности ясно отделить наше желаемое от нежелаемого. Тому есть яркий пример: в XX в. вся европейская интеллигенция была социалистической и размышляла об особенностях будущего справедливого общества. Как там будет решаться жилищный вопрос? – спрашивали у Энгельса. И он отвечал: мы не можем этого знать, будущие люди сами разберутся со своими проблемами, но уже сегодня ясно, что в будущем один человек не сможет иметь несколько квартир при том, чтобы другой был вынужден ютиться под мостом.

Я специально обращаю внимание на этот пример: мы не решаемся сегодня диктовать что-либо будущим людям, но уже сегодня мы начинаем формулировать какие-то максимы, начинаем заказывать будущему то, чего сегодня нет, и сегодня уже будем определять, ориентируясь на эти максимы: движемся «туда» или «не туда». Уже сегодня мы (именно «в первую очередь») можем сформулировать то, чего в нашем обществе быть не должно, от чего надо освободиться. Что там будет – то будет. А «не должно быть» многого из того, что сегодня есть. Энгельсу было ясно одно, Платону было ясно, что «свободно-рожденным» «несвойственно» заниматься торговлей, «новым людям» тургеневской эпохи (Базаровым) было ясно, что любовь и разные «Рафаэли» мешают серьезной работе и так далее.

Это можно было бы изобразить рисунком: обозначить свое «сегодня» некоей

точкой, а другой точкой, даже звездой, – наше желательное «будущее». И далее – нарисовать на листе бумаги прямую линию от нас сегодняшних к нам будущим как стратегическую линию наших устремлений. Понимая, что путь этот не может быть абсолютно прямым, поскольку мы собираемся строить неизвестное, давайте мы проведем «вперед и вверх» не тонкую прямую, а некоторый «коридор». Коридор просто шире, чем линия, но все равно он явно и резко отграничен от того – огромного – пространства, которое в коридор нашего допускаемого (по мысли) поведения не входит. Каковы же границы этого коридора, и какова его ширина?

Понятно – чисто энергетически, или даже чисто геометрически, – что, чем шире будет коридор разрешаемого нами самим себе поведения, тем больше мы сможем «отклоняться» и «буксовать», тем дольше будем мы двигаться к желанной цели. Поэтому – и это опять очень важный вывод – именно вывод из собственных наших надежд и стремлений: желательно сделать коридор разрешаемого и одобряемого поведения нешироким, стремиться максимально его сузить в дальнейшем и, главное, – тщательно охранять его границы, – чтобы застраховать себя в дальнейшем от попадания «куда не надо».

Это очень важный и совершенно обоснованный вывод, оправданный с точки зрения нашего общего стремления к счастью и справедливости, к тому социальному состоянию, которое мы на своем листе обозначили звездой как искомое нами счастливое будущее.

Тот, кто будет ратовать за уменьшение ширины коридора, то есть за повышение сосредоточенности и строгости, будет восприниматься всеми как человек, служащий общей ценности, преданный общему делу, как образец и учитель. Таковы, в частности, были религиозные пророки и революционные вожди. И те, и другие были аскетами сами и проповедовали аскетизм и подчинение всех помыслов стремлению к светлой идее. Тот же, кто будет ратовать за расширение коридора разрешенных форм поведения, ссылаясь, на многообразие индивидуальностей граждан общества, или на широту их интересов, или на их слабости, или вообще на то, что человек и есть высшая ценность – тот будет объективно (это тоже очень важный вывод) тормозить наше общее (в том числе и «слабых» людей), движение к счастью, о которых думаем и заботимся мы – умные

и сильные. Ясно, что подобного ходатая за людские слабости, такого гуманиста, мы, созидатели будущего счастья, назовем врагом нашего общего дела. А собственная наша любовь и к общему стремлению, и к «слабым» согражданам, и даже к самому «ходатаю», ярче всего выразится в том, что мы его «выкорчуем» из собственной среды, подобно Господу, который, как виноградарь, «сухие ветви огнем сожигает» (Ин. 15, 6) – в назидание и научение всем остальным. Ведь и Базаров выкорчевывал любовь из сердца своего, как и уважение к «Рафаэлям».

Кстати, об отношении к «слабым», то есть к тем, кому сосредоточение на «идее», на осознанной или предположенной ценности дается трудно. Оставим в стороне Ф. Ницше, который считал, что «слабые и неудачники должны погибнуть», и это есть «первое положение нашей любви к человеку» [1, с. 633], (а в древней Спарте так и делали), а обратимся к такому человеко- и боголюбивому религиозному мыслителю, как В. Соловьев. Вспоминая собственные свои размышления об улучшении человеческого социального существования (то есть совершенно по интересующей нас здесь теме), он дошел до следующего: «Вся жизнь, а, следовательно, и цвет жизни, любовь – есть только призрак и обман. Наша воля вечно нас обманывает, заставляя слепо гоняться как за высшим благом и блаженством, за такими предметами, которые сами по себе ничего не стоят. Она-то, воля, и есть первое и величайшее зло, от которого нам нужно освободиться. Для этого мы должны подавить все наши личные стремления, отречься от всех наших желаний и надежд. Я познал истину, и моя цель – осуществить ее для других... Годом к 18-ти я додумался до твердого убеждения, что вся временная жизнь, как состоящая только из зол и страданий, должна быть поскорее разрушена» [3, с. 367]. Здесь отношение к тем, кто думает иначе, то есть к «слабым»: «они» еще не успели понять того, что для них же лучше, и оправданное поведение «понявших» может быть, даже должно быть, силовым, бескомпромиссным, без оглядки на возможные возражения – потому все все поймут и возрадуются.

Итак, командовать устройением границ допустимого поведения всех членов сообщества будут те, кто успел понять некую истину. В основании общего согласия с этой истиной лежит не обязательно понимание ее, но обязательно – общее недомольство настоящим и общее стремление

к скорейшему созиданию справедливости и счастья, то есть тот наш первый вопрос, легший в основание данных размышлений.

Однако надо уже и действовать, что-то делать фактически, а не только размышлять и предполагать. Надо строить жизнь, ориентируясь на оговоренные ценности и рамки. Эйфория первичного социального творчества, – пока еще чисто теоретического – сменяется буднями и суетой. Насколько же строители светлого будущего могут ее, саму эту будничность и суету, допускать? Может быть – она сама по себе – зло? Например, любовь, хотя бы только к своим близким – ее можно допускать? Решил же В.С. Соловьев, что «любовь есть только призрак и обман». Христианская религия напоминает, что «враги человеку домашние его» (Мф. 10, 36). Платон считал необходимым разрывать семейные связи, чтобы никто никого не любил особенно. Платон вообще утверждал пагубность не только одного какого-то чувства, но «каждое свойство, которое мы одобряем в лучших людях, как раз и губит душу, им обладающую» [2, 491]. Иначе говоря, даже первичные, естественные человеческие чувства представляются тормозом в движении к желательному будущему. Понятно, какого рода рекомендации руководителям построения светлого будущего следуют из всех эти наблюдений и убеждений: руководимые ими люди нуждаются (для собственного же блага, разумеется!) в постоянном контроле даже над естественными их жизнепроявлениями.

К чему же приводит эта логическая линия рассуждений для рекомендаций по практическому поведению? Или к чему это должно приводить?

Нельзя надеяться на то, что индивидуальное человеческое поведение само по себе утвердится в каких-то непривычных ему рамках, ориентируясь на общий для всех образец. Мало того, природная индивидуализированность людей обязательно, объективно приведет к тому, что даже нарушать желаемые нормы поведения они будут по-разному и будут постоянно склонны к нарушениям границ – не «со зла», конечно, а просто в ходе жизнепроявлений. Но границы, которые можно нарушать, – уже не границы. И вот: при всей неясности, как именно созидать светлое будущее, совершенно ясно, что направление к нему должно быть обеспечено надежно, границы разрешенного поведения должны охраняться незыблемо, а сами *охранители*

границ должны руководствоваться только одной ценностью – недопущением отклонений от «линии партии».

Этим охранителям нельзя ставить каких-то заранее оговоренных рамок (читатель помнит, что наши выводы сооружены чисто логически), потому что непредсказуемы – при строительстве небывалого еще общества – не только что возможные нарушения границ, но также и отклонения. При строительстве небывалого, при общей и совершенно честной неясности путей и условий принятия нужных решений самая ясная, а во многих случаях и единственно ясная, определенная и понятная деятельность – именно охрана границ всех аспектов, всех сторон социального существования. Охранники всякого рода (Платон их только так и называл) призываются обществом, строящим светлое будущее, к верховному над собою правлению, причем общество принципиально освобождает их от социального контроля.

Последнее утверждение совершенно оправдано логически и очень явно зафиксировано в человеческой социальной практике. Платон утверждал: «что свойственно и что не свойственно свободнорожденным, будут судить люди, получившие почетные дары за свою добродетель», и при этом они будут основываться в своих решениях не на каких-либо законах или даже подсказках и советах, а на «своей склонности или своем отвращении» [3, 919-е]. Религии выводят свои тексты и поведение своих патриархов из-под какой-либо критики, объявляя их безгрешными, светские правительства обожествляют «решения партии», «высказывания фюрера», «изречения» Мао Дзедуня и т.д. Иначе говоря, до этих пор наши теоретические предположения вполне подтверждаются практикой всечеловеческого исторического существования.

Итак, мы договорились, что стремление к построению всеобщего счастья логически необходимо выражается во всеобщем безусловном подчинении некоей группе людей, которых, по Платоновой подсказке, назовем «стражами».

Выделение в качестве пастырей человечества «некоей группы» – «получивших дары за свою добродетель» (по Платону), «генетически властвующих» (по Ницше), «генетических пассионариев» (по Гумилеву), в бесконечном количестве других обозначений и названий – представляется людям естественным и оправданным тем простым и совершенно безвредным

(для других) фактом, что кто-то кого-то умнее, кто-то – опытнее, кто-то – просто «к этому» имеет больше способностей и так далее. Однако, не следует ли что-либо «особенно неожиданное и нежелательное» из рассуждений, выше логически обоснованных? Не следует ли что-нибудь такое, что уже начало бы противоречить нашей исходной цели? Обратим внимание на то, что в нашем случае оправдана социально и исторически, обоснована логически опора на тех, кто «может и должен охранять границы разрешенного». Какие же это должны быть люди?

Призываю читателя к очень критическому, совершенно самостоятельному построению выводов. Итак, какие люди будут отвечать именно общественной нужде в построении общества не такого, как сегодня, а лучшего, справедливейшего? Сама «охрана» границ разрешенного или допустимого поведения всякого «обычного», массового человека оказывается социально востребованной потому и только потому, что человек «обычный», организованный «природно», – то есть с любовью к родителям, детям, жене, Родине, к своему делу, к поиску условий самореализации – объективно тяготеет к нарушению каких угодно границ просто потому, что (чисто природно) он индивидуален, он отличается от «других», и «границы», прописанные ему природой по уму и способностям его, не ориентированы ни на какие границы внешние. Стремление созидать (из самых лучших побуждений) нечто определенное принципиально сталкивается с противодействием факта неопределенности человеческих индивидуальностей. Индивидуальность как источник возможного многообразия должна естественно восприниматься как враг единства, определенности. Все светские и религиозные монархии глушили эту природность в откровенном отказе индивиду на право быть индивидом, – но счастливое и, главное, справедливое будущее не может созидаться на «отказах в праве быть самим собой». И, значит (следует), в когорту «стражей» начнут объективно – и по заказу и с согласия самого сообщества – отбираться индивиды, от собственных индивидуальных запросов отказавшиеся, или их не имеющие, или как угодно готовые воспринимать реализацию себя (нужда природная и неизбежная) через подчинение идее, вождю, инструкции. А говоря попросту, в когорту охранителей и вождей движения «к светлому будущему» должны

54 | отбираться люди интеллектуально неразвитые, духовно безразличные (чтобы мочь быть послушными и не «увлекаться идеями»), т.е. примитивные. Их ценность для общества в том, что сами они ничего нарушать не стремятся и фактом своей подчиненности и ограниченности не унижены. А тот факт (а это уже социальный факт!), что служат они «построению светлого будущего» и охраняют людей от «пережитков прошлого» и собственных их, этих людей, заблуждений, – позволяет нашим «стражам» свысока смотреть на разных «индивидов»: писателей, мыслителей, студентов, интеллектуалов, – понимая в них только угрозу общему движению и, тем самым, – общим ценностям. Известно высказывание Геббельса, который сам, безусловно, был интеллектуалом: «когда я слышу слово «интеллигент», моя рука тянется к пистолету». И вот теперь мы подошли к возможности осознать, что является преградой или помехой чистому и честному (вначале) стремлению к построению справедливого общества: **люди, существующие сегодня, не соответствуют требованиям общества желательного.**

С точки зрения идеала религиозного – они грешны и преисполнены гордыни, с точки зрения идеала коммунистического – они преисполнены «пережитков прошлого», с точки зрения националистических идеалов (гитлеровского в первую очередь) – они недостаточно элитарны (готовы допускать ценность и других национальностей) и так далее.

Само понимание «светлого будущего» обязательно навязывает представление о том, что некоторые свойства, качества и стремления живых людей необходимо элиминировать, даже «выкорчевать», уничтожить – и организованное, направленное построение будущего всечеловеческого счастья поневоле обернется войной с людьми, живущими сегодня.

Собственные исторические интересы людей, вообще особенности конкретного исторического момента, «ширина» разрешенного для индивидуальных действий коридора, целый ряд еще не перечисленных, а может быть, и не замеченных

нами частностей воздействуют объективно на длительность и конечную результативность процесса запланированного социального созидания таким образом, что теоретически ясно: **стремление к предполагаемому идеалу необходимо входит в противоречие с интересами, стремлениями и возможностями людей сегодняшних**, и потому, даже при наличии каких-либо положительных частных результатов, сопровождается множеством преступлений против личности.

Можно сделать некоторый общий вывод. Счастьем и благополучием всякий индивид склонен называть возможность реализации собственных индивидуальных способностей. В ответ на объективный факт множества наших индивидуальностей, предоставление гражданам именно множества и именно различных условий для самореализации осуществимо только при наличии многоотраслевой экономики, науки, культуры, подкрепленных к тому же развитой инфраструктурой, позволяющей индивидам свободно обмениваться знаниями и мнениями и свободно перемещаться. При явном и множественном дефиците этих условий опережающее стремление к счастью сможет реализоваться только в смирении с существующим, в уравнивании всех под некий бедный стандарт. Приходится избирать «немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира, чтобы посрамить сильных. Незнатное мира и ничего не значащее...» приходится избирать, «чтобы упразднить значащее» (1 Кор. 1, 27–28). В этой библейской фразе мы находим утверждение, которое можно считать завершающим: **для скорейшего и надежнейшего построения светлого будущего приходится «посрамлять» и «упразднить»** – в одном случае сильное и значащее, в другом (Спарта, Ницше) – незначащее и бессильное. И потому действительно справедливое общество может быть создано не по решению мысли, не при особой какой-то всеобщей воодушевленности и мобилизованности, а лишь при опоре на создаваемые веками и тяжелейшим трудом многих поколений условия для реализации природных способностей всех людей.

Список литературы

1. Ницше Ф. Антихрист. Соч. в 2-х т. Т 2. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
2. Платон. Государство // Платон. Сочинения в 4-х томах. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 97–457.
3. Соловьев В.С. На заре туманной юности // Проза русских поэтов. – М.: Сов. Россия, 1982.

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Приводится анализ содержания современных российских и украинских школьных учебников истории в контексте взаимоотношений России и Украины на разных этапах исторического развития. Представлены различные точки зрения, касающиеся роли Украины в российской истории. Обосновывается необходимость тщательной разработки и написания новых российских и украинских школьных учебников истории.

Ключевые слова:

казачество, Киевская Русь, коллаборационизм, колония, летописание, православные, Россия, славяне, Советский Союз, Украина, фашизм, школьный учебник, шляхта

На Украине выросло уже целое поколение молодых людей, которых учили, что Россия – вековечный враг Украины. Не чувствуя прочных исторических основ, украинская политическая, интеллектуальная и творческая элита создают в лице России образ врага, что должно стать, по их мнению, основой сплочения граждан Украины в нацию. В этом смысле «оранжевые» даже честнее Кравчука, Кучмы и Януковича, потому что не прикрывают свои истинные цели и реальные дела словами о дружбе с Россией и защите прав русского и русскоязычного населения. Об этом очевидно свидетельствуют школьные учебники истории, издававшиеся на Украине в последние двадцать лет, и, в частности, в то время, когда нынешний президент Украины был главой правительства, и ему непосредственно подчинялось Министерство образования, жестко контролирующее отбор и содержание учебников.

Уже немало написано о том, как грубо фальсифицируется история в большинстве украинских школьных учебников. Иногда это принимает анекдотические формы. Так, например, в первых строках одного из учебников по истории Украины для 7-го класса школьники узнают, что «история украинского народа насчитывает 140 тысяч лет» [10, с. 6]. Так как тогда на Земле жили неандертальцы, то приходится признать, что украинцы – особая ветвь человеческого рода, ведь все остальное человечество произошло от кроманьонцев. Но чаще тексты украинских учебников поражают цинизмом. Учеников 5-го класса учат: «Для нашей земли Вторая мировая война (понятие Великая Отечественная война в учебниках не используется, чаще говорят о «нацистско-советской» – С.С.) была наименее справедливой из всех войн» [2,

с. 224]. В головы учащихся вдалбливается мысль, что Украина была бесправной российской колонией, что имперская, а затем советская власть относились к украинцам как колонизаторы к туземцам. Оказывается, и наша общая беда, Чернобыльская катастрофа, результат угнетения украинцев: «Века подневольного существования разрушали не только культуру Украины, но и ее природу. Во все времена властители-чужаки безнаказанно грабили и уничтожали богатства нашей земли, совсем не заботясь о будущих поколениях» [2, с. 234].

Подобные примеры можно множить. Но взяться за эту статью меня заставили не только они. Вынудила задуматься заключительная фраза в работе крымских авторов Л. Моисеенковой и П. Марциновского: «критика украинских перегибов в этой области и нового мифотворчества не сопровождается критическим отношением к российским учебникам в их пренебрежительном отношении к Украине и ее исторической роли» [12]. Я задался вопросом: а каково украинцам читать наши, российские учебники по истории? И, что еще важнее – насколько они соответствующим образом изменением в положении России, переменам в ценностных установках россиян, которые произошли за последние десятилетия?

Для анализа было выбрано несколько учебников, рекомендованных Министерством образования или, позднее, Министерством образования и науки Российской Федерации. Слава Богу, ни в одном из них история русских не возводится к неандертальцам, и вообще они отличаются достаточно высоким научным и методическим уровнем. В учебнике для 6 класса «История Отечества», одним из авторов которого является Б.А. Рыбаков [14], подчеркивается, что «предки русских, украинцев и белорус-

сов на протяжении X–XIII вв. составляли единую народность, имели общую культуру и язык». Учеников просят дать ответ на вопрос: «В чем вы видите значение существования общего государства предков русских, украинцев и белорусов для современного этапа их истории?». На первых же страницах учебника указывается, что «для славян жизненной необходимостью стала оборона от беспощадных соседей». Можно подумать, что сами славяне отличались кротким и миролюбивым нравом. В тексте учебника можно найти следы скрытой полемики с украинскими историками, утверждающими, вслед за их идеологом М. Грушевским, что история России имеет такое же отношение к истории Киевской Руси, как история Галлии к истории Древнего Рима. В любом украинском учебнике можно прочитать, что русские – это потомки не столько древних славян, сколько угро-финнов и монголо-татар, а российские земли, когда-то входившие в состав Древнерусского государства, были глухой периферией Киевской Руси. Да и само название – Русь – «украдено» у украинцев.

Украинские историки в качестве одного из доказательств того, что выходцы из северо-западной Руси были чужаками на юге, любят приводить эпизод разграбления Киева суздальцами во главе с Андреем Боголюбским в 1169 г. Б.А. Рыбаков избегает рассказа об этом факте, ограничиваясь тем, что помещает средневековую миниатюру на эту тему. Но на этой же странице учебника рассказывается о том, как в самом начале XIII в. волынский (т.е. в терминологии современных украинских школьных учебников, украинский) князь Роман вместе с половцами разорил Киев. По этому поводу даже приводится отрывок из летописи. Автор явно намекает на то, что по отношению к Киеву волыняне проявили себя ничем не лучше суздальцев. В целом, если говорить о древнерусском периоде, авторы этого учебника все еще остаются в парадигме того времени, когда Украина и Россия находились в составе одного государства. Ощущение такое, что читаешь учебник по истории СССР того же академика Рыбакова. После описания монгольского нашествия история южных и западных русских земель практически исчезает с его страниц.

В учебнике для 10 класса по истории России с древнейших времен до конца XVI в., написанном известным историком А.Н. Сахаровым [15] учтены изменения, про-

изошедшие в геополитическом положении России после 1991 г. Автор учебника указывает, что начальная восточнославянская государственность имела два центра и «сформировалась в Среднем Поднепровье во главе с Киевом и в северо-западном районе во главе с городами Ладогой и Новгородом». Ничего подобного в украинских учебниках вы не прочтете. Кстати, не было речи об этом и в советских учебниках, в них единственным центром Древней Руси провозглашается Киев. Говоря о захвате Киева Олегом, автор подчеркивает, что «с тех пор 882 г., год победы новгородского Севера над Киевским югом, отмечается как начало Русского государства». На решающей роли Новгорода в определении того, кто будет великим князем Киевским, акцентируется внимание школьников и при описании обстоятельство вокняжения Владимира и Ярослава. В то же время, говоря о раздробленности на Руси в XII – начале XIII вв., А.Н. Сахаров, как мне представляется, уделяет неоправданно много внимания событиям, происходившим на юге и юго-западе Руси. Одновременно он даже в какой-то степени солидаризируется с украинскими историками: «Ну что общего было между лесной, холодной Северо-Восточной Русью и южной, теплой Волынской землей? Это были совершенно разные миры». Подчеркивает он и значение погрома, учиненного в Киеве войском Андрея Боголюбского. При этом Сахаров отмечает, что «культура восточных славян была единой, хотя и имела свои особенности – одни для Поднепровья, другие – для Северо-Восточной Руси, третьи – для северо-западных земель». Представляется, что при рассказе о древнерусском фольклоре автору этого учебника было бы не лишним упомянуть, что былины, знаменитые памятники той эпохи, сохранились только в памяти русского народа, тогда как белорусы и украинцы забыли их. При описании событий XIV–XVI вв. судьбы южных земель бывшей Киевской Руси упоминаются только в контексте борьбы Московского государства с Литвой и Польшей за древнерусское наследство.

С этой точки зрения нужно отметить учебник С.В. Перевезенцева и Т.В. Перевезенцевой для 6 класса [13]. В нем целый пункт параграфа посвящен положению южных русских княжеств во второй половине XIII – начале XIV вв. Справедлива и констатация, что «к концу XIII века только северо-восточные

русские княжества сохранили силы для борьбы с Ордой за объединение русских земель». При этом удивляет откровенно клерикальное содержание учебника, допущенного, тем не менее, к использованию в школах Министерством образования и науки. Вызывает недоумение, зачем авторы поместили на форзац учебника среди портретов русских князей (почти все из них весьма условны) вымышленные изображения князей юго-западной Руси Ярослава Осмомысла и Даниила Романовича Галицкого. Они что, надеются на возвращение Волыни и Галиции в состав России? Если же вернуться к учебнику А.Н. Сахарова, то нельзя не отметить – когда он говорит о том, что уже в конце XV–XVI вв. Россия формируется как многонациональное государство, то он не выделяет среди других народов украинцев и белорусов: «во время русско-литовской войны (1500–1503) московские войска добыли для Руси Чернигов, ... Гомель и некоторые другие русские города».

Стремление обновить содержание характерно для авторов учебника под общей редакцией Р.Ш. Ганелина [7]. Говоря о Великом княжестве Литовском, его авторы пишут о том, что «население княжества считало себя Русью, в то время, как жителей Северо-Восточной Руси предпочитали называть владимирцами, тверичами, новгородцами, а позже – москвитями». Правда, возникает вопрос, кто предпочитал называть москвитов москвитями – они сами или, все-таки, жители Литовского государства. Вхождение Украины в состав России называется в этом учебнике «присоединением». Они честно пишут, что «хмельнитчина» сопровождалась большими жертвами, вспышками национализма, еврейскими погромами».

Многие украинские историки настаивают, что во времена Хмельницкого Украина стала независимым государством. Авторы учебника для 10 класса А.Н. Сахаров и А.Н. Боханов [16] солидарны с ними: «В конце 1640-х – начале 1650-х гг. Россия признала Украину в качестве самостоятельного государства и установила с ней официальные дипломатические отношения». В этом учебнике отмечается и большое значение деятельности ученых украинских монахов, приглашенных в Москву из Киева для обучения юных россиян славянскому и греческому языку, философии и другим наукам, в развитии просвещения в Московском государстве.

Авторы учебника для 6 класса из самой распространенной современной линейки учебников по истории России, А.А. Данилов и Л.Г. Косулина [3] смогли, как мне кажется, найти правильный подход к рассмотрению истории южных и юго-западных земель древней Руси в первые века после монгольского нашествия. В учебнике, отличающемся тщательным отбором исторического материала, есть, тем не менее, целый параграф («Русь и Литва»), посвященный формированию и развитию Литовско-Русского государства. Данилов и Косулина подчеркивают, что в XIV веке оно могло стать центром объединения русских земель, и вся история Восточной Европы пошла бы тогда по-другому. «Присоединив к себе западные и юго-западные земли Руси, оградив их от ордынского владычества, Литва имела все шансы стать центром притяжения и для северо-восточных, и северо-западных земель». А.А. Данилова и Л.Г. Косулина дают характеристику особенностям формирования великорусской, украинской и белорусской народности. Они подчеркивают: «Это был очень длительный процесс. Он продолжался несколько столетий. Еще очень долгое время восточнославянские жители и Русского государства, и Великого княжества Литовского, и Польши считали себя русскими, а свой язык – русским». Это справедливое утверждение прямо противоречит одному из основных тезисов украинских учебников, согласно которому жители территорий, входящих в состав современной Украины, ощущали себя украинцами чуть ли не со времен Ярослава Мудрого. Современным украинским историкам вряд ли понравилось бы утверждение, что «северо-восточная Русь, хотя и оказалась в зависимости от Золотой Орды, тем не менее, наиболее полно сохранила древнерусскую культуру и язык». Думается, нелишним было бы рассказать ученикам и то, что традиция древнерусского летописания сохранилась именно в этой части восточнославянских земель, и подавляющее большинство летописей было обнаружено именно здесь.

Взвешенные оценки российско-украинских отношений характерны и для учебника для 7 класса тех же авторов [4]. В нем рассматривается история страны в конце XVI–XVIII вв. Говоря о «воссоединении Украины с Россией» (такая характеристика событий 1654 г. сегодня на Украине считается почти крамолой), А.А. Данилов и Л.Г. Косулина утвержда-

ют, что «украинская народность сформировалась в основном в XV веке». Многие украинские историки посчитали бы такую временную характеристику слишком поздней, но и в России немало специалистов, которые сочли бы ее слишком ранней. В отличие от авторов большинства российских учебников, посвященных истории нашей страны XVII–XVIII вв., Данилов и Косулина прослеживают, как в это время менялась ситуация на Украине. Важным представляется их замечание, что в 1735 г. при Анне Иоанновне «повинности украинского зажиточного казачества были... сведены практически лишь к военной службе, в то время как рядовые казаки по своему положению оказались приравнены к крестьянам». Фактически это был шаг к превращению казачьей верхушки в российское дворянство. Этот процесс как-то плохо соотносится с еще одной догмой нынешней украинской историографии, согласно которой Украина постепенно превратилась в колонию «Московщины», т.е. России. Авторы обращают внимание и на то, как шаг за шагом правительство империи ликвидировало самоуправление в своих малороссийских землях. При этом необходимо отметить, что мало кто из авторов российских учебников обращает внимание на факт закрепощения украинских крестьян в 1783 г., ликвидацию Запорожской Сечи и украинской автономии в 1785 г.

Чем ближе к XX веку, тем меньше места на страницах российских учебников занимает украинская тема. Так, например, в учебнике для профильных классов по истории России конца XVII – XIX вв. [1], Украина фактически упоминается только дважды: в связи с ликвидацией гетманства, а также по поводу Полтавской битвы и измены гетмана Мазепы. Кстати, в российских учебниках мотивы Мазепы, как правило, не обсуждаются, он как был, так и остается безусловным антигероем нашей истории. Украинская правящая элита этого мнения не разделяет.

Говоря о том, каким предстает Мазепа перед учениками российских школ, нельзя не отметить учебник для 10 класса, написанный А.А. Левандовским [9]. Его автор, в отличие от большинства своих коллег, пытается разобраться в мотивах перехода гетмана на сторону шведов. По его мнению, Мазепа хотел вернуть Левобережную Украину в подданство польского короля, потому что понимал, что так будет легче сохранить «права и привилегии» ка-

зачьей верхушки, а в случае победы Москвы они окажутся под угрозой. Основная масса казаков в свою очередь, считала, что гетман руководствуется эгоистическими интересами старшины и поэтому не поддерживала его. Нужно отметить, что автор этого учебника попытался объяснить ученикам и то, как сказались разделы Польши на положении населения территорий, отошедших к России. «Положение православных с вероисповедальной точки зрения несравнимо улучшилось (Положение католиков, естественно, ухудшилось, хотя католическая церковь в России находилась не в столь униженном положении, как православная в Речи Посполитой). Что касается социального и материального положения основной массы населения, то здесь нелегко провести сравнение. Своеволие шляхты по отношению к населению теперь заметно уменьшилось, зато возрос государственный гнет».

Если говорить об учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной по истории России в XIX в. [5], то в самом его начале заявляется позиция, оправдывающая равнодушие авторов к тем проблемам, которые, в свою очередь, ставятся во главу угла создателями учебников по истории Украины. По мнению авторов, национальный состав населения России был неоднородным. «Его основу составляли русские. На юге и западе европейской части страны они жили наряду с украинцами и белорусами. Русские (великоруссы), украинцы (малороссы) и белорусы считались тогда единым народом». При этом авторы данного учебника, говоря о революционном движении в России, рассказывают о Кирилло-Мефодиевском обществе на Украине, об историке Н.И. Костомарове и поэте Т.Г. Шевченко. При характеристике национального состава российской буржуазии они упоминают об ее украинской прослойке. Для сравнения, в другом учебнике истории XIX в. [11] (автор Л.М. Ляшенко) проблемы Украины и развития украинского народа в составе России вообще не упоминаются ни разу!

Говоря о революции 1905 г., авторы учебника для 9 класса по истории России в XX в., а в состав его авторского коллектива вошел авторитетный современный российский историк О.В. Волобуев [8], обращают внимание на роль национальных движений в ее ходе. Указывается, что национальные социалистические партии, в том числе и на Украине, выступали за установление «демократической федеративной республики с предоставлением националь-

но-территориальной или национально-культурной автономии, с гражданским и языковым равноправием всех народов». Давая характеристику правам черносотенных организаций, авторы учебника констатируют, что в их состав «входили не только русские, но и украинцы, и белорусы, которые считались частью русской народности». Думается, было бы логичным подчеркнуть, что подавляющее большинство еврейских погромов происходило в «черте оседлости», т.е. на территории современных Украины и Белоруссии. История революции 1917 г. и гражданской войны излагается в учебнике так, что территория Украины оказывается только ареной борьбы красных и белых, а роль национальных движений в событиях совершенно не учитывается. При рассказе о советском периоде тема Украины на страницах учебника практически не звучит и, если Украина упоминается, то в перечислении. Например: «В 1932–1933 гг. начался массовый голод, охвативший Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан и другие зерновые районы страны». Учитывая, что тему «Гладомора» политические силы на Украине используют для того, чтобы посеять рознь между украинцами и россиянами, представляется необходимым, чтобы авторы российских учебников взвешенно оценивали причины голода как на Украине, так и в других районах страны.

Лучшей (и, кстати, самой востребованной) линейкой учебников нужно признать ту, в создании которой главную роль сыграли А.А. Данилова и Л.Г. Косулина [6]. В частности, только они указывают на то, что в конце XIX – начале XX вв. правительство империи проводило политику русификации национальных окраин. Но и они рассматривают историю революции и гражданской войны исключительно в системе координат противостояния красных и белых. Создание Советского Союза описывается ими фактически в русле концепции советских времен, и ни слова не говорится о том, что произвольно проведенные границы между республиками и автономиями стали предпосылками будущих межнациональных проблем, разрушивших СССР. Авторы учебника, в отличие от многих других, говорят о том, какая национальная политика проводилась советской властью в 20–30-е гг. и, например, политику «украинизации» оценивают весьма неоднозначно. Рассказывая о Великой Отечественной войне, они посвящают

отдельный параграф тому, какую роль народы СССР сыграли в борьбе с немецким фашизмом, не обходят они и вопрос коллаборационизма, в том числе и украинского. При изложении истории СССР во второй половине XX в. о национальных проблемах страны в учебнике не говорится ни слова, и только при описании событий 1991 г. упоминается, что среди бывших союзных республик, провозгласивших независимость, была и Украина.

Представленного материала достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. В первую очередь необходимо констатировать, что авторы российских учебников в тех случаях, когда они затрагивают украинскую проблематику, корректны в оценках и основываются на концепциях российской исторической науки, формировавшихся более чем два века. Они не грешат модернизаторством, переносом в прошлое современных представлений о национальных ценностях, что, увы, так характерно для украинских учебников. Недостатком большинства учебников является то, что начиная с XIV века, развитие южнорусских и западнорусских земель практически не освещается. Прослеживается очевидная тенденция – чем ближе к сегодняшнему дню, тем меньше могут узнать российские школьники из учебников по истории о том, что происходило на Украине и чем она жила. При чтении значительной части учебников возникает ощущение, что люди, их написавшие, и сегодня считают, что история Украины и Белоруссии является органичной частью истории России и отдельного внимания не заслуживает. Вряд ли такой подход может найти понимание у наших соседей, уже почти два десятилетия живущих самостоятельной государственной жизнью.

Что же делать? В первую очередь нам нужно осознать, что история России и история Российской империи или Советского Союза – совсем не одно и то же. Нужно вернуться к идее написания истории взаимоотношений России и Украины силами историков двух стран, к идее создания совместного если не учебника, то, по крайней мере, методического пособия для учителей истории. Взаимные обвинения в фальсификации истории имеют только разрушительный эффект. Нужен диалог, и заинтересованы в нем обе стороны, потому что большей беды, чем разрушение русско-украинского или украинско-русского родства для наших народов быть не может.

1. Буганов В.И., Н.Зырянов П.Н., Сахаров А.Н. История России: Конец XVII – XIX век: Учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений / РАН, Рос. акад. образования. – 13-е изд. – М.: Просвещение, 2007. – 336 с.
2. Власов В.С., Данилевська О.М. Вступ до історії України: Підруч. для 5 кл. загальноосв. навч.закладів. – Київ: Генеза, 2002. – 224 с.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. С древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 9-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 256 с.
4. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. Конец XVI – XVIII век. 7 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 9-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 240 с.
5. Данилов А.А. История России. XIX век. 8 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 11-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 287 с.
6. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX – начало XXI века. 9 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 384 с.
7. Журавлева О.Н., Пашкова Т.И., Кузин Д.В. История России: 10 класс: Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / Под. общ. ред. чл.-корр. РАН Р.Ш.Ганелина – М.: Вентана-Граф, 2010. – 368 с.
8. История России. XX век. 9 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений / О.В.Волобуев, В.В.Журавлев, А.П.Ненароков, А.Т.Степанищев. – 6 изд., пересмотр. – М.: Дрофа, 2007. – 318 с.
9. Левандовский А.А. История России XVIII – XIX веков. 10 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений: Базовый уровень. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 256 с.
10. Лях Р., Темірова Н. Історія України: Підруч. для 7 кл. – Київ: «Генеза», 2003.
11. Ляшенко Л.М. История России. XIX век. 8 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений – 9-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2008. – 237 с.
12. Моисенкова Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках. Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма. – URL: [http:// scepsis.ru/library/id_2169.html](http://scepsis.ru/library/id_2169.html)
13. Перевезенцев С.В., Перевезенцева Т.В. История России с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. – 2-е изд. – М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2010. – 296 с.
14. Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История Отечества: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений. – 11 изд. – М.: Просвещение, 2006. – 222 с.
15. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. Ч.1: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. – М.: ООО «ТИД Русское слово – РС», 2006. – 320 с.
16. Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX века. Ч.2: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. – 4-е изд. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – 480 с.

ЦЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: АНГЛИЙСКИЕ ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛОЗУНГА

Определяются базовые ценности публичной сферы, выраженные формулой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Анализируются работы Т. Гоббса, Дж. Локка. Утверждается, что философское обоснование ценностей публичной сферы присутствует в трудах Гоббса, что английская философия дает общее обоснование лозунга «Свобода, Равенство, Братство», но не содержит его как такового.

Ключевые слова:

братство, диалог, естественное состояние, политическое состояние, публичная сфера, равенство, свобода, ценности

Определяя понятие «публичность» («публичная сфера»), современные исследователи обычно опираются на работы Ю. Хабермаса. Несколько реже можно встретить ссылки на труды Х. Арндт. Между тем, некоторые ученые (Д. Вольтон [9], В.А. Каплуин [5]) в поисках истоков обращаются к философии И. Канта. Отметим, что, хотя понятие публичности и становится популярным на рубеже 50–60 гг. прошлого века благодаря философско-культурологическим работам названных немецких исследователей (сначала понятие публичной сферы стало ключевым в «Vita activa» Х. Арндт [1], а потом в труде, специально этой сфере посвященном, Ю. Хабермаса [8]), они вовсе не были первопроходцами. К середине XX в. термин был не только в ходу, но и разработан как понятие, было прослежено историческое становление реальности публичной сферы [7]. Подводя итоги конструирования понятия, А.О. Зиновьев пишет: «Публичная сфера понимается как сфера коммуникативного действия, направленного на общие интересы; это совокупность обыденных неприватных коммуникаций, противостоящих политической и экономической системам, которые интегрируются посредством власти и денег» [3].

Коммуникативное пространство публичной сферы базируется на признании равенства в диалоге различных субъектов. Отсутствие принципиального, фундаментального различия субъектов диалога делает его попросту ненужным. Отсутствие равенства – невозможным, поскольку неравенство уже изначально предполагает не диалог в смысле сближения позиций, а подавление позиции одного субъекта позицией другого. Однако для того, чтобы диалог состоялся, необходим третий

элемент: общность. Это и общность интересов, делающая диалог целесообразным, и общность языка – в самом широком смысле, – делающая диалог возможным. Различие и общность выступают тут взаимопредполагающими понятиями, однако исторически очевидно, что такое соотношение они приобрели именно благодаря осознанию различия. Пока в обществе доминирует сознание «Мы», а различие очерчивает его границы в отношении с врагами, говорить о публичности не приходится, несмотря на то, что «общее» кажется господствующим безраздельно. Публичное возникает там и тогда, когда осознание различия пробирается внутрь прежде единого общественного субъекта, когда легитимность любого общественно-го деяния проблематизируется разностью причастных к нему индивидов. Кризис легитимности преодолевается в публичности, когда свободные в проявлении своего различия субъекты вступают в равный диалог ради обнаружения своего единства. Причем реализацию и защиту в этом диалоге обретает как различность, так и единство коммуницирующих сторон.

С нашей точки зрения, впервые целостную картину выстраивания единства в свободном диалоге различий дал Т. Гоббс. Обратим внимание на то, что описанный базовый уровень ценностей публичных коммуникаций был когда-то выражен в замечательном по краткости и емкости лозунге «Свобода. Равенство. Братство». Наше исследование будет посвящено поиску истоков этой триады в истории философской мысли.

Существует мнение, что знаменитая триада заимствована французами у Дж. Локка [2]. При этом не вызывает сомнений, что во французском обществе

62 XVIII в. была весьма распространена идеализация английской ограниченной монархии и обосновывающих ее концепций. А прямо накануне Революции Э.Ж. Сийес уже как самоочевидную мысль представляет едва ли не цитату из Локка: «...Свобода родилась раньше какого-либо общества, какого бы то ни было законодателя, ... люди объединились в общества лишь для того, чтобы одержать верх над бесчестными и под сенью приобретенной безопасности претерпеть более решительному, многообразному и плодотворному развитию своих моральных и физических склонностей» [6]. Поэтому оправданным будет обращение к наследию Локка для того, чтобы выяснить, что же понималось им под указанными терминами.

«Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше него власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием. Свобода, следовательно, — это не то, о чем говорит нам сэр Р. Ф. (Роберт Филмер. — *А.Д.*): “Свобода для каждого — делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никаким законом”. Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы» [4, с. 273–274].

Обратим внимание, что свобода не ограничена законом, не противоположна ему, как получалось, в частности, у Филмера, но свобода и есть возможность следовать закону и только ему. «Ведь закон в его подлинном смысле представляет собой не

столько ограничение, сколько руководство для свободного и разумного существа в его собственных интересах и предписывает только то, что служит на общее благо тех, кто подчиняется этому закону» [4, с. 292]. Свобода, таким образом, противопоставлена желанию отдельного человека. Это не антиномия, не оксюморон или парадокс. Это понимание свободы как возможности следовать голосу разума. Отличие Локка от Гоббса прежде всего в том, что Гоббс усматривает единство человеческой природы в единстве желания. А желания, по Гоббсу, носят индивидуальный характер. Поэтому политическое тело — конструкт, последующий физическому. (Но и делающий возможным существование физического тела как человеческого.) У Локка же единство человеческой природы — во всеобщности разума. Закон, желание ограничивающий, каким бы он ни был, — природным, естественным, политическим — по определению разумен. У Локка и в самом деле просматривается совершенно просвещенческий пафос: уберите все, что мешает разуму, и человек станет свободен. А как только он станет свободен, он станет и счастливым, поскольку, что же такое счастье, как не возможность жить по собственному разумению?

Существует как минимум два спорных допущения, лежащих в основе этой конструкции. Первое: единство индивидуального и коллективного разума. Второе: единство природы отдельного человека в разуме. Можно говорить, что оба положения выражают одну и ту же убежденность в верховенстве разума, а последнее автоматически предполагает единство и самого понятия «разум», и всех проявлений разумности. Заметим, что для Локка эти допущения не менее очевидны, чем для нас. Более того, для английского мыслителя очевидна и их спорность. Ведь, если бы и впрямь все обстояло так просто, то откуда взялась бы столь пагубная для человека неразумность? Как было бы возможно забвение того, что «все люди рождаются и живут свободными и равными», которое и есть единственная причина несчастий человечества, по авторам Декларации прав человека и гражданина Французской революции, да и самому Локку? Не однажды он проговаривается, что забвение это является следствием того, что отдельный человек — всего лишь человек. «...Абсолютные монархи всего лишь люди, и если правление должно быть средством, избавляющим от тех зол, которые неиз-

бежно возникают, когда люди оказываются судьями в своих собственных делах, и естественное состояние поэтому нетерпимо, то я хочу знать, что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда один человек, повелевая множеством людей, волен быть судьей в своем собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится, причем никто не имеет ни малейшего права ставить под сомнение правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть?» [4, с. 268]. Видимо, причина всех бед – ограниченность человеческой индивидуальности. Эта ограниченность приводит как к ошибкам размышления, так и к ошибкам желания. При этом, кажется, основой является ограниченность индивидуального разума. Заметим, что в приведенной цитате древнеримский принцип «никто не может быть судьей в собственном деле» получает объяснение не через пристрастность судьи в этом случае (о чем Локк тоже упоминает, но реже), а уравнивается с безапелляционным суждением о чужих делах.

Локк, впрочем, не объявляет заведомо ложным любое желание. Он предполагает, что есть ряд желаний, вложенных в человека Богом, т.е. именно тех желаний, которые выражают естественный закон помимо всякого индивидуального осознанного намерения. Так, «Бог в своей бесконечной мудрости вложил в конституцию людей сильное желание совокупления, чтобы тем самым продолжить человеческий род, что он по большей части делает без проявления такого намерения со стороны родителя, а часто против его согласия и воли» [4, с. 178]. Таким образом, оказывается возможной ситуация, когда индивидуальное желание приходит в противоречие с желанием естественным. Судьей, определяющим естественность (т.е. закономерность) желания, является истинный разум. «...Поскольку желание, сильное желание сохранить свою жизнь и бытие было как принцип действия заложено в нем (человеке. – А.Д.) самим Богом, разум, «который был в нем голосом Бога», не мог не внушить ему и не заверить его, что, следуя своей естественной склонности к сохранению своего существования, он выполняет волю своего творца» [4, с. 203–204]. Иначе: разум позволяет выяснить, насколько то или иное желание присуще всему человеческому роду. В случае положительного ответа желание признается естественным, разумным, за-

кономерным. Реализовывать его – значит быть свободным. Так естественное отождествляется с социальным. Но повторим: индивидуальный человеческий разум ограничен и его еще предстоит ввести в разум истинный.

Эта исходная ограниченность индивидуального разума приводит к тому совершенно новому, по сравнению как с Гоббсом, так и с античными мыслителями, пониманию естественного состояния, которое мы обнаруживаем у Локка. Платоновский Сократ в «Государстве» предполагает какое-то исходное состояние человека, когда люди живут порознь и не могут сами себя обеспечить всем необходимым. Гоббс, очевидно, не верит в такое исторически данное состояние, но предполагает его как методологический принцип. Локк же, подобно огромному количеству своих предшественников, заявляет, что естественное состояние было на самом деле. Более того – оно есть. И есть совершенно актуально – в наличном бытии. Просто Локк переопределяет естественное состояние. Это не полностью автономное в социальном отношении бытие человека, а бытие вполне общественное. Потому что только в общественном бытии разум может проявиться в полной мере. Естественное состояние человека – это состояние отсутствия политической власти, но наличия единого общества. «Люди, живущие вместе согласно разуму, без кого-либо, повелевающей всеми ими, имеющей власть судить между ними, действительно находятся в естественном состоянии» [4, с. 271]. Естественное состояние – благо, к которому нечего добавить. Точнее – было бы таковым, если власть каждого в собственном деле могла быть разумной. И коль скоро было бы возможно всех ввести в истинный разум, то и политической власти бы не потребовалось. Отсюда – закономерный интерес Локка к проблемам воспитания. Педагогическая система оказывается альтернативой, но одновременно и дополнением, и основанием системе политической. При этом вспомним, что никакой «естественности» в процессе воспитания Локк не предполагает: им регулируется даже график посещения воспитуемым уборной.

Любопытно, что, в результате переход от естественного состояния к политическому лишен у Локка того онтологического драматизма, который присутствует в рассуждениях Гоббса. Если у последнего для создания самого себя человеку нужно от

себя же и отказаться, то Локк рассматривает этот переход как отказ в одном отношении во имя приобретений в другом. А именно: человек отказывается от судебной и исполнительной власти во имя гарантий права собственности. Но, поскольку он отказывается от таких видов власти только в той мере, в какой это связано с защитой его собственности, а в целом ряде иных отношений (семейных, господских и проч.) он свою естественную свободу сохраняет, то политическое состояние принесит человеку одну только выгоду. Т.е. при естественном состоянии было хорошо, а при политическом становится еще лучше. «Все прекрасно в этом лучшем из миров».

Равенство, по Локку, основывается на природном сходстве и выражается в том, что никто не может быть властителем другого без его согласия. Уточнение «без его согласия» фактически означает, что господин, даже сделавшись таковым (т.е. приобретая определенные права распоряжаться действиями слуги), остается все же в равном положении со слугой, поскольку и тот, и другой связаны условиями свободно заключенного договора. При этом Локк предусматривает возможность попадания в услужение и рабство в наказание за преступление. Это положение противоречит желанию слуги, однако, лишь его индивидуальному желанию. Ведь совершая преступление, нарушая разумный закон, он, в силу своей разумной природы, знает или может знать о последствиях нарушения. Таким образом, желание избежать негативных для себя последствий является неразумным, свободе противоречит. А свободой является как раз несение наказания, в т. ч. и в виде повиновения чужой воле.

Итак, равенство – это «равное право на свою естественную свободу, которое имеет каждый человек, не будучи обязан подчиняться воле или власти какого-либо другого человека» [4, с. 291]. Однако, как мы уже выяснили, существуют неразумные существа, в т. ч. и человеческого вида, которые, в силу своей неразумности, не могут быть свободны, а значит, не могут быть равны. У них просто нет предмета равенства. В отношении неразумных существ разумные люди обладают властью. Вряд ли можно назвать позицию Локка в этом вопросе вполне последовательной. Одним неразумных существ он предполагает ввести в истинный разум, и это введение является обязанностью разумного чело-

века. Других в разум ввести невозможно, но среди них выделяются два разряда. О слабоумных надо заботиться, а животных следует использовать. Обоснования такого деления Локк не предлагает.

Рассуждения Локка на эту тему, как и в ряде других мест, сильно напоминают аристотелевский подход. (И здесь вновь проявляется коренное отличие Локка от Гоббса. Последний Аристотеля поминал часто, но лишь для того, чтобы с ним категорически не согласиться. Локк Стагирита не вспоминает, но во многом образует ему параллель.) Аристотель также связывает свободу, равенство и разум. Греческий мыслитель различает господскую и политическую власти. Господская – это власть над существами, причастными разуму лишь настолько, чтобы понимать приказы (рабами), а политическая – над существами, разумными самими по себе. В последнем случае мы имеем дело с равенством, поскольку при правильной форме политики управляющий и подчиняющийся – это одно и то же лицо. По Аристотелю, целое всегда предшествует части, и общество первично по отношению к человеку. Только в обществе человек становится самим собой – Аристотелю принадлежит знаменитое определение человека как политического существа – только в свободном обществе человек может быть свободен. И потенциальный природный раб с потенциальным природным господином освобождаются, лишь вступив во взаимовыгодный симбиоз. Вместе с Аристотелем Локк видит единство человеческих отношений в основе разумного и свободного бытия отдельного человека. Однако Локк, в соответствии с христианскими и новоевропейскими взглядами, радикально выделяет человека из окружающего мира. Для него непонятно аристотелевское обнаружение домашних животных и женщин на одной ступени разумности. Т. е. можно говорить о том, что Локк выступает за права женщин и в этом отношении более «прогрессивен». Но, с другой стороны, Аристотель связывал все элементы мира «дружественностью», любовью, у Локка же подобные чувства могут быть только между людьми, остальной мир дан человеку в пользование. Думается, что отсюда – один шаг до провозглашаемого И. Кантом убийства незаконнорожденного ребенка, потому что рожденный не в законе, не в разуме – и не человек вовсе. Заметим, что ни Локка, ни Канта не принято обвинять в антигуманности.

В итоге можно сказать, что свободны и равны все разумные существа (во всяком случае, человеческие), а степень разумности определяется по готовности рассматривать другого как свободного и равного себе. Собственно о братстве Локк ничего не говорит, хотя, на наш взгляд, подобное понятие вполне бы вписалось в локковскую конструкцию. Тем не менее, поскольку для английского философа, в конце кон-

цов, важнее всего было обосновать право на собственность, где братских отношений не обнаруживается, то и размышлениям на этот счет места не находится. Таким образом, хотя Локк и можно признать духовным отцом Просвещения и вообще близким «старшим родственником» того, что Хабермас назвал незавершенным проектом, сущностная формула этого проекта не принадлежит английскому философу.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Грицанов А.А. «Трактат о гражданском правлении» – сочинение Локка (1690) // История философии. Энциклопедия. Составитель и главный научный редактор А.А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – 1376 с.
3. Зиновьев А.О. Роль дискурса в организации политических позиций. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/2003/4/5aZinovev.pdf>. Дата обращения: 12.09.2009.
4. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
5. Малинова О.Ю., Сунгуров А.Ю. Отчет о совместном заседании семинара по проблемам публичной политики (19-е заседание) и семинара «Политические идеи и идеологии в публичной сфере». – СПб., 23 марта 2007 г. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.garh.ru/?group=209&doc=2065>. Дата обращения: 27.01.2010.
6. Свобода. Равенство. Братство. Великая французская революция: Документы, письма, речи, воспоминания, песни, стихи / Сост., вступ. статьи, биограф. справки, примеч. О. Кустовой, С. Короткова. – Л.: Дет. лит., 1989. – 464 с.
7. Bruner O. *Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter*. – Brünn, 1943. – 386 s.
8. Habermas J. *The structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry a Category of Bourgeois Society*. – Cambridge: Polity Press, 1962. – 301 p.
9. Volton D. *Espace public*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.wolton.cnrs.fr/FR/dwcompile/glossaire/esp_public.html. Дата обращения: 23.01.2010.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Теоретически исследуется проблема ресурсов власти. Особое внимание уделяется соотношению насильственных и ненасильственных ресурсов, обоснованию положения о том, что в современном обществе происходит сдвиг в диапазоне ресурсов в пользу их ненасильственных форм. Обозначается специфика проблемы в модернизирующемся обществе.

Ключевые слова:

авторитет, власть, влияние, манипулирование, мобилизация ресурсов власти, политическая власть, ресурсы власти, ресурсы высоколиквидные, ресурсы насильственные, ресурсы ненасильственные, ресурсы низколиквидные, ресурсы нормативные, ресурсы утилитарные.

Политическая власть – наиболее актуальная и интересующая исследователей проблема. До сих пор ни один исследователь не смог предложить такую концепцию власти, которая была бы универсальной и описывала все важнейшие свойства и атрибуты власти. В разное время власть имущие использовали различные ресурсы для влияния на массы.

Термин «ресурсы власти» употребляется в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова – это все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других. При таком подходе различные элементы власти можно дифференцировать и по их функциям, и по роли, и по значению, поскольку в ресурсы включают все факторы, способные повлиять на процесс отправления власти: собственные качества субъекта власти; свойства объекта властного отношения; благоприятную для реализации властной воли ситуацию; разнообразные средства воздействия – физические, экономические и т.д.

При таком подходе утрачивается специфика ресурсов власти как относительно самостоятельного звена в системе властных отношений. Поэтому для изучения ресурсов власти больше подходит узкая их трактовка, которая преобладает в политической социологии: «средства, с помощью которых один актер может оказать влияние на других» [5, с. 207; 9, с. 352].

Кроме термина «ресурсы власти» в политической литературе используются и другие заменяющие его термины – «основы власти», «средства власти» и т.д. Согласно приведенному определению к властным ресурсам относятся следующие их разновидности:

– важные для объекта ценности, контролируемые субъектом власти (предметы потребления, деньги, условия жизнедеятельности);

– средства, способные повлиять на внутренний мир, мотивацию человека (СМИ, проповедь в церкви и т.п.);

– орудия (инструменты), с помощью которых можно лишить человека тех или иных ценностей, в том числе высшей – жизни (карательные органы, оружие).

Само понимание того, что такое ресурсы власти, неодинаково у различных исследователей. Американский политолог М. Роджерс определяет ресурсы власти как «благо, обладание которым повышает способность его обладателя оказывать влияние на других индивидов» [цит. по 2, с. 35]. В самом же широком смысле ресурсы власти понимаются как «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других» [11, с. 31]. То, что власть обусловлена каким-то набором ресурсов, позволяющих субъекту реализовать свою волю в отношении объекта, считается общепринятым у исследователей власти. «Основными элементами любого объяснения власти, – пишет Р. Мартин, – являются цели актора и распределение ресурсов, необходимых для их достижения» [22, с. 50]. Характеризуя роль «ресурсов» в объяснении и исследовании властных отношений, Р. Даль подчеркивает, что анализ их распределения между индивидами и социальными группами в различных обществах и исторических условиях – «это древний, общепризнанный, распространенный и убедительный способ объяснения, использованный Аристотелем в Греции в IV в. до н.э., Джеймсом Хэрингтоном в

XVII в. в Англии, отцами-основателями в Американской конституции и многими выдающимися учеными XX в.».

Анализ ресурсов совершенно необходим для понимания распределения власти в обществе, он помогает выделить различные формы власти и оценить ее основные параметры. Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов [5, с. 352].

Все авторы согласны с тем, что ресурсы власти могут быть различными, и нет единого ресурса власти. Например, Э. Этциони выделяет принудительные ресурсы, ресурсы, дающие выгоды, и нормативные ресурсы власти. С. Бэкэрэк и Э. Лолер добавляют к этой классификации еще один тип ресурсов власти – знание [4, с. 34]. Х. Лассуэл и Э. Каплан выдвинули схему, в которой выделяют восемь основных ресурсов («основных ценностей») власти: власть (которая может выступать основой для другой (большей) власти), уважение, моральный долг, любовь, благосостояние, богатство, умения и просвещенность [21, с. 87].

Даль предложил еще более подробный перечень ресурсов политической власти, включающий свободное время акторов, деньги и богатство, контроль над рабочими местами, контроль над информацией, социальное положение, обладание харизмой, популярностью и легитимностью, должностные права, солидарность, способность получить поддержку других людей и групп и др. [12, с. 226]. Умения (skills) Даль не включает в свой перечень ресурсов, хотя и признает, что формально умения могут рассматриваться как «особый ресурс». Единственный мотив невключения состоит в том, что «они считаются очень значимыми для объяснения различий между властью разных лидеров» [10, с. 45].

Однако данный аргумент выглядит не вполне убедительно. Достаточно вспомнить Д. Болдуина, который указывает, что «то же самое можно сказать и в отношении многих других ресурсов власти» [5, с. 207]. Т. Бентон предлагает разграничить «возможности» (capabilities) и «ресурсы» (resources). Первые относятся к «внутренней природе» акторов, вторые – к их внешним структурным свойствам [6, с. 298].

Подход Бентона базируется на реалистской методологии, в частности, на идеях, развитых Р. Харре и Э. Мэдденом. Они считают, что власть человека (или вещи) связана с его (ее) природой: «X имеет власть сделать A означает, что X может сделать A или сделает A при соответствующих условиях в силу своей внутренней природы» [19, с. 86]. «Природа здесь, – пишет Бентон, – включает структуру, состав и состояния субъекта, о котором идет речь. При утверждении о наличии власти ее сущность остается открытой, хотя смысл ссылки на нее состоит в том, чтобы привлечь внимание к действию самого субъекта при осуществлении его власти и к преимуществам ссылки на его внутреннее состояние и структуру, в отличие от внешних условий, при объяснении осуществления его власти» [6, с. 298].

Соглашаясь с основными положениями реалистского подхода, Бентон, однако, считает, что анализ, сделанный Харре и Мэдденом, не может непосредственно использоваться применительно к понятию социальной власти, поскольку последняя, в отличие от индивидуальных способностей человека, связана не только с «внутренней природой» людей, но и с их «внешними» отношениями с другими людьми и материальными объектами [6, с. 297].

Некоторые авторы также подчеркивают, что знания, умения, компетенция, внутренняя организация, солидарность и другие качества подобного рода, которые Бентон отнес к «возможностям», играют специфическую роль во власти. Э. Голдмен пишет, что для обладания властью обязательно нужны информационные ресурсы: субъект должен иметь определенные знания действий, которые могут обеспечить достижение желаемого результата. Отсутствие соответствующей информации означает отсутствие власти [18, с. 230]. С. Бэкэрэк и Э. Лолер, Д. Ронг [23, с. 148] и другие исследователи также считают, что знания играют особую роль в осуществлении власти, однако они не ограничивают «ресурсы» исключительно «внешними» средствами воздействия.

Здесь необходимо обратить внимание на отличия этого подхода от упоминавшихся, делающие его более обоснованным. Во-первых, роль различных ресурсов во властном отношении в известном смысле одинакова: они являются средствами воздействия субъекта на объект, выражают их неравенство и зависимость объекта от субъекта. Во-вторых, в некоторых случаях

власть, как уже отмечалось, основывается исключительно на ресурсах, например, на физической силе, обладании важной информацией или интеллектуальном превосходстве. То есть власть вполне может обходиться и без «внешних» ресурсов. Вследствие этого, отнесение к ресурсам власти только внешних средств воздействия субъекта на объект может привести к возникновению следующей логической цепочки: субъект может обладать властью, не обладая ресурсами власти.

«На мой взгляд, понятие “ресурсы власти” следует относить к любым средствам, используемым субъектом для подчинения объекта – физическим, психологическим, социальным, организационным и др., т.е. использовать его в самом широком смысле, как в приведенном выше определении. Мы можем считать ресурсами власти легитимность и оружие, богатство и официальный статус, какие-то идеи и элементы окружающей среды, традиции и людей (власть *A* над *B* может быть ресурсом власти *X* над *Y*) и т.д. Это не мешает проводить различия между видами ресурсов власти и относить некоторые из них (соответствующие знания, умения, элементарные физические способности субъекта) к числу обязательных», – отмечает В.Г. Ледяев [1, с. 219].

При таком широком понимании термина «ресурсы власти» трудно проводить различие между тем, что считать ресурсами власти, а что нет. Точнее следует говорить о средствах, обеспечивающих подчинение объекта субъекту. Во-первых, ресурсами власти субъекта можно обоснованно считать только те средства воздействия на объект, которые субъект контролирует и может использовать в нужное время. К таким нельзя относить все возможные средства, потенциально способные обеспечить подчинение объекта в силу того, что многие из них не контролируются субъектом или недоступны ему. Во-вторых, практически любой материальный предмет, духовная сущность или норма могут использоваться в качестве ресурса власти.

Однако нельзя распространять это утверждение на любой объект. Например, при помощи денег нельзя повлиять на тех людей, которые в них не нуждаются (оружие не в силах заставить подчиняться тех, кто не дорожит своей жизнью; легальная позиция может и не оказать влияния на тех, кто не привык к соблюдению правовых норм). «Богатства, орудия принуждения, должностные полномочия окажутся

бессильными при попытке осуществлять власть над религиозным фанатиком, они вряд ли смогут заставить его, например, подчиниться правительственной политике в отношении церкви» [1, с. 219]. В этом случае ресурсом власти скорее могут стать контроль над информацией и способность манипулировать сознанием. В силу этого вряд ли возможно указать средства, которые могут стать ресурсами власти над всеми людьми.

В.Г. Ледяев пишет, что, говоря о ресурсах власти, следует различать так называемые «общие ресурсы власти» и «конкретные ресурсы власти». «Общие ресурсы власти – это средства, которые субъект контролирует и может использовать для достижения подчинения объекта... Конкретные ресурсы власти представляют собой те общие ресурсы власти, которые обуславливают властное отношение (способность субъекта добиться подчинения объекта) в данных условиях в данное время» [1, с. 218].

Само по себе обладание ресурсами не обязательно ведет к власти. Многие исследователи утверждают, что ресурсы могут стать основой властного отношения лишь в том случае, если субъект обладает соответствующим знанием и умением их использовать. Если субъект не может использовать имеющиеся у него ресурсы, то он обладает лишь потенциальной властью и фактически (в данный момент) не способен добиться подчинения объекта.

Однако этого бывает недостаточно для возникновения властного отношения, если субъект не может использовать свои ресурсы (или некоторые из них) в силу моральных, религиозных, правовых, политических или прочих самоограничений или из-за каких-то своих психологических характеристик. Можно сказать, однако, что в данном случае речь идет не о неспособности субъекта использовать ресурсы, а о его нежелании осуществлять свою власть. Такие рассуждения находим у Морриса, который обращает особое внимание на то, что эти ситуации следует отличать от тех, где субъект действительно не обладает способностью прибегнуть к каким-то действиям. Во всех случаях у актора, как считает Моррис, нет желания, а не способности. Между тем «сказать, что человек не может сделать что-то, чему препятствуют его желания, это то же самое, что сказать, что он может сделать это, но не будет делать, потому что не хочет» [20, с. 105]. Таким образом, для обладания и осуществления власти актер должен об-

ладать необходимыми ресурсами и быть способным использовать их для достижения своих целей. Однако и этого может быть недостаточно.

Еще одним условием является мобилизация ресурсов. Термин часто используется в анализе политической власти и обычно относится к группам и организациям, а не к индивидуальным акторам. Он связан с процессом формирования групп, ассоциаций и организаций для достижения коллективных целей. Применительно к политике «коллективные цели» означают «влияние, контроль или доступ к государственному управлению» [23, с. 148]. Вопрос о политической мобилизации – о том, какие группы становятся мобилизованными для эффективных политических действий, – является одним из наиболее существенных для объяснения политических явлений. Основные теоретические дискуссии вокруг политики, пишет Д. Ронг, – «представляют собой попытки ответить на вопрос “кто мобилизован?” или кто, то есть какие группы, общности или социальные слои добились успеха в формировании коллективных ресурсов для использования их в коллективных целях? Кто относится к числу основных участников политического соревнования? И наоборот, какие потенциальные и возможные группы не являются таковыми, поскольку не сумели сформировать коллективные ресурсы или направить имеющиеся ресурсы для решения политических проблем?» [23, с. 146]. Необходимо учитывать, что не все ресурсы могут быть использованы немедленно. У. Гэмсон предложил различие ресурсов по их «ликвидности»: к высоколиквидным ресурсам относятся те, которые могут быть использованы сразу, без предварительной подготовки, а «низколиквидные» требуют определенного времени для их мобилизации [17, с. 95].

Основываясь на идеях Гэмсона, Д. Ронг провел тщательный анализ ликвидности различных ресурсов власти, подчеркнув различие между индивидуальными и коллективными ресурсами. Он считает, что большинство ресурсов, которыми обладают индивиды (свободное время, деньги, репутация, персональные качества и т.д.) имеют сравнительно высокий уровень ликвидности, то есть их легко подготовить к использованию или переориентировать с одного объекта на другой. И наоборот, коллективные ресурсы (к наиболее значимым ресурсам подобного рода Ронг отнес количество членов группы, монополию на

профессии и знания, солидарность и организацию) гораздо более разнообразны по своей ликвидности. Нередко они только начинают формироваться по мере возникновения групповой солидарности, организации и лидерства путем мобилизации ранее неорганизованных индивидов. Поэтому властные возможности групп варьируются «от актуальной власти, осуществляемой полностью организованными или мобилизованными индивидами, группами и институтами, до сравнительно отдаленной возможности достижения власти людьми, которые хотя и разделяют некоторые общие устремления, но не имеют какой-либо общественной организации или осознания коллективной идентичности» [23, с. 134].

Рассмотрим несколько классификаций ресурсов власти. Так, например, Р.Т. Мухаев приводит классификацию ресурсов по эффективности и циклу действия. При этом использование того или иного ресурса или вида ресурсов зависит от целого ряда факторов, в том числе и от типа политического режима [2].

Еще одна система классификации ресурсов исходит из характера воздействия и сферы влияния. В частности, А. Этциони [15, с. 5] делит ресурсы на утилитарные, принудительные и нормативные.

Что касается отношения исследователей к власти, базирующейся на принудительных ресурсах, то между ними нет сколько-нибудь значительных разногласий. Так например, Э. де Креспини определяет принудительную власть как «способность *A* заставить *B* действовать в соответствии со своими намерениями и вопреки желаниям *B* путем угрозы негативного воздействия на *B*, если тот не повинуется» [13, с. 196]. Дж. Френч и Б. Рейвен пишут, что базирующаяся на принуждении «власть *O* над *P* обусловлена ожиданием *P* наказания со стороны *O* в случае его неповиновения» [16, с. 157]. При использовании силы как ресурса политической власти источником подчинения выступает способность субъекта непосредственно воздействовать на объект или его окружение. Обладание силой означает возможность оказать намеренное влияние на тело или психику объекта или ограничить его потенциальные действия. Чаще всего понятие «сила» трактуется в плане воздействия на физическую сторону жизни объекта. Однако в результате достижений последних десятилетий в области психологии можно говорить о таком яв-

70 | лении, как «психологическая сила» или «психическое насилие».

В частности, Д. Ронг, придерживавшийся этой точки зрения, писал, что психическое насилие, в процессе которого субъект власти оказывает негативное воздействие на психику, менталитет или эмоциональное состояние объекта, часто осуществляется совместно с физическим насилием [23, с. 134]. Большинство исследователей солидарны в том, что если основным ресурсом осуществления политической власти является сила, то у объекта практически нет иной альтернативы, кроме подчинения. Р. Берштедт пишет: «Сила... в социологическом смысле означает сокращение числа, ограничение или полное исключение альтернатив, имеющихся у индивида или группы в результате воздействия со стороны других индивидов или групп» [7, с. 733]. У. Конолли также подчеркивает, что ограничение выбора объекта власти является специфическим свойством силы, отличающим ее от других видов влияния [8, с. 92].

С этой точки зрения важно различать способность субъекта добиться подчинения объекта путем использования силы и путем угрозы использования силы (принуждение). Некоторые авторы сглаживают это различие. По поводу этого Бэкэрк и Бэрэтц резонно замечают, что здесь мы имеем дело не с использованием силы, а с угрозой использования силы: «Если требование *A* отдать кошелек в обмен на спасение жизни «подсказало» *B* уступить кошелек, то в этом случае *A* осуществил свою власть – он добился повиновения *B*, угрожая более жесткими мерами» [3, с. 27]. Т.е. фактически здесь речь идет о силе и принуждении. Д. Истон, проводящий четкое концептуальное разграничение между силой и принуждением, пишет: «Я различаю силу и угрозу силы... В случае только угрозы, человек может быть склонен подчиниться... тогда как при использовании силы он продолжает отказываться повиноваться решению властей, но вынужден с ним смириться» [14, с. 183].

Список литературы:

1. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
2. Мухаев Р.Т. Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов. – М.: ПРИОР, 1997. – 400 с.
3. Bacharach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practice. – New York, London, Toronto: Oxford University Press, 1970.
4. Bacharach S.B., Lawler E.J. Power and politics in Organizations. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1981.

Нередко утверждается, что применение силы является свидетельством крушения власти. Поэтому власть и сила рассматриваются как противоположности. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивает Х. Арендт. Аналогичной позиции придерживается также Т. Болл, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и некоторые другие исследователи

Несомненно, власть фокусирует в себе характер, сущность всей системы общественных отношений, обнажает социальные противоречия и в то же время является важнейшей формой их разрешения. Сложность и противоречия власти находят отражение в огромном разнообразии ее концепций и отсутствии общепринятого ее определения. Анализ наиболее принятых концепций власти показал, что каждая из них несет в себе «зерно истины», но вместе с тем имеет и свои ограничения, пробелы в точностях интерпретации каких-либо аспектов.

Особенно актуальна эта проблема в переходном обществе. Наборы ресурсов власти, их структура, методика реализации и т.д. в тоталитарном и демократическом обществе во многом качественно различны и, естественно, переход от одной системы к другой вызывает потрясения массового сознания, неожиданные эффекты. Нельзя сказать, что тема «ресурсов власти» в период реформирования не осознавалась и не решалась, но она часто не отделялась от решения конкретных политических и других проблем. Традиционно преобладает акцент на силовой компонент в понимании власти. Однако в современном обществе ситуация требует во многом иного подхода. На этом фоне становится очевидным недостаток внимания к правовым, нравственным ресурсам власти.

Односторонность проявляется и в подходе к религиозным ресурсам. Мы обратились лишь к некоторым ресурсам, имеющим место в политике, хотя сама проблема ресурсов политической власти гораздо шире и требует серьезного теоретического рассмотрения.

5. Baldwin D.A. Haradoxes of power. – New York: Basil Blackwell, 1989.
6. Benton T. 'Objective' Interests and the Sociology of Power // Power: Critical Concepts / ed. John Scott. Vol. 2. – London: Routledge, 1994.
7. Bierstedt R. An Analysis of Social Power // American Sociological Review. Vol. 15. – 1950, № 6.
8. Connolly W.E. The Terms of Political Discourse. 3rd ed. – Oxford: Blackwell, 1993.
9. Dahl R. Modern Political Analysis. 5th ed. Englewood Cliffs. –New Jersey: Prentice Hall, 1991.
10. Dahl R. Power as the Control of Behaviour // Powered. By Steven Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986.
11. Dahl R.A. The analysis of influence in local communities // Social science and community action. East lanc-
ing? – 1960.
12. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. – New Haven: Yale University Press,
1961.
13. De Crespigny A. Power and Its Forms// Political Studies. Vol.16. – 1968, № 2.
14. Easton D. The Perception of Authority and political Change // Authority. Nomos 1. / ed. by Carl J. Friedrich.
– Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958.
15. Etzioni A. Comparative Analysis of Complex Organizations. On Power, Involvement, and Their Correlates.
– New York: The Free Press, 1961.
16. French J.R.P. Jr., Raven B. The basis of social power // Studies in social power/ ed. By Dorwin Cartwright.
– Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research, 1959.
17. Gamson W. Power and Discontent/Homewood (Ill.): The Dorsey Press, 1968.
18. Goldman A.I. Toward a Theory of Social Power // Philosophical Studies. Vol. 23. – 1972, № 4.
19. Harre R., Madden E.H. Causal Power. A Theory of Natural Necessity. – Oxford: Basil Blackwell, 1975.
20. Kenny A. Will, Freedom and Power. – Oxford: Basil Blackwell, 1975.
21. Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. – Ney Haven: Yale University Press, 1950.
22. Martin R. The Sociology of Power. London: – Routledge and Kegan Paul, 1977.
23. Wrong D.H. Power: Its Forms, Bases, and Uses. With a New Preface. – Oxford: Basil Blackwell, 1988.

ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.4
ББК 60.5

М.М. Сунарчина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рассматриваются проблемы становления социального партнерства как системы институтов, механизмов и процедур, призванных поддерживать баланс интересов сторон, принимающих участие в регулировании социально-трудовых отношений в России. Анализируются причины, препятствующие утверждению современных социально-трудовых отношений и развития эффективной системы социального партнерства в России в условиях становления рыночного общества.

Ключевые слова:

профсоюзное движение, рыночные отношения, социальное партнерство, социальное государство, социально-трудовые отношения, трипартизм

В России проблема социального партнерства длительное время не привлекала к себе большого внимания. Так, например, в советское время работы западных исследователей, содержавшие ее теоретическое обоснование, рассматривались главным образом как попытки «апологетов капитализма» и разного рода соглашателей в рабочем движении девальвировать марксистскую теорию классов и классовой борьбы и заменить ее концепцией сотрудничества труда и капитала. При этом последняя оценивалась как реакционно-утопическая, разрабатываемая по социальному заказу буржуазии.

Смена типа социально-трудовых отношений в России, социальные издержки коренных преобразований со всей остротой потребовали от общественных наук, социологии, прежде всего, и такой ее отрасли, как экономическая социология, дать научное обоснование этому процессу, объяснить его плюсы и минусы, указать перспективы развития в условиях рыночной экономики. Таким образом, как справедливо отмечает А. Петров, необходимо возникновение принципиально нового направления в российских социальных науках и экономической социологии — социологии профсоюзного движения, ориенти-

рованной на изучение проблем развития эффективной системы социального партнерства.

Общественная практика поставила перед российской социологией непростую задачу: имея сравнительно короткий по историческим меркам опыт регулирования новых социально-трудовых отношений, разработать теорию, определить перспективы развития этого нового феномена, обозначить основные признаки и факторы его функционирования в России.

Рассматривая теоретико-практические основы концепции социального партнерства важно осознавать, что сегодня они только еще формируются, например, предмет исследования рассматривается в отечественной науке по-разному: это и специфический тип общественных отношений, и цивилизованный метод их регулирования на основе законов, нормативно-правовых актов, коллективных договоров и соглашений; это идеология цивилизованного общества рыночной экономики, идеология социального мира и, безусловно, специфический социальный институт [4, с. 229].

В развитии идеи социального партнерства прослеживается определенная историческая тенденция. Она заключает-

ся в том, что идеи социального партнерства появились значительно раньше, чем стало возможным их практическое воплощение в жизни. Разработка теории социального партнерства тесно взаимосвязана с проблемами социального конфликта. Социальное партнерство возникает из конфликта, а именно, на этапе начала поиска путей его урегулирования или разрешения на основе согласования интересов, позиций конфликтующих сторон, достижения компромисса, консенсуса, установления согласия.

Н. Макиавелли (1469–1527) одним из первых попытался на страницах «Рассуждений» провести системный анализ социальных конфликтов и способов управления ими. Он выделял в конфликте кроме разрушительной функции, еще и созидательную, также считал, что на конфликт нужно уметь правильно воздействовать, и это должно делать государство. Взаимоотношения работника и капиталиста-работодателя впервые были изучены в трудах основателя экономики как науки А. Смита (1723–1790). В трактате «Исследование о природе и причине богатства народов» А. Смит, признавая корыстный интерес основным мотивом хозяйственной деятельности, считал «естественным порядком» экономической жизни свободную конкуренцию, господство частной собственности, свободу торговли, невмешательство государства в экономику, а противоборство между наемными работниками и капиталистами рассматривал как источник поступательного развития общества.

Одной из самых первых работ, посвященных непосредственно сущности и условиям общественного согласия, является «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо (1712–1778). В этом трактате, опубликованном в 1762 г., рассматривается общество, основанное на законах, перед которыми все равны и которые сохраняют личную свободу каждого гражданина. По мнению Руссо, совершенное законодательство нельзя создать в результате борьбы партий, члены общества могут выступать только от своего имени, законы принимаются в результате плебисцита.

Необходимо также обратить внимание на взгляды Э. Дюркгейма, для которого конфликты между рабочими и предпринимателями, по выражению Р. Арона, служили лишь «доказательством плохой организации или частичной аномалии современного общества, которая должна быть исправлена» [2, с. 594]. Важно под-

черкнуть, что Э. Дюркгейм не верил в конструктивность насилия и, в отличие от Маркса, не рассматривал классовую борьбу, а именно конфликты между рабочими и хозяевами, как движущую силу истории. Известно, что в рамках теоретических взглядов сторонников последнего социального партнерство как фактор гармонизации и социальной сплоченности не просто отрицается, но даже не берется в расчет. Главное же место занимает борьба внутри социума за контроль над распределением общественных благ и социальная революция (в данном случае это антитеза социальному партнерству). Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. исследования проблем формирования социально-трудовых отношений принимают характер противостояния двух основных непримиримых позиций: марксистская, революционная и социал-демократическая, реформистская. Существуют они и сегодня.

В целом теоретико-концептуальные основы социального партнерства находят свое воплощение в теориях социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, социальной солидарности Э. Дюркгейма, теорий справедливости Д. Ролза и социального обмена Д. Хоманса и П. Блау. В рамках данных теорий закладываются сущностные элементы социального партнерства — «взаимодействие», основанное на «справедливости» и «обмене», которое реализуется в рамках «солидаризирующегося» общества или индивидов внутри социума. В дальнейшем большой вклад в развитие теоретико-концептуальных основ социального партнерства и разрешения трудовых конфликтов в обществе внесли такие выдающиеся представители западной социологической и политологической мысли, как Д. Белл, А. Турен, Т. Парсонс, С. Браун, Р. Фишер, У. Юри.

В формирование современных теорий социального партнерства внес вклад также Р. Дарендорф. По его мнению, социальная жизнь в целом есть конфликт, поскольку она связана с эволюцией. Именно конфликт, по Дарендорфу, составляет творческое ядро общественной жизни. Каждый социальный конфликт есть вызов, требующий рационального регулирования во всех сферах общественной жизни и установления контроля над общественными процессами. Его концепция «активного общества» представляет собой модернизированный вариант концепции «социального партнерства» как возможности решения социально-политических

74 | конфликтов не революционным путем, а исключительно через реформирование [3, с. 23–32].

В современном понимании, согласно западной концепции, социальное партнерство в идеологическом аспекте призвано способствовать смягчению противоречий между работодателями и наемными работниками на основе равноправного сотрудничества, интегрировать трудящихся в систему рыночных отношений. В политическом аспекте социальное партнерство направлено на одобрение трудящимися политической власти данного общества. В экономическом плане социальное партнерство предполагает материальное и моральное стимулирование заинтересованности наемных работников в росте темпов производства, производительности труда во имя обеспечения условий дальнейшего роста прибыли работодателей, государства, а также повышения жизненного уровня самих трудящихся. Многомерность процесса социального партнерства предполагает оптимизацию отношений между действующими в стране общественными силами.

В России идеи социального мира, «товарищества» распространял в своих трудах экономист и социолог В.В. Берви-Флеровский (1829–1918). В работе «Положение рабочего класса в России» он резко критиковал полный произвол хозяина по отношению к работнику, ужасающие условия быта рабочих и их детей. Но выход ученый видел не в противостоянии, а в солидарности, в товариществе. Он писал, что «борьбе за существование» нужно противопоставить «союз за существование». Еще выразительнее эти идеи звучат у русского экономиста Н.Х. Бунге (1823–1895), бывшего одно время Председателем кабинета министров. В своей работе «Гармония хозяйственных отношений» (1860) он подчеркивал, что взаимодействие в производстве и отношения предпринимателей и рабочих — стороны одного процесса. Поэтому, не враждуя, а подавая руку друг другу, они могут добиться общего успеха. Формулой успеха он считал участие рабочих в прибылях. Важную роль государства и законодательства в регулировании и согласовании противоречивых интересов работников и капиталистов раскрывал в своей работе «Новые законы о страховании рабочих» В.П. Литвинов-Фалинский, изучавший промышленное развитие России в начале XX в., считая, что именно государство должно заниматься баланси-

рованием интересов работников и собственников.

Таким образом, теоретической основой социального партнерства явилось углубляющееся в процессе исследований понимание того, что процесс производства и воспроизводства объективно осуществляется на базе взаимодействия труда и капитала, и он невозможен при столкновении и несовместимости интересов его сторон — работодателей и работников. Но это понимали в те времена только теоретики.

В новой и новейшей истории отношения между капиталистом (работодателем) и наемным рабочим в основе своей определялись противоположностью их коренных интересов в условиях и оплате труда, в уровне жизни в целом. При этом классовая борьба была не придуманной, а объективно-естественной формой разрешения возникающих между ними противоречий, где сторонники одного направления выступали за революционное переустройство капиталистического общества, а представители другого — обосновывали возможность капитализма к саморазвитию и выступали за эволюционные преобразования путем реформирования и достижения компромисса.

Необходимо отметить, что на активизацию разработок теории и практики социального партнерства оказала влияние победа Октябрьской революции. «Остальной мир», чтобы избежать то, что произошло в России, вынужден был «нанять» стратегию и тактику урегулирования отношений между трудом и капиталом. Для разрешения противоречий пришлось активизировать создание специальных организаций — профсоюзов, а также процесс формирования международных организаций, призванных регулировать социально-трудовые отношения. Одной из таких организаций стала в 1919 году Международная организация труда. Основной функцией МОТ является нормотворческая деятельность, в результате которой разработано 180 международных конвенций и около 200 рекомендаций относительно соблюдения прав человека в сфере труда. Конвенция № 98 «О применении принципов права на организацию и ведение коллективных переговоров», принятая в 1949 г. и ратифицированная в СССР в 1956 г., в основном отражает взаимоотношения предпринимателей и трудящихся, провозглашая переговорный принцип решения трудовых конфликтов основным.

Эта старейшая международная организация за десятилетия своего существования не только создала развернутую концепцию социального партнерства, но по существу стала высшим звеном регулирования трудовых отношений на мировом рынке труда. С этого времени термин «социальное партнерство» официально признается и вводится в широкий научный оборот. Однако деятельность международной организации в формировании концепции социального партнерства – это внешний фактор. Главным же для возникновения социального партнерства является внутренний фактор, отражающий реальные изменения в сфере производства.

В России в результате социально-экономических реформ осуществлена либерализация экономики, внешнеэкономической деятельности, ликвидирована система централизованного планирования и управления. Кардинальные преобразования произошли в социальной структуре общества. У большинства населения формируются принципиально новые ценностные ориентиры, изменился весь комплекс социальных условий жизни россиян.

Согласно ст. 7 Конституции Российская Федерация является социальным государством. В настоящее время социально-трудовая сфера наполняется различными формами непосредственного взаимодействия предприятий, общественных организаций и движений с государством и его структурами. В социально-экономическом пространстве с участием государства формируется неординарная система трипартизма и социального партнерства. Возникшие в мировой истории идеи приоритета права, солидарности, договорного регулирования становятся актуальными в практической политике России.

Курс на создание рыночной основы экономики с многообразием форм экономической деятельности привел к выводу о необходимости развития принципов социального государства, одним из способов достижения которых является становление современных социально-трудовых отношений и системы социального партнерства между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем. Таким образом, социальное партнерство становится неотъемлемой частью сферы регулирования трудовых отношений.

Однако важно отметить, что в отечественной науке до настоящего времени

не разработана полновесная концепция развития социального партнерства. Есть лишь мало кому известный официальный вариант концепции, одобренный еще в 1996 г. Российской трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений.

В этой связи различные модели социального партнерства интересуют общественную мысль России в настоящее время, в переходный период, больше, чем когда бы то ни было – как в теоретическом, так и в практическом плане.

Анализируя российскую систему социального партнерства важно отметить, что она отождествляется с трипартизмом, т. е. с сотрудничеством профсоюзов, объединений предпринимателей и государства. Этот подход таит в себе опасность подмены всего комплекса элементов социального партнерства верхушечной надстройкой. Преодолеть эту опасность, как свидетельствует опыт, можно лишь на основе социальной активности и организованности трудящихся. Но это достигается постепенно, по мере развития институциональной среды социального партнерства. А здесь существует немало проблем.

Во-первых, сложность формирования институциональной среды социального партнерства заключается в том, что социальные институты чаще всего создаются, скорее, для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил. Эта проблема может частично решаться демократическим контролем. В России такого контроля пока нет. Поэтому в наших кризисных условиях остро проявляется потребность в лидерах, способных поставить общие интересы выше политических пристрастий, обладающих необходимой волей в достижении поставленных целей и значительной компетентностью.

Во-вторых, социальное партнерство может успешно развиваться как метод разрешения противоречий между трудом и капиталом при наличии среднего класса. По оценкам социологов его доля в России к концу 1980-х гг. составляла 65–70 %, а начиная с 1994 г. снизилась до 10–15 % (сегодня 15–20 %), что явилось следствием быстрой социальной дифференциации и «вымывания» среднего класса [1]. Хотя, согласно Концепции социально-экономического развития Российской Федерации к 2020 году, этот показатель должен составить 50 %, а результат, который будет достигнут в этом направлении, даст

76 | возможность оценить эффективность государственной политики в целом [5]. Думается в этих условиях социальное партнерство должно стать одним из средств формирования среднего класса.

В-третьих, приватизация в России не привела к реальной перестройке экономических отношений в смысле превращения государства в «защитника» общественных интересов. Оно по-прежнему выполняет преимущественно функцию защиты частного собственника. Поэтому государство является плохим арбитром в спорах между трудом и капиталом. Таким образом, в современных условиях размытость роли государства как социального партнера является одной из причин незавершенности формирования организационной структуры системы социального партнерства.

В-четвертых, формирование организационной структуры социального партнерства началось «сверху», с создания федеральной трехсторонней комиссии и некоторых «несущих» конструкций структуры — отраслевых и региональных комиссий. Фундамент же структуры социального партнерства в регионах строится крайне медленно, причины чего заключаются: в недоверии населения к политическим и общественным организациям; правовой незащищенности низовых структур; неэффективности обращений в суд за восстановлением прав; доминировании краткосрочных целей в деятельности государственных и частных компаний; господстве патерналистского мировоззрения в сознании большинства населения; его низкой политической культуре и пассивности.

В-пятых, разобщенность профессиональных союзов по политическим признакам. Одних лишь всероссийских объеди-

нений профсоюзов насчитывается более пятидесяти. Многие из них обладают разветвленной сетью собственных объединений. Так, Федерация независимых профсоюзов России насчитывает 36 всероссийских отраслевых профессиональных союзов.

В-шестых, разобщены и работодатели — по 45 ассоциациям и союзам. Это значительно затрудняет нахождение общих решений на отраслевом и федеральном уровнях. Отсутствие оформившейся системы союзов работодателей приводит к тому, что у них нет органа, гарантирующего выполнение принятых обязательств.

И наконец, основным инструментом согласованности действий работников и работодателей для достижения общих целей является, как известно, Генеральное соглашение, которое призвано формализовать и отражать намерения обеих сторон во взаимовыгодном сотрудничестве. Однако пока оно во многом остается недоработанным по содержанию и безрезультатным по осуществлению.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость осмысления сущности и содержания социального партнерства, так как оно связано с общим процессом укрепления российского государства, выработкой новой идеологии регулирования социально-трудовых отношений. Сегодня социальное партнерство может стать для многих слоев российского общества своего рода мировоззренческой парадигмой, так как оно нацелено на обеспечение баланса интересов основных социальных групп и слоев, что в свою очередь актуализирует социологическое исследование данной проблемы.

Список литературы

1. Аврамова Е.М., Григорьев Л.М. Средний класс в России: количественные и качественные оценки. — М.: ТЕИС, 2008. — 286 с.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли./Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича — М.: Издат. группа «Прогресс» — «Политика», 1993.— 608 с.
3. Дарендорф Р. Конфликт и сотрудничество // Политология вчера и сегодня. — Вып. 2. — М., 1990. — 243 с.
4. Киселев В.Н. Социальное партнерство: словарь-справочник. — М.: АТиСО, 2002. — 624 с.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. — Интернет-ресурс. Режим доступа: // http://www.rosstrategy.com/index.php?option=com_content&view=article&id=118:pasporiyazhenie&catid=13:documents&Itemid=18. Дата обращения: 20.03. 2010.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА НА ПРИМЕРЕ ЛУЖСКОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Анализируются нормы международного и российского права в области защиты прав детей, устанавливаются причины и следствия современной проблемы российского общества – социального сиротства, приводятся правовые последствия для родителей, утратившихся от воспитания своих детей, определяются формы устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова:

договор о приемной семье, лишение родительских прав, опека, социальное сиротство.

В 1999 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах ребенка 1989 г. и приняла на себя обязательство привести свое национальное законодательство в соответствие с требованиями Конвенции. Согласно ст. 3 Конвенции, во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание должно быть уделено наилучшему обеспечению интересов ребенка. Государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры. Указом Президента России 2008-й год был объявлен Годом семьи, а 2009-й – Годом молодежи. Научно-практический интерес в этой связи представляет исследование вопроса о социальном сиротстве и защите прав ребенка. Рассмотрим его с точки зрения культурно-исторических особенностей на примере Лужского района Ленинградской области.

Защита прав ребенка в современной России является актуальной проблемой и порождена явным неблагополучием несовершеннолетних как в обществе, так и в семье. Не случайно мировым сообществом определено и признано, что ребенку для полного и гармоничного развития личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и

понимания. Бесспорен факт, что семья потеряла свой авторитет, ослабли семейные устои, традиционные защитные функции семьи сходят на нет или превращаются в свою противоположность, перерождаясь в серьезную угрозу для незрелой личности ребенка.

В советское время семья считалась ячейкой общества, являлась серьезным инструментом в формировании молодого человека, в получении им фундаментальных профессиональных знаний, в т.ч. и высшего образования, приобретения необходимых жизненных качеств. Тогда и семьи были большими. В них входили не только муж, жена и дети, но и родители супругов, – бабушки и дедушки. Все жили интересами молодой семьи и всячески ее поддерживали.

В 1960 г. на 100 свадеб приходилось лишь 12 разводов, а в 2006 г. – уже 58 разводов. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2007 г. было зарегистрировано браков: 44500 и 12000 соответственно, а расторгнуто – 25800 и 8300. Уровень разводов в Ленинградской области значительно превышает уровень разводов в Санкт-Петербурге. Если в Санкт-Петербурге на 100 браков приходится 58 разводов (как и общероссийский показатель), то в Ленинградской области – 69 разводов [1, с. 135]. Это объясняется более низкой оценкой населением глубинки значимости института семьи.

Во все времена в социальной структуре общества важная роль принадлежала семье как одной из устойчивых малых групп людей, социальная необходимость которой обусловлена ее потребностями. Выполняя различные социальные функции, семья играет свою ведущую роль в обще-

78 | ственном развитии, обеспечивая при этом ряд важнейших социальных функций. От стабильности такой малой социальной группы в обществе, ее крепких социально-экономических и нравственных устоев, напрямую связанных с благополучным развитием экономики, социальной сферы общества, зависит, какое поколение будет ею «поставляться».

Многообразие причин, порождающих не только сиротство в прямом смысле слова, но и социальное сиротство, их тесная связь с проблемами общегосударственного масштаба объясняют существование разных по своему содержанию мер соблюдения прав детей-сирот. Одни из них призваны предотвратить такое явление, как сиротство, в любых его проявлениях. Их именуют мерами охраны. Другие предназначены для защиты уже нарушенных прав ребенка.

В науке и на практике разграничивают два вида сиротства: полное, когда по тем или иным причинам у ребенка отсутствуют биологические родители, и социальное сиротство, когда число безнадзорных и беспризорных детей пополняется из семей (полных или неполных), в которых родители в силу тех или иных причин не занимаются воспитанием своего ребенка и не заботятся о нем.

В России (и в Лужском районе) резко увеличивается число неполных семей. Растет число «гражданских» браков. Сегодня среди молодежи до 25 лет половину всех партнерских союзов можно назвать неформальными. У тех, кому за 30, незарегистрированный брак – у каждой 5–6 пары. Это говорит о нежелании возлагать на себя семейные обязанности, о неспособности ответственно решать вопрос о рожденных детях. Каждый третий ребенок рождается вне брака и попадает в группу риска. Дети плохо вписываются в сегодняшний стиль жизни. Только по российским детским домам их свыше 700 тыс. [1, с. 135].

Однако, как установлено ст. 124 Семейного кодекса РФ (далее – СК), приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление или удочерение. В соответствии со ст. 145 СК опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов. Устройство ребенка под опеку или попечительство допускается в соответствии с Фе-

деральным законом «Об опеке и попечительстве» по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье, либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании). При отсутствии возможности передать детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание, они подлежат передаче в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (п. 1 ст. 123 СК).

Вообще, защита прав и интересов детей в случаях смерти родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или аналогичных организаций, при создании действиями или бездействием родителей условий, представляющих угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующих их нормальному воспитанию и развитию, а также в других случаях отсутствия родительского попечения возлагается в соответствии с п. 1 ст. 121 СК на органы опеки и попечительства.

Помимо усыновления (удочерения) в Лужском районе используются все предусмотренные законом формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей (п. 1 ст. 123 СК): опека и попечительство, приемная семья. В крайнем случае, при отсутствии возможности передать детей в семью на воспитание, они передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов (ст. 155.1 СК).

Под влиянием новых рыночных, социально-политических и правовых отношений появился новый вид сиротства – скрытый. Скрытое сиротство обусловлено тем, что из-за резкого ухудшения материального положения семьи, падения ее нравственных устоев изменяется отношение к детям: они становятся практически беспризорными.

В различные исторические периоды в Лужском районе Ленинградской области преобладали разные виды сиротства. Так, в послевоенные периоды (Первая мировая, Гражданская, Великая Оте-

чественная войны) «лидировало» полное сиротство, т.к. многие дети остались без родителей, которые погибли на фронтах этих войн, пропали без вести, умерли от ранений или жизненных лишений. Так, в 1918 г. в Саратове принято из Петрограда 5000 детей – полных сирот. В 1943 г. в порядке реализации мер борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью вновь в Саратов было эвакуировано 18 детских домов с контингентом 2650 чел. (в т. ч. и дети из Ленинграда) [3, с. 15]. На Волгу, в более хлебный район сирот направляли преимущественно из города, т.к. в глубинке, в сельской местности таких безнадзорных детей-сирот поднимали всем миром. Поэтому архивные данные содержат сведения об устройстве городских детей, оставшихся без попечения родителей. Следует отметить, что население Лужского района, славящееся своими добрыми традициями, не оставалось безучастным к проблемам несчастных детей и принимало их в свои семьи, некоторых усыновляли, других брали под опеку или попечительство.

На 01.01.2009 г. в Лужском районе полных сирот, не имеющих родителей – 37, из них – 12 девочек. Социальных сирот в 8 раз больше. Современный период развития характеризуется преобладанием социального сиротства, которое вызывает наибольшую тревогу. Социальное сиротство – постсоветское явление. Ребенок становится сиротой при живых родителях. Социальное сиротство является следствием устранения родителей и неучастия их в выполнении своих обязанностей по отношению к детям. Число социальных сирот в Лужском районе неуклонно растет. Это объясняется нестабильностью социально-политической обстановки, инфляцией, безработицей, снижением жизненного уровня большинства семей, вынужденной миграцией населения. Только за 3 года (с 1999 по 2001) из Санкт-Петербурга в Ленинградскую область в результате сделок с недвижимостью в жилищной сфере прибыли 4317 семей с 6049 несовершеннолетними детьми, часть из них поселилась в Лужском районе. Среди прибывших в район семей преобладают многодетные и неблагополучные. Взрослые члены семей нигде не работают, систематически пьянствуют, воспитанием детей не занимаются. Дети, не получая должного воспитания, прогуливают занятия в школе или вообще не учатся. Безнадзорные подростки из этих семей образуют группы асоциальной направленности, которые нарушают по

ночам покой и отдых добропорядочных граждан, а также совершают набеги на пустующие в холодное время года дачные участки. Так, 5 % от совершенных несовершеннолетними в 2008 г. преступлений – это умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). По этой категории уголовных дел наблюдается рост в сравнении с 2007 г.¹

Демографическая ситуация в России почти всеми исследователями в целом оценивается как сложная, а в регионе она вызывает большую тревогу. Так, если сравнивать демографию Санкт-Петербурга и Ленинградской области, то положение Ленинградской области, в т.ч. Лужского района, – удручающее, т.к. показатели рождаемости ниже, а смертности – значительно выше. Так, на 100 тыс. населения в 2007 г. в Санкт-Петербурге пришлось 9,4 рождений, в Ленинградской области – 8,3, а смертей, соответственно, – 14,8 и 18,2 [1, с. 135]

Социологические опросы населения показывают, что причиной низкой рождаемости являются нищета, маленькие зарплаты и пособия. А 35 % опрошенных заявляют, что о молодых семьях, их жилищных проблемах, трудоустройстве государство заботы не проявляет.

Ситуация с детской беспризорностью и безнадзорностью остается тяжелой. Ежегодно находится в розыске от 50 до 55 тыс. несовершеннолетних, самовольно ушедших от родителей либо из детских воспитательных учреждений. Ежегодно милиция ставит на учет более 100 тыс. неблагополучных семей и около 170 тыс. несовершеннолетних [4].

Население Лужского района составляет около 80 тыс. чел., детей в возрасте до 18 лет на 01.01.2009 г. – 12789 чел., в неполных семьях воспитывается 302 чел., в т.ч. – 83 девочки, из них состоят на учете в отделении по делам несовершеннолетних Лужского отдела внутренних дел 152 чел, в т.ч. – 42 девочки. Такая статистика говорит, что половиной детей из неполных семей, так называемыми социальными сиротами, родители не занимаются, и вполне закономерно они попали в категорию правонарушителей. За 12 месяцев 2008 г. несовершеннолетними и при их участии на территории Лужского района совершено 99 преступлений, что на 22 проявления меньше аналогичного периода 2007 г. (по нашему мнению следует делать скидку и на латентный характер преступности несовершеннолетних). В

совершении правонарушений участвовало 60 несовершеннолетних, что на 9 чел. меньше в сравнении с 2007 г. Распространенными остаются преступления, совершенные несовершеннолетними в отношении граждан, т.е. кражи (ст. 158 УК). Они составляют 59,6 % от общего числа совершенных преступлений. Но в настоящее время несовершеннолетние похищают мобильные телефоны, плееры – т.е. атрибуты современного мира, – в чем и прослеживается тенденция изменяющейся со временем привлекательности предметов для несовершеннолетних (в 1948 г. милицеские сводки содержат сведения о хищении совсем других ценностей! Так, например, 03.12.1948 г. 4 учащихся ремесленного училища, организовавшись в преступную группу, под угрозой ножа сняли пиджак с мальчика, а 08.12.1948 г. напали на гр-на К. и отобрали у него часы и фуражку). За кражами следуют угоны автомобилей или иных транспортных средств (ст. 166 УК) и открытые хищения чужого имущества (ст. 161 УК). Они составляют по 9,2 % от общего числа совершенных преступлений.

Особенностью подростковой преступности в условиях социальной и экономической нестабильности во все времена и во всех местностях является тенденция к организованности и стабильности противоправных группировок. Несовершеннолетними в Лужском районе в 2008 г. совершено 60 групповых преступлений, – на 33 меньше, чем в 2007 г. Удельный вес групповой преступности составляет 60,6 % при среднеобластном показателе 57,2. Однако следует отметить положительную тенденцию к снижению не только групповых преступлений, но и к значительному снижению удельного веса групповых преступлений на территории Лужского района в сравнении со среднеобластными показателями. Такое соотношение составляет 16,3 % против среднеобластных 1,6 %².

Представляется, что в этом заключается также результат работы органов милиции по борьбе с преступностью несовершеннолетних. Милиция не раз выступала зачинателем широких общественных движений, направленных на устранение причин, порождающих детскую безнадзорность и преступность несовершеннолетних. Следует вспомнить историю. Первый декрет, положивший начало проведению в жизнь социального воспитания несовершеннолетних, был подписан 31.12.1917 г. Считается, что с этого дня

государство взяло заботу о детях на себя. Однако какого-то отдельного подразделения, занимавшегося этими вопросами, создано не было. Результатом неэффективности работы с несовершеннолетними явилось то, что в 1921 г. детская преступность и беспризорность возросла в 60 раз по сравнению с 1918 г. и неуклонно возрастала. Обнаружив опасную тенденцию, в 1919 г. на Всероссийском съезде по защите детства была рассмотрена проблема беспризорности, а в 1921 г. была создана Деткомиссия, которую возглавил Ф.Э. Держинский [2, с. 156]. История в основном с благодарностью оценивает личный вклад Держинского в дело борьбы с беспризорностью. Но существовала объективная необходимость в организации работы по борьбе с детской преступностью, в создании нормативной базы для нее, специальных органов, постоянно занимающихся этими проблемами на профессиональной основе, в привлечении к решению указанной важной государственной задачи общественности.

31.05.1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Оно стало основой всей последующей нормативной базы по профилактике и пресечению противоправной деятельности подростков. В составе органов милиции впервые были созданы специализированные службы, куда вошли наиболее подготовленные сотрудники. Этот день и принято считать днем рождения отделов по делам несовершеннолетних (далее – ОДН) при МВД России.

В Луге служба по борьбе с подростковой беспризорностью и преступностью работает с 1935 г. В настоящее время в ОДН Лужского отдела внутренних дел на nive профилактики и борьбы с правонарушениями несовершеннолетних работает 10 сотрудников милиции. Все они помимо юридического имеют педагогическое образование. Можно констатировать, что проблемы нехватки или недостаточной квалификации кадров у этой службы нет. Полученные юридические знания помогают сотрудникам ОДН профессионально и грамотно осуществлять свои служебные обязанности, а педагогические знания – подбирать правильные методы воспитания трудных подростков с учетом их индивидуальных особенностей. Полученное сотрудниками образование более чем необходимо в общении с родителями неблагополучных детей, которых также ставят

на учет и ведут с ними соответствующую работу. Такие родители не раз были замечены в игнорировании своих родительских обязанностей. Работа с родителями несовершеннолетних детей представляет значительные трудности. Если на трудного подростка еще оказывают влияние воспитательные беседы профилактического характера, к нему еще можно найти подход, вызвать его на откровенный разговор, то родители в подавляющем большинстве – личности асоциальные, равнодушные не только к судьбе ребенка, но и к своей собственной.

ОДН в связи с неисполнением родителями трудных подростков своих родительских обязанностей было направлено в 2008 г. 10 материалов о лишении родительских прав родителей, состоящих на учете, профилактическая работа с которыми положительными результатов не дала. По 4 из них в соответствии со ст. 69 СК родители были лишены родительских прав. Вопросы по ограничению родительских прав в порядке ст. 73 СК ОДН не поднимало, что свидетельствует о непопулярности и незначительной эффективности данной правовой нормы в правоприменительной практике.

Следует отметить снижение возраста преступности несовершеннолетних. Это свидетельствует о тревожной тенденции криминализации молодого населения страны. В этой связи усиливается роль и влияние родителей, государства, общества в целом на подростка, которого следует вовремя остановить и предупредить совершение им правонарушений в дальнейшем.

Территория Лужского района достаточна обширна, плотность населения невелика, правоохранительные органы сосредоточены в районном центре, а в глубинке совершается наибольшее количество преступлений. Так, на территории Оредежского и Ям-Тесовского сельских поселений совершено наибольшее количество преступлений – по 27, а в Луге, где проживает большая часть населения района – 22, всего на этих территориях совершено подростками 76 % всех преступлений.

Среди несовершеннолетних участников преступлений из 60 чел. 33 – в возрасте 14–15 лет, а 27 – в возрасте 16–17 лет. 76 % преступлений совершено в вечернее и ночное время и лишь 8 % в утренние часы.

В этой связи следует напомнить положительный опыт борьбы в Ленинграде с

правонарушениями несовершеннолетних, заключающийся в усилении надзора за несовершеннолетними в вечернее время. Строго исполнялось Постановление Ленинградского городского совета депутатов трудящихся о запрещении нахождения на улице детей до 12 лет без родителей после 21-00. Возвращение современной законодательной практики к прошлому эффективному средству борьбы учитывает сегодняшние реалии: 1) поднят возрастной рубеж с 12 до 14 лет; 2) время пребывания в общественных местах несовершеннолетних без надзора продлено до 22-00; 3) расширен круг лиц, с которыми после установленного времени может находиться ребенок до 14 лет.

Для формирования современной тактики профилактики и борьбы с правонарушениями несовершеннолетних будет полезным изучение исторического опыта. Безусловно, одним только правоохранительным органам решить задачу по пресечению преступности невозможно. Требуется участие общественных организаций, не безучастных к судьбе страны и будущему ее граждан. В свое время значительный вклад в это вносили комсомольские организации. Так, после принятия в 1947 г. Постановления ЦК ВЛКСМ об участии комсомольских организаций в улучшении работы детских домов и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, в Лужском районе были созданы комсомольские звенья, которые начали деятельную работу по изъятию с улиц беспризорных и безнадзорных детей. Они обходили вокзалы, рынки и др. места, где было выявлено и задержано несколько десятков беспризорных и безнадзорных детей. Над детскими домами устанавливалось шефство различных трудовых коллективов.

В совершении в 2008 г. преступлений участвовало 60 несовершеннолетних, 7 из них совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения, 1 – в состоянии наркотического и токсического опьянения. Такие цифры вовсе не свидетельствуют, что среди несовершеннолетних преобладает пристрастие к алкоголю над пристрастием к наркотикам. Итоги социологического экспресс-исследования аддиктивных расстройств среди подростков Ленинградской области, проведенного в 2007 г. Правительством, Комитетом по здравоохранению, наркологическим диспансером Ленинградской области (проводятся регулярно с 1998 г. 1 раз в 3 года), подтверждают, что количество

злоупотребляющих наркотиками не снижается, давно превысив по темпам роста количество злоупотребляющих алкоголем. Картина становится удручающей, если учесть постоянное расширение круга потребляемых наркотических веществ и снижение возраста «первой пробы» наркотика. Места потребления наркотиков – в основном места проведения досуга молодежи. Основными местами потребления наркотических средств являются: дискотеки – 46 %. В Лужском районе этот показатель значительно выше среднеобластного – 57,1 %. С 1998 г. этот показатель вырос более, чем вдвое. По данным Ленинградской области 27 % подростков пробуют наркотики в подъездах, 3 % – в учебных заведениях. Названы места, где осуществляется неформальное общение подростков и отсутствует организующая и контролирующая функции со стороны общественности. Половина подростков чаще всего начинают употреблять наркотики в возрасте 13–14 лет.

Алкогольные напитки подростки начинают пробовать чаще в компании друзей (60 %), на дискотеках (38 %) в возрасте 12 лет (30 %). В сравнении с «первой наркотической пробой» возрастной порог здесь снижен с 14 до 12 лет. Молодежь Лужского района более предпочитает проводить время с друзьями, «зависать» в Интернете за компьютером, чем читать и заниматься спортом.

По мнению экспертов, проводивших данное исследование, трудно выделить

тип семей, относящихся к «группе риска» наркомании. Проблема наркотиков может затронуть как обеспеченные, так и менее обеспеченные семьи, разница лишь в том, что дети из обеспеченных семей употребляют дорогие наркотики, а дети из бедных семей – те, что дешевле. Однако, если родители курят, имеют пристрастие к алкоголю и наркотикам, это делает более вероятным противоправное поведение и их детей, что мы и имеем на примере социальных сирот.

В заключение добавим, что данная статья не претендует на полноту и всесторонность исследования проблем социального сиротства. Рассмотрение проблемы социального сиротства и защиты прав детей в историческом контексте на примере Лужского района привело к выводу, что сегодня детей-сирот в 2,5 раза больше, чем было в 1945 г., а потому это является острой социальной проблемой, к которой не должен быть безучастным каждый из нас, а государство, общество в целом обязано проявить необходимую заботу о детях, мобилизовав для этого все возможные ресурсы. Представляется полезным использование в учебном процессе данных об истории, состоянии, проблемах и перспективах защиты прав детей и такого явления, как социальное сиротство. Такая информация важна при осуществлении подготовки кадров вузами, которые призваны выполнять свою роль в решении государственной проблемы создания общенациональной системы управленческих кадров.

Список литературы

1. Белозеров Б.П. Российская семья от древности до наших дней: история становления и правовой защиты ее прав и свобод // Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Мат-лы межд. научно-практ. конф. / Под общ. ред. П.П. Глушенко, Б.П. Белозерова – СПб: Изд-во СПб Академии управления и экономики, 2008.
2. Жаркой М.Э. Подросток и семья как объекты карательной политики государства // Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. ред. П.П. Глушенко, Б.П. Белозерова – СПб.: Изд-во СПб. Академии управления и экономики, 2008.
3. Справочные данные исторического характера о работе комиссии по делам несовершеннолетних Саратовской области. К 90-летию со дня образования // Вопросы ювенальной юстиции. 2008, № 2(16).
4. Фалалеев М. Нургалиев заглянул в семью. МВД предлагает ужесточить наказания за жестокое обращение с детьми // Российская газета. – 2008, № 4621, 26 марта.

¹ Статистические данные в динамике по Лужскому району Ленинградской области представлены в январе 2010 г. Школа Е.Т. – начальником отдела по делам несовершеннолетних Лужского РОВД Ленинградской области

² По тем же данным.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Дан анализ основных теоретических подходов к изучению процесса политической социализации, который способствует полноправному вхождению личности в общество, обеспечивая воспроизводство политической культуры данного общества. В современном российском обществе политическая социализация подрастающего поколения и наличие «идеальной» модели являются факторами, способствующими решению проблем общественно-политического характера и формирующими толерантность, гражданскую позицию и патриотизм.

Ключевые слова:

бихевиоризм, политическая мотивация, политическая социализация, политические ценности и установки, СМИ, социализация инвалида, социальная роль, социальный фактор.

На современном этапе в российском обществе происходят принципиальные изменения, оказывающие влияние на его политическое, культурное, социальное и экономическое развитие. Формирование новых социально-политических отношений способствует трансформации основ политической культуры социума и каждого индивида. Социальная трансформация современного российского общества ведет к складыванию новых социальных групп, с присущими только им системами ценностей, в том числе и политических.

По мнению известного российского специалиста в области политической социализации Н.А. Головина: «Наиболее специфичные для постсоветской России проблемы политической социализации – особенности формирования новой политической идентичности, усвоение ценностей в условиях кризиса общества... формирования отношений в новой общественной системе...» [4, с. 9].

Социализация индивида, направленная на формирование у него принятого в социуме определенного набора политических и социальных норм, ценностей и установок, является важнейшим фактором интеграции и стабильности общества. Процесс политической социализации личности обусловлен влиянием социальной среды вообще и политической системы общества в частности. Политическая социализация индивида осуществляется через интериоризацию культурных норм и ценностей общества. В связи с этим интерес к процессу политической социализации становится тем активнее, чем больше он может оказать влияние на усвоение индивидом норм и ценностей об-

щества и формирование вектора развития общества согласно интересам власти. Необходимость политической социализации для сохранения в обществе сложившейся политической системы, связана, прежде всего, с приходом новых поколений общества, что приводит к необходимости рекрутирования подрастающего поколения в политическую систему с заранее заданными идеологическими нормами и ценностями, установками поведения.

Политическая социализация способствует усвоению индивидом политических норм и ценностей социума, накопленных предыдущими поколениями, а также приобретению необходимых для участия в политической жизни общества навыков и опыта. Политическая социализация индивида направлена на формирование у него понятия идентичности с социальной (политической, конфессиональной, этнической) группой, принятие и усвоение им ее интересов. Посредством осознания своей идентичности у личности формируются контуры политического мышления, которые она выражает в определенных действиях, имеющих политический характер – митингах, выборах, акциях, имеющих политическую направленность. Осознание политической идентичности с общественной системой характеризует установку политического сознания индивида в отношении политической власти, политических лидеров и институтов этой власти как положительную. Стабильность политической системы обеспечивается эффективностью процесса политической социализации во всех слоях общества.

Эффективная политическая социализация способствует полноправному вхо-

84 | дению личности в общество, обеспечивая воспроизводство политической и культурной системы данного общества. Исследуя влияние процесса политической социализации, политических воспитания и образования на подрастающее поколение. А.И. Щербинин отмечает, что «политическая социализация воспроизводит в каждом новом поколении сложившиеся стереотипы восприятия политического мира. Политическое воспитание нацелено на адаптацию человека к условиям, задаваемым каждой эпохой или ее этапом и связано с поддержанием баланса в системе. Политическое образование, наряду с консервативной составляющей (что роднит его с политической социализацией и политическим воспитанием), включает в себя элемент инновационного прорыва и предполагает развитие интеллектуальных, критических способностей индивидов» [16, с. 172].

В ходе исследования процесса политической социализации различными направлениями и научными школами были сформированы и получили развитие теории, концепции, выделены базовые модели политической социализации. Однако сформированные теории и концепции с учетом новых исторических реальностей подвергаются пересмотру и переоценке, получают новые смысловые акценты. Одни и те же политические институты в условиях различных культур с их уникальным набором ценностей и установок дают различные результаты. Необходимо отметить, что политические нормы, установки и ценности существуют в конкретном социальном контексте и опираются на определенную культуру, в связи с чем трансформация экономического, культурного и политического окружения индивида, место и время действия выступают в роли трансформирующих факторов, которые необходимо учитывать в исследовании процесса политической социализации.

Концепции политической социализации стали активно исследоваться и разрабатываться со второй половины XX в. вследствие развития кризиса, охватившего политическую систему западного общества. Анализ эмпирических исследований позволил выделить несколько теоретических подходов, которые могут стать основой для изучения процесса политической социализации. Наибольшее распространение получила трактовка социализации личности, в основе которой находятся исследования З. Фрейда. Данный подход концентрирует внимание на процессе развития самоконт-

роля индивида, формирующегося на основе общественных установок.

В основу следующего подхода легло понятие социализации как результата межличностного общения. Он получил свое развитие в теории символического интеракционизма Ч.Х. Кули и Дж.Г. Миды, считавших, что формирование личности происходит в совокупности взаимодействия индивида с окружающей средой: личность осознает себя через идентификацию с политической и социальной группой [9; 12]. Уровень развития индивида зависит от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых он участвует.

Большую роль в исследовании процесса политической социализации играют направления, опирающиеся на модель «подчинения», получившую развитие в рамках бихевиоризма. Процесс социализации рассматривался через усвоение индивидом определенных норм поведения, стимулирующегося авersiveм контролем – системой поощрений и наказаний. Один из разработчиков данного направления Б. Скиннер отмечал, что поведение индивида можно достоверно определить, предсказать и проконтролировать условиями окружения. Бихевиористы Г. Лассуэлл и Ч. Мерриам, и представители системного подхода в политике Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон и Дж. Деннис представляют процесс политической социализации как воздействие общества на индивида с целью формирования у него положительных установок в отношении политической системы [1, с. 2–34; 8, с. 79]. При этом роль личности в данном процессе пассивна, она должна осознать и усвоить нормы и стандарты политического поведения, принятые в обществе. Система контроля со стороны властных структур в ходе данного процесса способствует формированию политического сознания индивида с заданной характеристикой и возможной модификацией в зависимости от требований политической системы.

Наиболее приемлемой на современном этапе считается концепция политической поддержки, разработанная Д. Истоном и Дж. Деннисом, в основе которой находится понятие политической социализации как процесса обучения индивида социальным ролям, через усвоение и выполнение которых он входит в политическую систему общества. Л. Коэн, Р. Липтон, Т. Парсонс поддержали эту концепцию, активизируя внимание в своих исследованиях на взаимодействии индивида с политической системой через ее институты. Концепция

рассматривается с точки зрения возможности поддержки стабильности в обществе политической властью через взаимодействие этой власти с окружающей средой (культурной, социальной, экономической).

Это взаимодействие может осуществляться через механизм «входа – выхода». На «вход» системы поступают поддержка и необходимые требования, а на «выход» они проявляются в действиях политической власти. В концепции определялась необходимость добровольного принятия индивидом политической системы общества, осознания ее легитимности и законности. В связи с этим возросло значение агентов политической социализации, чья роль заключается в формировании положительных установок личности на политическую систему и структуру общества: семья, школа, церковь и т.д.

Д. Истон и Э. Фромм отмечали, что на процесс политической социализации индивида оказывает большое значение опыт, приобретенный в раннем детстве, когда ребенок усваивает политические предпочтения членов семьи [15, с. 48–55]. Эффективность политической социализации индивида в данном случае опирается на повседневное латентное влияние семьи. Полученные индивидом в семье политические установки и примеры поведения в отношении политической структуры и власти, в дальнейшем процессе социализации выступают в роли фильтра, оказывая воздействие на осознание и усвоение индивидом политических ценностей. Однако выводы ученых о значении формирования политических установок в раннем детстве, в семье, согласно анализу эмпирических данных, подверглись ревизии, смысл которой заключается в том, что «чем основательнее и обобщеннее политические ориентации, тем раньше они усвоены; чем специфичнее политические предпочтения, тем позднее они приобретены» [4, с. 39].

Исследования политической социализации, проведенные западноевропейскими учеными, не подтвердили общей универсальности модели политической поддержки. Американское и европейское общество отличаются друг от друга преобладанием в культуре различных базовых ценностей, внедряемых в сознание индивида политической системой. Так, наиболее важные в процессе политической социализации для американских школьников стадии персонализации и идеализации, свойственные процессу политической социализации в семье, для французских школьников имеют мень-

шее значение. В исследованиях французского ученого А. Першерона отмечается, что у французских школьников в политической социализации значительной является стадия институционализации, при которой формирование политической идентичности происходит уже в подростковом возрасте, а количество агентов социализации и механизмов значительно больше.

Значительная роль социального фактора в политической социализации отмечается и в работах немецких исследователей. Например, М. Вебер утверждал, что осознание индивидом своей социальной принадлежности и усвоение им определенных статусных социальных ролей способствует формированию политической мотивации индивида [2, с. 147–156]. Сложное историческое развитие Германии в XX в. не позволило сформировать линию преемственности политических установок немецкого общества. В связи с этим основное внимание в исследованиях политической социализации немецкими учеными уделяется роли школы как механизму социальной дифференциации, закрепляющей социальное неравенство, и социальным группам, определяющим индекс имущественного и, соответственно, социального положения индивида.

Все это свидетельствует о том, что в исследованиях европейских ученых на первое место в процессе политической социализации выходит социальный фактор, т.е. политическая социализация индивида осуществляется через усвоение им норм и ценностей той социальной группы, к которой он принадлежит. В основе социально-структурного подхода к проблемам политической социализации, сформированного европейскими учеными, находятся исследования базовых политических установок различных социальных групп, индикаторов социального неравенства как переменной данного процесса, а также характер исторических процессов, оказывающих влияние на формирование и развитие политических и социальных институтов общества.

Исследования польского социолога Б. Голембиовского «Поколения и политика в Польше XX в.» показали, что наиболее существенный результат политической социализации приходится на молодое поколение. Было отмечено, что ведущую роль в политической социализации молодежи Польши играют этапы и периоды национальной истории, оказывающие влияние на формирование поли-

86 | тической идентичности через формирование национальной и конфессиональной идентичности [4, с. 44–47].

В исследованиях отечественных ученых процессу политической социализации и факторам, влияющим на него, уделяется большое внимание. В работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева отмечается совокупная роль социальных и биологических факторов в формировании личности [3, с. 340–347; 11].

По мнению российского социолога В.А. Ядова, социализация происходит через идентификацию индивида согласно его социальному статусу и социальной роли [17, с. 35–52]. Он отмечает, что социализация индивида осуществляется через реализацию его потребностей, подтверждающих принадлежность к определенной группе (политической, социальной) и осознание индивидом своего влияния на группу.

Сегодня определенный интерес в процессе исследования политической социализации вызывает проблема преемственности поколений [10, с. 5–24]. При этом необходимо различать два вектора политической социализации: вертикальный (от старших к младшим) и горизонтальный (от сосуществующих поколений различных систем – культурных, социальных, конфессиональных).

Большинство исследователей преемственности поколений акцентируют свое внимание на процессе вторичной социализации, который начинается с 14 лет. По мнению А. Панарина «...период социализации между концом детства и началом взрослости – есть период ускоренного усвоения элементов новейшей общественной среды путем повышения скорости приращения информации и расширения ее разнообразия (ее источников)» [13, с. 361]. На личностном уровне процесс политической социализации выражается в подкреплении политическими взглядами индивида его образа жизни.

Определенный тип общества с присущей ему политической культурой посредством модели политической социализации подрастающего поколения будет способствовать воспроизводству своей политической системы. Существует целый ряд факторов и особенностей, присущих только определенной стране и оказывающих влияние на формирование модели политической культуры и политической социализации общества. В процессе формирования в модели политической социа-

лизации будет отражаться и закрепляться состояние основных элементов политической системы общества, что можно наблюдать на примере системы образования СССР, фашистской Германии или вполне благополучных и мирных европейских стран. Трансляция подрастающему поколению политических норм, ценностей, базовых установок и образцов политического поведения, соответствующих идеологическим приоритетам общества, будет обеспечивать его стабильность.

Можно сказать, что мы определяем политическую социализацию как совокупность воздействия на сознание и установки индивида внешних факторов, внутренних условий, агентов, механизмов, методов и инструментов социализации.

В связи с этим обращает на себя внимание предложенная в 1986 г. Ричардом Мерелманом модель механизма усвоения и ретрансляции политических ценностей и установок [14, с. 28]. В «вертикальной» модели личность, по его мнению, оказывается «концом» цепочки влияния процесса социализации, а в «горизонтальной» – является центром модели. Таким образом, «вертикальность» и «горизонтальность» механизма политической социализации зависят от моделей развития общества, в которых при различных условиях приобретают значимость одни агенты социализации (СМИ, субкультуры) и теряют другие (семья, школа). Это так же оказывает влияние на то, что и как усвоил индивид в процессе социализации, какие установки политического поведения у него сформировались, и как он их реализует.

На современном этапе определенный интерес для исследователей представляет процесс политической социализации индивида в переходных обществах, для которых характерна размытость политических норм и ценностей, утрата роли доминировавших ранее агентов политической социализации, механизмов и методов данного процесса. Невозможно выделить модель политической социализации, которая соответствовала бы переходному периоду и была бы приемлема, «идеальна» для всех обществ. Трансформация механизмов социализации и утрата основными агентами социализации, семьей и школой, своей ведущей роли в данном процессе, способствует усилению роли новых агентов – СМИ и референтных групп молодежной и подростковой субкультуры, появлению новых механизмов социализации, таких как телевидение и интернет.

СМИ как коммуникативный инструмент политической социализации навязывают определенный мотив и образ действий, превращая индивида в субъект и носитель определенного типа политической культуры. Необходимо отметить, что посредством СМИ и коммуникативных структур формируется тип индивида – индивидуалиста-потребителя, которому в большинстве случаев свойственна политическая апатия.

По мнению главного редактора журнала «Gredo new» С.П. Иваненкова, СМИ часто необъективно, но достаточно осознанно пытаются формировать у подрастающего поколения «либо позицию социального безразличия, предьявляя... систему ценностных ориентаций, где вообще плохо просматривается такой фактор, как общественная цель и общественный интерес, либо позицию стихийного индивидуализма образца буржуазного общества XVII–XIII веков...» [6, с. 211]. Это способствует тому, что в одном и том же обществе процесс политической социализации может иметь совершенно разные результаты.

На современном этапе развития российского общества приоритеты государственной идеологии не имеют четкого обозначения. Трансформация норм и ценностей в переходный период способствовала трансформации политических норм, утрате политической идентичности. Сложилась си-

туация, при которой на смену разрушенной модели социализации не пришла новая, «идеальная» для российского общества при его переходе к демократии.

Согласно Р. Инглхарту, «культура народа не может быть изменена в одночасье; можно поменять правителей и законы, но на изменение базисных установок, определяющих своеобразие культуры нации, уйдут долгие годы» [7, с. 9]. Это лишний раз доказывает, что необходимо осознать и переосмыслить значение и роль в политической социализации институтов, агентов и инструментов, имеющих в российском обществе определенный положительный опыт.

Необходимость изучения проблемы политической социализации индивида, модели социализации, агентов и механизмов диктуется задачами реформируемой российской общественной системы, дальнейшее функционирование которой тесно связано с формированием политического сознания индивида и его ответственности перед обществом, его социальной позицией. В современном российском обществе политическая социализация подрастающего поколения и наличие для России «идеальной» модели являются факторами, способствующими решению проблем общественно-политического характера и формирующими толерантность, гражданскую позицию и патриотизм.

Список литературы:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992, № 4. – С. 122–135.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. – 1994, № 5. – С. 147–156.
3. Выготский Л.С. Проблемы возраста // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
4. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 288 с.
5. Егоров В.К. История есть смена поколений. Преемственность поколений в условиях социалистического строительства: проблемы теории и практики. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 253 с.
6. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. – Оренбург: Печатный дом «Ди-мур», 1999. – 290 с.
7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997, № 4. – С. 6–32.
8. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2001, № 3. – С. 76–97.
9. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
10. Левада Ю.А. Номо post-soveticus // Общественные науки и современность. – 2000, № 6. – С. 5–24.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
12. Мид Дж. Аз и я // Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – 263 с.
13. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – 423 с.
14. Преснякова Л.А. Теория политической социализации // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. – 2002, № 2. – С. 24–36.
15. Фромм Э. Характер и социальный процесс // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: МГУ, 1982. – 285 с.
16. Щербинин А.И. Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // ПОЛИС: Политические исследования. – 2003, № 4. – С. 169–175.
17. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994, № 1. – С. 35–52.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ РИСКОВЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИТУАЦИЙ

Исследуются архетипические особенности рисковенных социокультурных коллизий. Конструируется синергетическая модель поведения человека в переходные периоды культурогенеза. Рассматриваются переходные режимы функционирования матриц сознания представителей культуры.

Ключевые слова:

архетип, аттрактор, бифуркационный переход, бифуркационный режим, бифуркация, коллективное бессознательное, кризис, матрица сознания, психосфера, рисковенная ситуация, синергетика.

Культура постиндустриальной эпохи, как и любая другая, ставит перед человеком определенные условия. Если в древности ситуации риска разрешались, как правило, коллективно, то в современности решение таких ситуаций переходит, как и многое другое, в план личностного переживания. Проблема риска связана с возможностью панических состояний, а, следовательно, и с активацией архетипических содержаний.

Проживая за очень короткий срок несколько разных эпох, человек современности достаточно часто сталкивается с риском возникновения кризиса мировоззрения; кризисное состояние становится циклическим, о чем свидетельствуют термины, внедряемые в лексикон современного обывателя через средства массовой информации (напр., «циклический финансовый кризис»). Культурология едва ли учитывала в поле своего исследования воздействие Великой Депрессии на культуру соответствующего ей периода, но если мы столкнемся с затяжным кризисным состоянием не только в экономике, но и в культуре, то это может спровоцировать кризис цивилизации в целом.

В любом кризисном состоянии от человека требуется мобилизация резервов. В состоянии паники, когда сознательный контроль ситуации становится невозможным, активизируются инстинктивные векторные силы, весь путь человеческого бессознательного, архетипические паттерны. Таким образом, поведение в ситуации риска или кризиса может быть понято посредством обращения к архетипам. При анализе архетипических мотивов рисковенных ситуаций мы будем обращаться к теории синергетики. Это, на наш взгляд, позволит наилучшим образом предста-

вить работу сознания и его архетипических корней.

Каждый архетип характеризуется своим особым методом реализации, через который он связан с определенным культурным содержанием. Так, к примеру, архетип Великой Матери будет соответствовать сакральным содержаниям [8, с. 2–28]; Трикстера или Тень скорее всего можно будет встретить «на границе дозволенного» [9, с. 338–356]; Героя – в авангарде противостояния кризису [4, с. 325–335]: духовному, культурному. «Выбор» адекватного конкретной ситуации архетипа происходит на бессознательном уровне практически мгновенно по резонансному принципу, то есть наиболее действенной будет та архетипическая матрица, структура действия которой наиболее близка структуре ситуации.

Используя синергетический подход к исследованию феномена человеческого восприятия нематериальных содержаний культуры, можно описывать различные феномены семио- и психосферы с точки зрения их соответствия какой-либо синергетической модели: предельному циклу, тору или странному аттрактору. Предельный цикл, соотносимый с представлением об упорядоченном движении, и тор, n -мерное инвариантное множество, топологически эквивалентное бублику, являются простыми аттракторами. Так называемые странные аттракторы (т.е. сложные) соответствуют динамике хаотического движения (напр., турбулентности) [1, с. 17–22]. Так, например, механизм формирования предпочтений – в музыке, живописи, литературе – заключается в том, что человек выбирает те произведения, которые будут иметь наибольший резонанс с синергетической моделью его матрицы сознания.

Под матрицей сознания мы подразумеваем совокупность всех режимов функционирования сознания представителей конкретной культуры; эти режимы могут быть представлены в синергетических моделях. Матрица сознания не есть само сознание, она укоренена в бессознательной сфере. Это понятие вполне может находиться в русле синергетических представлений, поскольку отчасти снимает дихотомию между сознанием и бессознательным.

Матрица сознания изначально является синтагмой, призванной отразить родство сознательной и бессознательной психических сфер. Традиционный подход к сознанию и бессознательному наделяет эти две сферы качеством бинарных оппозиций, что, на наш взгляд, не всегда бывает обоснованным. По утверждению К.Г. Юнга, сознание, во-первых, является продуктом бессознательного, а, во-вторых, оказавшись изолированным от бессознательной сферы, что происходит при традиционном подходе, оно становится абсолютно беспомощным перед его самостоятельным и спонтанным проявлением. Иногда делаются попытки сгладить эту дихотомию психических сфер путем введения понятия подсознания, но такая конструкция не всегда может представляться удовлетворительной, поскольку непонятно: что именно перед нами – отдельная психическая сфера, или архетип Тени, наделенный качеством таковой. Мы хотим предложить свой взгляд на решение этой проблемы, попытавшись построить несколько иную модель психосферы. Хотелось бы сразу отметить, что мы отнюдь не утверждаем ошибочности традиционного подхода, но лишь указываем на то, что он в определенной степени стандартизирует структуру психосферы в соответствии с логикой дихотомий. Он, безусловно, является основой для классификации элементов, но нам хотелось бы обратить внимание на средний пласт явлений психосферы.

Определение матрицы сознания происходит из следующих установок:

1. Каждой конкретной ситуации соответствует определенный тип поведения, базирующийся на архетипической основе.

2. Каждый архетип актуализируется системой действий.

3. Каждому типу поведения соответствует определенная синергетическая модель.

Матрица сознания есть архетипический корень сознания, не «произрастаю-

щий» из какого-то конкретного архетипа, а несущий на себе отпечаток каждого из них. Матрица сознания не должна быть соотносена с собственной средой коллективного бессознательного, которое с синергетических позиций может соответствовать так называемому «консервативному» хаосу. Последний отличается самой высокой степенью хаотичности и большой фрактальной размерностью, дробная часть которой стремится к единице [3].

На основе вышеказанного можно предложить классификацию типов восприятия по принципу соответствия последнего различным резонансным состояниям: периодический, соответствующий предельным циклам (в культуре он может соответствовать нормам); квазипериодический, основой которого выступает фигура, называемая тором (контаминирует обычаям); хаотический, образующий фигуры так называемых странных аттракторов (в культурной сфере его аналогом является феномен традиции). Соответственно характеризуются и основные режимы функционирования различных матриц сознания.

Кроме того, существует так называемый «переходный» режим функционирования сознания – рассматриваем ли мы оное как таковое или говорим, в частности, о сознании представителей конкретной культуры. Этот режим характеризуется частыми переходами от одного типа резонанса к другому – в смысловых реальностях культуры такими свойствами отмечена фигура Трикстера. Такой режим мы условно могли бы определить как бифуркационный, поскольку по своей природе он оказывается наиболее близким коллективному бессознательному, которое, несмотря на свою инертность, очень часто демонстрирует мгновенные переходы и бифуркации (разветвления траекторий движения системы) [6]. Тогда сознание, функционирующее в таком режиме, будет не просто наиболее лабильно, но и будет иметь еще более сложную структуру, чем хаотический режим функционирования, – как в случае психической организации, так и в системе культуры. Но это справедливо только в отношении устойчивого бифуркационного режима. Поскольку в противном случае: при случайном его появлении, когда он не может быть взят под осознанный контроль (чаще всего в силу непривычности, большего объема потока), возникает рискованная ситуация, прекрасно соответствующая известной пушкинской

характеристике: «русский бунт – бессмысленный и беспощадный». То же самое можно сказать и в отношении использования архетипического конструкта. Бесконтрольное его проявление чревато крайне негативными последствиями, в то время как последовательное обращение к нему с целью интеграции с сознанием, при должном контролирующем и анализирующем подходе, может иметь благоприятный результат, способствуя образованию архетипа Самости.

Рассмотрим варианты бифуркационных переходов от одного резонанса к другому, в частности, в ситуации риска. Выделим два типа таких переходов на основании способности оперировать имеющимися знаниями, навыками, информацией. Отметим, что в этом случае мы рассматриваем ситуацию культурной среды, в которой общая структура матрицы сознания остается постоянной.

Первый тип бифуркационного перехода – это изменение мировоззрения. Такой тип перехода, скорее всего, будет соответствовать ситуации кризиса, поскольку в ней система тяготеет к сохранению энергии, вследствие чего становится более закрытой. Этому виду перехода будут сродни процессы самоорганизации. Вообразим, что в сознании субъекта культуры имеется некоторый комплекс представлений, определенным образом связанный со всем остальным содержанием сознательной сферы и способный перемещаться в этом содержании из одной его области в другую. То есть, мы говорим о своеобразном фильтре восприятия. Он соответствует определенному набору представлений человека о себе самом, которые, впрочем, могут не совпадать с действительным положением дел. Так, человек считает себя верующим, исполняет соответствующие религиозные обряды, но в действительности все это может оказаться фикцией, игрой, даже PR-приемом. Это же относится и к попыткам внести традиции указом сверху. Подобное несоответствие представлений действиям является и свойством контркультуры, когда люди считают себя приверженцами Традиции, но на самом деле они ее разрушают. Даже память, лишь до определенной степени послушная воле, может исказиться под воздействием данного комплекса представлений.

Такой пласт представлений тем или иным образом должен взаимодействовать с возникающим в сознании и встраиваемым в картину мира новым информа-

ционным содержанием. Но, в силу своей новизны, эти данные могут быть «захвачены» только частью фильтрационного комплекса, то есть оперирование новой информацией возможно в рискогенных ситуациях только частично, до тех пор, пока не произойдет наложение фильтрационного комплекса на новое информационное содержание. Такое наложение не обязательно должно быть полным, поскольку новая информация может возникнуть не локально, как при обычном процессе познания, обучения, а в виде сетевых структур, которые и будут возникать именно в рассматриваемом случае изменения мировоззрения. А именно, мы говорим о том моменте, когда культурный автостереотип перестает быть единственно возможным мотивом в самоопределении представителей некоторой социокультурной общности, и наравне с ним в картину мира входит также некий гетеростереотип. Для такого типа перехода в архетипическом ключе, возможно, будет характерен топ «Спящего Героя», когда аккумулируются силы для финальной встречи с хаосом.

Второй вид бифуркационного перехода является сознательным и целенаправленным оперированием уже известной информацией. Поскольку здесь рассматривается вариант, когда система становится наиболее открытой внешнему миру, то данный тип перехода чаще будет проявляться в рискогенные моменты [7, с. 46-49]. Например, в процессе научного творчества. В этом случае фильтрационный комплекс представлений на короткое время как бы «отрывается» от информационного пространства и «рассматривает» горизонт вероятности своего применения. После чего он снова встраивается в изначальную (либо в соседнюю) область информационно-культурного содержания, но уже с новым конструктом виртуального характера. Такой конструкт может быть выработан безотносительно имеющегося содержания (и в таком случае мы можем говорить об интуитивных проявлениях) или может привноситься в имеющееся в данной области содержание значения из других областей, прямо не соприкасающихся с изначальным. Таким образом, второй случай иллюстрирует процесс обнаружения междисциплинарных научных связей, а также межкультурное взаимодействие, особенно на порах его первичного установления. В случае перехода второго типа наиболее активными, скорее всего, будут архетипы Духа и Трикстера.

По качеству резонансов мы сможем определить, на каком уровне функционирует сознание представителя какой-либо культуры: более простым, предусматривающем большую концентрацию на некотором объекте, но часто исключающем креативный подход; или более сложном, свидетельствующем о большей способности к творческому осмыслению и интерпретации действительности, но чаще первого склонном к переходным состояниям в рискованных ситуациях. Так, например, процесс мышления человека западной культуры начала XX в. вполне может быть описан с помощью простых аттракторов. Это обусловлено господствовавшим тогда представлением о мире, которое базировалось на ньютоновском подходе и исключало из бытия феномен нестабильности, представляя природу инертным объектом человеческих желаний [7, с. 50–52].

Здесь, впрочем, есть такой нюанс. Простой аттрактор в виде предельного цикла соответствует, как упоминалось ранее, упорядоченным колебаниям, постоянным возвратам (если можно так выразиться): не может ли это являться свидетельством шизоидности сознания с такой матрицей? Наличие предельного цикла или тора в матрице сознания представителя культуры, равно как и постоянных бифуркаций, не обязательно говорит о шизофренических состояниях, но появление тора непосредственно в сознании скорее всего свидетельствует о некоторой заикленности на какой-либо идее. В таком случае возможно определение типа психосферы культуры, в которой преобладает тот или иной тип сознания, по аналогии с психотипами. В некотором смысле эта идея может напомнить шизоанализ, но главным разногласием будет то, что мы рассматриваем структуры психосферы прежде всего как процессы, но не как механизированные агрегаты.

Утверждение, что наличие тора в сознании не является непременным свидетельством шизофрении, основано на том, что у системы в периодическом режиме функционирования энергообмен с внешним миром будет гораздо менее эффективен. Таким образом, мы можем предположить, что принципиальная возможность существования торов в сознании человека (сразу отметим, кратковременного существования) дает ему возможность сосредоточиться на чем-либо, то есть делать систему сознания менее открытой на некоторое время. Таким образом, выстраивается мо-

дель переходного режима: когда в хаотическом состоянии рискованных ситуаций разбег траекторий аттрактора угрожает смене одного из приоритетных направлений, сохранение которого в данном конкретном случае представляется важным, то в системе на короткое время (возможно, на доли секунды) возникает тор, который сдерживает изменение магистральных путей развития аттрактора. Так, например, традиционная культура по сравнению с современной более склонна к сдерживанию изменений, культура же Новейшего времени чаще меняет магистральные направления в аттракторах своих структур. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что основой бифуркационного режима функционирования является хаотический режим, который, впрочем, обладает способностью удерживать свои магистральные направления путем вызывания кратковременных квазипериодических резонансов. Это также подтверждает нашу догадку о том, что сила воли в фазовом пространстве тоже будет иметь структуру тора. В сказках часто подчеркивается важность такого качества: в момент, когда Герой должен проходить испытания (например, бодрствовать определенное время). Таким образом, архетипический Герой должен обладать способностью к моделированию простых аттракторов. А это, в свою очередь, служит доказательством того, что наличие тора в сознательной сфере культуры не может с неизбежностью свидетельствовать о ее шизоидности.

Здесь мы должны сделать некоторое отступление от рассмотрения феномена сознания. Квазипериодический режим функционирования, о котором говорилось в предыдущем абзаце, будет свойственен также и архетипам, то есть бессознательным интенциям культуры, в силу того, что они обладают, по словам К.Г. Юнга, свойством взаимозаменяемости, но, тем не менее, нуждаются в сохранении своих собственных структурных особенностей, чтобы у человека не возникало односторонней реакции. При бифуркационных режимах функционирования рискованных ситуаций создаются условия для активизации архетипов, оказывающих мощное воздействие на процессы, протекающие в сознательной сфере культуры, а, следовательно, влияют и на поведение конкретного человека. Такая активация может осознаваться, но уже постфактум; также при условии минимального конфликта между собственными архетипическими содержа-

ниями как отдельного человека, так и всей культуры, такая инвазия будет куда менее болезненной – здесь можно говорить об особенностях современной социокультурной ситуации, которая отмечена так называемым «столкновением архетипов» [5, с. 108–145]. Это свойство подобных вторжений бессознательного в указанном случае обусловлено тем, что переходные режимы раздвигают границы человеческого восприятия и нормального функционирования матрицы сознания. Мы говорим, будто человеку станет казаться нормальным то, что на самом деле является патогенным. Мы имеем в виду сохранение способности к нормальной функциональности в таких условиях, в которых при более простых режимах матрица сознания начинает сбивать – например, на новом частотном отрезке, при смене исторических эпох.

Возможно, из всех рассмотренных переходный режим в рискованных ситуациях более всего способствует образованию Самости – целостной личности, имеющей наиболее полное представление о самой себе как о реальной, но не как о воображаемой. Как говорил К.Г. Юнг, небольшие потрясения полезны для души – от них она становится здоровее. Из всего вышесказанного мы можем заключить, что переходные режимы функционирования свойственны личности или субъекту культуры, способному мысленно конструировать ситуации и предвидеть их возможные особенности, которые могут иметь место в будущем. Бифуркационные режимы приближают сознательную сферу к теневым содержаниям, что при благоприятном положении способствует появлению ответственности за них.

При переживании нескольких «эпох» за короткий исторический интервал (т. е. при переживании длительной рискованной ситуации), сопоставимый теперь с некоторым этапом в человеческой жизни, человек, сознание которого склонно к работе в переходном режиме, сможет быстрее принять новые условия в качестве жизненных.

Человек индустриальной цивилизации – это человек, обладающий, по меньшей мере, чувством личной ответственности. Это человек Традиции, которому не чужды принципы Просветительства, которые он, тем не менее, не ставит во главу угла своей деятельности. Когда консолидирующие силы культуры, ее сакральные смыслы перестают быть хранимы прежними смысловыми формами,

теряющими в итоге свое центральное положение, и на их место приходят силы центробежные, то, чтобы избежать распада, культура задействует резервы своих структур по максимуму. Так появляется Новый Трикстер, Тень посткнижной культуры – Традиция. Традиционные семио-конструкты Великой Матери и Трикстера меняются местами. Первая, с одной стороны, покидает сакральный центр, но, с другой – все сакральные содержания уносит с собой. Трикстер оказывается в самом центре смысловых реалий культуры, но в то же время его положение подобно тому, в котором оказался Наполеон, захвативший спаленную дотла Москву. Чтобы быть настоящим Героем сегодня, мало быть бунтарем, мало даже просто встретить Тень, что укажет на Дверь, – необходимо не только самому не бояться шагнуть в будущее, но надеясь при этом на какое бы то ни было продолжение прошлого: нужно взять Тень с собой и не расставаться с ней больше никогда. Это одна из типичных сказочных ситуаций, описывающая способность субъекта к внутренней согласованности.

Как известно, сказки всех народов мира представляют собой психотерапевтические модели разрешения кризисных состояний души. К сожалению, в современной культуре утрачивается действенное начало народных сказок: для того, чтобы задействовать резервы, человеку необходимо отождествить себя с каким-нибудь архетипическим образом, персонажем. То есть, такой образ должен нести не только определенное символическое значение, но должен еще и эмоционально переживаться. Современным подросткам в этом плане гораздо ближе будет образ Бэтмена или трансформера, чем Ивана-царевича, и со временем эта ситуация вряд ли изменится. Современные фильмы фантастического жанра не являются сказками как таковыми, но представляют собой их аналоги. Одна из основных проблем современности – отсутствие единого символически-смыслового поля. О стремлении его создать свидетельствуют различные так называемые кроссоверы – фильмы, соединяющие сюжетные линии двух разных кинокартин. Нам нужны новые сказки, но написать их должны мы сами, каждый из нас. В этом и заключается рискованность ситуации, когда каждый отдельный человек будет фактически вынужден искать свой внутренний стержень без посторонней помощи. С другой стороны, при конс-

трировании такого единого смыслового пространства нельзя ждать немедленных результатов: ведь коллективное бессознательное слишком инертно. Придется ждать отдачи в течение очень долгого времени (возможно, для ее реализации потребуется не одно поколение).

Чем меньше в человеческой душе конфликтов, противоречий между его собственными архетипическими содержаниями, тем более вероятным будет благоприятное разрешение рискогенной кризисной ситуации при прочих равных условиях. Современность же, по сравнению с эпохой Традиции, такой внутренней согласованностью не отличается и по-сему способствует образованию у людей

чувства отчуждения, с которым, впрочем, можно справиться даже в одиночку. В традиционной культуре каждый отдельный человек был ответственен за порядок вещей во Вселенной: он сохранялся посредством строгого соблюдения обычаев, ритуалов. То же свойство может обрести и современная культура, в том случае, если будет произведен перевод ответственности из сугубо государственного плана в личностный. Тогда архетип Великой Матери снова обретет свое центральное положение в семиосфере и восстановит свои функции. Варианты дальнейшего развития современной рискогенной социокультурной ситуации находятся еще только в становлении.

Список литературы

1. Афанасьева В.В. Детерминированный хаос: от физики к философии. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 216 с.
2. Вдовушкина Н.С. Музыка и психика: гипотеза резонансных состояний // Жизнь: бытийственный, ценностный и антропологический аспекты: Сб. ст. молодых ученых / Под ред. С.М. Малкиной. – Саратов, 2008. – 348 с.
3. Заславский Г.М. Стохастичность динамических систем. – М.: Наука, 1984. – 272 с.
4. Кэмпбел Дж. Герой с тысячами лицами. – Киев: «София», Ltd, 1997. – 336 с.
5. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития / Под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов.: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 168 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991, № 6. – С. 46 – 57.
8. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: учебное пособие. – М.: Гардарики, 1998. – 400 с.
9. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.; Киев: Совершенство – Port-Royal, 1997. – 384 с.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОПЫТ

УДК 340.15 (47+ 57)
ББК 67.3

Т.И. Еремина

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СИСТЕМЫ НАГРАЖДЕНИЙ В УЧЕБНОМ ВЕДОМСТВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Рассмотрена законодательная регламентация системы награждений и поощрений учителей начальной и средней школы в Российской империи в XIX – начале XX века, которая содержала целый ряд исключений, что усложняло и запутывало ее. Это не способствовало награждению только достойнейших. Постепенность получения наград, связанная с выслугой, а также предоставляемые права и привилегии позволяли награжденному учителю улучшить свое общественное и материальное положение.

Ключевые слова:

выслуга, закон, Министерство народного просвещения, классный чин, награда без привилегий, начальное училище, правительственная награда, приходское училище, сельское училище, система награждений и поощрений, учитель.

В XIX – начале XX века для учителей, находившихся на государственной службе в системе образовательных учреждений Министерства народного просвещения, в качестве поощрения их профессиональной деятельности были предусмотрены награды, к которым относились: пожалование чинов, званий, орденов и медалей.

Производство в чины за выслугу лет допускалось: в чины XII–VIII классов – через три года, а в чины VII–V классов – через четыре года. Чины можно было получить не только за выслугу лет, но и за отличия, «на пользу службе совершенных» [7, ст. 246]. Награждение чином осуществлялось на один класс выше того, в которых состояли награждаемые. Чинопроизводство учителей осуществлялось с обязательным освещением в средствах печати. В каждом номере «Журнала Министерства народного просвещения», «Известиях по народному образованию» того периода публиковались пространственные списки представленных к награждению орденами, медалями, званиями учителей, а также присвоение им классных чинов. Получение чинов учителем влияло на его положение в обществе, обуславливая более высокий социальный статус.

Учителя приходских училищ, из лиц, не пользующихся по общему закону правом «на поступление в гражданскую службу», после 12 лет усердной и беспорочной службы могли получить чин чиновника четырнадцатого класса [7, ст. 400].

Учителя всех сельских училищ Кавказского учебного округа «по прослужении в сем звании десяти лет в пределах Кавказского округа» могли быть представлены к награждению чином четырнадцатого класса [7, ст. 403].

К числу наград относился зачет в действительную государственную службу времени работы учителем «по вольному найму» без права на чинопроизводство [1, с. 48].

Учителя народных сельских училищ из числа податных категорий, не состоящие на гражданской службе по учебному ведомству, имели право по своему званию учителя быть награжденными особыми наградными медалями, получить звание личного почетного гражданина за успешное исполнение своих обязанностей в течение 12 лет. Этим званием награждались лица, не достигшие этого звания по чинам (звание давалось по достижению чина IX класса титулярного советника) и не принадлежавшие к сосло-

виям потомственных почетных граждан, личных или потомственных дворян [7, ст. 256]. В соответствии со статьей 704 «Устава о службе» по определению от правительства представлению о награждении званием потомственного и личного почетного гражданина должно было предшествовать согласование по представляемым кандидатурам с министерством внутренних дел и получение от последнего отзыва об отсутствии препятствий к предполагаемому награждению. Звание личного почетного гражданина предоставляло определённые льготы. Так, учителя из мещан, окончившие учительские семинарии, платили денежные сборы, положенные мещанскому сословию до тех пор, пока они после двенадцати лет службы не удостоивались звания личного почётного гражданина [4, с. 980]. Поскольку звание личного почетного гражданина не являлось наградой в виде Монаршей милости (предоставлялось Правительствующим Сенатом), эта награда не исключала возможности до истечения трехлетнего срока с момента ее получения ходатайствовать о награждении учителей начальных училищ другими знаками отличия. Наличие этого звания не исключало в последующем получение звания потомственного почетного гражданина за двадцатилетнюю учительскую службу. Получение свидетельства на звание личного почетного гражданина предполагало уплату пошлины в доход казны в размере пятнадцати рублей. В соответствии с внесенными изменениями в статью 35 Наградных правил от 1 августа 1898 г. лица, получившие звание личного почетного гражданина, могли быть представлены сразу, минуя установленную последовательность, к серебряной шейной медали на Владимирской ленте.

Домашние наставники, исполнявшие свои обязанности 25 лет и подготовившие за это время не менее трех молодых людей, принятых студентами в один из русских университетов, приобретали почетное звание «Заслуженный наставник» [5, с. 14–15].

В Российской империи существовала четкая иерархия орденов из восьми позиций. Три начальные позиции в этой иерархической «лестнице» занимали орден Святого Станислава (трех степеней), орден Святой Анны (четырёх степеней), орден Святого Владимира (четырёх степеней). Именно этими орденами награждали учителей за «отличное усердие и особые труды». Гражданские служащие различных учреждений в губерниях награждались орденами при условии, что они имеют должность и

чин не ниже десятого класса. Исключение из этого правила допускалось для служащих по ученой и учебной части. Они могли иметь чин не ниже девятого класса, независимо от занимаемой должности [6, ст. 104].

За успешную службу сроком не менее пятнадцати лет домашние наставники могли быть награждены орденом святой Анны третьей степени, домашние учителя – орденом святого Станислава третьей степени. За 35-летнюю выслугу домашние наставники и учителя могли быть представлены к награждению орденом святого Владимира четвертой степени. При этом одной только выслуги определённых лет было недостаточно. Необходимы были выдающиеся отличия, описания которых требовались в поступающих в Министерство народного просвещения наградных представлениях. Для учителей, находящихся на службе в отдаленных и малонаселенных краях Империи и в губерниях Царства Польского, 35-летний срок для получения ордена Святого Владимира четвертой степени был сокращен на основании специальных правил в приложении к статье 408 Учреждения орденов и других знаков отличия. С получением каждого ордена и степени награжденному учителю предоставлялись определенные права и привилегии.

Празднование юбилеев не должно было служить поводом к представлению к наградам.

Кроме правительственных наград, которые предоставляли определенные права, существовали награды, не дававшие привилегий. К ним относились: медали, знаки отличия беспорочной службы. Домашние наставники и учителя за десятилетнюю «усердную» службу могли быть пожалованы медалью на Александровской ленте для ношения в петлице. Для наставников назначалась золотая медаль, для учителей – серебряная [6, ст. 728].

За отличную службу учителя могли быть удостоены золотыми и серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее и в петлице на лентах: Андреевской, Александровской, Владимирской, Аннинской, Станиславской. В соответствии со статьей 728 «Учреждения орденов и других знаков отличия» учительницы начальных училищ за 10-летнюю «беспорочную и усердную службу» могли быть награждены серебряной медалью с надписью «За усердие» на Александровской ленте для ношения на груди. Помимо этой награды на основании Наградных правил по учебному ведомству

96 | они могли быть представлены и к другим медалям наряду с учительницами женских гимназий. Учительницы, принадлежащие к дворянскому сословию, представлялись сразу к золотой нагрудной медали на Аннинской ленте, минуя установленную постепенность в награждениях [4, с. 983].

В августе 1827 г. был учрежден Знак отличия беспорочной службы за пятнадцать и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах. Получение знака было условием награждения очередным орденом. С мая 1859 г. согласно новому статуту, Знак отличия беспорочной службы стал даваться за выслугу не менее сорока лет [8, с. 199]. Знак отличия беспорочной службы назначался учителям, служащим по ведомству министерства народного просвещения, за выслугу не менее сорока лет. Право на получение этого Знака предоставлялось как служащим, так и вышедшим в отставку.

26 февраля 1896 г. в память об императоре Александре III была учреждена медаль для ношения на груди, на ленте ордена Святого Александра Невского. В списке должностей, занимаемым особами женского пола по ведомству Министерства народного просвещения, которым было предоставлено право на ношение этой медали были определены учительницы приходских училищ.

В феврале 1913 г. в связи с трехсотлетием царствования Романовых была учреждена юбилейная нагрудная медаль, право ношения которой предоставлялось в том числе и учебно-воспитательному составу обоого пола в средних и низших казенных учебных заведениях. Позднее это право было распространено и на другие категории учителей начальных училищ (ведомственных, общественных, частных), а также частных учебных заведений, пользующихся правами правительственных учебных заведений. Всем указанным лицам выдавалось свидетельство на право ношения медали, которая приобреталась ими за собственный счет [3, л. 153, 170].

В январе 1914 г. в честь пятидесятилетия положения о губернских и уездных земских учреждениях был учрежден юбилейный серебряный нагрудный знак, право ношения которого предоставлялось в том числе и учителям начальных народных училищ, содержащихся на земские средства [3, л. 153]. Кроме определенных для них государственных наград учителя сельских начальных школ могли быть награждены за успешную учительскую деятельность земствами (по их усмотрению) за счет выделенных для этого земских средств.

Помимо медалей отличившиеся своим безупречным трудом учителя могли быть награждены подарками особыми (с вензелевым изображением имени императора) и обыкновенными. Кабинет Его Величества имел право и возможность с особого в каждом отдельном случае разрешения приобретать обратно и выдавать деньгами стоимость Высочайше пожалованных подарочных вещей. Это правило не распространялось на подарочные вещи без вензелевого изображения имени императора.

Награжденные учителя обязаны были уплатить определенный денежный взнос за пожалование им орденов и медалей. В соответствии со статьей 765 «Учреждения орденов и других знаков отличия» от взыскания денег освобождались лица, награжденные за труды по народному образованию серебряной медалью с надписью «За усердие» на Александровской ленте для ношения на груди. В 1909 г. специальным законом учителя и учительницы низших учебных заведений Министерства народного просвещения были освобождены от уплаты установленного сбора за награждение их золотыми медалями [2, ст. 844].

В соответствии изменениями, внесенными в 1912 г. в статью 34 «Наградных правил», устанавливалась следующая постепенность в награждении медалями: нагрудная серебряная медаль на Станиславской ленте, нагрудная золотая медаль на Аннинской ленте, шейная серебряная медаль на Владимирской ленте, шейная золотая медаль на Александровской ленте, шейная золотая медаль на Андреевской ленте. Медали, пожалованные учителям, но не врученные им в связи с их смертью вручались их наследникам по завещанию или по закону.

Для наград за отличие существовали общие правила, по которым устанавливался срок: одна за другой награды за отличие могли быть пожалованы не ранее, чем через три года. Для ежегодного числа наград устанавливалась норма, различная для каждого ведомства.

Существовали специальные наградные нормы, которые не для всех чинов были одинаковы, и в этом отношении лица, находящиеся на государственной службе по ведомству министерства народного просвещения, делились на три категории. В первую категорию включали лиц учёно-учебной службы в учёных учреждениях и высших и средних учебных заведениях. Из учителей приготовительных классов средних учебных заведений в эту категорию вносили только тех, кто получил высшее

образование. Во вторую категорию включали лиц учебной службы, служащих в низших учебных заведениях, учителей приготовительных классов средних учебных заведений, не получивших высшего образования, а также директоров и инспекторов народных училищ. В третью категорию включали лиц, не пользующихся правами учебной службы (почетные попечители, почетные смотрители, делопроизводители и другие). Лица, служащие по найму (не утвержденные в занимаемых должностях) в эти списки не включались. По каждой из трех категорий награды определялись соответственно в пропорции: одна награда на восемь человек; одна награда на двадцать человек; одна награда на сорок человек.

Попечители учебных округов представляли в министерство народного просвещения списки лиц для награждения:

1. За отличия по службе. В этом случае были предусмотрены награды в виде орденов Святой Анны и Святого Станислава второй степени и Святого Владимира третьей степени, а также зачет в действительную службу времени работы учителем «по вольному найму» без права на чиновничество и предоставления прав государственной службы тем, кто этих прав не имел. В последнем случае важно было наличие необходимого образовательного ценза;

2. За труды по народному образованию, для чего была предусмотрена награда в виде нагрудной медали на Александровской ленте, которой награждали учителей и учительниц за не менее чем десятилетнюю педагогическую деятельность;

3. За неслужебные отличия. В этом списке были представлены лица мужского пола, состоящие на действительной государственной службе, находящиеся в отставке, а также имеющие право на службу

по происхождению или по образованию, но не состоящие на действительной государственной службе по ведомству Министерства народного просвещения;

4. За благотворительную и общепользующую деятельность. В этот список включались лица мужского пола, не имеющие права поступления на государственную службу и лица женского пола. Представления в министерство на награды за служебные отличия от каждого учебного округа должны были поступать ежегодно не позднее первого сентября.

В случаях должностных или уголовных преступлений многие правительственные награды, в частности чины, ордена отнимались по судебному приговору, как и право на вознаграждение, приобрести которое вновь можно было лишь отличившись по службе.

Таким образом, в XIX – начале XX века существовала законодательно определенная система награждений и поощрений учителей начальной и средней школы. Строго определенные российским законодательством правила награждения учителей содержали целый ряд исключений, что усложняло и запутывало систему награждений и поощрений и, в свою очередь, не способствовало представлению к ним только достойнейших. Детально регламентированная система награждений за успешную учительскую службу была одним из достижений законодательства о государственной гражданской службе Российской империи. Постепенность получения наград, связанная с выслугой определенного срока службы, а также предоставляемые на их основе права и привилегии позволяли награжденному учителю улучшить свое общественное и материальное положение.

Список литературы

1. Высочайшие награды по ведомству министерства народного просвещения // Известия по народному образованию. – 1909, № 2.
2. Закон об освобождении учителей и учительниц низших учебных заведений министерства народного просвещения от уплаты сбора за пожалование их золотыми медалями, установленными статьей 676 Учреждения орденов и других знаков отличия // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 6 июня 1909 года, № 98.
3. Научный архив Российской академии образования. – Ф. 19, оп. 1, д. 42.
4. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е, знач. доп. изд. – СПб.: Общественная польза, 1904. – 1096 с.
5. Сборник узаконений и правительственных распоряжений, касающихся домашних наставников, наставниц, учителей и учительниц и правила получения первого классного чина, наград и пенсий / Сост. Г.Ф. Портненко. – М.: Типо-лит. И.И. Пашкова, 1906. – 30 с.
6. Учреждение орденов и других знаков отличия // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 2, кн. 8. – СПб., 1892.
7. Устав о службе по определению от Правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3, кн. 1. – СПб., 1896.
8. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л.: Наука, 1991. – 222 с.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ГЕОРГИЙ ШЕНКЕН: ИЗ ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1908 Г.

Рассматривается ход студенческой забастовки в сентябре-октябре 1908 года, противниками которой выступили представители студенческого отдела Союза русского народа во главе с Г.Н. Шенкеном. Охарактеризованы позиции двух течений в студенческом движении – правого, патриотического, и левого, либерального, отношение к ним университетской администрации, профессоров.

Ключевые слова:

автономия университета, академисты, Санкт-Петербургский университет, студенческое движение, студенческая забастовка 1908 года, Союз русского народа, Шенкен Георгий.

Личность Георгия Шенкена сегодня мало кому известна, да и то только в связи с активной ролью университетских черносотенцев по срыву студенческой забастовки 1908 г. в Санкт-Петербургском университете. Собственно, она, эта забастовка, 20 сентября – 13 октября 1908 г. и выдвинула никому практически ранее неизвестного студента-историка на авансцену общественно-политической борьбы того времени.

Открытие студенческого отдела Союза русского народа в Санкт-Петербургском университете произошло 22 октября 1907 г., однако заявили о себе здесь студенты-«союзники» несколько раньше. Свидетельством тому статья Г.Н. Шенкена в «Русском знамени» за 20 сентября 1907 г. под характерным названием: «Императорский университет для революции». Здесь Г.Н. Шенкен спешит предостеречь ничего не подозревающих родителей, посылающих своих чад в Императорский Санкт-Петербургский университет для приобретения знаний о том, что на самом деле, благодаря попустительству официальных властей, они там «не учиться будут, а помогать революции, не просвещаться, а развращаться; не полезными слугами отечеству будут, а его врагами, не честными людьми выйдут, а хамами» [27].

Но вернемся к организационному собранию студенческого отдела Союза русского народа 22 октября 1907 г. Помимо самих студентов среди присутствующих были замечены такие известные черносотенцы как Ю.П. Бартенев, А.А. Башмаков, О.О. Юзефович и член Главного совета Союза русского народа граф Э.И. Коновни-

цын. Выступивший перед собравшимися уже в качестве председателя отдела Союза русского народа Георгий Шенкен следующим образом очертил круг задач новой студенческой организации – «будить в наших товарищах русское патриотическое чувство, нагло попираемое врагами русской государственности», не забывая в то же время и своих прямых задач – занятие наукой. «Мы, подчеркнул он, будем отстаивать университет для науки». В заключении собрание приняло решение о верно-поданнической телеграмме студенческого отдела на имя Государя Императора Николая II, на которой тот изволил собственноручно начертать: «искренне тронут и благодарен» [22, с. 20].

26 октября 1907 г. делегация студенческого отдела Союза русского народа была принята ректором Санкт-Петербургского университета И.И. Боргманом, которому были вручены Устав Союза русского народа и телеграмма, присланная на имя А.И. Дубровина от имени Николая II. «Университет, – заявил в беседе с ректором Г.Н. Шенкен, – есть храм науки, и студенческий отдел Союза русского народа будет высоко держать знамя науки и отстаивать его от посягательства революционных политических партий. А также студенческий отдел, признавая, что университет есть русская национальная высшая школа, а не одна из баз революции, в каковую превращен стараниями политических партий социалистов-революционеров, социал-демократов, кадетов, евреев и прочих инородцев, считает своим долгом высоко, так же как и знамя науки, нести знамя национальное, на котором начертаны свя-

ценные заветы предков: «Православная вера, неограниченный самодержавный царь и русская народность и защищать их до последней капли крови в стенах Императорского университета от наглого попираательства врагами русской государственности» [10].

Нечего и говорить, с каким удовлетворением была встречена новость об образовании студенческого отдела Союза русского народа в правых кругах. «Чернотенные друзья, любящие свою родину и свой народ, – обращается к ним через газету «Русское знамя» некто С. Россов, – ... я был искренне обрадован проявлением молодой студенческой души настоящих русских чувств, благородства, мужества, стойкости и братства <....>. Верьте крепко, что вы в силах сделать великое дело поворота коллег на светлый правильный путь» [25].

Совсем по другому отнеслись к появлению студенческого отдела Союза русского народа либералы. С первых шагов студенческого отдела СРН он был обвинен либеральной прессой едва ли не во всех мыслимых и немислимых грехах: шпионстве, сыске, добровольном доносительстве и даже в стремлении обеспечить таким способом свою будущую карьеру [1]. Еще одним обвинением со стороны либералов было указание на «союзников», как на противников популярной в то время идеи полной автономии университета. «Принципиально, конечно, – отвечал на это в «Русском знамени» студент-«союзник» С., – автономный университет лучше неавтономного. Но ведь, что хорошо в теории, то в действительности иногда бывает очень дурно». Во всяком случае, по его мнению, из храма науки в очаг революции Санкт-Петербургский университет превратился именно после того, как стал автономным [29].

«Нам нужен не автономный политиканствующий университет, нам нужна автономия науки в духе русской национальности», – заявляли правые [14] и выражали надежду, что «русское студенчество при дружной поддержке общества и власти поймет, что школа – для науки, школа – для воспитания патриотов и ученых, подобных Д.И. Менделееву, а для драк и делания бомб нужно поискать другие места» [28].

Собрания студенческого отдела проводились в это время обычно в помещении Московско-Спасского отдела Союза Русского народа по адресу: Садовая улица,

*Студент Санкт-Петербургского университета
Георгий Николаевич Шенкен, 1905 г. [32].*

д. 4, кв. 41. Сам Г.Н. Шенкен проживал на 8-й Рождественской улице, дом 15, кв. 18.

Дальнейшая деятельность Г.Н. Шенкена как председателя возглавляемого им студенческого отдела СРН протекала в условиях жесткого противостояния революционно настроенного студенчества и либеральной профессуры университета с новым (назначен 1 января 1908 г.) министром народного просвещения А.Н. Шварцем, безуспешно пытавшимся посредством циркуляров и распоряжений навести порядок в университетах. Речь идет о его борьбе с такими хотя формально и незаконными, но прочно вошедшими за годы революции 1905–1906 гг. в практику повседневной жизни университета явлениями, как: появление здесь женцинвольнослушательниц, фактическая отмена трехпроцентной нормы для студентов-евреев и беспрепятственное функционирование в университетских стенах органа студенческого представительства – Совета старост, снискавшего себе славу организатора разного рода антиправительственных сходок, митингов и демонстраций. Несмотря на благие, казалось бы, намерения, все попытки А.Н. Шварца навести по-

рядок в подведомственных ему заведениях наткнулись на жесткое сопротивление университетских властей и радикально настроенного студенчества, расценивших эти меры как наступление на завоеванную ими в соответствии с царским указом 26 августа 1905 г. автономию.

Недовольство политикой А.Н. Шварца было характерно практически для всех высших учебных заведений страны, но острее всего оно проявлялось в Санкт-Петербургском университете. Дело дошло здесь до того, что 3 сентября 1908 г. Совет профессоров Санкт-Петербургского университета заявил о сложении с себя всякой «ответственности за неправильный ход учебной жизни» [23, с. 160], а ректор и проректор объявили о своей отставке. Сходка, созванная 13 сентября по инициативе Коалиционного комитета (он сменил распущенный по требованию министерства Совет старост) не только поддержала Совет профессоров в его противостоянии с А.Н. Шварцем, но и объявила о студенческой забастовке, призвав другие вузы империи присоединиться. Забастовка началась 20 сентября 1908 г.

Из университета забастовка быстро перекинулась не только на другие вузы Санкт-Петербурга (всего здесь бастовало около 22,7 тыс. человек, т.е. около двух третей студентов) [4, с. 143], но и на другие вузы страны, приобретая тем самым всероссийский характер, что собственно и являлось целью ее организаторов. Возглавляла забастовку в университете, как уже отмечалось, Коалиционный комитет, состоявший в основном из социалистов-революционеров, социал-демократов и конституционных демократов (кадетов). Координация деятельности забастовщиков осуществлялась общегородским Коалиционным комитетом.

Конечно же, переломить общее настроение наиболее активной части студенчества Г.Н. Шенкен и его коллеги из-за своей малочисленности (до 60 человек) не могли. Понимая это, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы как можно громче заявить, что среди студентов есть категорические противники забастовки. 20 сентября 1908 г. Г.Н. Шенкен от имени студенческого отдела Союза русского народа подал заявление в Совет профессоров с решительным протестом против забастовки и требованием обеспечить беспорочное посещение занятий [23, с. 184]. Как видим, несмотря на ярко выраженную идеологи-

зированность студенческого Отдела СРН, реалии университетской действительности побуждали Г.Н. Шенкена и его коллег «сбавить обороты» и от патетических национальных деклараций перейти к другим проблемам. «В настоящее время, – вынужден был заявить в связи с этим Г.Н. Шенкен, – деятельность СРН в университете носит академический характер» [33].

Слова Г.Н. Шенкена были вполне созвучны общему настрою публикаций на университетскую тему ведущих правонархических органов печати того времени. «Я приехал в Университет, – отмечал студент С. – с единственной целью или желанием в сердце – учиться. Моя мать может мне прислать в месяц 12 рублей, с трудом откуда-то их собирая. Я не знаю ничего о политике, и не хочу ее знать. <...> Я должен учиться, а между тем двери высшей школы закрыты предо мной, и я вижу, что они закрыты малодушными профессорами, которых испугала горсть не желающих работать» [30]. «Школа для науки – вот руководящий принцип, провозглашаемый академическими студенческими союзами. Этот принцип должен быть аксиомой, но русское общество до того одурманено, ... что этот основной принцип всякой школы нужно доказывать и учащимся приходится отстаивать его, подвергаясь моральным и физическим испытаниям», – с сожалением отмечает это же издание в другой статье [16].

Тем временем, убедившись, что одному ему, даже при поддержке правых, с взбунтовавшейся профессурой и демократически настроенным студенчеством не совладать, А.Н. Шварц вынес вопрос на заседание Совета Министров. Состоялось оно 24 сентября 1908 года под председательством П.А. Столыпина. Совет министров не только подтвердил правомерность циркуляра министра, но и возложил ответственность за положение дел на самих профессоров, которые «хотя убеждали студентов не прекращать занятия, но одновременно тем или другим способом доводили до сведения студентов, что борьбу за автономию они берут на себя, каковое заявление не могло, конечно, не действовать на студентов возбуждающим образом» [26]. Но, конечно же, главным итогом обсуждения вопроса на Совете министров стало решение о немедленном возобновлении занятий во всех высших учебных заведениях страны [20].

25 сентября 1908 г. в 8 часов вечера под председательством и.о. ректора В.М. Шим-

кевича состоялось экстренное заседание Совета профессоров Санкт-Петербургского Университета и было принято решение объявить студентам о возобновлении занятий с субботы 27 сентября 1908 г. [31] Однако ни 27, ни 29 сентября из-за противодействия забастовщиков ни одна лекция в университете прочитана так и не была. Явившиеся в положенные часы профессора и приват-доценты вынуждены были спешно ретироваться.

Пытаясь переломить ситуацию, Г.Н. Шенкен и его коллеги явились 29 сентября в количестве около 60 человек к 10 часам утра на лекцию проректора Ф.А. Брауна с намерением помешать ее срыву со стороны забастовщиков. Пикантность сложившейся ситуации была в том, что все отлично понимали: хотя проректор-кадет и считает забастовку несвоевременной, его симпатии всецело на стороне студентов-забастовщиков, лекцию вопреки их воле он читать не будет и в аудиторию (речь идет о четвертой аудитории нынешнего Главного здания) явился чисто формально, чтобы не быть уволенным и получить в положенное время причитающееся жалование. Другими словами, на лекцию проф. Ф.А. Браун явился не по долгу совести, а по долгу службы, и покинет аудиторию по первому требованию членов Коалиционного комитета. Не дать ему осуществить задуманный маневр и под флагом защиты профессора показать истинное его лицо – такова была задумка студентов-«союзников».

30 сентября 1908 г. противодействие забастовщикам было оказано только на факультете восточных языков, да и то только потому, что охрану лекторов – приват-доцентов П.С. Попова, А.И. Иванова и преподавателя китайского языка Чена взяли на себя студенты-«союзники». Впрочем, замешкавшийся после окончания утренней лекции П.С. Попов был все же заблокирован студентами-забастовщиками и отпущен на свободу только после длительных и оскорбительных переговоров, покинул университет под свист и улюлюканье толпы [2].

2 октября, как и в предыдущий день, на большинстве факультетов, за исключением факультета восточных языков, никаких лекций прочитано не было. Что касается восточного факультета, то, как и 1 октября, занятия здесь смогли состояться лишь благодаря поддержке, оказанной лекторам «союзниками» во главе Г. Шенкеном. Лекторы были, впрочем, те же, то есть Попов,

Иванов и Чен. Расположившись большой группой на лестнице 2-го этажа, прямо у входа в помещения факультета восточных языков, «союзники» блокировали попытки забастовщиков проникнуть в аудиторию и сорвать лекции. Что касается забастовщиков, то, убедившись в безуспешности своих попыток проникнуть на факультет, они, в конце концов, отказались от этого намерения, расположившись на той же самой лестнице, что и «союзники», этажом ниже, заблокировав, таким образом, всякую возможность не только выйти, но и войти в помещения факультета. Как и следовало ожидать, закончилось все скандалом – явившийся на факультет профессор П.К. Коковцов не был пропущен студентами с площадки 2-го этажа на лестницу и с негодованием вынужден был удалиться. В 12 часов – новый инцидент, когда снявшие блокаду с верхней площадки студенты-«союзники» не были пропущены их противниками, собравшимися на площадке этажом ниже. Начались взаимные оскорбления и пререкания. К счастью, до драки дело не дошло, и срочно прибывшие члены Коалиционного комитета и проректор Ф.А. Браун уладили назревавший конфликт [9]. Союзники, однако, не успокоились, и, явившись в кабинет Ф.А. Брауна, продолжали настаивать на своем праве посещения лекций. Однако, проректор, попросил их подчиниться требованиям Коалиционного комитета. Попутно зашла речь и о предстоящей сходке, и «союзники» предложили проректору устроить референдум по вопросу о забастовке. На это Ф.А. Браун ответил, что референдум возможен лишь тогда, когда атмосфера совершенно чиста, а до этого еще далеко. В настоящее время, заявил он, лучших результатов следует ожидать именно от сходки. «А что будет, если сходка постановит продолжать забастовку? – поинтересовались «союзники». – Это будет несчастьем», – ответил проректор [5].

Сходка началась в 15 часов в актовом зале Университета. Здесь собралось около 3 тысяч студентов, еще около тысячи толпилось в коридоре [23, с. 234]. Явились сюда и студенты-«академики» вместе с членами студенческого отдела. Учитывая свою малочисленность (около 100 чел.), они расположились в дальнем углу правой стороны зала, около окон, выходящих на улицу. Началась сходка с информации Коалиционного совета о произошедшем накануне расколе среди его членов по вопросу о целесообразности продолжения

забастовки. Было сказано, что противники забастовки находятся в Коалиционном комитете в меньшинстве, и, в целом, он твердо стоит за ее продолжение. После этой информации, слово попросил лидер «союзников» Георгий Шенкен. При полном молчании зала он громким голосом от имени студенческой фракции СРН, потребовал обсудить вопрос о борьбе с забастовкой, превращающей университет в рассадник крамолы. Предложение Г.Н. Шенкена было поставлено на голосование, но отвергнуто. Г.Н. Шенкен заявил, что возглавляемый им студенческий отдел СРН сделает все, чтобы не допустить продолжения забастовки. «Мы здесь примем меры, все меры, чтобы не дать возможность сходке принять резолюцию о продолжении забастовки. В чем будут заключаться меры – не считаю нужным говорить – увидите сами». После этих слов при криках из зала «Долой! Вон!» Шенкен был лишен слова.

Тем временем слово получил студент Подшибякин. Однако закончить свое выступление он не успел, так как по сигналу Г.Н. Шенкена «союзники» достали из карманов большие свистки и стали громко свистеть. Один из студентов «союзников» неожиданно достал принесенную с собой железную кочергу, и с силой стал бить ею по оконному стеклу. В зале поднялся невероятный шум. Расположившиеся рядом «южане» – студенты-грузины из Тифлисского землячества, которым, судя по всему, было поручено «пасти» черносотенцев, немедленно вступили в драку с ними, и злосчастная кочерга стала переходить из рук в руки. В ход пошла и некая «палка с резиновым набалдашником» (судя по всему, костыль хромого Г.Н. Шенкена); были пущены в ход кулаки [19]. Прижатые к стене численно превосходившей их толпой, «союзники» в поисках выхода стали выламывать запертую дверь актового зала, защищаясь от сыпавшихся на них ударов. Наконец им это удалось: дверь поддалась, и они устремились вон. Одни ринулись вниз по лестнице, ища спасения на улице. Другие рассыпались по знаменитому коридору. На этом сходка, так и не приняв решения о забастовке, завершилась [11].

Проректор Ф.А. Браун всю вину за случившееся возложил на «союзников». По его словам, ему еще до сходки стало известно, что они решили сорвать ее, и разбитое ими окно было заранее спланированной провокацией [21]. На Совете профессоров были заслушаны заявления Комитета сту-

денческой фракции «Союза 17 октября» и «Группы беспартийных студентов», которые просили университета не закрывать и чтение лекций продолжать, так как только открытый университет даст возможность сорганизоваться противникам забастовки [23, с. 241–242]. Однако, на позицию Совета эти заявления не повлияли, и большинством в один голос он принял решение о приостановлении занятий до 9 октября [21]. 3 октября и.о. ректора В.М. Шимкевич имел аудиенцию у самого П.А. Столыпина. Беседа между ними носила напряженный характер. Председатель Совета министров ясно дал понять, что правительство не потерпит дальнейшего бездействия университетского начальства, и готово даже на такой экстраординарный шаг, как ввод в Университет полиции [18]. П.А. Столыпин не исключил и возможность некоторых уступок в вопросе о студенческих организациях, в предоставлении возможности продолжить свое обучение уже зачисленным в Университет вольнослушательницам [23, с. 245–247]. В сложившейся ситуации Совету профессоров не оставалось ничего другого, как объявить о возобновлении занятий с 6 октября и призвать студентов к немедленному прекращению забастовки [8].

Однако никаких занятий в Университете 6 октября не было. Зато утром стало известно, что 7 октября в Актовом зале состоится новая общеуниверситетская сходка, разрешенная проректором Ф.А. Брауном. В обращении Совета профессоров к студентам последние призывались к безотлагательному возобновлению занятий и выражалось традиционное для либеральной профессуры опасение, что продолжение забастовки угрожает сохранению уже достигнутых начал университетской автономии [17]. Если раньше профессура, осуждая забастовку на словах, фактически потворствовала ей, то теперь, когда стало ясно, что забастовка подходит к концу, явно не желая остаться на обочине общественной политической борьбы, профессура тут же включилась в борьбу с ней, пугая студентов разгромом университета «сверху». «Полиция и войска, – говорил студентам проректор Ф.А. Браун, – займут Университет, последуют массовые аресты, высылки; вы будете собирать многочисленные явочные сходки протеста, участники которых подвергнутся той же участи, и разгром Университета будет, таким образом, неминуем» [6]. На сходке 7 октября призывы к немедленному прекращению забастовки были услышаны, и

1345 голосами «за» при 1198 «против» и 94 «воздержавшихся» было принято решение о возобновлении занятий с 13 октября 1908 г. [7].

Глубокое удовлетворение «союзников» провалом забастовки было омрачено, однако, организованным по горячим следам профессорским дисциплинарным судом над ними в связи с событиями, имевшими место на университетском сходке 2 октября, его результатом могло быть исключение из университета [3, с. 3]. И хотя формально перед судом должны были предстать все участники той злополучной драки, было понятно, что на самом деле судить собираются именно Г.Н. Шенкена и его коллег. В частности, Г.Н. Шенкен обвинялся в том, что именно он разбил 2 октября окно в Актовом зале. Опросив ряд свидетелей, суд установил, что это был все же не Шенкен, а кто-то другой, но установлением личности виновного никто заниматься не стал. В итоге, хотя факт драки имел место, но определить «индивидуальных виновников столкновения» суд так и не сумел, ограничившись постановлением не привлекать по этому делу «к суду никого из учающихся в Императорском Санкт-Петербургском Университете» [3, с. 32].

Практически не сходящая со страниц газет в конце 1907–1908 гг. фамилия Шенкена в последующие годы, как-то в одночасье сходит на нет, хотя спокойным это время в истории Университета не назовешь. Достаточно назвать в этой связи хотя бы студенческие волнения в ноябре 1910 г. в связи со смертью Л.Н. Толстого и буквально потрясшую университет забастовку, объявленную на сходке 26 января 1911 г. – забастовку, вынудившую правительство пойти на такую экстраординарную меру, как ввод 31 января 1911 г. полиции в здание «автономного» университета и массовые (409 человек) аресты среди студентов [34].

Дело тут однако не столько в самом Шенкене, сколько в тех трудностях, которые пережил в это время Союз русского народа во главе с А.И. Дубровиным, единичное лидерство которого все больше и больше стало подвергаться сомнению и критике со стороны его более молодых и энергичных коллег в лице Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Единый ранее Союз русского народа раскололся на три союза: один во главе А.И. Дубровиным (это так называемый Дубровинский союз русского народа), второй во главе с Н.Е. Марковым

(это так называемый Марковский Союз русского народа) и третий – Русский народный союз Михаила Архангела во главе с В.М. Пуришкевичем. Ввиду особого интереса последнего к проблемам высшей школы создание им в Университете своей молодежной структуры было, можно сказать, предопределено. Русская Академическая корпорация студентов Императорского Санкт-Петербургского университета» учреждена была 4 октября 1908 г. и входила в Общегородской Академический союз [15], основательно потеснив на поле так называемой академической борьбы в С.-Петербургском университете Союз русских студентов во главе с Г.Н. Шенкеном.

Тем не менее и Г.Н. Шенкен, видимо, продолжал все же играть некоторую роль в правовом монархическом студенческом движении в университете. Во всяком случае, когда высказавшиеся против очередной студенческой забастовки и исключенные за это из кадетской фракции студенты Шацкий и Лехтенберг попытались выпустить листовку против забастовки, они обратились за содействием именно к Г.Н. Шенкено [13]. Не утратил Г.Н. Шенкен и присущего ему боевого задора в борьбе с революционным студенчеством. Так, когда 22 января 1911 г. в университете были вывешены два красных флага (один в вестибюле, а другой на втором этаже, прямо напротив актового зала с надписями на них «Долой самодержавие!» и «Да здравствует Учредительное собрание!») то, несмотря на распоряжение начальства, ни смотритель, ни вахтер, ни сторожа так и не решились снять их, опасаясь расправы со стороны левых студентов. Спас положение, или, правильнее, лицо университета, проходивший мимо неказистый и хромой Г.Н. Шенкен. Недолго думая он, несмотря на угрозы, взял да и сбил один из флагов своим знаменитым костылем. На него, передает подробности газета, тут же набросились «товарищи», но на физические меры воздействия все же не решились, ограничившись в отместку оскорблениями и разгромом стеклянной витрины Союза русского народа в университетском коридоре [12]. Что касается сброшенного Г.Н. Шенкеном флага, то его тут же водрузили на прежнее место. Назревавший скандал был погашен проректором университета И.Д. Андреевым, который в сопровождении профессора Ф.А. Брауна, с помощью служителя лично снял злополучные флаги [24, с. 16].

1 октября 1912 г. Г.Н. Шенкен просил ректора о продлении ему срока пребывания в Университете вследствие своего болезненного состояния. Просьба его была удовлетворена [32, л. 18]. Освобожден был Г.Н. Шенкен как малоимущий (к этому времени его отец умер, и на попечении была престарелая мать) и от платы

за обучение в Университете. Окончить его Г.Н. Шенкену удалось только 17 августа 1915 г., причем с разрешения министра народного просвещения выпускное свидетельство было выдано без представления им необходимого в таких случаях зачетного сочинения [32, л. 1]. Дальнейшая судьба Г.Н. Шенкена неизвестна.

Список литературы:

1. А.Н. Студенческий надзор за профессорами // Речь. – 17 января 1908 г. – С. 3.
2. Безобразия в университете // Русское знамя. – 7 октября 1908 г. – С. 3.
3. Беседа с профессором И.И. Боргманом // Речь. – 3 ноября 1908 г.
4. Борisenko М.В. Студенческое движение в Санкт-Петербургском университете 1907–1914 гг. Канд. дис. – Л., 1984.
5. В Университете // Вечер. – 2 октября 1908 г. – С. 2.
6. В Университете // Новая Русь. – 7(20) октября 1908 г. – С. 4.
7. В Университете // Новая Русь. – 8(21) октября 1908 г. – С. 4.
8. В Университете // Петербургская газета. – 5 октября 1908 г. – С. 2.
9. В Университете. Недопущение лекции // Речь. – 3(16) октября 1908 г. – С. 3.
10. Деятельность Союза русского народа // Русское знамя. – 4 ноября 1907 г. – С. 1.
11. Драка на сходке // Вечер. – 3 октября 1908 г. – С. 3.
12. Из мрака студенческой жизни. Подготовка к бунту // Русское знамя. – 27 января 1911 г. – С. 2.
13. Из мрака студенческой жизни. Разгром университетской забастовочной банды // Русское знамя. – 2 февраля 1911 г. – С. 3.
14. Казаков А. Да здравствует русский национальный университет! // Русское знамя. – 16 сентября 1908 г. – С. 2.
15. Кушнырь-Кушнарeв Г.И. Исторический очерк возникновения и развития академической организации в России. – СПб., 1914. – С. 10.
16. Молодая Россия // Колокол. – 11 октября 1908 г. – С. 1.
17. От Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета // Речь. – 7(20) октября 1908 г. С. 3.
18. Ответ Совета министров // Речь. – 5(18) октября 1908 г. – С. 5.
19. Побоище на сходке в Университете // Петербургская газета. – 3 октября 1908 г. – С. 3.
20. Правительственный вестник. – 25 сентября (8 октября) 1908. – С. 1.
21. Приостановление занятий // Речь. – 3(16) октября 1908 г. – С. 3.
22. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. – СПб., 1908.
23. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. – СПб., 1909.
24. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета за 1911 г. – СПб., 1912.
25. Россов С. Правым студентам-петербуржцам // Русское знамя. – 15 ноября 1907 г. С. 3.
26. Совет министров предложил профессорам продолжить чтение лекций // Петербургская газета. – 25 сентября 1908 г. – С. 4.
27. Студент Георгий Шенкен. Императорский университет для революции // Русское знамя. – 20 сентября 1907 г. – С. 3.
28. Студент. Из-за чего бастовали? // Колокол. – 17 октября 1908 г. – С. 3.
29. Студент-«союзник» С. Ответ газете «Речь» // Русское знамя. – 30 января 1908 г. – С. 3.
30. Студенческие письма // Колокол. – 30 сентября 1908 г. – С. 3.
31. Университетские дела // Колокол. – 28 сентября 1908 г. – С. 3.
32. ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 43890 (дело студента Императорского Санкт-Петербургского Университета Георгия Николаевича Шенкена, 1905 г.)
33. Шенкен Г. К сведению гг. студентов // Русское знамя. – 30 сентября 1908 г. – С. 1
34. Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. – 1972. № 8. – С. 48.

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследуется университет как культурный феномен с эстетической точки зрения. В центре внимания автора находится связь между театральным и академическим пространством. Утверждается существование сущностного сходства между университетом и театром.

Ключевые слова:

аполлоновская эстетика, дионисийская эстетика, классицизм, просвещение, театр, университет, эстетика академической жизни, эстетическая миссия

О театральном характере русского университета было написано немало. Общая черта всех работ, посвященных этой особенности университетской жизни, состоит в том, что авторы исследований видят истоки театральности университета во времени его возникновения в России. Театральность университета представляется ими как часть основной культурной тенденции XVIII в., проникнутого духом театра. Подобные выводы не вызывают сомнений, т.к. очевидна близость театрального и университетского пространств той эпохи, но интересно взглянуть на это с другой стороны. Предположим, что театр и университет онтологически связаны. Будет ли справедливым считать, что базы этих культурных феноменов обладают сущностным единством? Рассмотрению такого предположения и посвящена данная статья.

Театрализация академического мира преследует, по крайней мере, две цели: самоутверждение науки и просвещение масс. С помощью публичных лекций, опытов, диспутов и пр. наука утверждает свой статус в социуме. Театральность в данном случае выполняет социализирующую функцию. Особенно ярко это проявилось в России XVIII в., когда наука как социальный институт лишь утверждалась в стране. Было необходимо познакомить общество с фигурами профессоров и студентов. Театрализованные формы с их максимальной эмоциональностью наиболее подходили для решения этой задачи. Представляя таким образом публике результаты своей деятельности, академический мир не раскрывал свои секреты, т.е. не десакрализовал науку, а наоборот, демонстрируя мощь своего потенциала, указывал на пропасть, которая лежит между непосвященным мужем и ученым. В результате участники публичных акций-зрелищ должны были

проникнуться чувством уважения и благорасположения к сословию ученых.

Очень важно, чтобы знакомство с новым культурным феноменом (социальным институтом), который в истории европейской культуры институализируется действительно довольно поздно, проходило на фоне положительных эмоций, что обеспечило бы скорейшее его приятие обществом. Театральность публичных событий является одним из аспектов эстетизации академического пространства с целью его утверждения в обществе. Одна из наиболее ярких иллюстраций – зрительный анатомический театр, который посещало больше горожан, чем студентов-медиков. Препарирование трупа превращалось в торжественную церемонию, которая предполагала специальные костюмы хирургов, музыку и даже прохладительные напитки.

Иные задачи преследует театрализация университетского пространства. Здесь нет необходимости «обращать в свою веру» студентов, так как у них уже существует установка на усвоение стиля научного мышления. Университетское образование стремится к тому, чтобы информация, которая сообщается студентам в процессе обучения, стала подлинным знанием, т.е. обрела бы субъективную значимость для познающего. Знанием как достоянием субъекта становится только та информация, которая обретает для человека личностные смыслы; надежно запоминается лишь то, что получает эмоциональную окраску. Университетское пространство театрализуется, дабы студенты вошли в научный текст, эмоционально восприняв его (даже изначально неэмоциональный, например, математический текст). Перед студентами открывается Книга Бытия, которая предстает пред ними в виде сценического действия, даже мистерии.

106 | Вовлеченность в действие дает учащимся возможность яркого эмоционального переживания процесса познания, вживания в смысл текста.

Если справедливо говорить о том, что наука в целом формирует картину мира, то именно в университете эта картина одушевляется, обретает новое измерение – чувственное, эстетическое. В университете научная картина мира предстает в виде драмы бытия и драмы познания. Кафедра оказывается сценой, на которой разворачивается эта драма. Научный текст можно рассматривать как сценарий, который на университетской кафедре превращается в драматическое действие. Университет – это пространство, в котором научный текст обретает голос, из знаковой системы, подобной языку, становится речью, начинает звучать.

Участие в университетском событии, таком, как лекция или семинар, принципиально отличается от работы с текстом. На университетской лекции студенты становятся зрителями и непосредственными участниками события, которое рождается у них на глазах. Читая книгу, можно забежать вперед или вернуться назад, наконец, книгу можно отложить в сторону. Она – законченное творение, которое своей завершенностью и возможностью возвращения к ней, в сущности, становится чем-то вневременным, тогда как всякое университетское занятие строится по канонам классической драмы с единством времени, места и действия. Слушатели превращаются в свидетелей зримого воплощения мысли, которая осуществляется здесь и сейчас. Университетское событие невозможно отложить или приостановить, само осознание этого факта создает ощущение драматической напряженности происходящего. Повествование ли об истории древнего мира или изображение математических формул – все превращается в драматическое событие, в котором действие последовательно развивается, и следующий шаг заранее не известен, даже если содержание текста хорошо знакомо. Формулы не предстают как данность в противоположность тому, как они представлены в книге, а рождаются в процессе лекции. Наблюдение за развитием математической мысли, которая неэмоциональна по своей природе, становится эмоционально напряженным, череда сухих логических выводов воспринимается как спектакль, действующими лицами которого выступают законы математики.

Внутренняя драматургия научного текста раскрывается на кафедре, обретает зримое воплощение. Одно это действие уже делает университет совершенно неповторимым явлением культуры. Никакое дистанционное образование не может заменить живое университетское занятие, поскольку лишь присутствие в аудитории дает возможность принять участие в творческом акте создания и переживания неповторимого феномена – университетского занятия.

Важно заметить, что восприятие этого события сопровождается одновременной эмоциональной реакцией-оценкой: рукоплескания или освистания, несмотря на все запреты, были в университете привычным делом. Профессор как автор и исполнитель собственной пьесы не отстранен от читателя временем и пространством, он неизбежно вступает в диалог со своей аудиторией либо вовсе отказывается от этого, что означает его «сценический» провал. Студенты являются со-творцами университетского занятия как эстетического события, так как отклик аудитории во многом определяет развитие сюжета лекции и особенно семинара. Вместе с тем это событие, которое, при всей многократной повторяемости, становится совершенно уникальным. Как всякая пьеса предполагает возможность разных режиссерских интерпретаций при постановке, так и реализация учебного курса позволяет каждому профессору осуществить свою собственную постановку и исполнить ее в присущей ему одному манере. Лектор подобен демиургу: его повествование о мире скорее напоминает акт творения такого мира, чем его описание. Мир совершается в слове, и задача профессора состоит не только в том, чтобы сотворить этот мир, но и в том, чтобы ввести в него студента. Театрализация создает эффект вовлеченности, погружая студента в драму познания.

Университетская театральность имеет два аспекта: во-первых, это университетские церемонии, воплощающие собой мировой порядок, – то, что можно условно назвать аполлоновским началом университета, его официальной частью, связанной преимущественно с преподавательским составом; во-вторых, это карнавал студенческой жизни как образ прорывающегося хаоса – дионисийское начало.

Университет в своих традициях по сей день сохранил связь со средневековой культурой. Театрализованные университетские ритуалы знаменуют собой незыб-

лемость миропорядка, они проникнуты дидактическим средневековым духом. Университетские церемонии – это одушевленная картина мира, ее зримое воплощение. Смысл таких действий состоит в том, чтобы привести участников к сопереживанию гармонии мира, которая явлена в геометричности ритуала. В формальности ритуала воплощается царство формы в мироздании. Таким образом, университетская традиция оказывается сакральной, т.к. и архитектура, и латинский язык, и облачения – не просто признаки преемственности, но символы структурированности мира (его оформленности, ясности). Этот пласт можно условно назвать «высоким» или дидактическим театром университета.

Его прямой противоположностью является дионисийское (вакхическое) начало университетской жизни. Этот аспект бытия универсантов связан преимущественно со студенчеством. Такое противопоставление двух начал можно рассматривать как продолжение центральной бинарной оппозиции средневековой европейской культуры: аскеза–карнавал. Быт университетских наставников связан с идеей аскезы, даже если они ведут вполне гедонистический образ жизни. Это объясняется тем, что деятельность на университетском поприще представлялась как один из аспектов церковного служения. Действительно, в средние века судьба большинства преподавателей была связана с принятием священного сана и монашеского пострига. Профессора как клирики ассоциировались с глобальностью католической церкви и с ее наднациональностью. Другим полюсом университетской культуры была жизнь студентов, которые гораздо ближе стояли к народной традиции. Именно среди студентов существовало объединение в нации и землячества по признаку происхождения, языка, национальности. Любопытно, что среди произведений, написанных вагантами, есть стихи на немецком языке или с чередованием немецких и латинских строк. Более того, исследователи указывают на национальный немецкий характер лирики вагантов,ступающий сквозь латинскую оболочку. Противопоставление ясной кодифицированной латыни и немецкого языка, грамматика которого еще не была написана, – это символическое противопоставление рационалистической ясности и чувственного тумана. Культура студенчества ассоциировалась

с народной культурой, которая была значительно менее структурирована, чем высокая культура католической церкви. В недрах народного сознания сохранилась смутная память о языческих корнях, что наиболее ярко проявлялось в таком средневековом явлении, как карнавал. Культура студентов – это культура карнавала, бунт против жесткой структуры мироздания, воплощенной в геометричности зданий, стройности университетских церемоний, предельно рационалистическом характере богословия.

Антиподом университетской высокой аскезы являются такие карнавалы студенческие события как попойки. Их природа весьма символична. Смысл студенческих возлияний не сводился к тривиальному получению удовольствия от опьянения. Попойка была смысловым узлом, вокруг которого формировалось пространство студенческой культуры. В университете студенческая пирушка была перевернутым отображением раннехристианских агапе, причем для немецкой студенческой компании было характерно пить всем из одного стакана, свидетельствуя тем самым о принадлежности свое му студенческому братству. Это прямая аналогия евхаристии, где все прихожане причащаются из одной чаши, составляя единое Тело Христово. Точно так же пьющие из одного стакана студенты составляли единую корпорацию, т.е. *Corpus Universitatis*. В этом проявилась еще одна форма театральности – средневековая *Parodia Sacra* (Священная пародия). Если для университета характерно стремление к рационализации бытия, к формированию предельно ясной и прозрачной картины мира, то попойка была попыткой отстоять чувственный, иррациональный компонент мироздания. Показательно, что самое сильное пьянство отмечалось именно в студенческой среде, т.е. в той же среде, которая характеризовалась самым высоким уровнем развития рационалистических способностей.

В дополнение к уже имеющимся сведениям о театральном характере русского университета XVIII в. хочется добавить, что сам университет был частью гигантской постановки Российской империи, призванной изобразить перед Европой русскую европейскость, стать зеркалом, отражающим черты западного мира. Университет в первое время своего существования выполнял роль декорации, ширмы, которая должна была скрыть за

собой зияющую бездну хаоса азиатского мира, чье дыхание было столь ощутимо в Московии. Университет как новый образ упорядоченного мира в ряду других новых институтов вполне годился для этой роли. Особенностью русского университета стало доминирование фасада над внутренней организацией². Если в Европе университеты не имеют «ни начала, ни конца», то во всем облике русского университета ощутима проделанная режиссерская работа. В России университет выстраивался, как выстраивается сценическая композиция, границы пространства которой четко определены. Сцена университетской жизни была организована раньше, чем были выучены роли, впрочем, справедливее будет заметить, что те, кому предстояло сыграть роли университетов, еще и не были набраны. На схожесть вновь создаваемых русских университетов со сценической декорацией указывал В.В. Розанов³.

Эпоха Просвещения предложила России новые идеалы: от героя=затворника, к герою=путешественнику и завоевателю. С тех пор внимание молодежи обращено к героям античности, преимущественно республиканского Рима. Идея форума и диспута для республики была центральной, но в условиях абсолютизации власти в Российской империи она не могла быть реализована, т.к. отсутствовали элементарные демократические институты. В таких условиях университет оказался спасительным выходом для людей, ищущих новые формы жизни. Для Российской империи университет был весьма демократическим институтом, поскольку его автономность имманентна самой идее этого учреждения. Более того, именно в университете уделялось огромное внимание изучению античной культуры (преимущественно латинскому языку). Диспуты (споры) и форумы (сходки, кружки и собрания) были неотъемлемыми чертами университетской жизни. Это был своего рода театр, который предоставлял возможность сыграть роль свободного римского гражданина в казенном имперском окружении. Роль университета подразумевала пусть условное, но всё же право свободы слова. Пожалуй, в российской действительности университет был единственным местом, где была узаконена публичная форма поведения. Особняком стоят театр и храм, где говорящий тоже был на «сцене», но притом оказывался очень жестко ограничен текстом исполняемой роли или церковным

канонем. Великим благом университета были гибкие охранительные рамки роли, которые давали универсанту несколько более свободы, чем остальным гражданам, при этом университетская рампа не была жестко фиксированной, т.е. университетское пространство размыкалось в мир. Студенческая тужурка, как костюм и маска карнавала, разрешала вести себя так, как дозволено лишь в рамках определенной роли. Разумеется, обратной стороной такой свободы было настороженное отношение добропорядочных граждан к студентам.

Если юноша мог обрести свободу посредством усвоения роли «вечного студента» и «добродушного шалопаля», а второй тип традиционно пользовался в России всенародной любовью, то ученый муж освобождался от оков условности, входя в образ «чудака-профессора», и это зачастую спасало его от ответственности за некоторое вольнодумство, поскольку при строгом монархе шуту дозволено говорить более свободно, чем другим подданным. Поступление в университет было, в каком-то смысле, бегством из тесных границ российской повседневности. Университет, как и театр, был пространством игры; действительность там становилась пластичной. Нереализованные в строго регламентированной повседневности желания могли быть воплощены в «виртуальном» университетском пространстве.

Театр имманентен университету. Эстетический потенциал науки актуализируется, в частности, и в театрализованности университетского пространства. Театральный компонент – это один из факторов, что делает университет уникальным культурным феноменом. В наши дни университет не обладает монополией на образование, появилось множество альтернативных каналов получения информации, которые исключают непосредственный контакт преподавателя и обучаемого. Активно обсуждается проблема сокращения часов аудиторных занятий в высших учебных заведениях, много говорится об отживании лекциями своего века. Все это, несомненно, имеет прагматическую обусловленность, но традиционные университетские формы занятий необходимо сохранить, поскольку отказ от них приведет к утрате традиционных черт университета, которые не были только атрибутом конкретной эпохи в истории образования, но являются неотъемлемой частью университетской эстетики. Разумеется, чрез-

мерная увлеченность внешней театральностью характерна для дилетантизма, который был весьма распространенным в российских университетах, где студенты стремились скорее к освоению определенного образа поведения и внешних атрибутов учености, а не к постижению наук,

но внутренне присущую университетской среде театральность как сильнейшее образовательное и воспитательное средство и уникальное эстетическое явление невозможно обойти стороной при исследовании феномена взаимодействия образования и культуры.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 2007. – 604 с.
2. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. – М.: Новый Хронограф, 2006. – 333 с.
3. Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60-70-х годов»? // Розанов В.В. Русская мысль / сост., предисл., коммент. А.Н. Николюкина. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 576 с.

¹ «...У публики есть право рукоплескать и выражать недовольство, поскольку ей как присутствующей общности преподносится произведение, которое должно быть воспринято с живым участием здесь, на этом месте, и сейчас, в эту минуту» [1, с. 481].

² «Внешний облик главного университетского дома, которому устроители предавали большое значение как “фасаду” русской науки, отражал понимание важности этого учреждения в глазах “просвещенного” государства. Здесь, на наш взгляд, проявилось то существенное, чем рознился Московский университет от большинства европейских, где “университетское пространство” складывалось столетиями: там “разрез в университетском комплексе важнее, чем фасад...Разрез раскрывает дух университетской функции” [2, с. 135].

³ Вслед за Ф.И. Буслаевым Н.В. Розанов утверждает, что университет – это профессор, а не «...большое кирпичное здание, выстроив которое в Томске и повесив на него вывеску, еще без профессоров, без студентов, все почему-то называли: “Сибирский университет”. Странные понятия об университете – о святилище наук, где они преподаются и которое изготавливается печниками на кирпичных заводах. <...> В “университете” университету еще нужно зародиться; завестись чудакам-профессорам и всей студенческой братии слюбиться, сжиться, порости мхом, кого-нибудь похоронить и справить тризну – и тогда это будет университет. Удостоиться стать им через почетный труд, через доблестную жизнь, через историю – можно; выстроиться университету нельзя» [3, с. 20].

СОЗДАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО НАУКОЕМКОГО БИЗНЕСА ПРИ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассмотрены проблемы создания малых инновационных предприятий при бюджетных вузах, в частности, несоответствие Федерального закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ и других федеральных законодательных актов.

Ключевые слова:

вуз, инновационная инфраструктура, инновационное развитие, малое инновационное предприятие, предпринимательская деятельность вуза, интеллектуальная собственность.

Важным шагом на пути инновационного развития российской экономики стал принятый в начале августа 2009 г. Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Согласно новому закону бюджетные научные учреждения и высшие учебные заведения, являющиеся бюджетными образовательными учреждениями, имеют право без согласия собственника их имущества (Росимущества) с уведомлением федерального органа исполнительной власти, осуществляющей функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности (Минобрнауки России), быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных обществ, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (РИД), исключительные права на которые принадлежат учреждениям.

Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ вносит изменения в следующие Федеральные законы Российской Федерации: № 127-ФЗ от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике»; № 125-ФЗ от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»; № 14-ФЗ от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»; № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

В рамках нового закона бюджетные вузы получили возможность усиления стратегического партнерства с промышленностью и бизнесом в области подготовки кадров для инноваций. Но для того, чтобы привлечь бизнес в вузы, необходимо четко понимать его потребности. Иными словами, бизнес «пойдет в образование», если это будет экономически выгодно. Успех сотрудничества вуза с бизнесом будет зависеть от того, будет ли последний в результате этого партнерства иметь доступ к (а) квалифицированным кадрам; (б) высокотехнологичному оборудованию; (в) преференциям по налогам; (г) аренде помещений.

Важно понимать, что для практической реализации инновационной политики необходимо формирование соответствующей «инновационной элиты», поскольку инновационное развитие не может ограничиваться какими-то отдельными категориями специалистов: экономистов, управленцев или инженеров-экологов – возросшая к концу XX – началу XXI вв. скорость перемен вызвала потребность в личности с большей мыслительной универсальностью и, следовательно, в более широком внедрении в высшее образование общего и целостного компонента. Идеи о главенствующей роли «интеллектуального класса» в жизни постиндустриального – научно-инновационного – общества были сформулированы еще в 60–70-х гг. XX в. американскими социологами Элвином Тоффлером и Иммануилом Валлерстайном [1; 5]. Сегодня интеллектуальный класс – инновационная элита – это люди, не просто образованные или стремящиеся к образованию, но и способные остро переживать наиболее актуальные проблемы общества и стремящиеся творчески эти проблемы решать. Именно в области под-

готовки инновационной элиты преимущества имеют гуманитарные вузы, так как проблема ее формирования – это, прежде всего, проблема мировоззренческого характера.

Тем не менее, некоторые пробелы и противоречия в существующем законодательстве указывают на то, что нормативно-правовая база для развития сотрудничества между университетами и бизнес-предприятиями нуждается сегодня в доработках и уточнении.

В соответствии с Приложением к Письму Управления научных исследований и инновационных программ от 21.12.2009 № 20–1876 весь процесс создания малых инновационных предприятий (МИП) можно разделить на следующие этапы [4]:

1. Анализ и решение вопросов правовой охраны РИД.
2. Оценка экономической эффективности продвижения РИД.
3. Принятие Ученым советом решения о создании общества, утверждение доли вуза в уставном капитале.
4. Регистрация общества, постановка на учет, открытие счета.
5. Заключение лицензионного договора о передаче права использования РИД.
6. Организация и проведение конкурсных процедур по аренде помещений.
7. Заключение договора аренды.

На различных этапах создания МИП перед вузами могут возникать определенные трудности, на которые необходимо обратить особое внимание.

Прежде всего, при создании МИП необходимо учитывать, что образовательное учреждение обладает специальной (уставной) правоспособностью. Иными словами, вуз вправе заниматься только теми видами деятельности, которые указаны в его уставе. Следовательно, в целях практической реализации Федерального закона от 02.08.2009 № 217–ФЗ в устав вуза необходимо будет внести соответствующие изменения.

Согласно Федеральному закону от 02.08.2009 № 217–ФЗ денежные средства, оборудование и иное имущество, находящиеся в оперативном управлении данных высших учебных заведений, могут быть внесены в качестве вклада в уставные капиталы создаваемых хозяйственных обществ в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ) [7]. Однако в соответствии со статьей 120 и пунктом 1 статьи 298 ГК РФ, вуз не вправе отчуждать или иным способом

распоряжаться закрепленным за ним имуществом [2]. Кроме того, вуз не вправе внести денежные средства в качестве вклада в уставный капитал создаваемого МИП, поскольку это противоречит статье 6 Федерального закона от 24.11.2008 № 204–ФЗ «О Федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» [8]. Следовательно, бюджетный вуз может внести в качестве вклада в уставный капитал создаваемого МИП только права на использование РИД. Именно тут возникает одна из главных проблем.

Получая в обмен на внесенные в уставный капитал МИП права на РИД пакет акций (долю в уставном капитале), вуз приобретает непрофильные активы и вместе с ними – обязательства по уплате налога на прибыль. При этом необходимо учитывать, что необходимых для уплаты этого налога средств у бюджетной организации нет. Суть проблемы состоит в том, что с бухгалтерской точки зрения при таком обмене вуз ничего из имеющихся активов не отдает, но при этом получает вполне реальные непрофильные активы на сумму, в которую были оценены права на использование РИД. Таким образом, вузы будут вынуждены выбирать или низкую оценку вклада в виде прав на РИД и, как следствие, – небольшой налог на прибыль, или высокую оценку и высокий налог, соответственно.

Также в соответствии со статьей 2 нового закона доходы от распоряжения долями (акциями) в уставных капиталах хозяйственных обществ, учредителями (участниками) которых являются данные высшие учебные заведения, – часть прибыли хозяйственных обществ, полученная данными высшими учебными заведениями (дивиденды), – поступают в их самостоятельное распоряжение, учитываются на отдельном балансе и направляются только на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам, а также на осуществление уставной деятельности данных высших учебных заведений [7]. Однако составление отдельного бухгалтерского баланса, включающего отдельные показатели деятельности учреждения, не предусмотрено Инструкцией о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утвержденной приказом Министерства финансов РФ от 13 ноября 2008 г. № 128н. Кроме того, ни

дивиденды, ни лицензионные платежи среди возможных доходов бюджетной организации не значатся, и соответственно, Федеральное казначейство будет распределять их как «неопознанные платежи» и перечислять в бюджет. Это означает, что вуз этих платежей не получит, и выплат вознаграждения авторам не будет.

Определенные трудности возникают на этапе организации и проведения конкурсных процедур по аренде помещений. В соответствии с пунктом 4 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, владея на праве оперативного управления федеральным недвижимым имуществом, вправе выступать в качестве арендодателя имущества. Порядок сдачи в аренду недвижимого имущества установлен распорядительными документами Минфина и Минобрнауки. В соответствии с настоящим Порядком процедура сдачи в аренду недвижимого имущества может занимать до полугода. Таким образом, в течение этого времени с момента учреждения МИП вуз не вправе предоставлять ему помещения в аренду. Кроме того, в настоящее время отсутствует аналогичный Порядок сдачи в аренду движимого имущества. Следовательно, сдавать предприятиям малого наукоемкого бизнеса в аренду оборудование вузы пока не могут.

Еще одна проблема состоит в том, что создаваемые предприятия малого наукоемкого бизнеса при вузах не вправе применять упрощенную систему налогообложения, т.к. согласно пункту 3 статьи 346.12 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), не вправе применять упрощенную систему налогообложения организации, в которых доля участия других организаций составляет более 25 процентов [3].

Также остро стоит вопрос о разработке необходимых норм, которые позволили бы вузам влиять на деятельность создаваемых ими предприятий малого наукоемкого бизнеса: если на сегодняшний день доля вуза в уставном капитале МИП составит, например, 25 %, то фактически все вопросы в МИП будут решать будут частные инвесторы, а не учебное заведение. При этом отношения вуза и создаваемых МИП должны строиться на основании кооперативных принципов и ценностей, чтобы не конкурировать между собой, а

взаимовыгодно дополнять друг друга в инновационной деятельности.

Несколько забегая вперед, к проблемам МИП при вузах можно отнести и процедуру их банкротства. Процедура банкротства хозяйственных обществ, учредителями которых являются бюджетные вузы, осложнена, поскольку в соответствии с современным законодательством учредители должны расплачиваться по своим обязательствам либо деньгами, либо собственностью. Следствием этого может стать отчуждение площадей, приобретенных вузом на внебюджетные средства.

Резюмируя, можно сказать, что на сегодняшний день инновационная деятельность вуза в рамках реализации Федерального закона от 02.08.2009 № 217–ФЗ весьма затруднена. Однако при этом следует учитывать тот факт, что МИП и технопарки создавались при вузах и довольно успешно работали и до принятия нового закона. К примеру, в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова еще до принятия нового закона функционировало 85 предприятий малого наукоемкого бизнеса.

Федеральный закон от 02.08.2009 г. № 217–ФЗ не дает четкого определения предприятиям малого наукоемкого бизнеса. Таким образом, исходя из современного российского законодательства в области малого предпринимательства и отечественного опыта создания подобных предприятий, под МИП можно понимать:

а) предприятия, учрежденные (или соучрежденные) вузом, его структурными подразделениями, сотрудниками, аспирантами, студентами для коммерциализации РИД, полученных при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР);

б) подпадающие под определение субъекта малого предпринимательства согласно Федеральному закону Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209–ФЗ.

в) имеющие в качестве основных видов деятельности проведение НИОКР, производство и внедрение высокотехнологичной продукции и/или услуг;

г) осуществляющие НИОКР в структурных подразделениях вуза.

Также в рамках реализации собственной инновационной программы вузы должны уделить особое внимание возможности создания МИП, специализирующихся на аутсорсинге, поскольку произ-

водство готового высокотехнологичного продукта в рамках малого бизнеса весьма затруднительно, в отличие от производства отдельных его компонентов.

В заключение необходимо отметить, что сам вопрос о создании МИП при бюджетных вузах является в современных условиях весьма актуальным, поскольку именно вузы формируют кадровый потенциал научно-технического прогресса. Подготовка специалистов, способных успешно решать задачи развития науки и формирования инновационной экономи-

ки России и общества знания в целом, возможна лишь при условии установления прочной связи между образовательными учреждениями и бизнес-средой. А для этого необходимо создать прочную и полноценную юридическую базу, произвести соответствующие изменения в сфере государственного законодательства, чтобы обеспечить функционирование инновационной инфраструктуры и тем самым способствовать повышению конкурентоспособности отечественного малого наукоемкого производства.

Список литературы:

1. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / Пер. Н. Тюкиной. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Гарант: информационно-правовой портал. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072.htm>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации // Гарант: информационно-правовой портал. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10900200.htm>
4. Рекомендации по созданию бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности // Министерство образования и науки РФ. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/akt/5601/>
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер – М.: АСТ, 1999. – 261 с.
6. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125–ФЗ // КонсультантПлюс. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/education/>
7. Федеральный закон от 02.08.2009 № 217–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // КонсультантПлюс. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=law;n=90201>
8. Федеральный закон от 24.11.2008 № 204–ФЗ «О Федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» // КонсультантПлюс. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=law;n=81839>

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ НА ПУТЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Рассмотрено движение нового знания из сферы порождения в сферу эксплуатации. На этом пути создаётся научная основа для изобретательской деятельности, реализуемой в новом технологическом укладе экономики. Рассмотрены объективные и субъективные трудности на пути инновационного развития России. Сделан вывод, что основные риски на инновационном пути развития должно брать на себя государство. Для этого необходимо восстановить цепь от порождения до утилизации нового знания. На инновационную активность бизнеса можно рассчитывать при серийном производстве проверенных опытных образцов, разработанных на основе новых идей.

Ключевые слова:

бюджетное и частное финансирование науки, капитализация знания, наука, опытно-конструкторские разработки, сфера эксплуатации, технологический уклад, фундаментальные и прикладные исследования.

«Нация, не умеющая правильно пользоваться своим величайшим богатством – умственной силой своих работников – неизбежно страдает и отстает в мировом, столь интенсивном в наше время, жизненном состязании».

В.И. Вернадский

Радикальные критики отсталости технологического уклада государств всегда различали простой рост экономики и её качественное развитие. И. Шумпеттер это различие выразил краткой фразой: «Составьте хоть сотню дилижансов, всё равно железнодорожного состава у вас не получится» [1]. Это напоминает современные попытки при создании «иннограда» в Сколково использовать опыт создания «Кремниевой долины», забывая при этом о собственном опыте создания академических городков, наукоградов, технико-внедренческих зон и т.д. На сегодняшний день только наукоградов в России – четырнадцать, и четыре технико-внедренческие зоны. Какие есть основания ожидать, что в Сколково, наконец, лёд тронется? То, что для его реализации создаётся ударная группа менеджеров во главе с известным миллиардером Виктором Вексельбергом и не менее известным прорабом приватизации и «нанотехнологом» Анатолием Чубайсом в связке с представителем администрации Президента Владиславом Сурковым? Даже наделение последнего надзорными функциями ещё не гарантирует, что на пути к цели не встретятся непроходимые научные «топсы» [2, с.35].

Хорошо известно, что инновации всегда появляются сначала в головах учёных в

виде фундаментальных идей, а уж потом изобретателями осознаётся их практическая значимость. Реализуются же идеи изобретателями и конструкторами в проектах. Только после этого они воплощаются в конкретные вещи руками инженеров и рабочих соответствующей квалификации на предприятиях промышленности. Иными словами, в России должна быть воссоздана замкнутая цепь движения знания из сферы порождения в сферу эксплуатации: проведена инвентаризация перспективных идей и их носителей – специалистов, способных реализовать эти идеи в новом технологическом укладе, и делегированы им необходимые для этого полномочия. Рассмотрим этот путь подробнее.

Пути движения нового знания из сферы порождения в сферу эксплуатации. Ранее нами было высказано предположение, что большие волны экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева являются периодом накопления нового знания. В связи с этим, при цикле проектирования ~8 лет, цикл накопления знаний может длиться ~60 лет, а при цикле проектирования ~15 лет, период накопления знания сокращается до ~30 лет [3]. Создаётся впечатление, что при коротком цикле проектирования новых знаний достаточно для реализации требований социального заказа к характеристикам новых техни-

ческих средств и технологий, а при более длительном для достижения требуемых характеристик их недостаёт. Возможно, с этим и связано сокращение периода накопления новых знаний за счёт возрос-

ших требований к сфере их порождения со стороны общественной практики.

На рис. 1. приведена упрощённая схема движения нового знания из сферы порождения в сферу эксплуатации.

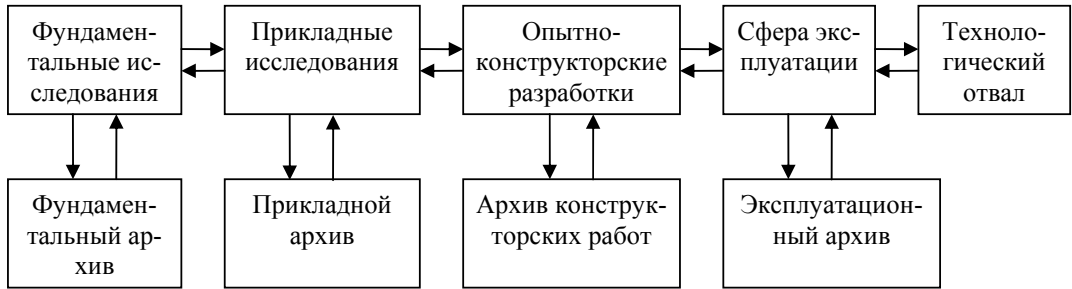

Рис. 1. Схема движения нового знания из сферы порождения в сферу эксплуатации

Каждый этап движения знания в сферу эксплуатации имеет характерное время (лаг). Чем быстрее движется новое знание по этой цепочке в сферу эксплуатации, тем экономически эффективнее данное общество, при условии, что данным уровнем техники в совершенстве владеет рабочая сила.

Новое знание под воздействием логики внутреннего развития порождается в результате бескорыстного поиска человеческой личностью истины в данной предметной области. Поэтому попытки спланировать или предсказать появление нового знания всегда терпели неудачу. Более того, даже творцы нового знания не всегда могли указать область его практического использования. Примерами такого рода могут служить уравнения Максвелла, открытие радиоактивности Беккерелем, информационные технологии, Интернет и т. п.

С другой стороны, эта сфера развивается и в связи с требованиями со стороны социального заказа. Свежими примерами такого рода заказа могут служить логика развития исследований в области физики твёрдого тела. Так, полученные в этой сфере новые знания, под давлением социального заказа обеспечили создание микроэлектроники и технической базы для развития информационных технологий, а логика развития исследований в областях атомной и субатомной физики привела к созданию атомного оружия и атомной энергетики. И это в условиях, когда от исследований в области физики твёрдо-

го тела в не столь далёкие послевоенные годы ничего существенного не ожидалось, а от исследований в области ядерной физики в довоенные годы только отдельные учёные ожидали прорыва в овладении энергией атома. Об этом убедительно свидетельствуют несколько настоячивых писем с фронта в 1941г. рядового Г.Н. Флёрова И.В. Сталину о необходимости скорейшего развёртывания работ по созданию атомного оружия в СССР.

Если сфера фундаментальных исследований движима преимущественно «демоном Сократа», поселившегося в головах отдельных учёных, то в сфере реализации нового знания в новых образцах техники и технологиях требуются усилия коллективов изобретателей, институтов прикладного характера и опытно-конструкторских бюро. Разрушенные в России за последние 20 лет система отраслевых институтов и конструкторских бюро, система подготовки соответствующих кадров, а также продолжающаяся «утечка мозгов» не способствуют инновационному пути развития. Поэтому первым шагом должно быть восстановление всей цепочки движения знания из сферы его порождения в сферу эксплуатации (рис. 1), без чего уход России от статуса «сырьевого придатка» представляется весьма проблематичным.

Объективные и субъективные трудности продвижения новых знаний в сферу эксплуатации. В интервью по случаю своего 80-летнего юбилея основную трудность инновационного развития России Ж.И. Алфёров связал с невостребованнос-

тью обществом новых знаний, которые являются результатом фундаментальных исследований, т.е. отсутствие на него спроса у экономических акторов. Следовательно, в экономической среде России ещё не созданы необходимые для этого условия. Но именно на почве новых знаний рождаются в головах новаторов новые технические идеи.

Но собственно феномен не востребо-ванности новых знаний связан с рядом объективных и субъективных причин. Среди объективных причин трудностей на путях инновационного развития наиболее важной представляется **различие в интересах бизнеса и фундаментальной науки**. Проведенные в последние годы специальные исследования показали, что интересы фундаментальных и прикладных исследований пересекаются лишь в 4% случаев [10]. То, что Россия не является исключением, подтверждается тем, что даже к очень хорошим проектам нет интереса предпринимателей, которые бы взялись довести готовую идею до приемлемой коммерциализации. Это связывают с тем, что у рыночных акторов и компаний в России ещё не сформировалось понимание необходимости в инновациях [8]. А. Пуанкаре считал, что, если «ищешь только тех истин, от которых можно ждать непосредственных результатов, то связующие звенья ускользают и цепь распадается», и «...что наука, созданная исключительно в прикладных целях невозможна; истины плодотворны только тогда, когда между ними есть внутренняя связь» [11].

Другой важной объективной причиной является то, что наука **непрерывно** порождает новые решения возникшей или существующей общественной потребности, а промышленность может реализовывать предлагаемые альтернативы только **дискретно**. Это свойство внутренне присуще процессу проектирования. Действительно, выбрав из предлагаемых альтернатив предпочтительную и начав проектирование, нельзя вносить в проект непрерывные изменения – необходимо завершить проектирование, создать опытный образец (технологию), провести испытания и организовать тиражирование.

Поскольку из результатов фундаментальных исследований в сферу эксплуатации отбираются только те, которые должны отвечать текущим потребностям общества, то в процессе отбора существенно возрастает роль субъективного фактора. Поэтому от удачности выбора

значительной степени зависит величина качественного скачка при переходе на новый технологический уклад.

Среди субъективных причин, наиболее важной представляется и **неготовность правящей элиты России расстаться с имущественными и властными позициями**. Отсюда и стремление убедить общество в необходимости стабилизации сложившихся отношений власти и приобретенной сомнительными путями собственности. Поэтому любые попытки перемен саботируются (отмена плоской шкалы налогообложения, пересмотр результатов незаконной приватизации, например).

Ещё одной важной субъективной причиной является **неадекватная** поставленной задаче инновационного развития страны **степень управляемости** этим процессом. Под управляемостью следует понимать наличие определённого порядка в принятии и исполнении важнейших государственных решений, предполагающих чёткую постановку целей и задач, тщательный анализ средств решения намеченных задач, минимизацию издержек, полный отказ от демагогии, персональная ответственность, при безусловном отстранении институтов и лиц, обнаруживших свою некомпетентность в порученном деле [12, с.57–68]. У нас, к сожалению, государственные чиновники, проявившие некомпетентность, не отстраняются, а остаются на государственной службе.

У хозяйствующих институтов с 90-х г. сложились собственные внутренние структура, культура, базовые ценности и установки, которые не дают оснований нынешнему руководству страны надеяться на активность бизнеса в инновационном развитии России. Об этом свидетельствует как зарубежный опыт бюджетного финансирования науки, так и российский. В частности, бюджетные ассигнования на науку в 2007 г. в США составили 2,62% ВВП, 2,53% – в Германии, 4,65% – в Израиле, 3,73% – в Швеции, 3,39% – в Японии, а в России эти вложения составили только 1,07%. Мнение о существенно большем вкладе бизнеса в науку за рубежом не более, чем миф [5; 10]. Так в США суммарный вклад государства в науку составляет ~41%, а бизнеса – 59%, но бизнес на эти средства проводит исследования, направленные на обеспечение конкурентоспособности собственного производства, а не на добычу нового знания. Тем не менее вклад бюджета США в фундаментальную науку оказывается в абсолютных величинах в 7 раз больше, чем в

России. О значимости вклада отечественного бизнеса в науку можно судить по сумме выделяемой самой богатой компанией России – «Газпромом». ОАО выделяет на собственные исследования 600 млн руб. в год (или 20 млн долларов США), а «Нокиа» и «Майкрософт» 8–9 млрд [6]!

Вопреки научным авторитетам, нынешнее руководство России требует от фундаментальной науки прямого, а не опосредованного вклада в инновационное развитие России. Так, премьер-министр В.В. Путин, выступая перед собранием учёных РАН, прямо связал поддержку государством фундаментальной науки с её способностью обеспечить инновационный рост в стране, а не через посредство добычи новых знаний [10]. А президент Д.А. Медведев, отвечая студенту о причинах сравнительно низкой оплаты труда учёных, откровенно заявил, что тот, кто хочет зарабатывать больше, может осуществить это на другом поприще. Сфера порождения нового знания требует не только талантов и значительно большего времени для подготовки научных кадров, но и времени для свободного творческого поиска. П.А. Капица вспомнил случай, когда поздно вечером к нему в лабораторию заглянул Э. Резерфорд.

— Чем Вы так поздно занимаетесь? – спросил он.

— Работаю, – ответил Капица.

— А когда же Вы думаете? – последовал вопрос.

Создаётся впечатление, что униженное состояние, в которое была поставлена наука с начала реформ, продолжает оставаться осознанной целью политики руководства страны. Именно такая политика подрывает престиж научной работы, ориентируя талантливых специалистов и молодёжь искать приложение своим силам в местах с более комфортными условиями для работы – за рубежом и в областях деятельности с приемлемым вознаграждением за труд. Об этом свидетельствует и вновь возросшая в 2009 г. «утечка мозгов».

В отличие от высшего руководства России, президент США Б. Обама, выступая в Национальной академии наук, для обеспечения безусловного лидерства США в будущем развитии, выдвинул ряд тезисов, в числе которых обращают на себя особое внимание два: обеспечить свободу и независимость, в том числе и научных исследований, и предоставить научному сообществу возможность «напрямую вмешиваться в государственную политику».

На практике это выразилось в расширении состава «Консультативного совета по науке и технике» при президенте США и в назначении министром энергетики не «эффективного менеджера», а лауреата Нобелевской премии по физике 1957 г. Стивена Чу [9]!

Как показывает общественная практика, инновации, являясь результатом креативной деятельности, имеют и **деструктивную сторону**: периодическая смена уровня техники требует значительных материальных затрат на обновление производства, переобучение персонала и т. п. Поэтому доставшаяся новым собственникам общественная собственность, эксплуатируется до полного износа. В ближайшем будущем никто не будет задумываться о замене современным оборудованием устаревшей и изношенной техники. Ведь это потребует значительных затрат, что грозит существенным снижением прибыльности бизнеса.

Возможные перспективы инновационного развития. Проблема инновационного развития страны является ключевой для занятия Россией достойного места в мировом сообществе. Разве может считаться Россия великой державой, если она поставляет на рынок всего 0,2–0,3% от мирового объёма инновационных продуктов, тогда как США – 40%, и если в западной Европе инновации используют 80% компаний, а в России – только 5%? Мировой рынок информационных технологий уже приближается к 1,5 трлн долларов США, а в России – только к 8 млрд. По генерированию новых идей и других объектов интеллектуальной собственности мы занимаем 6 место в мире, а по капитализации этих идей – 90 место [7].

Итак, те организационные формы капитализации нового знания, которые применялись в последние годы в нашей стране, оказались неэффективными и от них надо решительно отказываться. Учитывая патерналистскую ментальность россиян, реализацию нового знания в новом технологическом укладе необходимо взять под полное государственное управление. Бизнесу же передавать подготовленные к тиражированию опытные технологические процессы и технические средства в виде государственного заказа, взяв тем самым все инновационные риски на государственные плечи. Это не исключает инновационную деятельность самого бизнеса, поскольку в конкурентной среде это вопрос выживаемости. Полностью полагать-

118 | ся на активность бизнеса в конкурентной борьбе за мировые рынки не следует.

Для достижения коренного перелома в отношении к инновациям со стороны бизнеса и государства в России необходимо:

1. Восстановить всю цепочку утилизации нового знания в технике и технологиях (рис. 1).

2. Для стимулирования бизнеса к большему вкладу в развитие фундаментальной и прикладной науки учитывать не только различие целей бизнеса и науки, но и особенности менталитета российских учёных, работающих на разных этапах движения знания. Причём делать это следует преимущественно экономическими методами.

Поскольку цель учёных – поиск истины, а бизнеса – прибыль, то первым необходимо создать условия для эффективной научной работы, а вторым – выгодные условия для инвестиций. Очевидно, что первым будут способствовать: своевременное и достаточное финансирование для обновления научной лабораторной базы, повышения престижности профессии учёного; востребованность промышленности научных достижений; достойная оплата научного труда. Вторым – соответствующие преференции государства за активность в создании нового технологического уклада.

3. Создать из представителей науки, промышленности и бизнеса независимый от любых корпоративных интересов орган

экспертной оценки новейших достижений фундаментальной и прикладной науки, а также перспектив их практического использования при создании нового технологического уклада. Наделить этот совет правом публичного рассмотрения и принятия решения о выделении бюджетных средств для создания опытных образцов и технологий, проверки их пригодности для создания нового конкурентоспособного технологического уклада.

4. Отобранные экспертной комиссией перспективные наработки, представлять на конкурс для реализации в опытных образцах, а по результатам испытаний рекомендовать к переоснащению предприятий различных форм собственности, серийному производству и коммерциализации.

5. Организовать подготовку менеджеров перспективного планирования и использования инноваций в создаваемом новом технологическом укладе.

6. Создать (усовершенствовать) законодательную базу для активного функционирования блока технологического отвала (см. рис. 1) для устаревших парка машин, механизмов и технологий, стимулирующую бизнес к переходу к новому технологическому укладу. Опыт с утилизацией автомобилей старше 10 лет свидетельствует в пользу принятия аналогичных мер к любому парку машин, механизмов и технологий.

Список литературы

1. Арриги Дж. Долгий XX век. Деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Вардуть Н. Зелениноград // Профиль. – № 12, 2010.
3. Дегтярёв Г.М., Носов В.Н. О некоторых закономерных чертах открытых динамических систем в экономике // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 4. – С. 3–12.
4. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. – М.: Международные отношения, 2008. – 712 с.
5. Леонов Ю.Г. Мифы в вопросах организации науки // Вестник РАН, 2010, т. 80, № 1. – С. 57–68.
6. С.Лесков. Инвалиды и инновации // Известия. – № 51/28066 от 28.03. 20010. – С. 6.
7. Материалы круглого стола журнала «Полис» и Института социологии РАН. Теория и политика инновационного развития и инновации в политике // Полис. – 2010, № 2. – С. 129–145.
8. Рузаев А.В. Ключевой элемент Международной инновационной интеграции // Вестник РАН. – 2010, № 3. – С. 267–269.
9. Руденко Б. Шестой технологический уклад / Интервью с академиком Е. Кабловым // Наука и жизнь, 2010, № 4. – С. 2–7.
10. Судакова Н.А. Взаимодействие университетов и бизнеса в процессе инновационной деятельности // США и Канада. – 2010, № 2. – С. 110–127.
11. Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983. – 561 с.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

К 65-ЛЕТИЮ ДНЯ ПОБЕДЫ

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622.78

И.В. Пыхалов

СТАЛИН И ПОБЕДА

Была ли победа в Великой Отечественной войне одержана «вопреки Сталину»? В статье анализируются различные аспекты деятельности И.В. Сталина в качестве руководителя государства и Верховного Главнокомандующего.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, военное производство, дипломатия, Победа, полководческое искусство, Сталин

В мае 2010 г. Россия торжественно и с размахом отметила 65-летие Победы, чествовала ветеранов, славila беспримерный героизм воинов на фронте, подвиги тружеников тыла. Однако не было воздано должное тому, кто в суровый час испытаний стоял во главе нашего государства, кто был Верховным главнокомандующим армии, вошедшей в Берлин.

Робкая попытка московской мэрии вывесить к 9 Мая десяток плакатов с портретами И.В. Сталина вызвала настоящую истерику в некоторых СМИ. Сегодня считается «хорошим тоном» заявлять, будто победа в Великой Отечественной войне (впрочем, как и все остальные достижения сталинского СССР) достигнута «не благодаря, а вопреки Сталину».

Насколько правомерны подобные утверждения? Полномасштабная война требует максимальной мобилизации всех сил и средств.

Во время Первой мировой войны Россия в несколько раз уступала ведущим державам по производству основных видов вооружений (табл. 1) [19, с. 89].

Мало того, если вести речь об авиации, то там крайне остро стояла проблема с производством отечественных моторов: «Производство авиационных моторов в мирное время в России отсутствовало, если не считать отделения завода Гнома в Москве, дававшее не более 5 двигателей этого рода в месяц. Вследствие этого снабжение нашего воздушного флота авиационными моторами могло основываться главным

Таблица 1

**Производство основных видов вооружений
в странах-участницах Первой мировой войны**

	Пулемёты, тыс.	Орудия, тыс.	Снаряды, млн	Самолёты, тыс.
Великобритания	239,0	26,4	218,0	47,8
Франция	312,0	23,2	290,0	52,1
Германия	280,0	64,0	306,0	47,3
Россия	28,0	11,7	67,0	3,5

120 образом на привозе из-за границы. Но наши союзники, занятые чрезвычайным усилением своих воздушных войск, очень скупо уступали нам эти двигатели» [6, с. 224]. Впрочем, после начала войны производство авиационных моторов в России значительно увеличилось. Так, в течение 1916 г. на российских заводах было изготовлено 1398 моторов [3, с. 141]. Но этого было недостаточно.

Осенью 1916 г. на полях сражений появляется новое эффективное средство ведения боя – танк. За время войны Великобритания произвела 2,8 тыс. танков, Франция – 5,3 тыс., США – 1,0 тыс. [19, с. 89]. По другую сторону фронта, в Германии, начиная с октября 1917 г., было выпущено 20 тяжёлых танков А7V, а также несколько опытных образцов других моделей [22]. В России же первый танк был изготовлен лишь при Советской власти [16, с. 190]¹.

Не хватало даже винтовок. На начало войны в русской армии имелось 4 629 373 винтовки. С 1914 по 1917 г. их было произведено 3 189 717 штук. За это же время поступило из-за рубежа 2 461 тыс. винтовок и было захвачено у противника около 700 тыс. В сумме это составило порядка 11 млн винтовок. Между тем реальная потребность русской армии в винтовках достигла 17,7 млн штук [3, с. 77].

Это отставание было прямым следствием общего промышленного отставания России от ведущих держав. Так, в 1913 г. в Российской империи было выплавлено 283 млн пудов (4636 тыс. т) чугуна [14, с. 372]. В том же году производство чугуна в США составило 30 970 тыс. т [14, с. 3], в Германии – 16 766 тыс. т², в Великобритании – 10 479 тыс. т [14, с. 7], во Франции – 324 млн пудов (5 307 тыс. т) [21, с. 41].

Стали в России в 1913 году было выплавлено 246,551 млн пудов (4 039 тыс. т) [14, с.381], в США – 1 940 млн пудов (31 777 тыс. т), в Германии – 1 046 млн пудов (17 133 тыс. т), в Великобритании – 475 млн пудов (7 781 тыс. т), во Франции – 286 млн пудов (4 685 тыс. т) [21, с. 41].

Добыча угля в России составила в 1913 г. 2 213,8 млн пудов (36,3 млн т) [14, с. 305]. Для сравнения в США в том году было добыто 629,5 млн т угля³, в Германии – 278,6 млн т [14, с. 13], в Великобритании – 292,0 млн т [15, с. 610], во Франции – 40,8 млн т [13, с. 368].

А вот во время Великой Отечественной войны советская военная промышленность оказалась способной на равных противостоять не только германской промышленности, но и работавшей на Германию промышленности оккупированных европейских стран (табл. 2).

Это стало возможным благодаря программе индустриализации страны, форсированно осуществлённой под руководством И.В. Сталина. Как справедливо отметили Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, «здесь стоит снова обратиться к сопоставлению форсированного промышленного роста в 1928–1940 гг. и нормального, нефорсированного развития русской промышленности в 1900–1913 гг. За каждым из этих равнопродолжительных периодов последовало военное столкновение нашей страны с одним и тем же внешним противником. Война выступила в качестве своего рода экзаменатора, проверяющего результаты сделанного. Причём во втором случае экзаменатор был гораздо «строже», нежели в первом. Всю первую мировую войну Германия и её союзники воевали на два фронта и могли выставить против России лишь меньшую часть своих армий;

Таблица 2

Военное производство за время II-й Мировой войны, тыс. шт. [12, с. 168, 181, 183, 200, 202]:

	СССР	Германия	Япония	Великобритания	США
Винтовки и карабины	12139,3	10327,8	3569,5	2457,1	12330,0
Пистолеты-пулемёты	6173,9	1256,8	8,0	3919,9	1933,3
Пулемёты	1515,9	1175,5	449,5	938,6	2614,3
Орудия	482,2	319,9	160,1	389,7	548,9
Миномёты	351,8	78,8	7,8	100,9	102,1
Танки и САУ	102,8	46,3	4,8	29,3	99,5
Боевые самолёты	112,1	89,5	55,1	94,6	192,0

большая их часть оставалась на западном театре военных действий. Три года из четырёх лет Великой Отечественной войны Советский Союз вёл борьбу с фашистской Германией практически один на один. Не треть, как в 1914–1918 гг., а примерно 3/4 немецких вооружённых сил было сосредоточено против нас в 1941–1945 гг. Тем не менее, дореволюционная Россия не сумела добиться военного успеха, а Советский Союз сокрушил фашизм» [7, с. 67–68].

Важным фактором является состояние народа, общества, его готовность идти на жертвы и лишения ради достижения победы. Как мы помним, русско-японская война привела к революции 1905–1907 гг., Первая мировая война – к крушению самодержавия и выходу России из войны. Накануне 1941 г. многие современники считали Советский Союз «колоссом на глиняных ногах»:

«Ни о какой защите “социалистического отечества” со стороны народных масс не может быть и речи. Наоборот, с кем бы ни велась война и какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину Красной Армии, будут воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т. д., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны, как бараны» [20, с. 20].

Однако уже в самом начале войны руководителей Третьего рейха ждало жестокое разочарование: вопреки уверениям русских эмигрантов, Красная Армия не разбежалась и не повернула штыки против Сталина. А вслед за поражениями настала очередь побед, вслед за июнем 1941-го – май 1945-го [17, с. 431–446].

Не менее важным было дипломатическое обеспечение схватки с Гитлером. К концу 1930-х годов стало очевидно, что новая мировая война в любом случае состоится. При этом её потенциальные участники делились на три группы: во-первых, Англия, Франция и в перспективе США; во-вторых, Германия с союзниками; наконец, в-третьих, СССР. Отсюда следовало, что в грядущей схватке двое будут бить кого-то одного, и ему придётся несладко. Кроме того, пример, продемонстрированный США в I-ю Мировую войну, наглядно показал: тот, кто вступит в схватку позже остальных, по-

лучит ощутимые преимущества. И Гитлер, и большинство лидеров западных демократий надеялись, что они будут совместно воевать против СССР. Это было достаточно очевидно и другим. Когда 30 сентября 1938 г. на заседании чехословацкого правительства обсуждался вопрос, подчиняться ли принятым в Мюнхене решениям, главный аргумент в пользу капитуляции выглядел так: «Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдёт война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой» [9, с. 554].

В этих условиях главной задачей советской дипломатии было не допустить войны с объединёнными силами западного мира. В этих условиях Сталин и заключил договор о ненападении, вошедший в историю как «Пакт Молотова–Риббентропа». В результате вместо того, чтобы блокироваться против СССР, Германия и Англия с Францией начали войну между собой. Это означало, что Советскому Союзу не придётся воевать с теми и другими одновременно. Более того, СССР получил возможность вступить в войну позже других участников, имея при этом некоторую свободу выбора – на чьей стороне выступить.

На это и рассчитывал Сталин, откровенно заявивший в состоявшейся 7 сентября 1939 г. беседе с руководством Коминтерна: «Война идёт между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» [1, с. 584].

Летом 1939 г. наши войска вели тяжёлые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. Как сообщил временный поверенный в делах СССР в Японии Н.И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 г., «известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь» [5, с. 322]. Аналогичную оценку дал и английский посол в Токио Роберт Крейги, согласно донесению которого это событие «было для японцев тяжёлым ударом» [5, с. 405].

В результате отношения между Третьим рейхом и его дальневосточным со-

юзником оказались изрядно подпорчены. Япония заявила Германии протест, указав, что советско-германский договор противоречит Антикоминтерновскому пакту, в соответствии с которым подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров» [11, с. 162]. Японский кабинет министров во главе с Киитиро Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. При этом Хиранума заявил, что сложившаяся ситуация делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики» [5, с. 405]. Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США: после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против нашей страны.

Таким образом, заключив 19 августа 1939 г. советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа – пакт Молотова–Риббентропа, СССР уже тогда выиграл Вторую Мировую войну на «дипломатическом фронте». К сожалению, воплотиться в жизнь в полной мере советским планам было не суждено. На основе опыта Первой Мировой войны ожидалось, что обе воюющие стороны измотают друг друга в длительной позиционной борьбе. Мог ли кто предположить, что западные державы будут столь легко разгромлены и в руках у Гитлера окажутся ресурсы почти всей Европы?! Однако даже с учётом этого обстоятельства советско-германское соглашение всё равно представляется наилучшим выходом в сложившейся к августу 1939 г. ситуации [18, с. 85–115].

Наконец, И.В. Сталин не только подготовил экономику и армию СССР к предстоящей войне, но и лично возглавил советские вооружённые силы после начала боевых действий. 30 июня 1941 г. он становится председателем Государственного Комитета Обороны, 19 июля – наркомом обороны, 8 августа – Верховным главнокомандующим [8, с. 424].

Вот что пишет в своих мемуарах маршал А.М. Василевский: «Оправданно ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессионально военным деятелем. Безусловно, оправданно...

Конечно, Сталин, принимая руководство сражающимися с врагом Вооружёнными Силами, не обладал в полной мере

военными знаниями, какие требовались в области современного оперативного искусства. Но у него был опыт гражданской войны, он знал процесс советского военного строительства и развития военного дела. Однако решающим, полагаю, являлся громадный политический авторитет Сталина, доверие к нему народа, Вооружённых Сил.

По моему глубокому убеждению, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неизменно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишённым и личного обаяния» [4, с. 489–490].

«Завершился и процесс роста Сталина как военачальника. Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия велись творчески, с полным учётом военной науки, чтобы они были и решительными и манёвренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операций и её ведения. И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооружённых Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и всё советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство

хвалёной на Западе немецко-фашистской военной школы» [4, с. 491–492].

Воздаёт должное Сталину как полководцу и маршал Г.К. Жуков: «Могу сказать, что И.В. Сталин позднее овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела. Эти способности И.В. Сталина как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись, начиная со Сталинградской битвы... В руководстве вооружённой борьбой в целом И.В. Сталину помогли его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомлённость. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания проти-

водействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» [10, с. 342].

Таким образом, тезис о «победе вопреки Сталину» совершенно несостоятелен. Это вопреки Сталину строились Магнитка и ДнепроГЭС, принимались на вооружение новые образцы военной техники, разрабатывались и проводились операции по разгрому немецких войск, советские дипломаты договаривались с союзниками о ленд-лизе и об открытии второго фронта?

Сколь бы ни были велики ошибки Сталина — абсурдность и вздорность нынешних обличений Иосифа Виссарионовича очевидна.

Список литературы:

1. 1941 год: В 2 кн. Книга 2 / Сост. Л.Е. Решин и др. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – 752 с.
2. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919 / Перевод и примечания Е.С. Берловича. – М.; Л., 1927. – 230 с.
3. Бескровный А.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
4. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: ОЛМА-пресс, 2002. – 588 с.
5. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: в 2 т. – Т.2: 2 июня 1939 г. – 4 сент. 1939 г. – М.: Политиздат, 1990. – 430 с.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
7. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.
8. Дипломатический словарь в трёх томах. – Т.III. – М.: Наука, 1986. – 750 с.
9. Документы внешней политики СССР. – Т.ХХI. – М.: Политиздат, 1977. – 792 с.
10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 13-е изд., испр. и доп. по рукописям автора. В 2-х т. – Т.1. – М.: ОЛМА-пресс, 2002. – 413 с.
11. Зимонин В.П. Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история. – 2004. – №1.
12. История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. – Т.12. Итоги и уроки второй мировой войны. – М.: Воениздат, 1982. – 496 с.
13. Мировые экономические кризисы 1848–1935 / Под общ. ред. Е. Варга. – Т.1. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 808 с.
14. Народное хозяйство в 1913 году. Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства (год шестой). – Пг., 1914.
15. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932. – М.–Л.: Огиз – Гос. соц.-экон. изд., 8-я тип. Мособлполиграф, 1932. – 670 с.
16. Оружие победы / Под общ. ред. В.Н. Новикова. Изд. 2-е., перераб. и доп. – М.: Машиностроение, 1987. – 509 с.
17. Пыхалов И. 1941: Миф о разбежавшейся Красной Армии // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – С. 431–446.
18. Пыхалов И.В. Великая Оболганная война. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 480 с.
19. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 608 с.
20. Солоневич И.А. Россия в концлагере. – М.: РИМИС, 2005. – 534 с.
21. Справочная книга металлста. – Л.: Прибой, 1926. – 368 с.
22. Федосеев С. Танки в Первой мировой войне. Великобритания, Франция, Германия (1916–1918 гг.) // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра... – Ноябрь–декабрь 2001. – №11–12. – С. 44–55.

¹ Первый отечественный танк «Борец за свободу тов. Ленин», скопированный с трофейного французского «Рено», был выпущен заводом «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде 31 августа 1920 г.

² Выплавка чугуна в Германии вместе с Люксембургом составила в 1913 году 19 310 тыс. т [14, с. 3]. Выплавка чугуна в Люксембурге в том же году – 2544 тыс. т [15, с. 618].

³ В том числе 560 млн каменного угля и 69,5 млн тонн антрацита [14, с. 19].

КОНСТАНТИН СИМОНОВ. ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО...

Статья посвящена истории создания и публикации стихотворения К.М. Симонова «Жди меня» в начале Великой Отечественной войны и последующей, послевоенной, жизни симоновского шедевра. Анализируется поэтическое достоинство лирического письма Симонова, получившего всенародное признание у нас в стране и за рубежом.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, военная лирика, литературоведение, поэзия, Симонов Константин, Серова Валентина, советская литература

Константин Михайлович Симонов принадлежит к тому поколению наших писателей и поэтов, через всю человеческую и творческую жизнь которых прошла Великая Отечественная война. О нем можно сказать его же словами о своем герое: «Всю жизнь любил он рисовать войну». Но Симонов не рисовал ее, а прошел как солдат, военным корреспондентом с первых дней до Дня Победы, присутствовал 9 мая 1945 г. в Карлхорсте при подписании Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

В годы войны им были написаны лирические стихи, которые он объединил в две книги – «Из дневника» и «С тобой и без тебя». Некоторые из них были скорее личными письмами в стихах, чем стихотворениями. Впоследствии, когда они были напечатаны, в них сохранился этот оттенок – писем. Таким стихотворением в военной лирике Симонова было «Жди меня».

Сколько неподдельного интереса хранит оно при более внимательном и вдумчивом взгляде по прошествии многих десятилетий! «Жди меня» было адресовано им любимой женщине, известной актрисе театра и кино, Валентине Серовой, с которой поэт был разлучен войной (она была в это время в эвакуации). По существу, это было лирическое письмо, обращенное к одной Единственной для него на свете женщине. Но оно стало всеобщим, нужным миллионам людей в самое тяжелое для них время – в трудную пору войны. В этом стихотворении Симонов написал о том, каким серьезным испытаниям подвергается женская любовь во время войны и как много она значит в жизни фронтовика, верившего в то, что его ждут, помнят и, в конце концов, дождутся. Симонову удалось найти краткую и до предела емкую формулу человеческих отношений на войне. Он как бы не написал, а буквально

услышал, что было в сердце каждого солдата, когда он обращался к любимой со словами:

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

«Жди меня» было не столько стихотворением, сколько клятвой, магическим внушением, магией («Жди меня ...жди... жди...и я вернусь, только очень жди...»), где убежденность на пределе заклипания разрывала силу традиций, что, мол, сыновей-солдат дольше всех ждут матери (ср.: в русской народной песне поется, что «жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...») и утверждала свою, другую истину – дольше всех солдат ждут их верные жены, любимые, подружки:

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня...
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Как писала Маргарита Алигер, Симонов в этом стихотворении «сумел угадать самое главное, самое нужное людям тогда и тем помочь им в самую трудную пору войны. Он выразил то, что было в эту минуту важнее всего для него самого. И только поэтому эти стихи, написанные одним человеком, одним поэтом, одним солдатом, обращенные к одной единственной женщине,...стали необходимыми великому множеству людей...» [3, с. 52].

Стихотворение «Жди меня», написанное осенью 1941 года, было опубликовано

не сразу, по разным причинам оно не нравилось редакторам. Так, Д.И. Ортенберг – редактор самой популярной во время Великой Отечественной войны газеты «Красная звезда», с которой сотрудничал Симонов как военный корреспондент, сказал, что стихотворение не подходит для военной газеты, «нечего растравлять душу солдата – разлука и так горька!» [4, т. 2, с. 35]. Редактору газеты «Правда» П.Н. Поспелову стихотворение понравилось, но его смущали строчки «Жди, когда наведут грусть желтые дожди», и он спросил Симонова: «Почему желтые?» Симонов пишет в своем дневнике, что ему было трудно логически объяснить, почему у него дожди «желтые»: «Не знаю, почему “желтые”. Наверное, хотел выразить этим словом свою тоску». Выручил поэта опытный редактор газеты Е.М. Ярославский, который сказал Поспелову: «Разве вы не замечали, что дожди бывают разного цвета? Бывают и желтые, когда почвы желтые...». Симонов замечает, что Е.М. Ярославский был живописцем-любителем и, наверное, поэтому нашел для моих «желтых дождей» более логический довод, убедивший Поспелова [4, т. 2, с. 36–37]. 14 января 1942 года «Жди меня» было опубликовано в газете «Правда». С тех пор стихотворение, рожденное войной, стало потребностью времени. Оно, по воспоминанию современников, распространялось как пожар в лесу. Оно было перепечатано во всех фронтовых газетах. Небольшое по размеру (в нем всего 36 строк), его, как листовку, носили в нагрудных карманах все фронтовики, его разучивали наизусть женщины и девушки в тылу, композиторы сочиняли на его слова музыку. Поэтесса Римма Казакова рассказывала, что ее отец всю войну прошел с этим стихотворением Симонова. А поэт Константин Ваншенкин, сам фронтовик, выступая по телевидению с воспоминаниями о Симонове, сказал, что в истории мировой литературы стихотворение «Жди меня» по массовости читателей побило все мировые рекорды, так как его учили, переписывали от руки, перепечатывали миллионы в тылу и на фронте. Парадоксально, но это стихотворение, переведенное на немецкий язык, находили, по его словам, даже в карманах убитых и плененных немцев, которые переправляли его своим близким в Германию. Историки Великой Отечественной войны причисляют появление стихотворения «Жди меня» к таким же достижениям, повлиявшим на исход войны, как разгром немецких войск

под Москвой и Сталинградом [1, с. 25]. Писатель Василий Аксенов 5 мая 2005 г. вспоминал, что будучи в Германии, смотрел немецкую хронику времён Второй мировой войны. В ней он увидел, как известная немецкая певица Цара Леандр исполняла романс немецкого композитора на слова «Жди меня» перед верхушкой вермахта. Аксенов добавляет, что в Германии во время войны это романс был очень популярен (из передачи по телеканалу «Культура» в 2005 г.).

В чем же была сила воздействия этого стихотворения с его подчеркнuto суховатым, спартанским слогом изложения? Магарита Алигер ответила на этот вопрос так: «За этими стихами стояло нечто всеобщее и грандиозное – война, нечто всеобщее и всечеловеческое – любовь» [3, с. 52]. После того, как стихотворение «Жди меня» было напечатано, Симонов стал всенародно известен. Это стихотворение он читал много раз и во время войны перед бойцами на фронте, и после окончания войны на концертах, вечерах поэзии, которые были очень популярными в 60–70 годы прошлого века. Потом перестал его читать, особенно после того, как получил горькое письмо от одной пожилой женщины, написавшей поэту: «Не знаю, знаете ли Вы в полной мере, чем для нас, молодых “солдаток” Отечественной войны, было Ваше стихотворение “Жди меня”? Ведь в бога мы не верили, молитв не знали, молиться не умели, а была необходимость взывать к кому-то “убереги, не дай погибнуть”. И вот появилось Ваше “Жди меня”. Его посылали с тыла на фронт и с фронта в тыл. Оно вселяло надежду и в тех, кто верил, что их ждут, и в тех, кто ждал... Я ежедневно многократно заглядывала в почтовый ящик и шептала, как молитву, “Жди меня, и я вернусь всем смертям назло...” и добавляла: “Да, родной, я буду ждать, я умею”. 23 февраля (1944 года) я узнала, что, я, видимо, не умела ждать, “как никто другой”, что мне не дано дожидаться. Он (муж) был смертельно ранен... Все эти годы мои мысли многократно возвращались к Вам – автору “Жди меня” – вроде Вы в чем-то передо мной виноваты... Вот я и хочу Вас попросить от имени всех тех, кто “ждал, как никто другой”, но увы... не дождался. Реабилитируйте нас. Напишите что-то в наше оправдание, а то ведь последние восемь строк Вашего стихотворения звучат для нас, не дождавшихся, как укор, обвинение...» [4, т. 1, с. 422–423].

Приведем заключительные строки стихотворения.

Жди меня, и я вернусь
 Всем смертям назло.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет: – Повезло. –
 Не понять не ждавшим им,
 Как среди огня
 Ожиданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой, –
 Просто ты умела ждать,
 Как никто другой.

Симонов, комментируя это послание, отметил в своем дневнике: «Но что я могу написать сейчас в ответ на это письмо? И о каких оправданиях может идти речь? Беспощадная мясорубка войны четыре года подряд делала свое дело, не желая разбираться в человеческих судьбах. И вышло так, что я, написавший эти стихи, я, кого ждали, быть может, с куда меньшей силой и верой, чем других, вернулся, а те, другие, не вернулись... И что теперь можно с этим поделаться?» [4, т. 2, с. 422–423]. Заметим, что та, для которой было написано стихотворение, сделавшее ее знаменитой на всю страну, как следует из дневниковых записей Симонова, «ждала его с куда меньшей силой и верой, чем другие». Когда любовь истощила себя, Симонов и Серова расстались. Он перестал писать глубоко личные, лирические стихи. Б.Д. Панкин – писатель, критик, политик – спросил Симонова, спустя несколько лет, почему тот не пишет лирических стихов. «И он ответил как-то очень просто, непринужденно, как об отболевшем, что стихи нельзя писать, если потерял “нерв любви”» [3, с. 577].

Но мы не смеем вторгаться (как это часто делается в последнее время в СМИ), в трудную любовь поэта и обсуждать вдохновительницу симоновского шедевра, зная, что еще при жизни Константин Михайлович уничтожил всю переписку с Валентиной Серовой и просил не домысливать их личных взаимоотношений.

Я схоронил любовь и сам себя обрек
 Быть памятником ей.

 Как камень, я стою среди камней,
 Прося лишь об одном:
 – Не трогайте руками
 И посторонних надписей на мне
 Не делайте... Я все-таки не камень.

(1948 г.)

Не включал свое стихотворение «Жди меня» в свои выступления Симонов более двадцати лет, пока не попал на Дальний Восток к торговым морякам, рыбакам и подводникам, уехавшим из дома в море на долгие месяцы и тосковавшим по своим близким и любимым, как когда-то бойцы на фронте. Моряки не попросили, а потребовали, чтобы Симонов прочел им «Жди меня» и не принял от него никаких объяснений, почему он перестал читать это стихотворение. Так, спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны, оно продолжало отвечать душевной потребности людей, разлученных с родными и любимыми. Симонов пишет: «И я отступил и снова стал читать его, хотя для меня самого оно по-прежнему было связано только с теми днями войны, когда оно было написано, и в душе у меня, когда я, читая, глядел в зал, сохранялось чувство какой-то моей вины перед теми, кто ждал и все-таки не дождался» [4, т. 1, с. 421].

В 1970 году Симонов побывал во Вьетнаме, где уже несколько лет шла кровопролитная и жестокая война вьетнамского народа с американцами. И там поэт узнал, что его стихотворение «Жди меня» почти через тридцать лет после его написания живет, оказалось снова востребованным. Его перевел на вьетнамский язык поэт То Хью. Оно снова оказалось нужным, потому что тоска по женской верности, мечта о настоящей любви, помогающей жить, бороться, спасающей даже от смерти, прошла лейтмотивом через все симоновское стихотворение и вписала во Вьетнаме новую страницу в историю «Жди меня». Симонов вспоминал: «Я написал эти стихи давно. А через тридцать лет – только подумайте – через тридцать лет! – услышал там, во Вьетнаме, во вьетнамском переводе, на войне, которая все еще шла, все еще не кончалась, эти стихи, которым давно бы пора умереть вместе с войной. Именно так я и сказал во Вьетнаме тому, кто их перевел» [2, с. 13].

Приведем несколько строк из стихотворения Симонова «Товарищу То Хью, который перевел “Жди меня”»:

Я знаю, здесь мои стихи живут
 В прекрасном Вашем переводе.
 И будут жить, куда жены ждут
 Тех, кто в походе.

Симонов мечтает о том времени, когда не будет войн и когда слова его стихотворения не будут больше нужны:

Пусть в этот день, когда уже не ждут
С войны людей и – тишина в природе.
Мои стихи, легко вздохнув, умрут
В прекрасном Вашем переводе.

Это стихотворение было включено им в сборник «Чужого горя не бывает».

Но стихотворению «Жди меня» не суждено умереть, его словам не дано освободиться во времени от того эмоционального накала чувств, какое оно оказало на миллионы людей в пору военного лихолетья

1941–1945 годов и после войны в нашей стране и за рубежом.

У Константина Михайловича нет смертного памятника на земле. Его прах, по его желанию, был развеян в 1979 году на Буйническом поле под Могилевом, где он был свидетелем неравного танкового боя наших с немцами, и где погинуло много наших солдат. Памятником ему всегда будет его «Жди меня», которое уже при жизни поэта стало классикой нашей поэзии.

Список литературы

1. Аргументы и факты. 2003. № 50.
2. Бек Т.А. О поэзии Константина Симонова // Симонов К.М. Стихотворения. Поэмы. – М.: Советская Россия, 1985.
3. Караганов А. Из давнего и недавнего // Константин Симонов в воспоминаниях современников. – М.: Советский писатель, 1984.– С. 120–132.
4. Симонов К.М. Разные дни войны: Дневник писателя: В 2 т. – М.: Известия, 1981. – 527 с.

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ В НЕБЕ ФРОНТОВОГО ВОЛХОВА

Обобщаются малоизвестные материалы архивов войск ВВС и ПВО РФ, а также архивы 13-й воздушной армии и 2-го ГВИАП ПВО РФ. Приводится ряд интересных фактов, свидетельствующих о подвигах летчиков на Волховском фронте в 1941–1943 гг., раскрывается картина действий гитлеровских войск по уничтожению Волхова. Подчеркнуто значение воздушных боев над Волховом в период Великой Отечественной войны для патриотического воспитания молодежи посредством деятельности школьного Музея боевой славы, встреч с ветеранами войны.*

Ключевые слова

авиация, боезапас, Великая Отечественная война, ветеран, Волхов, Волховский фронт, Герой Советского Союза, железная дорога, зенитная артиллерия, летчики, Музей боевой славы, немецкое командование, самолеты, школа, 29-й гвардейский Волховский Краснознаменный авиаполк

Довоенный город Волхов Ленинградской области – это тридцать три тысячи населения, большая часть которого трудилась на объектах железной дороги, алюминиевом заводе, ГЭС имени В.И. Ленина и еще на нескольких мелких предприятиях.

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война прервала мирный труд волховчан. 9 июля пал Псков, а на следующий день над Волховом появился немецкий самолет-разведчик – «Юнкерс-88». Он шел на небольшой высоте, уверенный в своей безнаказанности. И действительно: в первой половине июля небо Волхова было абсолютно беззащитным.

К середине июля на подступах к городу появился пост ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), отряд АЗ (аэростаты заграждения), а к концу месяца – зенитчики. Отряд АЗ (18 расчетов) поднимал свои «колбасы» над обоими волховскими мостами (железнодорожным и гужевым) лишь в ночное время. Зенитный артиллерийский дивизион, расположившийся своими четырьмя батареями (16 орудий) на правом берегу Волхова, был призван защищать гидроэлектростанцию, мосты и алюминиевый завод.

Но этих средств было явно недостаточно, а советской авиации до 20 июля не было вообще. Однако вскоре она появилась. Это была эскадрилья (12 машин И-16) из состава 157-го истребительного авиационного полка (ИАП). Она базировалась на лугу у деревни Вячково в нескольких километрах восточнее города.

А немецкие самолеты обнаглели совсем, совершая чуть ли не ежедневные облеты. Причем в дневное время! Им, конечно, оказывали противодействие зенитчики и летчики, но, из-за плохого взаимодействия между ними, эффект был минимальный.

Могла ли гитлеровская авиация разбомбить Волхов уже летом сорок первого? Безусловно, но враг надеялся на скорый захват стратегических объектов наземными войсками.

27 июля на южных подступах к Волхову летчик 157-го ИАП Виктор Залевский таранным ударом уничтожил самолет-разведчик противника. Гоняясь за «Юнкерсом» Залевский израсходовал весь боезапас. Нельзя было допустить, чтобы немец ушел с ценными сведениями. В последний момент Залевский рубанул винтом своего «ишачка» по хвостовому оперению разведчика, «Юнкерс» рухнул на землю. Советский летчик чудом избежал гибели и сумел посадить свою машину.

Немецкое командование внимательно следило за строительством оборонительных сооружений на волховском направлении посредством своей авиации. Естественно, ему мешал аэродром в Вячково, и к началу сентября он был уничтожен вместе с самолетами.

Советское командование было вынуждено начать строительство нового аэродрома в районе деревни Плеханово. Собственно, аэродромов было два: один почти вплотную примыкал к деревне и являлся основным, второй – ложный – находился в 2–3 километрах северо-восточнее Плеханово. Первый строился со всеми мерами

* ГВИАП – Гвардейский Волховский истребительный авиаполк (прим. ред.)

предосторожности. Второй – открыто, на виду у противника. Гитлеровцы «клонули» на приманку и на протяжении двух лет бомбили и штурмовали ложный аэродром. Правда, содержание Плеханово-2 обходилось нам недешево: ведь регулярно приходилось засыпать и утрамбовывать воронки от авиабомб и восстанавливать разбитые макеты самолетов. Зато на Плеханово-1 не упала ни одна бомба!

Аэродром Плеханово был построен в рекордно короткие сроки совместными усилиями инженерно-строительного батальона ВВС Ленинградского фронта и местными жителями. Уже в конце сентября в Плеханово из Ленинграда перелетели три полка 39-й истребительной авиационной дивизии (ИАД), штаб которой разместился в деревне Званка. Здесь же базировалась резервная истребительная авиагруппа полковника Е. Холзакава.

39-я ИАД имела в своем составе пять авиаполков (154, 158, 159, 191 и 196), но вскоре все части соединения ушли в тыл на переформирование и вернулись в Плеханово в ноябре 1941 г. 154, 158 и 191 полки дислоцировались в Плеханово, 159 – в Шуме (у ст. Войбокало), 196 – в Кайваксе (севернее г. Тихвина). Авиадивизия выполняла весьма ответственную задачу: охрану воздушного моста – от аэродрома Хвойная до Ленинграда и обратно, ежедневно сопровождая караваны тяжелых транспортных самолетов. В блокированный город они доставляли продукты, медикаменты, военное снаряжение. Обрато вывозились раненые бойцы, женщины и дети.

Резервная авиагруппа в октябре перелетела на другой фронт, и небо над Волховом охраняли только зенитчики. Взять Волхов в октябре и ноябре 1941 г. фашистам не удалось, а потому они решили его уничтожить своей авиацией.

Ноябрь и декабрь были очень тяжелым временем для волховчан. Налет следовал за налетом, и большинство деревянных зданий в Волхове было сожжено. И вот в конце декабря 1941 г. советское командование снимает с охраны воздушного моста 154-й истребительный авиаполк и ставит задачу оборонять небо Волхова. С этого периода волховчане вздохнули свободнее, ибо воздушную вахту нес лучший на Ленинградском фронте авиаполк, укомплектованный закаленным в предыдущих боях летным и техническим составом. В нем служили Герои Советского Союза В. Матвеев, С. Титовка, Г. Петров, А. Сто-

рожаков. (Всего к концу войны их станет 15. Один из них – П. Покрышев – этого звания был удостоен дважды).

Теперь о том, что из себя представлял 154-й авиаполк. Тогда он имел в своем составе две эскадрильи (по 9 машин в каждой), звено управления (3 машины) один учебный самолет (истребитель с двойным управлением) и самолет связи (У-2). В личном составе насчитывалось 25 летчиков, 105 инженеров, техников и механиков и 30 штабных работников (всего 150–160 человек).

Несмотря на то, что средний возраст личного состава полка (как летного, так и технического), составлял 22–25 лет, почти весь он прошел через горнило советско-финляндской войны и с честью выдержал натиск врага летом–осенью сорок первого года. О том, как воевал 154-й ИАП в первые три месяца войны, говорят следующие цифры: с июля по октябрь летчики полка в небе и на аэродромах противника уничтожили свыше 70 самолетов, потеряв в воздушных боях 9 своих экипажей. При штурмовке мотопехоты летчики уничтожили свыше роты солдат и офицеров врага, несколько автомашин и мотоциклов.

Осенью из состава полка на повышение ушли испытанные воздушные бойцы. Так, Герой Советского Союза Н. Антонов (первый командир полка) был назначен на должность заместителя командира авиакорпуса (в 1943 г. он станет командиром 7-го ИАК). Герои Советского Союза командиры эскадрилий В. Матвеев и Г. Петров стали командирами полков. На должность комполка вскоре уйдет и военком полка Герой Советского Союза С. Пономарчук. В дальнейшем 154-й полк даст ленинградской авиации еще трех командиров полков. Из них один станет командиром дивизии.

После Н. Антонова полком командовал А. Матвеев. Александр Андреевич Матвеев, незаурядный летчик и организатор, был командиром с большой буквы, новатором. После переформирования полка именно он сумел сплотить такой коллектив, которому была по плечу любая сложная задача. На долю Матвеева выпало командование частью в самый сложный для Волхова период – 1942 – первая половина 1943 гг.

При Матвееве 154-й полк стал 29-м гвардейским (22.XI.1942 г.), а 4.V.1943 г. ему было присвоено почетное звание Волховского. На Ленинградском фронте 29-й гвардейский Волховский истребительный авиационный полк (ГВИАП) продолжал оставаться лучшим.

Последний инструктаж перед боевым вылетом. Аэродром Плеханово. Лето 1942 г.

Вручение гвардейского знамени 29-му ГИАП. Плеханово. На колене – командир полка А.А. Матвеев. 9 февраля 1943 г.

Волховский период для 29-го ГВИАП (1942–1943 гг.) характерен интересным фактом. В этот период полк воевал на устаревшей американской технике – тяжелом истребителе фирмы «Кертрисс» Р-40

в двух вариантах: «томогаук» и «киттихаук». Сами американцы, поставившие нам по лендлизу этот самолет, на нем уже не воевали. Дело в том, что Р-40 очень боялся русских морозов. Проблемы возникали

уже при температуре $-10...-12^{\circ}\text{C}$. Сначала замерзла тормозная жидкость, затем, при -15°C , лопались трубки масляных фильтров и радиаторов. Технический состав сбился с ног, восстанавливая заморскую технику. Мотористы и механики буквально спали в обнимку со своими «стальными конями», прогревая движки через каждые два часа. Отказывало и зарубежное оружие. Однако пытливый русский ум нашел выход: американские пулеметы заменили на отечественные; опытным путем, соединив спирт с определенным типом масла, изобрели тормозную жидкость; для пайки лопнувших радиаторов использовали серебро царских монет, собранных в окрестных деревнях.

Даже на тихоходной, тяжелой американской технике 29-й гвардейский Волховский воевал здорово. Вот лишь несколько фамилий летчиков-асов, уничтоживших по десять и более вражеских самолетов в волховском небе: гвардии подполковник Петр Пилутов, гвардии майоры Петр Покрышев, и Андрей Чирков, гвардии капитаны Георгий Глотов, Николай Зеленев, Иван Чемоданов, Александр Горбачевский, Константин Коршунов, гвардии старший лейтенант Федор Чубуков. Причем на счету каждого второго из перечисленных асов были самолеты, сбитые в ночных боях (у Пилутова – два).

Петр Андреевич Пилутов был самым известным летчиком не только в полку и ВВС Ленинградского фронта, но и во всех Военно-воздушных Силах РККА. Этого выдающегося пилота знал и берег И.В. Сталин. В конце 1943 г. Верховный Главнокомандующий лично распорядился отправить П.А. Пилутова в Москву, в Военно-воздушную академию. К тому времени гвардии подполковник Пилутов был третьим по счету командиром 29-го ГВИАП. Любопытно, что Петра Андреевича трижды представляли к званию Героя Советского Союза: первый раз в апреле 1934 г. (за участие в спасении челюскинцев), второй – в декабре 1941 г. (за уникальный бой над Ладогой). Но состоялось лишь третье представление – в начале 1943 г. На личном счету этого летчика было 1945 вылетов во время войны (всего 8788) – небывалое количество в истории советской авиации! На груди Пилутова сверкали 4 ордена Ленина, 4 – Красного Знамени, 2 – Великой Отечественной войны и 2 – Красной Звезды. Плюс английский крест за военные заслуги. Такого не имел даже Александр Покрышкин!

В небе Волхова 29-й ГВИАП за 1942–1943 гг. уничтожил не менее 120 немецких самолетов разных типов. А всего на счету этого уникального в своем роде полка 447 сбитых в 1941–1945 гг. немецких и финских самолетов. Забегая вперед, отметим, что почетное наименование «Волховский» 29-й гвардейский с гордостью пронес, освобождая Прибалтику и Заполярье. В начале 50-х гг. полк стоял на страже неба Москвы, сражался в Китае и Корее. Именно там к самолетам, сбитым в небе Великой Отечественной, добавились почти полсотни американских стервятников. В начале 1953 г. на боевом знамени полка появился орден Красного Знамени. Отныне полное наименование части звучало так: 29-й гвардейский Волховский Краснознаменный истребительный авиационный полк (29-й ГВКИАП). Гвардейцы участвовали в нескольких послевоенных парадах в небе Москвы и Ленинграда. Закончил свой боевой путь 29-й гвардейский Волховский Краснознаменный в 1960 г., в составе войск ПВО Ленинграда. Прощание со знаменем состоялось на аэродроме Левашово.

«Фельдмаршал Гинденбург», «Легион Кондор», «Адлер», «Вевер», «Рихтгофен» и др. – так назывались эскадры (авиадивизии) гитлеровских «Люфтваффе», принимавшие участие в варварских налетах на мирное Приладожье и г. Волхов. «Чисто» военных объектов в Волхове не было, но злость от того, что они не достанутся захватчикам, будило немцев в середине февраля 1943 г. планировать масштабную операцию, ставившую своей целью полностью уничтожить Волхов. Толчком к этому решению послужил пуск в начале февраля железной дороги, соединившей Шлиссельбург с Волховстроем. В штабе группы армий «Север» (г. Псков) прекрасно знали, что Волхов снабжает всем необходимым сразу два фронта – Ленинградский и Волховский, а также сам Ленинград. К тому же, из Ленинграда через Волхов на Большую Землю днем и ночью шли эшелоны с готовой продукцией действующих ленинградских предприятий.

В штабе 1-го воздушного флота (командующий – генерал-полковник Келлер) закипела работа: за 75 суток (с 15 марта по 1 июня) планировалось произвести не менее 25 групповых комбинированных налетов на Волхов. К операции было привлечено свыше 100 бомбардировщиков и 80 истребителей. Бомбардировщики концентрировались в Гатчине, истребители – в Сиверской.

Советскому командованию стало известно о планах фашистов, и ПВО Волхова была усилена. Так, из резерва ВВС РККА прибыла 240-я истребительная авиадивизия (командир – полковник Г.В. Зимин), а затем 630-й истребительный авиаполк. Чтобы не демаскировать аэродром Плеханово, прибывшие авиачасти разместились на полевых площадках у населенных пунктов Кипуя и Кисельня. Всей авиацией, защищавшей весной – летом 1943 г. Волхов, командовал заместитель командующего 13-й воздушной армией генерал-майор авиации А.А. Иванов. Его выносной командный пункт располагался на правом берегу р. Волхов, сразу за гужевым мостом.

Одновременно усиливалась и зенитная артиллерия. Была создана Волховская зенитная артиллерийская группа во главе с начальником штаба Ладожского района ПВО подполковником Б.М. Дреминым. КП зенитчиков находился на крыше двухэтажного дома (ныне это автошкола РОСТО). К лету 1943 г. Волхов защищали 8 отдельных зенитных артдивизионов (1, 25, 37, 69, 214, 251, 253 и 431), которые имели в своем составе 72 орудия СЗА, 23 орудия МЗА, 28 зенитных пулеметов и 44 прожектора.

15 марта немецкая авиация приступила к выполнению поставленной задачи. Налеты производились с разных направлений силами больших групп бомбардировщиков и истребителей. Часть из них стремилась уничтожить расположение зенитных батарей и дивизионов. Дневные налеты чередовались с ночными, что выматывало личный состав авиационных и зенитных частей, а также местное население. До 1 июня авиация противника произвела 61 групповой налет на объекты железной дороги «Тихвин–Ленинград» с участием около 2 тыс. самолетов, причем на Волхов было совершено за это время 20 налетов с участием свыше 1300 самолетов.

Однако гитлеровцы не достигли желаемого. Немецкое командование потребовало от своей авиации ударов по многочисленным целям (мостам, железнодорожным узлам, перегонам и т.д.), что расплыло силы летчиков. Они и в июне продолжали бомбить и штурмовать Волхов, но их удары постепенно ослабевали. Советская разведка доложила, что основные силы «Люфтваффе» убывают из-под Ленинграда на южное направление (операция «Цитадель»). Но не надо думать, что защитники воздуш-

ных рубежей Волхова легко справлялись с отражением вражеских налетов. Сказывались несовершенство средств обнаружения, оповещения, связи, несогласованность в действиях наземных частей с ПВО, с авиацией, незнание специфики работы железной дороги, отсутствие достаточного количества радио и телефонных станций, нехватка грамотных специалистов. В этой связи необходимо заметить, что наводила нашу авиацию единственная под Волховом радиолокационная станция «Редут», которая при «звездном» налете (с нескольких направлений) авиации врага «захлебывалась», что вызывало факты опоздания к встрече с противником и вело к большим материальным и людским потерям. И все же Волхов и его защитники выстояли. О некоторых итогах боевой работы авиаторов говорят следующие данные: за неполные полгода 1943 г. летчики в дневное время сопроводили около 1900 военных эшелонов от Волховстроя до Шлиссельбурга. За это время гитлеровской авиации удалось уничтожить 2 эшелона и 35 серьезно повредить. Остальные благополучно дошли до Ленинграда.

Далось все это дорогой ценой: несколько десятков советских летчиков из 29-го, 86-го и 103-го гвардейских, а также 159-го, 156-го и 630-го авиаполков нашли свой покой в волховской земле. В их числе – Герои Советского Союза майор А. Булаев и старший лейтенант А. Лукьянов. Среди погибших – и лучший летчик-ночник майор В. Шапочка, уничтоживший в ночных боях под Волховом 5 немецких бомбардировщиков.

В г. Волхове Ленинградской области сразу после войны появилась улица имени летчика Героя Советского Союза Александра Лукьянова, а затем – улица Авиационная. Три воина-авиатора по праву носят звание почетного жителя города: А. Матвеев, И. Минеев и К. Коршунов.

В Волховской средней школе № 6 вот уже более 33 лет существует Музей боевой славы 29-го гвардейского Волховского Краснознаменного истребительного авиаполка (бывший 154-й ИАП). Он вошел в пятерку лучших школьных музеев Ленинградской области и не раз отмечался Почетными грамотами и дипломами за целенаправленную военно-патриотическую работу с молодежью. Ежегодно в стенах школы встречаются ветераны авиации, педагоги, железнодорожники. Да будет так всегда!

«И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО...» СУДЬБА КОРАБЛЯ «КОНСТРУКТОР»

Воссоздается история боевого корабля Ладожской флотилии «Конструктор», прослужившего 50 лет в боевом строю военных кораблей, несших службу по защите Отечества. Основное внимание уделяется участию судна в боевых операциях флотилии на Ладожском озере во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Волхов, войска, капитан, командир, корабль, Ладожская флотилия, Ладожское озеро, Ленинград, моряки, оборона, огонь, сторожевые корабли, флот, эсминец.

Все боевые действия Ладожской флотилии проходили в тесном взаимодействии с Волховским, Ленинградским и Карельским фронтами. Перед командованием флотилии была поставлена задача: обеспечить перевозки по Ладожскому озеру из Новой Ладоги и Волховстроя в Ленинград с основным перевалочным пунктом в Осиновце. Одновременно флотилия занималась переброской войск и вооружения, вела бои на Ладоге, осуществляла противодесантную оборону побережья, прокладывала трубопровод и электрокабель по дну Ладожского озера. Каждое направление её действий – отдельная тема. Остановимся на судьбе только одного корабля, показав героизм и мужество моряков русского флота, краснофлотцев Краснознаменной Ладожской флотилии.

Летом 2009 г. в некоторых периодических изданиях появилось сенсационное сообщение. Любитель подводного плавания из Петербурга Юрий Кудрявцев нашел место гибели и поднял со дна Ладожского озера носовую часть корпуса сторожевого корабля «Конструктор», который в годы Великой Отечественной войны входил в состав Ладожской флотилии.

Корабли, как и люди, – каждый имеет свою биографию. У «Конструктора» судьба героическая, трагическая и даже легендарная! «Конструктор» – это бывший эскадренный миноносец «Сибирский стрелок». Он был построен на верфях Гельсингфорса в 1906 г. и назван в честь подразделения сибирских стрелков русской армии, отличившихся в боях с Японией. Строился корабль на добровольные пожертвования. На волне всенародного подъема вскоре после начала русско-японской войны по указу императора Николая II создается «Особый комитет по усилению военного флота на добровольные по-

жертвования». За два года на собранные народные средства было построено более двух десятков военных кораблей. Моряки называли их «добровольцами».

С началом Первой мировой войны «Сибирский стрелок» использовался для постановки минных заграждений на Балтике.

Благодаря умелым действиям капитана 1-го ранга А.В. Колчака, командующего полудивизионом, в который входил «Сибирский стрелок», потери германского флота на Балтике, по оценкам историков, превышали наши потери в боевых кораблях. За эти успехи Колчак был произведен в чин контр-адмирала, став самым молодым адмиралом России. Тогда «Сибирский стрелок» прославился боевыми подвигами при несении дозоров, отражении налетов немецких миноносцев, а так же в Моонзундском сражении.

В 1917 г. экипаж корабля перешел на сторону революции, участвовал в боевых действиях в Рижском заливе против немецкого флота, рвавшегося в Финский залив и к Петрограду. С наступлением ледостава корабль в составе эскадры флота прибыл на стоянку в Гельсингфорс. Центробалт принял решение вывести корабль через ледовые поля в Кронштадт. В ледовом походе 11–20 апреля 1918 г. миноносец «Сибирский стрелок» получил значительные повреждения, поэтому возник вопрос о затоплении корабля. Однако личный состав с большими трудностями смог устранить повреждение корпуса, заделав рваные пробоины, откачать поступавшую воду. Это стало первым боевым подвигом по спасению корабля личным составом. Через четверть века история повторится.

В 1925 г. с корабля сняли пушки, и он стал экспериментальным судном по испы-

танию новых образцов минно-торпедного оружия, получив название «Конструктор».

В начале Великой Отечественной войны на нем установили артиллерийское вооружение. 5 августа 1941 г. на корабле был поднят военно-морской флаг. сторожевой корабль «Конструктор» вновь начал боевую жизнь. Все последующие дни августа и начала сентября сторожевые корабли «Пурга» и «Конструктор» вместе с отрядом канонерских лодок под прицельным огнем немецкой авиации занимались эвакуацией стрелковых дивизий 19-го корпуса в пос. Шереметьево.

12 сентября 1941 г. две баржи с продовольствием были доставлены в Осиневец, проводку осуществлял капитан буксира «Орел» Иван Дмитриевич Ерофеев, а сопровождал и охранял первый караван с хлебом сторожевой корабль «Конструктор». 30 сентября Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление привлекать сторожевые корабли «Конструктор» и «Пурга» и канонерскую лодку «Лахта» к перевозке особо важных грузов.

После падения Шлиссельбурга база Ладожской флотилии была переведена в Новую Ладогу. Трагичным стал день 7 октября 1941 г. «Конструктор» стоял на Новоладожском рейде, где проходила приемка топлива, на озере стоял полный штиль. Вдруг из-за облаков показался самолет врага и сбросил четыре бомбы по левому борту. Бомбы взорвались в тот момент, когда группа моряков бежала на боевые посты. Двенадцать человек было ранено, погибли краснофлотцы Л. Майко и А. Платонов, рулевой И. Задорин, командир зенитного орудия Е. Крамаренко. Умер по пути в госпиталь смертельно раненый командир корабля капитан 2-го ранга Георгий Арвидович Зеланд. Перед смертью командир сказал: «Берегите корабль». Вместо погибших поступило пополнение, в том числе новый командир – капитан 3-го ранга А.Г. Купидонов.

Немцы намеревались прорвать оборону в районе Волхова, соединиться с финскими войсками на реке Свирь, тем самым создав второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Они сосредоточили войска, подтянули технику в район прорыва – на Волховском направлении вдоль реки Волхов.

Перед командой корабля «Конструктор» была поставлена задача: совместно со сторожевым кораблем «Пурга» перевезти в Новую Ладогу два полка 44-й стрелковой дивизии. Одновременно с перевозкой в

разное время суток наносить артиллерийские удары – подавлять опорные пункты сосредоточения пехоты и техники врага перед фронтом 54-й армии – Шлиссельбург, рабочий поселок № 5, деревня Марьино.

Из воспоминаний капитана 1-го ранга в отставке Сергея Васильевича Семенова, служившего в то время командиром зенитной батареи на корабле: «Приказано срочно выйти в район для уничтожения большого скопления войск у деревни Марьино. Командиры 100 мм орудия получили приказ на массированный беглый огонь с наибольшей скоростью. В указанный квадрат и расчетную точку штурман привел корабль благополучно. Сотни килограммов металла летят на врага, уничтожено много живой силы и техники противника. Сложная задача выполнена» [7].

Часто «Конструктор» досаждал немцам, прикрывая огнем своих «100-миллиметровок» действия наших обороняющихся войск.

По курсировавшим на флотилии слухам, сам командующий немецкой группировкой «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб приказал провести специальную охоту за надоедливым кораблем и немедленно его утопить, пообещав сразу два креста тому, кто уничтожит «Черный крейсер» – так называли немцы «Конструктор» (корабль ходил на угле, оставляя за собой хорошо заметный издали след черного дыма).

В ноябре 1941 г. «Конструктор» возглавил конвой по доставке продовольствия в Осиневец, а обратно вывозил ленинградцев – семьи работников эвакуированных в тыл оборонных заводов.

О трагических событиях, которые произошли на корабле 4 ноября 1941 года, рассказывают очевидцы.

Из воспоминаний командира зенитной батареи Семенова Сергея Васильевича: «Поступил приказ на перевозку семей эвакуированного завода “Звезда” имени Ворошилова, № 174. Корабль с подошедшего катера КМ-22 Охраны водного района Осиневецкой базы начал посадку. Как обычно, особое внимание моряки обращали на детей – заботливо и бережно их принимали и размещали по корабельным помещениям». С наступлением темноты около 19 часов, имея на борту 256 пассажиров, «Конструктор» снялся с якоря и взял курс на Новую Ладогу. Из письма Центрального Военно-морского Архива № 9020 от 23 июля 1976 г.: «В 19 часов 15

минут “Конструктор” был атакован тремя фашистскими самолетами “Юнкерс–88”. Одна бомба большой разрушительной силы, сброшенная вторым атакующим самолетом, попала в носовую часть корабля, между носовой пушкой и мостиком».

О том, что происходило дальше, достоверно изложил в своих воспоминаниях судово-врач «Конструктора» Сергей Павлович Даниличев: «После попадания бомбы в носовую часть сразу же погас свет во всех помещениях корабля... Кто-то на верхней палубе кричал: “Корабль тонет!” В темноте среди пассажиров и отдельных моряков появились единичные паникеры... Выбежав из кормовой части корабля, я услышал крик матроса: “Доктор, на мостик! Там ранен комиссар!” Оказав ему помощь, я увидел чистое небо... Корабль, освещенный луной, сильно накренился носовой частью. Вокруг корабля плавали вещи, выброшенные взрывной волной... Плакали дети, стонали раненые и контуженные. Над кораблем еще несколько раз пролетали вражеские самолеты, по которым вели стрельбу пулеметчики СКР “Пурга”. Это спасло нас от гибели...» [3].

Дальнейшие подробности трагедии можно узнать из книги командующего Ладожской военной флотилией Виктора Сергеевича Черехова «Для тебя, Ленинград!»: «Вся носовая часть “Конструктора” до второго котельного отделения была затоплена. Поперечная переборка между первым и вторым котельными отделениями прогнулась и грозила вот-вот прорваться. Горстка моряков боролась за жизнь своего корабля. Под руководством механика Можейко Петра Александровича и старшины группы машинистов Новикова Захара Андреевича краснофлотцы А.Т. Новиков, Г.И. Струков, М.А. Терехов, А.М. Мохов и другие несколько часов работали в ледяной воде, укрепляя подпорками прогнувшуюся переборку... Работали водотливные средства корабля... Моряки с огромным трудом удержали корабль на плаву...» [8].

Вскоре по сигналу аварийной сирены на место трагедии прибыл на канонерской лодке «Бурей» командир дивизиона сторожевых кораблей капитан 3-го ранга К.И. Балакирев. Борясь за остойчивость «Конструктора», он приказал оставить на нем лишь 16 человек команды во главе с командиром Г.А. Купидоновым, политруком В.П. Антохиным, механиком П.А. Можейко и доктором С.П. Даниличевым. Они разместились в кормовой части

поврежденного корабля... Пострадавшие с помощью моряков были взяты на борт канлодки «Бурей» – 106 пассажиров и часть членов команды. Жертвами катастрофы стали 150 пассажиров и 32 члена экипажа.

Нельзя равнодушно читать воспоминания спасенной Марии Филипповны Казанцевой, написанные ею в августе 1976 г.: «...Когда грохот и треск несколько уменьшились, стали различимы крики людей: “Спасите, спасите! Тонем! Тонем! Помогите!” Эти крики раздирали сердце и душу, хотелось помочь людям, но увы, [ничего] сделать мы, матери с детьми, да еще на тонущем корабле, не могли. Одна надежда была на моряков. И мы не ошиблись! Не зря в мирное время их готовили ко всяким неожиданностям. Это моряки с “Конструктора”, проявив мужество и находчивость, спасли многих ворошиловцев и наших детей от смерти в пучине Ладожского озера. Низкий поклон Вам, материнское спасибо, достойные защитники Родины!».

Вслед за «Буреей» к борту «Конструктора» подошли спасательное судно «Сталинец» и буксир «Никулясы». Они взяли поврежденный корабль на буксир и повели его кормой вперед самым малым ходом в бухту Морье. Быстрее не позволяла носовая часть, еле державшаяся на корпусе корабля. 25 ноября во время очередного шторма носовую часть оторвало. Где затонула она, ставшая подводной могилой десятков пассажиров и части команды, оставалась загадкой долгие годы.

Директор Осиновецкого музея «Дорога жизни» Александр Войцеховский не раз пытался разгадать эту тайну, много лет проводил подводные исследования на Ладоге. Только летом 2009 г. удалось обнаружить место, на котором находились остатки затонувшего корабля. Водолазы, спустившиеся на дно Ладожского озера, подняли на берег и передали уникальные находки в музей «Дорога жизни»: часть бронзовой паровой лебедки, якоря, посуду, оборудование. Прекрасно сохранилась латунная мойка на четыре крана из офицерской столовой. Не обошлось и без скорбных находок. В носовой части корабля были найдены останки моряков, все они были подняты и похоронены с воинскими почестями.

Удивительно, но после трагических событий 4 ноября 1941 г. история корабля не закончилась! Почти полностью уничтоженный эсминец восстановили. На Ижорском заводе (г. Колпино Ленинградской

Члены команды «Конструктора» (слева направо): доктор – лейтенант мед. сл. С.П. Даниличев, механик – инженер-капитан П.А. Можейко, зенитчик – ст. лейтенант С.И. Клейменов, штурман – ст. лейтенант Н.В. Филатов, командор – ст. лейтенант П.И. Аксенов.

Капитан 1-го ранга Н.И. Меццерский.

«Конструктор» в доке (на реке Волхов, 1942 г.)

Команда «Конструктора» на заготовке дров (зима 1941–42 гг.).

Так выглядел «Конструктор» после бомбежки (1941 г.)

области) по чертежам сначала были созданы деревянные шаблоны, затем по ним вырезаны стальные листы обшивки и палубы, шпангоуты и другие детали корпуса. Руководил работами инженер В.Е. Гаевский. Он же занимался в бухте Ладожского озера Морье и монтажом носовой части, используя временные мастерские, созданные в уцелевшей церквушке.

Водолазы флотилии в ледяной воде часами скрепляли сотнями болтов металлические листы с основной частью корпуса. К весне 1942 г. корабль с новой носовой частью был готов к эксплуатации. Параллельно с восстановлением корабля водолазы и личный состав команды поднимали трупы, обнаруженные в затопленной части судна. Останки погибших выносили на берег бухты Морье и хоронили в братской могиле. 7 августа 1942 г. «Конструктор» на буксире канонерской лодки «Шексна» направился в Новую Ладогу – главную базу флотилии. Здесь корабль поставили в плавучий док и болты временного крепления заменили заклепками и электросваркой.

Автор книги «Блокада: день за днем» А.В. Буров пишет: «Клепку корпуса провели рабочие Новоладожских мастерских Козлов Василий Сергеевич, Костылев Юрий Александрович, Кондратьев Николай Петрович под руководством начальника котельно-сварочного цеха Яковлева Петра Михайловича» [1].

При подготовке этого материала, я узнала, что мой отец Петр Михайлович Яковлев – ветеран «Дороги жизни» – принимал участие в ремонте корабля «Конструктор». Он с августа 1941 года до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады вместе со многими новоладожцами и в непогоду, и под бомбежками выполнял ремонтные работы на кораблях Ладожской флотилии. Работать приходилось с подростками, почти детьми. Один из них, Николай Петрович Кондратьев, жив. Он рассказывает, что ему в то время было 14 лет, а девочкам-сварщицам – по 13!

С осени 1942 года «Конструктор» опять вступил в строй, но уже не в качестве сторожевого корабля, а канонерской лодки (из-за снижения его ходовых качеств), и участвовал во всех боевых операциях Ладожской флотилии.

В декабре 1942 г. шла подготовка к операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда, корабли флотилии приступили к выполнению срочной задачи фронта – переброске пополнения вой-

скам фронта с восточного на западный берег. Условия плавания были тяжелые: толщина льда достигала 35 см, ветер до 7 баллов, опасная подвижка льда, у берегов – торосы. 30 километров канвой из канлодок (в него входил и «Конструктор»), двух буксиров и четырех металлических барж пробивался 38 часов. Отряд возглавил командир дивизиона канлодок Н.Ю. Озаровский. Всего было перевезено около 37 тыс. человек, 1400 тонн воинских грузов.

30 мая 1944 г. корабль «Конструктор» в охранении катеров МО-198 и МО-206 вышел к острову Коневец. Они имели задачу выявить калибр и дислокацию расположенных здесь береговых батарей. Противник открыл интенсивный огонь, снаряды падали всего в 20–25 метрах от корабля. Наши корабли открыли ответный огонь и поработали с полной нагрузкой. А главное – с большой точностью были засечены береговые батареи.

В июне 1944 г. корабль «Конструктор» участвовал в операции по высадке Тулосинского десанта, которая внесла достойный вклад в дело освобождения Ладожского озера и Карелии. Командный пункт командира высадки десанта капитана 1-го ранга Н.И. Мещерского находился на корабле «Конструктор».

«Николай Иосифович Мещерский – интеллигентный, высокообразованный офицер, чуткий и внимательный к людям и в то же время отважный и решительный. На флоте с 1916 года, учился в морском корпусе», – такую характеристику дал ему командующий Ладожской флотилией контр-адмирал В.С. Чероков [8].

В 15 часов 30 минут 22 июня 1944 г. корабли снялись с якоря и отправились в район высадки десанта. Всего в операции участвовало 70 судов. В 3 часа 19 минут 23 июня был дан сигнал с корабля «Конструктор» о начале движения к берегу катеров с морскими пехотинцами. С этого момента и до полного завершения операции Мещерский ни на минуту не покидал мостика. Его «Конструктор» вёл огонь по противнику, менял позицию, прикрывал десантников, и везде чувствовалась твердая рука «дирижера» высадки Н.И. Мещерского.

Из воспоминаний капитана 1-го ранга в отставке Сергея Васильевича Семенова: «Орудия корабля не знали отдыха в течение 5 суток. Берег благодарил за меткую стрельбу. Наш корабль “Конструктор” произвел более 30 стрельб в помощь 3 ба-

138 тальону 70 бригады морских пехотинцев, израсходовав более 500 снарядов главного калибра, уничтожил более роты финнов, 12 орудий, участвовал в выводе из строя бронепоезда, его пленения, подбил 1 «Юнкерс» и уничтожил 1 «Ю-88». Ни шторм, ни непогода не помешали успешно выполнить задачу».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1944 года Ладожская военная флотилия была награждена орденом Красного Знамени. Днем позже командующий флотилией контр-адмирал В.С. Чероков на корабле «Конструктор» перед строем всего экипажа вручал награду командиру капитан-лейтенанту Н.И. Мартыничеву и главному старшине Н.И. Ермолову (командиру корпуса) ордена Красного Знамени. Офицеры, старшины, матросы корабля были в тот день награждены орденами и медалями (всего 19 человек).

День Победы, 9 мая 1945 г. личный состав корабля встретил в Ленинграде, а затем «Конструктор» перевели на Балтику в состав опытных кораблей. С 1946 по 1956 годы корабль дислоцируется на Балтике и Ладоге, выполняет плановые задания по испытанию новых образцов минно-торпедного вооружения для новых кораблей флота. В 1956 г., после 50-летнего служения флоту, корабль был списан и разрезан на металлолом.

«Конструктор» ушел навсегда, но осталась память о героизме и мужестве членов экипажа. Наше повествование о нем хочется закончить словами из поэмы начальника штаба флотилии контр-адмирала С.В. Кудрявцева:

И невозможное возможно –
Без носа и кормой вперед,
Хоть управлять им очень сложно,
Корабль израненный идет...

Список литературы

1. Буров А.В. Блокада день за днем. – Л.: Лениздат, 1979. – 478 с.
2. Глейзеров С. Памяти «Конструктора» // Вести, 2009. – 18 сентября.
3. Даниличев С.П. На страже здоровья. Воспоминания корабельного врача СК «Конструктор» / Архив Новоладожского историко-краеведческого музея.
4. Ершова Л. Черный крейсер в строю // Водный транспорт, 2002. – № 13–14.
5. Ладога родная: Воспоминания ветеранов краснознаменной ладожской флотилии / Сост. З. Г. Русаков. – Л.: Лениздат, 1969. – 415 с.
6. Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога. – Л.: Лениздат, 1980. – 184 с.
7. Семенов С.В. Юность за нами идущая, не забывайте минувшее! / Архив Новоладожского историко-краеведческого музея.
8. Чероков В.С. Для тебя, Ленинград. – Л.: Лениздат, 1988. – 224 с.

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

УДК 947
ББК 63.3(2)

Л.И. Архипова

ВОЕННЫЕ ОЧЕРКИ

В основе двух очерков – строго выверенные факты. Старейший журналист, Почетный гражданин г. Волхова Ленинградской области Лидия Ивановна Архипова рассказывает о судьбах своих земляков: бойцов фронта, работников тыла, людей, защищавших и создавших совокупное богатство родной страны. Ее рассказы несут в себе мудрость повседневности, память о предках, пример – «потомству в назидание». 65-летию Великой Победы посвящается.

Ключевые слова:

бой, водитель, война, Волхов, медаль, орден, память, письма, Победа, солдат, труд, тыл, фашист, фронт

Фронтовые письма

Они ворошат память, призывают помнить то время и жить в мире и добре. Уверена, во многих семьях погибших фронтовиков хранятся их письма как самые дорогие реликвии. Они – связующая нить прошлого с будущим. Они – живые свидетельства патриотизма, мужества и стойкости нашего народа в сложнейшие годы Великой Отечественной войны. Трудности военного лихолетья испытали все – от мала до велика.

Сохранилось несколько весточек с фронта и в семье жительницы г. Волхова Ленинградской области О.М. Баскаковой. Дрожащими от волнения руками подает мне Ольга Михайловна эти пожелтевшие от времени и порвавшиеся на сгибах фронтовые треугольнички. Всем своим существом чувствуешь, насколько важны и бесценны они были для адресата, и читаны-перечитаны с надеждой на чудо возвращения даже после получения «похоронки».

Эти письма из далеких сороковых от ее отца, Михаила Ивановича Крупнова,

матери – Анне Семеновне. На одном из них вижу штамп «Просмотрено цензурой 07959». В каждом письме что ни слово, то забота о жене и детях. Как они там, здоровы ли? Солдату тоже было нелегко узнать, что семья эвакуировалась в Молотовскую область, а в родных местах шли бои. Но уже в 1944 г. семья возвратилась из эвакуации в разрушенный Волхов. И солдат был рад этому, советовал уехать в деревню: «...теперь там на одних ягодах проживете. А на меня пока рассчитывать не приходится и располагать трудно». О себе – жив и здоров. Но в одном из писем Михаил Иванович сообщает, что «был ранен 17 апреля и 23 дня лежал в госпитале, а сейчас опять на старой работе». И ни слова о боях, об обстановке на фронте, нет даже намек на расположение части: только ее номер. Лишь из похоронки узнали, что погиб Михаил Иванович при освобождении Польши. Здесь сообщалось: «Ваш муж красноармеец Крупнов Михаил Иванович погиб в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге...».

Письмо, датированное 29 июля 1944 года, оказалось последним. «Сообщаю,

Крупнов Михаил Иванович.
Фото военных лет.

Крупновы Анна Семеновна и Михаил
Иванович. 3 октября 1931 г.

1944 г. 14 февраля. Доброй день! или вот.
Сразу вспоминаю свои дорожки и не радывались.
Но как-то пишешь, была Нюра и дорожки,
дети, Вера, Валя, Саша, и Сережа. Нюра и
была собой Сергеевич привел и уехал целую
всю. Вспоминаю, что я пока не был и здоров был
и был неслучайно до меня было очень здоровым.
Нюра и дочка, Валя я получил ваши письма
раз, что огонь! Напоследок я пишу второе письмо
на ответ, но вы не пишете, что получили
или нет. Спасибо и за то, что вы прислали
на. прошу, напишите мне. Нюра я писал и
на Тобя письмо и маме и не отложу отбе-
та не получил. Нюра я вспоминаю одного
друзя и он мне говорил что был в лесосте-
пной части Восток и у него есть адрес. Мама и дочка
Тобя. Крупнов Иван Иванович, но его направил
в лесостепь, а долги გადაбрали на одном фронте
а сейчас не знает где. Нюра как-то сама
вспомнит скоро и узнаешь как когда-то
перемещался это Восток. Нюра если ты еще
и вспоминаешь на предыдущем где много дал
поэтому не забудь адрес. Но первое в письме
и не забыть адрес само, но если ты не можешь
узнать на лето на Тобя или и предвзвешу пока
тогда ты можешь узнать только забавно
о со- все дружнее и справки спускаю в
Тобя. Вера и Сережа очень любят писать.

Фронтное письмо М.И. Крупнова от 14 февраля 1944 г.

Ваше письмо
получил
и очень рад
вашим
новостям
и надеюсь
что вы
все хорошо
поживаете
и скоро
вернетесь
домой
ваша мама
Крупнов Иван Иванович

1944 г. 14 февраля

49/10

что пока я жив и здоров, чего и вам желаю: быть всем здоровыми и ждать меня с победой... Целую всех деток моих дорогих».

В своих письмах Михаил Иванович просил жену немного его подождать, «и все наладится». Он был уверен в скорой победе. И она пришла, но уже без него.

Напрасно заглядывала Анна Семеновна в почтовый ящик – писем не было. Радостно-печальным был и весенний май 1945-го. Но теплилась еще какая-то надежда. Может, ранен, может, письма затерялись, да мало ли что могло произойти. Она ждала. И не хотела верить, даже когда в ноябре 1945 года пришла из райвоенкомата похоронка, когда выдавали награду Михаила Ивановича – орден Отечественной войны II степени. Ждала всю свою жизнь возвращения мужа с полей кровавой битвы.

Судьба семьи фронтовика во многом схожа с судьбами наших земляков. Крупновы жили в деревне Бор, а когда Михаил подрос, в Волхове началось строительство электростанции, куда и подался паренек. Но жизнь – штука непростая, и каждый строит ее по-своему. Пока Михаил работал в Волхове, его любимую девушку сосватали за другого. Тут паренек проявил настоящий мужской характер: увел любимую почти что прямо из-под венца. А чтобы уберечь ее от всяких пересудов, уволился и увез молодую жену на Свирьстрой, где и работал мастером-путейцем. Не зря гласит пословица, что с милым рай и в шалаше. Все ладилось в семье, и в мае 1941 года родился четвертый ребенок – сын. «Теперь можно и кадрили танцевать, – говаривал счастливый отец, – две дочки и два сына». Но уже через месяц грянула война.

В первые же дни Михаил Иванович ушел на фронт. Анна Семеновна осталась одна с четырьмя малолетними на руках: Сереже – месяц, Гене – 2 года, Оле – 7 лет, Валюше – 9 лет. Можно понять состояние молодой женщины: на нее свалилась, казалось, непосильная ноша. Была эвакуация на Урал, был тяжелый, изнуряющий труд. Как пережила? И всегда с ней были никому не видимые слезы, сердечная тоска и непреходящая боль за мужа-фронтовика и за детей, нуждающихся в хлебе и тепле. Это все не позволяло опускать руки, впадать в депрессию. Вот они, наши труженицы тыла!

– Коротким было счастье, – вздыхая, говорит Ольга Михайловна, – папа погиб в 36 лет, а мама семейную ношу несла одна

за двоих с 34 лет. Мама была у нас и мать, и отец. Работа у нее была очень тяжелая – грузчик транспортного цеха алюминиевого завода. Всю себя она отдала нам – вырастила, выучила всех и внуков помогла поднимать.

Старшая Валентина очень скоро стала помощницей во всем – и за младшим присматривает, и порядок в доме наведет. А как только позволил возраст – исполнилось 14 лет – пошла учиться токарному делу в ремесленное училище. Выбирать особо и некогда было, а тут училище рядом, да к тому же и паек неплохой. Зачастую, сэкономив кусок хлеба или кусочек сахара, приносила их домой маленьким братьям. Всю жизнь (а это более 50 лет) Валентина Михайловна отработала токарем, вытачивая детали для знаменитого на весь мир трактора «Беларусь».

Сыновья фронтовика достойно отслужили в армии. Геннадий Михайлович Крупнов работал до выхода на пенсию на алюминиевом заводе. Его большегрузный самосвал можно было видеть на различных работах. А младший, Сергей, ушел из жизни 15 лет назад.

Старожилы Волхова хорошо знают Ольгу Михайловну Баскакову. Окончив Ленинградский техникум, она стала строителем. В коллективе треста № 34 вела отделочные работы здания алюминиевого техникума, участвовала в строительстве сернокислотного цеха, а потом была переведена мастером на строительство собственной базы треста № 34. Свыше двух десятков лет работала в заводоуправлении треста «Железобетон № 61», отсюда ушла на пенсию.

Помнят и ее мужа Николая Павловича Баскакова, к сожалению, девять лет назад покинувшего этот мир. Горя подросток хлебнул с лихвой. Их деревня Рамошево, что под Старой Руссой, несколько раз переходила из рук в руки. Население укрывалось в лесу в землянках. Но и это было еще не самое ужасное. Сколько жил, столько и помнил Николай Павлович страшные ухищрения фашистов. Пытаясь уйти от наших бомбежек, они построились в виде «зебры»: через каждые свои два ряда поставили по два ряда местных жителей. Не помогло: началась такая бомбежка, что люди металась по трупам, пытаясь как-то спастись. Так паренек оказался в плену. Притом от ужаса на несколько дней лишился дара речи.

А потом прошел через все муки ада концлагерей. Видел автомашины, гру-

142 | женные трупами, умирающих от голода, да и сам не раз был на грани смерти, бежал из разбомбленного лагеря. Выжил чудом.

Активная натура супругов Баскаковых не позволяла им сидеть сложа руки. Работа на производстве сменялась хлопотами на садовом участке. И сейчас Ольга Михайловна с первыми весенними днями спешит в садоводство. Любит она землю и работает на ней с душой. Свыше 10 лет она возглавляла первичную организацию ветеранов давно уже не существующего завода железобетонных изделий.

...Жизнь фронтовика продолжается в детях, внуках и правнуках...

Письма солдатские – это как живой голос тех, кто отдал жизнь ради жизни на земле: за жизнь детей, жен, матерей, за нашу с вами возможность жить, радоваться, любить, строить свое счастье. Письма ворошат память, призывают помнить то время и жить в мире и добре.

Шли добровольцами в неполные пятнадцать лет*

Скромные люди вершат добрые дела без шума и помпы. Совершая поступки по велению души, по совести, они считают это само собой разумеющимся.

С таким человеком мне довелось познакомиться. Это – Михаил Иванович Белов. Прямо как о нем сказал поэт Юрий Воронов:

Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом паспорта.

...Деревня Болотово, что рядом с Гостинопольем Ленинградской области – родина Михаила Ивановича. Сызмальства полюбил он и ельники, и мшистые болота, куда бегали за грибами и ягодами. Нравились зимой отогреваться на такой горячей-горячей печке. Все бы хорошо, да не зря говорится «Не живи, как хочется...».

Война рикошетом влетела в их дом. На границе нес службу брат Виктор, призванный в апреле сорок первого. Эти солдаты приняли на себя первый натиск бронированного врага. Отступали вплоть до Харькова, теряя друзей и товарищей. В первые же дни войны ушел защищать родную землю и глава семейства – Иван Павлович. Обнял жену, поцеловал ребяткишек и шагнул за плетень, как в вечность. На войне убивают каждый день. Не вернулся

и Иван Павлович, хотя два года судьба его хранила. Сложил головушку в адском месяце Орловско-Курской дуги.

А что здесь, в родном Болотове? Фашист быстрым маршем шел по российской земле и уже хозяйничал в деревне. Жители ушли в лес за три километра, вырыли землянки. Увела детей и Анна Семеновна. Наверное, в это время Михаил сразу повзрослел, почувствовав ответственность за семью, за Родину.

— Мы, мальчишки, видели наших пленных красноармейцев. Фашисты гнали их вверх по Волхову к Новгороду. Раненых солдаты из последних сил несли на руках, – вспоминает ветеран. – А зима сорок третьего была очень суровой, да и фашисты зверствовали.

Как известно, дети – вездесущий народ. Вот и тут ребята подбирали брошенные винтовки и постреливали.

Материнское сердце было всегда в тревоге. С фронта нет вестей, мальчишки – невелики помощники: Сереже – пять, Василию – десять, а Михаилу – пятнадцать лет, тот все норовит в деревне побывать. И никак не могла она взять в толк, когда сын собрался на фронт: мало, что ли отца и брата?! За них изболелась душа, а тут такое. Хоть бы маленько подрос да окреп...

Плакала, пыталась уговорить Михаила повременить. Да куда там! Фронт-то был рядом. Погладила Анна Семеновна сына по голове, поцеловала, как оказалось, в последний раз и ... отпустила.

Не зря гласит старинное присловье: «Что крепче камня? Сердце матери. Что мягче пуха? Сердце матери». Война страшным вихрем прошла по душам и сердцам матерей. Разметала семью Беловых, подкосила под самый корень. Солдатская вдова, схоронив двадцатилетнюю дочь и шестилетнего сына, не дожила до светлого Дня Победы.

В годину таких испытаний дети взросли быстро. И Михаил Белов стал солдатом-добровольцем. Майор сразу взял парнишку в войсковую часть. Лучшего связного нельзя было и желать. Михаилу выдали автомат и полевую сумку, которые он еле таскал. Паренек хоть и рослый был, да силенок еще не хватало. Но зато отличался сноровкой. Секретные документы связной доставлял всегда вовремя.

В составе 356-го отдельного батальона Михаил Иванович шел дорогами войны. Участвовал в освобождении Новгорода, Пскова, Латвии. Под Ригой его причислили к первому отдельному батальону связи.

Что пришлось вынести нашим юным солдатам?! Они мстили за разрушенные города и села, за смерть родных и товарищей. Это о них сказал Булат Окуджава:

Ах, война,
Что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли –
Повзрослели они до поры...

Тяжелая доля досталась этому поколению, сколько видели людского горя юношеские сердца! Но они не ожесточились, сумели пройти через настоящий ад и остаться людьми.

Долгой была для Михаила Белова дорога к родному дому. После победных залпов еще три года пришлось нести службу за рулем американского студебеккера. У родного дома демобилизованного солдата встречать было некому. Тринадцатилетнего Василия после похорон матери взяла в Волхов ее сестра – Надежда Семеновна Филина. Здесь он закончил железнодорожное училище, здесь и работал помощником машиниста, но, к сожалению, уже ушел из жизни.

...Вернулся солдат на Родину с орденом Отечественной войны на гимнастерке, многими медалями и профессией водителя.

Постоянство его характера просматривается во всем. Четырнадцать лет работал в строительном управлении, пока его не расформировали, и тридцать последних лет – в производственном объединении грузового автотранспорта. В каких толь-

ко городах страны не побывал водитель-«дальнобойщик» Белов! Привычной для Михаила Ивановича была дорога. Конечно, мирная, не фронтовая. Но часто перед его глазами возникали картины детства. Из памяти не вычеркнешь пережитое и не напишешь жизнь заново.

Сегодня, с высоты прожитых лет, можно с уверенностью сказать, что это поколение было особенного склада: люди были верными, самоотверженными, преданными семье и Родине. Они знали цену мирного времени и своими делами и поступками старались возвращать добро.

Вот и семья Беловых стала крепкой жизненной основой для всех ее членов, для родного Волхова. Жена Михаила Ивановича – Александра Яковлевна, к сожалению, ушедшая из жизни три года назад, отличалась таким же постоянством. Например, ее сорокалетний трудовой стаж реализован на одном предприятии – районном узле связи. Выполняла любую работу, где требовались ее умения и сноровка: и почту сопровождала, и на сортировке работала, и дежурной по смене. Были уверены – Белова не подведет.

Жили небогато, но в согласии и добре, что сумели передать и детям. Сын и дочь получили образование. Юрий живет в Волхове, а Вера по направлению учебного заведения оказалась в Мурманской области, там и семьей обзавелась.

Род Беловых продолжается во внуках. И пусть он будет достойным поколения защитников Отечества.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛИ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОЕННОМ ПРОШЛОМ*

Воспоминания известного советского ученого, философа В.Ф. Сержантова, сражавшегося на Ленинградском фронте в 1941–1944 гг., о боевых товарищах, о службе в артиллерийском полку, об операции по освобождению Ленинграда от блокады в январе 1944 г.

Ключевые слова:

батарея, блокада, истребительный противотанковый артиллерийский полк, Красноборская операция, Ленинградский фронт, Луга, Федоровское.

...После окончания Томского артиллерийского училища в ноябре 1941 года я в составе группы коммунистов и комсомольцев был направлен на Ленинградский фронт.

Из состава этой группы в 289 а.п. (артиллерийском полку – прим. ред.) служили П.Я. Дорошенко, Петров, Биденко, Никитин и др. Когда мы выехали из Томска, Ленинград находился в двойном кольце блокады и мы не знали, каким образом нам придётся добираться до Ленинграда. Но в пути было получено известие об освобождении Тихвина, что означало снятие внешнего блокадного кольца и возможность организации наземных коммуникаций Ленинграда с «Большой землёй» (Дорога жизни). По этой дороге, т.е. по льду Ладожского озера, на машинах, доставлявших продовольствие в Ленинград, нам и пришлось добираться.

Это оказалось не так легко. Мы с Петровым, прибывшие первыми из числа офицеров нашей группы, затратили на это целую неделю. Навсегда запомнилась первая встреча с городом: заснеженный, суровый Ленинград, измождённые, но непокорённые тяготами войны ленинградцы, израненные артиллерийскими обстрелами неповторимые архитектурные ансамбли города – всё это переворачивало душу и взывало к отпущению. В нашем жизненном опыте молодых людей, прибывших из глубокого тыла, не было ещё более суровой картины. Вступив на Ленинградскую землю, уже нельзя было оставаться равнодушным.

Из управления кадров фронта мы были направлены в 289-м ИПТАП**, где я прослужил с начала января 1942 г. до снятия блокады, точнее до выхода войск

Ленинградского фронта на рубежи восточнее Пскова (весна 1944 г.). Пребывание на Ленинградском фронте запомнилось мне, как и всем моим товарищам, на всю жизнь. Это были трудные дни, дни, которые были наполнены не только радостями побед, но и горечью утрат. Многие из нас, совсем ещё молодых людей, в возрасте 20–22 лет, были сожжены огнём войны, многие из них были мне близкими друзьями. Фронтная дружба – это особая дружба, её трудно забыть, даже если она кратковременная, и друзья тех лет, преждевременно ушедшие из жизни, навсегда остаются с нами, они постоянно живут в нас. Среди многих и многих боевых товарищей дней войны мне особенно дороги В. Терибун, А. Ершов, которые погибли в январе 1943 г. под Красным Бором.

Пожалуй, Красноборская операция 1943 г. была боевым крещением для всех подразделений нашего полка. Это была серьёзная наступательная операция из района южнее Колпино в направлении Красный Бор – Тосно вдоль Московской железной дороги. Перед наступавшими войсками нашего фронта была расположена глубоко эшелонированная мощная оборона нашего противника. Поэтому все подразделения нашего полка, как и других артиллерийских частей 55 армии, тщательно готовились к предстоящей операции. Командиру полка полковнику П.С. Ляшенко и его штабу, руководимому тогда капитаном Смирновым необходимо было предусмотреть все детали. Поскольку подразделения полка предстояло действовать в боевых порядках пехоты, большое значение приобретало умение руководить боем со стороны командиров батарей и взводов. Поэтому всесторонняя

* Материал предоставлен А.К. Тарасовой.

** ИПТАП – истребительный противотанковый артиллерийский полк (прим. ред.).

подготовка этого звена командного состава приобретала большое значение, на что и было обращено внимание командования полка как в период предварительной подготовки и учёбы, так и в непосредственный канун операции и в ходе боёв.

Как началась эта операция?

Получив задание командира полка, командир 1-го дивизиона капитан Шевченко вместе с нами, командирами 1, 2, 3 батарей (В. Терибун, С. Левитин, я) отправился на рекогносцировку местности в районе напротив Красного Бора. Задача состояла в том, чтобы изучить передний край противника, определить цели предстоящей стрельбы, наметить огневые позиции для стрельбы прямой наводкой, определить пути для ночного выдвижения орудий на огневые позиции. Всё это надо было проделать днём, буквально под носом самого противника и под его огнём. Поэтому все мы одели белые маскхалаты и порой передвигались только по-пластунски. В течение дня 9 февраля эта работа была нами успешно проделана. Ночью орудия всех батарей были выдвинуты на открытые огневые позиции. Несмотря на огромные трудности этой наступательной операции все батареи нашего дивизиона, как и других артподразделений, действовали успешно. В этом бою не стало В. Терибуна, как и многих других товарищей, которые придя в армию, на фронт от мирных дел, за короткий срок сумели стать артиллеристами на уровне самого высокого профессионального мастерства.

Февральская операция 1943 года была ограниченной по своим масштабам, так как войска противника создали глубокую оборону с большой огневой силой, и наши части несли большие потери. Но всё же успехи этой операции были несомненны: мы серьёзно улучшили свои тактические позиции и нанесли большой урон противнику, особенно испанской «голубой дивизии».

С марта 1943 г. подразделения нашего полка стояли в обороне вплоть до начала большого наступления войск Ленинградского фронта в январе-феврале 1944 года. Но оборона была трудной, хотя и относительно стабильной. Положение было таково, что противник не мог простить нам наших успехов в феврале 1943-го, стремился, вероятно, исправить положение, вернуть утраченные позиции, и наши пехотные части понесли серьёзные потери. Поэтому в значительной степени крепость обороны на этом участке зависела от артиллерии.

Порою нам, артиллеристам, приходилось буквально спасать положение. На одном из таких участков находилась и моя батарея в районе Красного Бора – Феклистово.

Из числа многочисленных событий этих дней запомнилась острая ситуация в ночь на 30 апреля накануне 1 мая 1943 года. Мы были предупреждены, что накануне 1 мая надо быть бдительными, ибо в этот день противник может решиться что-то предпринять. Поэтому привеле в боевую готовность все расчёты и батареи, я всю ночь, как и все командиры орудий и взводов, бодрствовал, а чтобы занять как-то время между делами, в течение ночи читал случайно оказавшийся роман Дюма «Три мушкетёра» (не помню уж в который раз). И перед утром перекрещиваются, переплетаются два сюжета: в тот момент, когда мушкетёры собираются казнить леди Винтер, вдруг после необычных взрывов в мои объятия падает часовой, стоявший у дверей землянки. Что случилось? Оказывается, немцы предприняли обстрел батареи из шестиствольных миномётов, и часовой взрывной волной был отброшен в двери землянки. После первого налёта было сделано ещё 2 таких же залпа. Мы впервые тогда были накрыты огнём этого миномёта, хотя часто слышали его стрельбу и разрывы его мин на удалении от себя. Но ощущения, которые возникают непосредственно в зоне разрывов мин этого миномёта, совсем отличны от того, когда они падают где-то вдали. Ты как бы утрачиваешь ощущение того, что находишься в атмосфере, как будто почва исчезает под ногами. (Действие наших катюш в этом отношении гораздо сильнее, поэтому нет ничего удивительного, что солдаты противника, оставшиеся в живых после обстрелов, сходили с ума). После третьего налёта сложилась такая ситуация: один из орудийных расчётов в момент самого восхода солнца был накрыт неприятельским огнём и весь целиком погиб, за исключением подносчика, самого нерасторопного солдата. Причём по какому-то капризу судьбы остался он в живых именно благодаря этой нерасторопности. Случилось так: до огневого налёта весь орудийный расчёт находился у орудия и приготавливал его к возможной стрельбе, в момент начала обстрела весть расчёт по траншее побежал в землянку, а подносчик замешкался и отстал от остальных. И в этот момент, когда, по-видимому, все солдаты и командир расчёта были уже в землянке, у самого входа разорвалась мина

шестиствольного миномёта, в результате всё укрытие было разрушено и весь расчёт погиб от непосредственного действия взрывной волны и прибит мощным накатом укрытия. Подносчик же, находившийся в открытой траншее в момент взрыва, был только высоко подброшен взрывной волной (по его рассказу до самой вершины высокой берёзы, которая здесь росла) и контужен. После двухнедельного отдыха он пришёл в себя, остался жив и здоров. Одновременно с первым орудием в зону обстрела попал и второй взвод, огневая позиция которого находилась через дорогу, где, правда, всё ограничилось тем, что загорелись пустые ящики от снарядов.

И в этот довольно тяжёлый для батареи момент со стороны Никольска двинулась на наши позиции вражеская пехота без всяких предосторожностей, в полный рост (вероятно, полагая, что нет никаких препятствий). Настораживающим было то, что наша пехота переднего края молчала (как потом выяснилось, здесь из стрелковых подразделений почти никого не было). Моя батарея, уже теперь в составе лишь трёх орудий, без промедления открыла огонь прямой наводкой: результат был мгновенным и наглядным – до 50 человек было уничтожено внезапным и метким огнём, остальная масса вражеских солдат была рассеяна и отступила. Ободрённые нашим огнём, застрекотали где-то справа и слева пулемёты, и положение было выправлено. Больше таких попыток со стороны противника не предпринималось.

В мае или июне 1943 года я был переведён на должность начальника штаба 3 дивизиона, батареи которого занимали оборону в районе Ям-Ижора, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений. Трудности обороны этого района состояли в том, что он примыкал к единственной в этом районе дороге, ведущей на передний край наших частей, а над всем районом господствовала высота Фёдоровское, которая была в руках противника. Это был постоянно опасный во многих отношениях участок обороны, почти всегда обстреливаемый противниками всеми видами огня – артиллерией, миномётами, пулемётами. Надо было всегда быть начеку, бдительным. Особенно тяжело было в период белых ночей, когда обстрел был фактически круглосуточным. Высота Фёдоровское в моей жизни осталась как-то зловещим знаком всего ужасного, кошмарного, постоянного угрожающего

твоей жизни, и эту угрозу устранить ты не в силах. Она до сих пор мне снится, и это ужасные сны.

Однако всему есть конец. Наступил конец и нашему стоянию в обороне. Таким днём было 14 января 1944 года. После длительной и серьёзной подготовки войска Ленинградского фронта двинулись в наступление, наш полк тогда входил в состав 67-й армии, которой предстояло наступать в направлении Тосно, Луги, Пскова. Главный удар наносила 2-я (ударная – прим. ред.) армия с Ораниенбаумского плацдарма и 42-я армия из района Пулково, что было для противника совершенно неожиданным, и эта внезапность усиливалась ещё характером и порядком организации артподготовки.

Огонь в период артподготовки 14 января 1943 года был организован на всех участках фронта, в результате атака наших войск застала противника врасплох.

На штаб 3-го дивизиона, начальником которого я был в период организации и проведения артподготовки, была возложена задача координации огня небольшой группы орудий ближнего боя на участке Ям-Ижора – Московское шоссе – Путролово. С этой задачей 3 дивизион, руководил которым тогда капитан Вайншенкер, хорошо справился.

После того, как был совершен прорыв обороны 2-й и 42-й армиями, двинулись и мы в наступление с частями 67-й армии. Наше преследование противника было очень стремительным, рубежи продвижения полка – Рындолово, Щумба, Рымбалово, Сусанино, Никольское, Горки, Михайловское, Вырица следовали один за другим в очень быстром темпе. Дороги и прилегающие снежные поля и леса были усеяны разбитой техникой противника, трупами его солдат. Все легко и радостно вздохнули: фронт тронулся, наступила возмездие за всё.

В начале февраля мы вышли на рубежи реки Луги и блокировали противника огнём в районе Толмачёво–Жельцы, где он пытался организовать оборону. Трудности действия нашей артиллерии в этом районе были невероятные: плохие лесные дороги, вообще их ограниченность, отнюдь не вездеходные машины, испытываемый тогда в условиях Ленинградского фронта недостаток горючего – всё это не могло не затруднять преследования противника, который стремительно катился от Ленинграда в юго-западном направлении, взрывая за собой мосты и коверкая полотна

фактически единственной дороги, пригодной для передвижения артиллерии. Одно из таких препятствий для нашего продвижения предпринял противник перед Лугой, взорвав мост через реку Лугу в районе Толмачёво-Жельцы. Поэтому командованием было принято решение оставить некоторую часть огневых средств для блокирования противника в районе Жельцы-Толмачёво, переправиться через Лугу левее и поддерживать огнём наступление наших частей во фланги Лужской группировки неприятельских войск. Этот манёвр в очень трудных условиях был осуществлён успешно и наш полк вместе с другими частями 67-й армии вступил в Лугу. За участие в этих событиях 289-му ИПТАП было присвоено звание Лужский.

После взятия Луги через некоторое время я был откомандирован из полка и лето 1944 года учился в Высшей Офицерской Артиллерийской школе, после окончания которой я участвовал в боях на территории Германии в составе 1-го арткорпуса прорыва в должности командира дивизиона. Закончил свой боевой путь на дальних подступах к Берлину, был тяжело ранен и контужен 9 февраля 1945 года на реке Нейсе. На территории Германии война была уже другой – и условия, и характер боевых действий: динамизм боя, хорошие дороги, великолепные машины, бесперебойное снабжение снарядами и горючим. Чувствовалось высокое военное мастерство во всех звеньях и инстанциях. Были новые люди, новые боевые товарищи. Но никогда не забыть мне 289-й ИПТАП, который был для меня школой не только артиллерийского дела, но и большой жизненной школой. И сейчас я часто вспоминаю это время и людей полка – как тех, кого уже нет в живых, так и ветеранов полка.

Кроме Володи Терибуна, о котором я уже говорил, я всегда помню А. Ершова, с которым нас связывала дружба. Он так же, как и я, был сельским учителем в Удмуртии, погиб он под Красным Бором. Жизнь многих и многих молодых людей была оборвана тогда преждевременно, но все они остались в нашей памяти юными, смотрящими смело в будущее. Особенностью моего поколения была его готовность пойти на смерть, если это требовалось интересами великого дела, интересами Родины, и делалось это без громких слов, без рисовки, как нечто само собой разуме-

ющееся. Вот уже несколько лет думаю, что надо бы собрать сведения о всех людях нашего полка, вспомнить их добрым словом, чтобы ныне живущие люди знали о них, хотя их жизнь оборвалась слишком рано. Когда возвращаюсь в мыслях к прошлому, постоянно звучат в сознании слова Юлиуса Фучика: «Об одном прошу тех, кто переживёт это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придёт день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого своё имя, свой облик, свои чаяния и надежды...» Этот не выполненный перед нашими бывшими товарищами долг не даёт покоя.

Нас, ветеранов ИПТАП, ныне живых, осталось немного. Каждый из нас, имея за плечами разнообразный и теперь уже немалый жизненный опыт, как самую главную часть его ценит опыт дней войны, где было всё – опасность смерти, боевые трудности, величайшее напряжение жизни, наша молодость, прошедшая в столь необычайных условиях. Хотя мы не так часто встречаемся (1–2 раза в год), но мы хорошо знаем, понимаем, ценим друг друга. Для меня дорогими на всю жизнь, неповторимыми, интересными людьми на всю жизнь остались многие однополчане. Прежде всего, несмотря на многие прошедшие после войны годы, ветеранский состав полка оказался спаянным памятью и дружбой прошлых военных дней. Думаю, не последнюю роль в этом сыграла личность бывшего командира полка полковника П.С. Ляшенко. Его требовательность и, вместе с тем, заботливость о своих людях, доступность, энергия и жизнерадостность – черты весьма ценные для руководителя любого коллектива. Нельзя обойти молчанием и предать забвению также таких людей, как начальник штаба полка подполковник Смирнов, уже умерший по окончании войны, и ПНШ-1* подполковник А.М. Гиммельфорб. Известно, что управление таким сложным организмом, каким является артиллерийский полк, требует от работников штаба чёткости, умения всё учесть и предусмотреть, точности ума и постоянной собранности. Именно этими качествами обладали начальник штаба, в прошлом инженер, и его

* ПНШ-1 – помощник начальника штаба по оперативной работе (прим. ред.).

первый помощник, журналист, филолог по образованию. Их умение подняться над своими гражданскими профессиями, стать высококвалифицированными мастерами своего военного дела – это уже само по себе говорит о богатстве личности, многогранности характера. Оригинальными личностями были командиры дивизионов майор Холодов, полковник Шевченко, подполковник П.Н. Корнилович. Двое из них были моими непосредственными начальниками. Это, прежде всего, полковник Шевченко – кадровый офицер, образованный, высококультурный артиллерист, человек обаятельный, любивший своих подчинённых, своё дело. Человеком другого типа был Вайншенкер, в прошлом инженер-химик. Несмотря на свои сугубо гражданские черты характера, он был высококвалифицированным офицером, мастером своего дела, деловые и человеческие качества которого я смог со всей полнотой ощутить уже потом, оглядываясь на пройденный мной жизненный путь и прежде всего на тот его отрезок, который был связан с войной. Яркой, запоминающейся фигурой в полку был и остался подполковник П.Ф. Корнилович – энергичный, волевой командир, постоянно собранный человек, он всё делал «на полную мощность». Вернувшись после войны к своим гражданским делам, он много лет работал деканом в одном из технических ВУЗов Ленинграда. Все знали в полку и любили капитана Холодова, который умел творчески решать все боевые дела, которые на него возлагались. Он получил в период боёв по деблокированию Ленинграда жестокое черепное ранение, но чудом выжил, сумел закончить ВУЗ и ныне работает директором одного из заводов в Ульяновске.

В составе группы офицеров из Томска со мной прибыл П.Я. Дорошенко. Мы

начали вместе с ним службу в должности командиров огневых взводов, потом наши военные дороги разошлись, он был переведён в другую часть, служил много лет после окончания войны. Ныне он живёт в Ленинграде. Человек он исключительно интересный, находчивый в любых условиях, киевлянин по происхождению, он никогда не терял оригинального своего украинского юмора.

Наконец, никто из нашего полка не может забывать тех людей, без которых бы пушки не могли стрелять. Это начальник артснабжения подполковник А.С. Синенко и его великолепные «подмастерья», из которых я был прежде всего связан с И.И. Кудашевым. И тот, и другой являются сейчас ядром нашего ветеранского совета. Но о них надо сказать, пожалуй, особо. Да и вообще обо всех надо подробно что-то написать. Думаю, что кто-то из нас, ныне ещё живых однополчан, в какой-то форме это должен сделать.

В заключение же моих воспоминаний я не могу не упомянуть о Любе Богдановой (ныне Цыпаниной), боевая жизнь которой – легенда. Она окончила в год начала войны среднюю школу и сразу же пошла добровольцем на фронт, она была связисткой на самых опасных участках, получила тяжёлое ранение и контузию в Красноборской операции 1943-го г., чудом каким-то была возвращена к жизни и после госпиталя снова вернулась в строй. Она проделала свой боевой путь с полком вплоть до последних дней войны, находясь многократно в самых острых ситуациях. Имея богатую военную биографию, она сохранила удивительную скромность и неиссякаемую жизнерадостность.

Это отнюдь не всё, что хотелось бы сказать о людях 289-го ИПТАП. Надеюсь, будет время и возможность вернуться к этому.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 394.3
ББК 63.5 (этнография)

А.Д. Рудинская

«ДУОБАТ» – НАСТОЛЬНАЯ ИГРА ДОЛГАН: ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ

Описывается практика выявления, воссоздания и сохранения предметов материальной культуры малочисленного народа Севера – долган.

Ключевые слова:

бивень мамонта, Восточная Сибирь, долганы, материальная культура, музейная коллекция, настольная игра, Таймыр.

Сторонники диффузионизма¹, одного из направлений в изучении культуры, считали, что «именно предметы материальной культуры определяют развитие и распространение той или иной культуры и могут выступать объективным предметом исследования, потому что они гораздо дольше удерживаются и сохраняют свою форму и ареал распространения по сравнению с другими аспектами культуры» [2, с. 55–56]. Этнографические предметы передаются от одного народа к другому в результате многовековых контактов между ними.

Красноярский край многонационален. Перепись населения 1989 г. зафиксировала 124 национальности, которые подразделяются на три этнические группы – русское (87,6%), пришлое нерусское (11,7%) и коренное население (0,7%). И хотя первые две группы составляют подавляющее большинство (99,3%), коренное население не растворяется среди них, а имеет четко выраженные этнические территории, ареалы своего обитания. Таковы долганы, ненцы, эвенки, нганасаны, кеты, энцы, селькупы.

Долганы – малочисленная народность, проживающая на севере Красноярского края. Своеобразна культура долган Восточного Таймыра, которая является частью общечеловеческой культуры и создана человеком в зависимости от сочетания при-

родных и иных условий существования [1, с. 15]. Александр Федорович Миддендорф в своих трудах «Путешествие на Север и Восток Сибири», изданных Таймырским заповедником (2004, 2006 гг.), писал о долганах следующее: «С напряженным любопытством я рассматривал кочевников этого баснословного племени, с которыми впервые мне удалось встретиться на Енисее, в Дудине (69 1/2° с. ш.); туда явились долганские старшины, чтобы ближе условиться насчет того, каким образом и чрез какие пространства Авамской тундры они мне помогут перебраться на своих упряжных животных. Вскоре оказалось, что долганы живут на гораздо большем пространстве, чем можно было предполагать по их немногочисленности, равно как по неизвестному имени их, и что они не только были кочевники, но отчасти занимали также самые северные поселения всего Таймырского края... Хотя они по-русски знали больше тунгусов Норильского края, но они строже их придерживались старинных нарядов, обычаев и нравов» [3, с. 688–689]. Долганы и сегодня чтят свои традиции, говорят на родном языке, носят традиционную одежду, хотя живут осёдло и давно покинули чумы и балки (фото 1).

Государственный природный биосферный заповедник «Таймырский» с мо-

мента организации в 1979 г. не оставался в стороне от решения проблем этносов, сохранения и развития территории традиционного природопользования долган и нганасан. Для проведения целенаправленной работы в данном направлении в заповеднике созданы все необходимые условия. Образован специализированный отдел (с 1979 г.), ведущий эколого-просветительскую деятельность с населением, в котором действует сектор этнографии и музейного дела, введена штатная единица заместителя директора по экологическому просвещению населения. При заповеднике создан и функционирует Музей природы и этнографии (с 1993 г.), который являет собой хранилище предметов материальной культуры и историко-этнографического наследия долган и нганасан, и за 16 лет своей деятельности стал центром экспозиционной и просветительской работы с населением.

Разнообразны коллекции музея, здесь представлены чучела птиц, великолепно сохранившиеся останки доисторических животных. Интерьер музея дополняют творческие работы фотохудожников и орнитологов из Франции, стенды и выставки фоторабот сотрудников научного отдела заповедника по природе Восточного Таймыра. Музей располагает богатой научной библиотекой, уникальной видеотекой. Особый интерес у посетителей вызывает собрание предметов быта долган и нганасан.

Работа мастера Пою

Среди музейных экспонатов выделяется настольная игра долган «Дуобат». Доподлинно известно, что выполнил работу – Жарков Прокопий Макарович (долганское имя – Пою), 1901 года рождения, долганин, охотник, он всю жизнь кочевал вместе с семьей сестры, умер в возрасте 60–65 лет. В 1988 г. коллекция была передана автором данной статьи в музей, где и хранится по настоящее время (фото 2).

«Дуобат» – настольная игра вроде русских шашек. Влияние культуры русских настольных игр очевидно. «Шашки – настольная игра на 64-клеточной доске для двух партнёров, у каждого по 12 фишек, также называемых шашками. Цель – уничтожение шашек соперника или создание положения, при котором у них нет ходов», – такое разъяснение «Русских шашек» дает нам энциклопедия [4, с. 61]. В долганской настольной игре «Дуобат» сохранились условия и цель игры в русские шашки, но изменилась форма: вместо чер-

ных и белых фишек, здесь причудливые женские и мужские фигурки, причём, женские фигурки – плоские пластины с резными узорами, а мужские фигурки – резные башенки и пирамидки на ножках.

Традиционно долганский «Дуобат» изготавливали из бивня мамонта, дерева, рога оленя. Способы обработки бивня мамонта очень подробно описал А.А. Попов в своих трудах по этнографии: «...довольно распространено среди долган употребление мамонтовой кости, сравнительно в большом количестве находящей на севере. ... Мамонтовая кость перед обработкой кладется в холодную воду на один день, если толстая – на три-четыре дня. До самого недавнего времени кость отёсывали топором; при этом получалось много неиспользуемого щепья» [5, с. 275–276] (далее автор описывает инструменты, используемые при изготовлении *нащётчиков*²). В нашем же случае для изготовления набора «Дуобат» нужен лишь острый нож с коротким и узким лезвием. И остается лишь поражаться тому, как виртуозно им владеет мастер, как «попослушна» кость его ловким пальцам. И, как писал А.А. Попов, «...следует отметить особенность долганского производства, а именно: удивительную тщательность работы, придающую даже каждой незначительной вещи изящество, желание мастера выпускать из своих рук каждый предмет красивым и приятным на вид, несмотря на большое количество затрачиваемого труда при наличии довольно примитивных орудий производства» [5, с. 255].

Фигурки «Дуобат» работы мастера Пою выполнены ножом. Всего найдено и сохранилось 10 фигурок: 5 – женских и 5 мужских. Две фигурки из десяти были переданы в Орловский музей. В музее природы и этнографии находятся три женские фигурки и 3 мужские фигурки:

1-я женская фигурка – высота – 6 см; ширина – 2 см; толщина у основания 0,8 см; толщина верхней части (ажурной пластины) – 0,1 см;

2-я женская фигурка – высота – 5 см; основание овальной формы – длина овала – 2 см; ширина – 0,10 см;

3-я женская фигурка – высота – 3 см; основание овальной формы – длина овала – 2 см; ширина – 0,7 см;

1-я мужская фигурка – представляет собой пирамидку на ножке – высота – 6 см; ширина и толщина у основания 1,5х1,5 см;

2-я мужская фигурка – представляет собой шахматную пешку с двойным «воротничком» и двойным «подворотничком»

Фото 1. Долганы из поселка Хета Хатангского района

Фото 2. Дубчат работы мастера Пою

одинакового диаметра равного 0,7 см, – высота – 5 см; диаметр основания – 1,5 см;

3-я мужская фигурка – представляет собой шахматную пешку диаметр у основания 1,5 см.

Сохранность коллекции «Дубчат» неполная, и было необходимо их восполнить, восстановить.

Ажурная резьба по бивню мамонта

В 2004 г. мы обратились за помощью к Василию Ивановичу Батагай, художнику-мастеру косторезу (фото 3). Родился Василий Иванович в поселке Кресты Хатангского района в семье, где с уважением относятся к традициям предков, придерживаются народных обычаев. Обучался в Норильском колледже искусств и получил квалификацию «художник-мастер, руководитель кружка по декоративно-прикладному искусству». В.И. Батагай – дважды лауреат Премии Бориса Молчанова в номинации «Художественная выставка» и «Резьба по кости и дереву». Мастер работает в нескольких направлениях: техника резьбы по кости и дере-

Фото 3. Художник-косторез В.И. Батагай в музее Огдо Аксёновой, 2004 г.

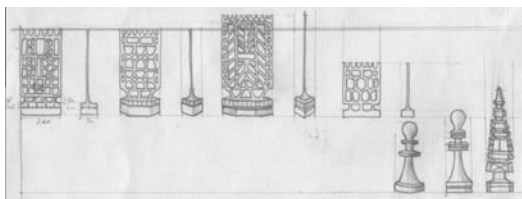

Фото 4. Эскиз дуобат

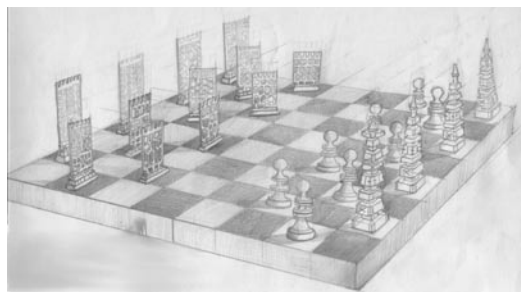

Фото 5. Эскиз коллекции дуобат на игровой доске

Фото 6. Набор насадок на бормашину мастера Г. Мацакова

Фото 7. Мужские фигурки новой коллекции дуобат

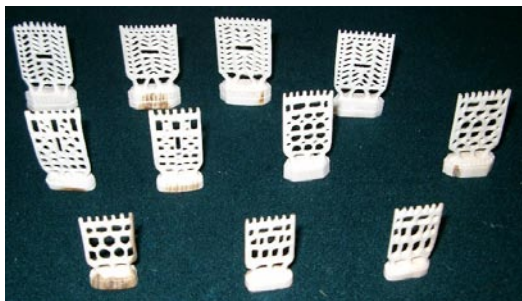

Фото 8 (справа). Женские фигурки новой коллекции дуобат

Фото 9. Восстановленная коллекция дуобат

Фото 10. Женские и мужские фигурки, выполненные Пою и Г. Мацаковым

ву, декоративная вышивка, изобразительное искусство (акварель).

Творческая жизнь Василия Батагай очень насыщена – участие в художественных выставках, конкурсах, конференциях, молодежных форумах, работа по обучению детей косторезному мастерству. Если хронологически выстроить всю работу художника, то получится очень светлая и колоритная картина: 2001 г. – Всероссийская выставка в Москве; 2003 г. – открытый чемпионат ледовых скульптур в Якутске; 2004 г. – персональная выставка «Свет Полярной звезды» и участие в творческой выставке мастеров-косторезов «Во времена мамонтов» в Париже. Работы мастера-художника выставляются в Норильске, Хабаровске и других городах. Несмотря на большую занятость, мастер согласился взяться за работу. Он произвел все необходимые замеры, затем на бумаге в точности восстановил очертания женских и мужских фигурок настольной игры, выполнив прекрасные эскизы (фото 4, 5).

По готовым эскизам предстояло изготовление коллекции «Дуобат». За это нелёгкое дело взялся Геннадий Евгеньевич Мацаков (1966–2006 гг.) – художник-оформитель музея природы и этнографии. Геннадий Мацаков был художником от природы, его творческие работы по кости мамонта выставлялись в музее. Через руки мастера прошло много постоянных и временных экспозиций музея. Он с охотой взялся за работу по восстановлению коллекции «Дуобат». Для выполнения такой тонкой работы был нужен хороший материал, то есть бивень хорошей сохранности, без трещин. Инструменты у мастера были свои. Это – электрическая бормашина с различными насадками (фото 6).

Резьбой по кости Геннадий занимался серьезно. В Музее хранятся эскизы его

работ по бивню мамонта на разные темы: животные, птицы, бытовые картины из жизни северных народов. Отец Геннадия – художник, его рисунок, где эвенк-каюр берет на стойбище врача, сохранился в музее природы и этнографии. Не сразу шла работа, как того хотелось. Бивень мамонта требовал особого подхода. Нужны определенный температурный режим и уровень влаги. И все же через неделю мы смогли увидеть мужские фигурки новой коллекции настольной игры «Дуобат». Затем и женские фигурки. Вскоре вся коллекция красовалась на столе мастера (фото 7, 8).

Можно сказать с уверенностью, что каждая костяная фигурка существует в единственном экземпляре. Над каждой из них склонялся мастер, он вложил частичку души, таланта, творческого труда.

Работа по пополнению коллекции «Дуобат» лишний раз доказывает то, что не исчезло у долган народное ремесло – ажурная резьба по бивню мамонта, а, благодаря желанию молодых мастеров-косторезов, будет ещё долго удивлять мир неповторимыми образцами творчества (фото 9).

В 2005 г. Музей природы и этнографии пополнил свой фонд уникальной коллекцией «Долганский дуобат» из бивня мамонта, изготовленной Геннадием Мацаковым. И сегодня посетители останавливаются у стеклянной витрины, где можно увидеть прошлое и настоящее долганской настольной игры. Изделие работы мастера Пою на фото даны слева (фото 10).

Коллекция «Дуобат» раскрывает новые страницы в изучении особенностей материальной культуры долган. И в наше время она представляет научную и историко-культурную ценность как часть культурного наследия жителей Севера Сибири и как часть культуры народов мира.

Список литературы:

1. Зоркин В.И. Друг чукчей и эвенов (О писателе-путешественнике и ученом В.Г. Богоразе-Тане и его книгах) // Богораз-Тан В.Г. Восемь племен: романы и повесть. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1991. – С. 5–15.
2. Мареева Е.В. Культурология. Теория и история культуры: Учебное пособие. – 2-е изд., стереотип. – М.: Изд-во «Экзамен», 2008. – 447 с.
3. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. – СПб.: ООО «Издательство ГеоГраф», 2006. – 850 с.
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 20. Че-Яя. – М.: Большая Российская энциклопедия, ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006. – 255 с.
5. Попов А.А. Долганы. Собрание трудов по этнографии. Т. I / Сост. А.А. Барболина. – Санкт-Петербург: Дрофа, 2003. – 364 с.

¹ Диффузионизм – направление в изучении культур, основной предмет исследований которого – заимствование элементов культуры [3, с. 365].

² Нащечники – представляют собой две пластины из мамонтовой кости, орнаментированные резьбой, соединенные ремнями. Такие нащечники используют для недоуздовк пристяжных оленей – *примечание А.Р.*

«ВЕНЕРА, СНИМАЮЩАЯ САНДАЛИЮ» И.П.ВИТАЛИ И ЕЕ СЕМЕЙСТВО: ПОИСКИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ШЕДЕВРОВ

Описываются поиски послевоенных следов знаменитой коллекции скульптур герцога Лейхтенбергского из усадьбы «Сергиевка», итоги реставрации одного из шедевров – бронзовой скульптуры И.П. Витали «Венера, снимающая сандалию» и членов её «семейства».

Ключевые слова:

Венера, Витали И.П., гальванопластическая копия, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, русская скульптура, Сергиевка

Великолепный летний дворец герцога Лейхтенбергского стоит на верхней террасе южного побережья Финского залива, окруженный ландшафтным парком усадьбы «Сергиевка». Дворец построен в 1839–1842 гг. знаменитым архитектором А.И. Штакеншнейдером по повелению Императора Николая I к свадьбе его старшей дочери Великой княжны Марии, которая выходила замуж за г. Максимилиана Лейхтенбергского [1; 2; 14; 16]. Максимилиан Лейхтенбергский и Великая княгиня Мария Николаевна стали владельцами усадьбы «Сергиевка» и Мариинского дворца на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге, здесь хранилась богатейшая коллекция скульптуры, картин и декоративно-прикладного искусства. Коллекция включала в себя лучшие образцы западноевропейской и русской скульптуры первой половины XIX века [3; 8; 9; 10; 14; 18].

Благодаря инициативе крупнейших биологов Петроградского университета с июля 1920 г. усадьба «Сергиевка» вместе с дворцом, постройками и парком была передана вновь организованному Петергофскому Биологическому институту [15]. Большая часть оставшейся во дворце к 1941 г. скульптуры, к сожалению, погибла во время войны, поскольку территория усадьбы оказалась прямо на передовой линии обороны Ораниенбаумского плацдарма. Дворец и все здания усадьбы превратились в руины. Однако, благодаря усилиям ректората Университета и дирекции Биологического института к 1964 г. в основном было завершено послевоенное восстановление усадьбы и дворца.

У автора статьи были личные обстоятельства, побуждающие в дополнение к прямым профессиональным обязанностям ученого-биолога, а с 1974 – руководителя научного института, – заняться поисками, хранением, атрибутированием и реставрацией произведений искусства,

некогда украшавших интерьеры дворца, его террасы, газоны и фасады. Всей моей сложившейся научной карьере универсанта и личной судьбе я обязан Биологическому институту и усадьбе «Сергиевка».

История создания мраморной скульптуры «Венера, снимающая сандалию» (1852). Среди искусствоведов и любителей искусства широко известна мраморная статуя «Венера, снимающая сандалию» (рис. 1), ныне экспонируемая в Академическом зале Русского музея. Скульптура была исполнена И.П. Витали по личному заказу Императора Николая Павловича, благоволившего работе ваятеля. В качестве образца им была предложена скульптору небольшая античная бронзовая статуэтка, хранившаяся в императорской коллекции Аничкова дворца.

Изготовление гипсовой модели «Венеры» Витали осуществлял в классе скульптуры Академии художеств. К лету 1851 г. работу представили Николаю I. Император был восхищен гипсовой статуей и повелел изготовить с неё мраморную скульптуру. К декабрю 1852 г. И.П. Витали выполнил заказ. О высочайшей императорской оценке скульптуры говорит тот факт, что уже в конце декабря 1852 г. ваятель был награжден Орденом Св. Анны 2-й степени, украшенным Императорскою короною, а также 10 000 руб. серебром.

Исполненная И.П. Витали мраморная Венера сначала была установлена в Ротонде – императорской столовой Зимнего дворца, но вскоре перемещена в Зал русской скульптуры Нового Эрмитажа. На одной из акварелей Л.О. Премацци видно, что среди многих скульптур только Венера обнесена ажурной бронзовой оградкой, в чем, без сомнения, отразилось особое внимание императора к этому произведению.

В 1897 г. из Эрмитажа статуя Венеры была передана в созданный Императорский Русский музей имени Александра III

и заняла одно из центральных мест в Академическом зале Михайловского дворца. Начиная со ставшего классическим «Каталога Русского музея» барона Н.Н. Врангеля, практически ни одно из серьезных изданий по истории русского искусства не обходилось без воспроизведения этого известнейшего произведения И.П. Витали [4; 5; 6; 7]. Из всех статуй Венеры этого семейства у мраморной судьба сложилась наиболее счастливо. Даже в годы Великой Отечественной войны она избежала повреждений – заботливые руки музейных работников перенесли её в подвал Михайловского дворца.

Императорское повеление создать семейство Венер. Еще до изготовления мраморной Венеры Николай I распорядился выполнить гальванопластические копии для двух своих дочерей – Марии и Ольги. В это время в России успешно внедрялась гальванопластика – революционный тогда технический метод для копирования скульптуры, который входил в сферу научных интересов академика Б. Якоби. Известный мастер-гальваник И. Гамбургер имел в Санкт-Петербурге мастерскую и выполнял заказы по изготовлению копий. У истоков создания научных основ гальванопластики в России находился герцог Лейхтенбергский, его гальванопластическому и литейному заведению и была заказана одна из копий «Венеры», другая изготавливалась в мастерской И. Гамбургера. На вопрос, почему император сделал одновременно заказы двум конкурирующим фирмам, до сих пор нет однозначного ответа.

Только недавно, благодаря исследованиям крупнейшего знатока русской и западноевропейской скульптуры Е.В. Карповой, были найдены и опубликованы архивные материалы, позволяющие уверенно говорить о судьбе двух гальванопластических копий, которые были представлены императору в начале 1852 года [5]. Работа мастерской И. Гамбургера, получив высочайшее одобрение, была назначена к отправке в Германию в Штутгарт великой княгине Ольге Николаевне, к этому времени ставшей королевой Вюртембергской.

Одновременно мастер получил от императора новый заказ на изготовление еще одной копии статуи Витали для установки на Ольгином острове в Петергофе. С этим заказом Гамбургер также справился блестяще, гальванопластическая копия Венеры, была установлена на круглом гранитном пьедестале около Ольгина павильона. Следы этой Венеры потеря-

лись в годы Великой Отечественной войны, и сегодня мы ничего точно не знаем о её судьбе.

Венера Сергиевская – история создания и судьба. Удивительно, но работа заведения герцога Лейхтенбергского была найдена неудовлетворительной, и последовало императорское указание сделать другой экземпляр. Новая Венера, одобренная государем, была назначена в дар старшей дочери – великой княгине Марии Николаевне, и перемещена из Зимнего дворца, где временно находилась гальванопластическая мастерская герцога Лейхтенбергского, в Мариинский дворец, а позднее в усадьбу «Сергиевка» в Старом Петергофе (рис. 2). Венера Сергиевская была установлена в приемной Марии Николаевны на первом этаже дворца. Судьба этой Венеры сложилась весьма драматично [6; 7; 11; 12; 13]. На ее долю выпали суровые испытания. В августе 1941 г. богатую коллекцию скульптуры дворца Лейхтенбергского не удалось эвакуировать; более того, не удалось хоть каким-то образом упрятать её и уберечь... В июле 1960 г., в период моей студенческой преддипломной практики, из-под развалин дворца студентами университетского строительного отряда была извлечена сильно поврежденная статуя Венеры (рис. 3). Тогда казалось, что вернуть ей прежнее величие и красоту будет невозможно...

В 1999 г., к 275-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета мне, тогда уже директору БиНИИ, казалось совершенно необходимым попытаться восстановить эту замечательную скульптуру. Я пригласил моих коллег – физиков В.И. Цибулю и В.В. Берцева для выполнения необходимых реставрационных работ под контролем специалистов КГИОПа (рис. 4). Во время работы над воссозданием первоначального облика статуи судьба свела меня с известным специалистом по русской скульптуре – О.А. Кривдиной, ведущим научным сотрудником Государственного Русского музея (ГРМ). Именно ей мы обязаны разгадке той ситуации, когда Николай I сделал повторный заказ своему зятю, поскольку выполненная им первая гальванопластическая копия оказалась неудовлетворительного качества. Секрет раскрылся 30 апреля 1999 г., когда я пригласил комиссию специалистов ГРМ для приемки выполненных реставрационных работ. Стало ясно, что перед нами не гальванопластическая копия, а авторский бронзовый отлив Венеры И.П. Витали!

12 мая 1999 г. на торжественном Ученом совете Биологического института СПбГУ

возрожденная «Венера» вновь встала на свое место, украсив дворец Лейхтенбергского в «Сергиевке». «Венера» вызывает восторг и восхищение, как прекрасное творение великого мастера, как пример кропотливого труда реставраторов и бережного отношения универсантов к памятникам национальной культуры, как волшебная нить в памяти современников [8; 9; 10; 14].

Обложку монографии О.А. Кривдиной «Иван Петрович Витали...» (2006) украшает цветная репродукция бронзовой скульптуры «Венера», о которой еще 10 лет тому назад мало кто знал даже в кругах специалистов, искусствоведов и музейных работников [7].

В декабре 2009 года, после одного из очередных публичных выступлений на эту тему я получил в качестве благодарной реакции вот такие стихи сотрудницы Центральной районной библиотеки Петергофа, выпускницы филфака Ленинградского университета (1986 г.) И.С. Ивановой:

Она одну сандалию сняла
И принялась развязывать другую...
В одно движение – целый мир вплела,
Другим – спустила тетиву тугую.
Из всех прелестниц Эта – сверх похвал,
И у богини имя есть – Венера...
И звездный дождь ей плечи покрывал,
А в наших душах пробуждалась Вера
В добро людей: ведь дав вторую жизнь,
Они остались скромными друзьями.
Судьба скульптуры, счастливо вершись!
Мы станем лучше, раз теперь Ты – с нами!

«Судьба скульптуры, счастливо вершись!». Спустя 10 лет ко мне обратился генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Вадим Валентинович Знаменов с просьбой предоставить возможность сделать с «Венеры Сергиевской» форму для выполнения бронзовой копии «Венеры» Ольгина острова в Петергофе, утраченной в годы войны (рис. 6). В качестве «компенсации» за использование скульптуры я попросил выполнить завершающие реставрационные работы и провести патинирование скульптуры.

В ноябре-декабре 2008 г. формы для отливки бронзовой копии были изготовлены. В это же время с «Венерой Сергиевской» были проведены необходимые завершающие реставрационные работы и патинирование. Помолодевшая «Венера Сергиевская» снова заняла свое место в зале дворца г. Лейхтенбергского. В Международный день музеев – 18 мая 2009 г. на Ольгином острове около Ольгина павильона на сохранившемся историческом круглом гранит-

ном пьедестале была установлена новая бронзовая статуя – копия «Венеры, снимающей сандалию» И.П. Витали (рис. 7). Так началась жизнь «Венеры Ольгиноостровской»...

«Случайное» рождение «Венеры Румянцевской». При изготовлении бронзовой скульптуры в качестве промежуточного технологического этапа неизменно появляется гипсовая копия, состоящая из отдельных фрагментов. С них изготавливают формы для отлива отдельных сегментов скульптуры, которые потом соединяют крепёжными шпильками, зачеканивают швы, полируют поверхность, патинируют созданную копию.

После завершения всех работ гипсовую модель уничтожают, дабы исключить несанкционированные попытки копировать шедевры. Однако в силу добрых творческих отношений партнеров по проекту копирования «Венеры» мне удалось получить согласие на изготовление из фрагментов цельной гипсовой копии статуи. И на свет появилась новая Венера, предназначенная для особняка Румянцева, в котором сейчас располагается филиал Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Особняк Румянцева на Английской набережной Невы на исторических путях скульптурного семейства Венер И.П. Витали возник, конечно, не случайно – дворец с 1882 по 1916 г. был резиденцией потомков Лейхтенбергских, им владел младший сын Максимилиана Лейхтенбергского – г. Евгений Максимилианович. Учитывая положительные результаты моих предварительных консультаций с заведующей отделом «Особняк Румянцева» Т.М. Шмаковой, принимая во внимание высокую художественную ценность скульптуры «Венера», было выражено намерение передать скульптуру в дар ГМИСПб для последующего экспонирования в Особняке Румянцева.

Директор музея А.Н. Колякин с благодарностью принял наше предложение о передаче в дар музею гипсовой копии скульптуры И.П. Витали. Он мудро отметил, что статуя Венеры не только украсит интерьеры особняка Румянцева, но и станет напоминанием о сложных и интересных страницах жизни обитателей дома, о пересечении судеб потомков Румянцевых и Лейхтенбергских. Дарственная передача скульптуры была оформлена юридически. Пополнение коллекции крупнейшего исторического музея северной столицы и России шедевром русского классицизма

Рис. 1. Венера, снимающая сандалию. И.П. Витали. 1852. Мрамор. Государственный Русский музей. Фото – апрель 1999 г.

Рис. 2. Парадный вход дворца герцога М. Лейхтенбергского. Усадьба «Сергиевка». Старый Петергоф. Открытка, около 1907 г.

Рис. 3. Венера Сергиевская. Поврежденная скульптура, только что извлеченная из-под развалин дворца. Фото – июль 1960 г.

Рис. 4. «Венера Сергиевская». Момент реставрации: сборка отломанных частей скульптуры. Универсанты-физики: В.И. Цибуля и В.В. Берцев. Фото – февраль 1999 г.

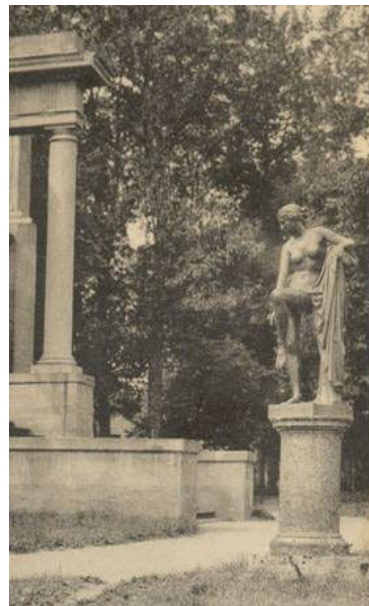

Рис. 6. Венера. Гальванопластическая копия (1852). Петергоф. Ольгин остров. Открытка, около 1907 г.

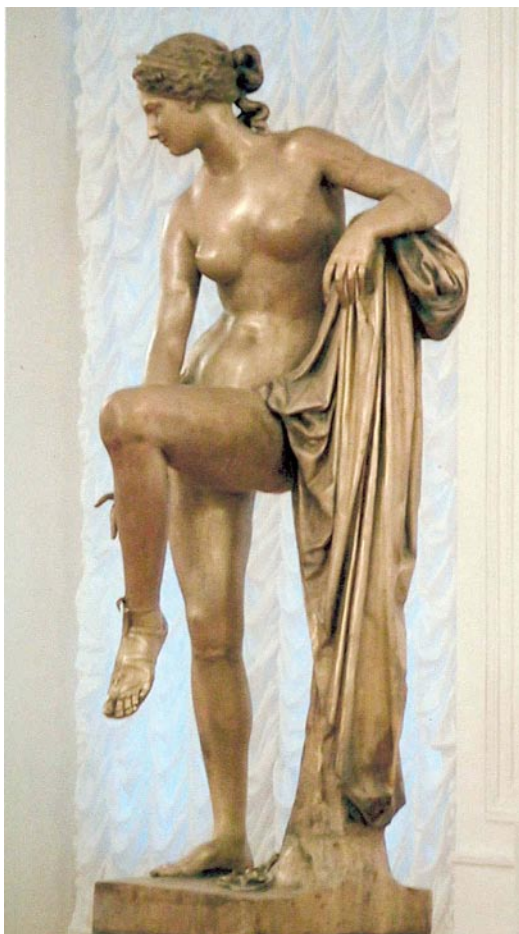

Рис. 5. Венера, снимающая сандалию (Сергиевская). Авторский бронзовый отлив И.П. Витали (1853). После завершения реставрационных работ, зал дворца герцога М. Лейхтенбергского, Усадьба «Сергиевка». Фото – май 1999 г.

Рис. 7. «Венера Ольгиноостровская». Бронзовая копия. ГМЗ «Петергоф». Фото – 18 мая 2009 г.

середины XIX в., – конечно, неординарное событие.

О.А. Кривдина (ГРМ) оказала консультации по вопросам предпочтительного места установки скульптуры в помещении особняка Румянцева, по размерам и форме мраморного пьедестала и его цвету. Т.М. Шмакова способствовала закупке мрамора и изготовлению мраморного пьедестала. Реставратор-художник ГРМ М.С. Галимов выполнил необходимые работы по сборке фрагментов скульптуры и подтонировал ее поверхность под мрамор.

22 июля 2009 г. на торжественном заседании, посвященном 85-летию со дня рождения бывшего директора музея Л.Н. Беловой, в присутствии многочисленных работников музеев города и любителей искусства, была осуществлена передача гипсовой копии скульптуры «Венеры» Ви-

тали в особняк Румянцева. Скульптуру установили на площадке парадной мраморной лестницы дворца.

Я надеюсь, что эта совместная акция вполне соответствовала изначальному духу Румянцевского музея как «храма муз» и «центра науки» Санкт-Петербурга и поддержала его славные традиции по сохранению историко-культурных ценностей России. Вот уже полтора столетия, пройдя через тернии исторических испытаний, скульптуры семейства Венер И.П. Витали пребывают в раю, хранимые дворцами Санкт-Петербурга и Петергофа.

Автор выражает искреннюю благодарность за неоценимую помощь при подготовке статьи Е.В.Скоробогатовой, за предоставленные ценные материалы к статье – И.А. Рудоквас, И.О. Пащинской, Д.Д. Федосенко и Ж.М. Залуцкой.

Список литературы:

1. Гушин В.А. Дворец Лейхтенбергского / Утраченные памятники Петергофа – СПб., 1999. – 28 с.
2. Гушин В.А. А.И. Штакеншнейдер и парк Сергиевка. – Петергоф, 2000. – 32 с.
3. Денисов Ю.М. Скульптура в собрании герцога Лейхтенбергского в Мариинском дворце // Проблемы развития зарубежного и русского искусства / Сб. научн. трудов / СПб.: – Российская академия художеств, 1995. – С. 62–65.
4. История русского искусства. Т. 5. Скульптура / Под ред. И.Э. Грабаря. – М.: Изд-во И. Кнебель, 1913. – 416 с.
5. Карпова Е.В. К изучению статуи И.П. Витали «Венера, снимающая сандалию» // Русская и западноевропейская скульптура XVIII– начала XX века: Новые материалы. Находки. Атрибуции. – СПб.: Искусство–СПб, 2009. – С. 132–143.
6. Кривдина О.А. «Венера» И.П. Витали // Санкт-Петербургский университет. – 1999, № 11 (3507), 7 мая. – С. 39–44.
7. Кривдина О.А. Иван Петрович Витали. Летопись жизни и творчества скульптора. – СПб.: Сударыня, 2006. – 176 с.
8. Кривдина О.А. Коллекция скульптур Лейхтенбергских // Санкт-Петербургский университет. – 2002, № 3597, 20 апреля, специальный выпуск. – С. 11–13.
9. Кривдина О.А. Коллекция скульптуры Лейхтенбергских // Юный художник. – 2001, № 5. – С. 14–16.
10. Кривдина О.А. Скульптура дворца герцога Лейхтенбергского и парка усадьбы «Сергиевка» Биологического института СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. – 2000, № 20 (3543), 11 сентября. – С. 26–32.
11. Осипов Д.В. Венера, возрожденная в университете // Санкт-Петербургский университет. – 2006, № 12–13, 6 июня. – С. 30.
12. Осипов Д.В. Возрождение бронзовой «Венеры» (Интервью с Е. Голубевым) // Санкт-Петербургский университет. – 1999, № 11 (3507), 7 мая. – С. 35–38.
13. Осипов Д.В. Возрождение бронзовой «Венеры» (Интервью с Е. Голубевым) // Санкт-Петербургский университет. – 2002, специальный выпуск (3597), 20 апреля. – С. 20–22.
14. Осипов Д.В. Возвращение утраченных шедевров: Поиски, атрибутирование и реставрация произведений из коллекции скульптур герцога Лейхтенбергского в усадьбе «Сергиевка» // Сборник статей по реставрации скульптуры и мониторингу состояния памятников в городской среде. – СПб.: Союз Дизайн, 2008. – С. 95–106.
15. Осипов Д.В. Судьба моя, Сергиевка. Дворцово-парковый ансамбль в Старом Петергофе как средоточие науки, искусства и природы // Покровитель искусств и наук. МЕЦЕНАТ. – 2006, № 6–7, июль–август. – С. 58–60.
16. Осипов Д.В. Царский венец – золотой, хрустальный, зеленый // Санкт-Петербургский университет. – 2000, № 20 (3543), 11 сентября. – С. 19–23.
17. Особняк Румянцева и его владельцы / Буклет. – СПб.: Государственный музей Истории Санкт-Петербурга ASGARD, 2004. – С. 22.
18. Павлова Н.Ю. Судьба наследства герцогов Лейхтенбергских в России // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 5. – СПб., Государственный музей Истории Санкт-Петербурга. 1997. – С. 202–217.

СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО БУРЯТИИ: ПОИСК МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются формы воплощения мифопоэтического понимания мира в творчестве современных представителей художественной культуры Бурятии Б. Дугарова, Д. Бадлуева, А. Цыбиковой, Д. Намдакова. Проблемы поиска национального стиля в искусстве, корреляции общеевропейского художественного языка и этнических традиций рассматриваются с позиций ментальных оснований культуры.

Ключевые слова:

Бадлуев Д., Дугаров Б., ментальность, ментальные основания, Намдаков Д., современная художественная культура Бурятии, традиционная культура, Цыбикова А.

Ментальные основания культуры коренятся в совокупности стереотипов мышления и поведения, в виде не до конца осознаваемых знаний о мире и человеке, выраженных в символической форме и закрепляемых в процессе общения. Ментальность называют «подсознанием» культуры [8, с. 208] и возводят, обычно, к древности. Однако это не есть нечто абсолютно неизменное: «менталитет народа – это процесс. Поэтому диалог, который уходит корнями в историю народов, не может быть прекращен и в развивающейся живой духовной культуре настоящего... Менталитет – это процесс, и подобно всякому реальному бытию, он есть, но он ежесекундно изменяется» [10, с. 45–46]. Часто отождествляют ментальность и «национальный характер», хотя, на наш взгляд, эти понятия принадлежат разным научным традициям и рассматривают явления социальной реальности под разными углами зрения. В современном научном дискурсе рефлексия менталитета порой поглощает проблематику национальных и этнических традиций, что также не совсем верно.

Взгляд философа на ментальность отличается от подхода искусствоведа или культуролога. С точки зрения философа, менталитет народа – это его жизненная философия, «способ выражения предельных оснований для жизненной стратегии, которая затем выражается в жизненных тактиках и в каждом отдельном поступке». Представители высокой профессиональной культуры (философии, теологии, литературы, искусства) находят «импульсы для своего вдохновения именно в жизненной философии народа, которая и представляет собой некую посредствующую область между повседневной практической деятельностью народа и профессиональной философией» [9, с. 161–177].

Обращение к современному искусству Бурятии дает возможность продемонстрировать значимость самой идеи менталитета для художников, а также формы и способы проявления ментальных оснований культуры в современном художественном творчестве. Важно отметить, что наряду с осознанным и продуманным обращением к образно-символическому языку этнической культуры, обнаруживаются интуитивные «прорывы» в область традиции, обладающие высокой степенью художественной убедительности и заставляющие поверить в «подсознательное», по крайней мере, не вполне отрефлексированное присутствие в современности неких знаний о мире и человеке, укорененных в архаике.

Проблема знаково-символических возможностей языка как выразителя специфических, глубинных национальных особенностей, как исходной сферы ментальности заинтересовала представителей художественной культуры давно. Так, интерес феноменом является двуязычный писатель, осознающий различия языков, например, в интенсивности проявления эмоций. Размышления над этими особенностями и сама возможность свободного выбора вместе с языком выразительных средств, составляла часть творческого метода В. Набокова. Писатель в изобразительно-выразительных возможностях русского и английского языков увидел заложенную в них ментальность: «Телодвижения, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое, а также все грубое выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов,

все это... становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма...» [7, с. 312–313]. При этом автор выступает точкой скрещения разных традиций, с одной стороны, он как художник волен играть различиями, с другой – оказывается их заложником, невольным проводником глубинных смыслов.

Аналогией размышлениям В. Набокова служат произведения бурятского поэта Б. Дугарова. Импульсом для некоторых его стихотворений послужил конфликт между родным и русским языком, на котором он пишет, разрешившийся неким синтезом или даже синкретизмом бурятской и русской традиций. В произведении «Язык отцов, прости за немоту» лирический герой Дугарова хочет «смеяться и рыдать на материнском нежном языке», мучается сомнением, способен ли другой, русский, язык помочь ему восполнить «утраченного дара красоту». В итоге поэту, воспитанному в лоне русской культуры, оказывается близка русская ментальность. Свойственные восточному человеку склонность к выражению крайних и противоречивых суждений, наличие образов любви/ненависти, тоски/радости, обыденного/трансцендентного соотноствуют основным концептам русской ментальности.

В последнем примере героем является не только сам поэт, но единое культурное пространство России, в котором переплелись национальные и этнические традиции. Художественное творчество – важная составляющая современных этнокультурных процессов. С одной стороны оно формирует и стимулирует этническое самосознание, с другой – способствует взаимопониманию и сближению народов на гуманистической основе общечеловеческих ценностей.

Лейтмотивом современного искусства Бурятии можно считать воплощение мифопоэтического понимания мира с опорой на архаические этнические образы и символы. Ярким примером творческой интерпретации национальной темы является постановка Бурятского государственного национального театра песни и танца «Угайм сулдэ. Дух предков». В 2006 г. театру за художественное и музыкально-хореографическое решение спектакля была присуждена премия Президента Российской Федерации. Новизна спектакля заключается в создании необычайно выразительной панорамы кочевой цивилизации. Сюжетную канву спектакля составили этногонимические и этнологические мифы, а также легенды о происхождении тотемов бурятских и монгольских родов. Как гово-

рит художественный руководитель театра Даңдар Бадлуев: «При постановке спектакля нас волновали способы передачи образов тотемов, стиля и смысла кочевой культуры через пластику, танцевальный язык, сюжетные линии, психологию сценических героев. Наш коллектив вдохновляла сама энергетика текстов – знакомых с детства и потому ценных» [1, с. 7].

Исторические корни народов Забайкалья уходят в глубину тысячелетий, в культуру кочевников, которые перемещались по евразийским просторам от Северного Китая, Монголии до нынешней Венгрии. От рождения до смерти кочевник всегда был в пути. И сейчас в ментальности бурят сохраняется чувство природного единства с живой бескрайней степью и необъятным небом над ней, с ее мифами и духами. Об этом свидетельствует творчество скульптора Даши Намдакова (род. в 1967), неожиданно и убедительно заявившего о себе в 2000 г. на персональной выставке в Иркутске, а затем в Москве, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Лондоне, Гонконге, Пекине и др. городах.

Названия его работ и выставочных проектов говорят за себя – «Шаманы и воины», «Воспоминания о будущем», «Стихия Даши Намдакова», «Вселенная кочевника», «Преображение», «Ностальгия по истокам» (Государственный Эрмитаж, февраль–апрель 2010 г.). Наиболее масштабным и концептуальным по смыслу был проект Вселенная кочевника 2004 г., в 2007 г. он был представлен в Пекине и ряде городов Китая. На выставке были одновременно показаны археологические памятники скифо-сарматского искусства, предметы шаманского культа и работы Даши Намдакова. Безусловным признанием искусства Даши Намдакова в восточном и буддийском мире стала его персональная выставка в 2004 г. в Нью-Йорке в Доме Тибета (Tibet House).

В творчестве Даши Намдакова заметны две составляющие: прекрасная профессиональная школа и образы древних культур Востока как источник вдохновения. Это в равной мере относится и к его скульптуре, и к графике, и к ювелирным изделиям. Даши Намдаков соединяет наследие мирового изобразительного искусства – от живописи Альбамыры и ренессансной графики, японской гравюры и нецке, скифо-сибирского звериного стиля центрально-азиатской и средневековой европейской пластики до африканской скульптуры [4, с. 14]. И при этом в каждом произведении Даши – его собственное мироощущение, мощное индивидуальное творческое начало. Это со-

вершенно новая художественная материя, живая и трепетная.

Анализируя феномен Даши Намдакова, следует исходить из особенностей и представлений нынешнего времени – это проявление индивидуальности художника [5, с. 85]. Но в то же время творчество Д. Намдакова оставляет впечатление прикосновения к той жизненной философии народа, которую можно называть ментальным основанием культуры. Искусство Даши Намдакова одновременно созерцательное и интеллектуальное. Его отличает романтизм, придающий грациозность и трогательность женским образам и могучую энергию образам героическим. В скульптурах запечатлены, на наш взгляд, способы ориентации восточного человека в окружающей среде, общения с ней. Даже гротескное видение мира, которое и придает необычайную остроту работам художника, в какой-то мере воссоздает стереотипы, удовлетворяющие и сегодняшнее зрение. Сама манера работы с материалом – бронзой – несколько двойственна: повторяя в пластике, цвете, фактуре знакомые, когда-то созданные и смутно появляющиеся в сознании современного зрителя образы, художник изображает новые, непривычные, неожиданные фигуры, изменяющие наши повседневные ориентиры («Ритуал», «Улыбающийся», «Великий чемпион»).

Есть еще одна особенность выражения идей мастера. Это специфическое отношение не только к естеству, но и ко времени. Искусство Даши вне времени. Отчасти хронология оказывается не важной, ведь в степи все идет по-другому. Легенды о древних кочевниках, эпические сказания, история о походах Чингисхана – они рассказывают о давних или близких временах? Герои скульптора вполне современны, даже если это исторические и сакральные образы.

Одним из источников вдохновения для Даши является мифология кочевых народов (смещение шаманистских и буддийских элементов). Волшебная пластика, изысканность форм и линий требует медитативного созерцания, рождает в воображении зрителя бесконечные ассоциации. Его творчество обладает особым магнетизмом, восходящим к истокам загадочной для непосвященных шаманской культуры, атрибуты и ритуалы которой рождены вселенским ощущением сути мироздания. Искусство Даши – редкий сплав мудрости поколений, философских, нравственных и эстетических представлений народа, превращенных интуицией и талантом мастера в высокохудожественные

поэтические образы-символы. В работах прослеживается многое, но, может быть, это результат его «первобытного» видения мира. Прежде всего, это память предков, восходящая к народам, кочевавшим по степям Евразии, или особенности искусства стран Дальнего Востока и Центральной Азии – Бурятии, Монголии, Тибета. Его образы отличаются свободой на современном уровне, являясь авангардными, новаторскими.

В разговоре о своем творчестве Даши рассказал о словах шамана, услышанных еще в далекой молодости: «Шаманская практика и энергия пройдут сквозь тебя, и в этом твое предназначение. Все, что ты творишь своими руками, не твоя заслуга – это заслуга твоих предков. Через тебя они решили донести до людей искусство. Ты просто звено, которое служит для передачи информации из мира духовного в мир земной». И действительно, одним лишь профессионализмом и талантом, в современном новоевропейском их понимании, особенности творчества Даши Намдакова не объяснить. Романтическая идея «духа народа», оплодотворяющая творчество настоящего художника, также оказывается не очень убедительной. Тогда как мистика и магия «духа предков» адекватны архаической правде образов, просвечивающих через все современные и авангардные формы.

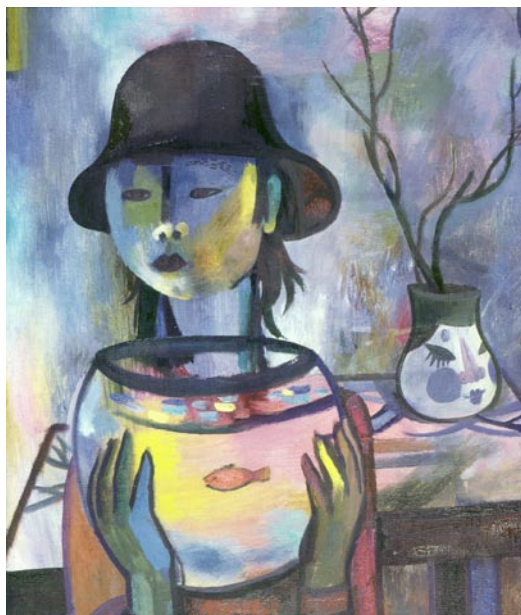
Конечно, в любой современной национальной культуре сегодня прослеживается и ориентация на идеалы европейской культуры, ее универсальный художественный язык и попытки конструирования собственной идеальной модели. Мера и степень корреляции универсального европейского и национального, этнического позволяют, по мнению Т.П. Григорьевой, понять механизм взаимодействия культур [2, с. 27]. Таким полем пересечения идеально-ценностных установок является художественная культура Бурятии. Многие бурятские художники пытаются сочетать европейский подход к живописи с «азиатской душой», ярким примером тому служит творчество Аллы Цыбиковой (1951–1998).

Увидев ее картины, их невозможно забыть. Они, как говорят, «цепляют» душу, внутри поднимается комочек невысказанных эмоций, возникает ощущение катарсиса. Невозможно отрицать, что существует неповторимый цыбиковский стиль живописи.

Алла Цыбикова помимо профессиональной мастерovitости, обладала редкой для художника способностью тонко анализировать собственное творчество. Она прина-

Алла Цыбикова. Девочка с подсолнухами (1991)

Алла Цыбикова. Мальчик с рыбкой
(портрет сына) (1991)

Алла Цыбикова. Метаморфозы (1995)

Алла Цыбикова. Пускание мыльных пузырей (1989)

Даша Намдаков. Бегающий (2004)

Даша Намдаков. Богатая невеста

Даша Намдаков. Царь-птица

Даша Намдаков. Великий чемпион (2003)

Даша Намдаков. Всадник (1999)

длежала к кругу интеллектуальных художников, о чем свидетельствуют ее письма к другу, искусствоведу Владимиру Коренько, а также комментарии к картинам, записанные перед смертью ее подругой Алимой Цырендоржиевой.

Формирование Аллы как художника проходило целиком в пределах европейских живописных традиций. На долгие годы сохранилась у Аллы творческая ориентация на достижения французской живописи конца XIX – начала XX вв. Вернувшись после окончания института в 1976 г. в Улан-Удэ, Алла стала театральным художником. Она обращалась и к станковой живописи, создав серию психологических портретов «Натюрморт с сон-травой» (1977), «Портрет матери» (1978) и пр. Поистине эпохальным событием в жизни художницы стала выполненная в начале 1980-х гг. роспись стены «На земле Гэсэра» в фойе Бурятского академического театра драмы им. Хоца Намсараева. На вопрос о своем лучшем произведении Алла всегда называла эту работу. Основная идея оформления интерьера театра – передать традиционные формы, образы и мотивы национального искусства, воплотив их в монументальном масштабе.

Главным идейным вдохновителем художественного оформления театра является Дашинама Дугаров, незаурядная, мощная фигура в бурятском искусстве. В своих рассказах о театральном проекте Алла всегда выделяла особую организаторскую роль Д. Дугарова, своего соседа по мастерским и постоянного наставника до 1984 г. Роспись для Аллы стала не только первым опытом в технике фрески, но и подведением итогов ее аналитической работы.

В художественной жизни Бурятии никогда не теряла своей актуальности тема национального стиля в искусстве. В контексте этих поисков цыбиковская роспись занимает особое место. Ее стиль связан с удачной творческой переработкой наследия центрально-азиатской живописи, восходящей к монументальным стенным росписям буддийских монастырей. Это четкая плановая композиция, аппликативность и графичность изображений, сочетание разномасштабных фигур, использование локальных пятен. Основные идеи композиции прочтываются легко и ясно: история театра, история родной земли, преемственность традиционного и современного искусства.

В творчестве А. Цыбиковой искренний интерес к национальному типуажу и деталям быта органично сочетался с приемами европейской живописной техники, а также

с театральнo-декорационной спецификой полученной школы, обусловившей свободу и раскованность самовыражения. Как писала сама художница: «После окончания своих учений, возвратившись на родину, я с годами поняла, что здесь – какой-то удивительный уголок земли – тут идет сплав культур – европейской, русской, Восток... интересный очень... есть почва, на которой... могут быть любопытные вещи...» [12, с. 81].

Мир Цыбиковой удивителен. В нем сплелось все: от Шагала до японских гравюр, глубокая синева почти рериховских оттенков и малахитовая зелень буддийских танка. Кто она – птичка Цыбиковой? Птица Гаруда и Феникс? Художница говорит, что однажды увидела ее во сне, откуда она перепорхнула в ее картины, а позже появилась в бронзе. «Это было летом на практике во время учебы в институте. Я приехала в деревню к родственникам. Спала в сених на полу. Под утро неожиданно проснулась. Услышала шум. Испугалась, конечно, подумала, что кто-то посторонний залез в дом. И тут увидела птичку. Она вошла через открытую дверь и посмотрела прямо на меня. Странно, но испуга я не почувствовала. А на следующее утро я рассказала сон родителям. Они повезли в дацан, там меня очищали».

Сначала вполне реальная, позже птичка преобразуется, у нее появляется женская голова. Миф о птицах – человеческих душах отозвался в душе Аллы. Ведь она обожала сказки. Иногда образ птицы становится почти навязчивым, включается в портреты, натюрморты и пейзажи. Для художницы они создавали «ощущение тайны, природы, какого-то волшебства. Прекращения звука и ожидания чего-то нового» («Мелодия холодной весны», 1992; «Ворожейка» 1993; «Букет», 1995; «Метаморфозы», 1995; «Девочка с прутиком», 1996; «Ритуал», 1996; «Визит», 1997; «Под зимним солнцем», 1997).

Часто ориентальный мир присутствует в картинах Аллы в виде небольших деталей – фона, стаффажа. Бронзовая позолоченная фигурка лани в «Большом натюрморте», 1984; набор буддийских атрибутов (два живописных свитка, белая раковина, бронзовая статуэтка) в «Пускании мыльных пузырей» 1989 г. Алла очень любила картину «Дарима», 1992 (картина осталась в США). «Дарима» – живописные качества, смута, голубизна, спокойное ожидание, теплота зажженного огня «зулу». Торжественное ожидание новой жизни, и на голове у нее опять как знак единения с природой – струя воды, водопад, звук (!). И вообще, если картины звучат – это хорошее качество

во. Тишина тоже может быть озвучена» (из писем художницы).

К сожалению, не так много осталось картин, в которых Алла создает тот самый синтез художественных традиций Востока и Запада. Один из немногих удачных, по мнению самой художницы, опытов подобного рода – работа «Голос раковины». В апреле 1987 г. Алла пишет В. Кореняко: «Наконец двигается и старая вещь с водопадом. Немного заузная и пестрая, но надеюсь утрясти и стармонировать. По сути – аналог гимна религиозного бон. Эдакий бонизм. Будь вечным, неба сапфир!».

В 1997 г. она начала две картины – «Пейзаж в пейзаже» и «Обращение к Белой Таре», в которых продолжались поиски синтеза традиций, но, к сожалению, они остались незавершенными. Художница так писала об одной из них: «Пейзаж в пейзаже» – сначала эта картина нравилась. Из породы придуманных, как идея – заузная. Идея краткости бытия, неограниченности пейзажа, как у Булгакова – серый пейзаж. Расцвел лотом, на нем маленький, крохотный мир человека – луна, горы, жилье. Все крохотное, уютное, понятное. Тьму ночи составляет дремлющий, Отдыхающий Некто, который пока ласково сыплет снег. В другое мгновение все может измениться – он проснется, встанет, и рассыплется крохотный мир человека. Это из философствований, которые недорого стоят. Я – скорее сказочница, чем философ. Сама себе напридумывала сказок. Жалко, силы кончились, а в голове куча всяких идей».

Список литературы:

1. Бороноева Т.А.. В поисках предков // Алтаргана. Улан-Удэ, 2007. – С. 4–7.
2. Григорьева Т.П. Образы мира в культуре: встреча Востока с Западом // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 262–300.
3. Гуревич А.Я. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. – М., 1989. – С. 454–456.
4. Королькова Е.Ф. Между прошлым и будущим // Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова. Альбом. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2010. – С. 13–19
5. Марц Л., Комарова Н. Планета, имя которой степь // Третьяковская галерея. – 2007, № 4 (17). – С. 80–87.
6. Махлина С.Т. О синергетическом анализе художественного произведения // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию М.С.Кагана. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 300–311. – (Серия «Symposium». Вып. 12).
7. Набоков В.В. Лолита. Камера обскура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 447 с.
8. Основания цивилизации:Философский анализ / Под ред. В.М. Найдаш. – М.: Изд-во «Сигналь», 2001. – 307 с.
9. Перцев А.В. Размышления о ментальной толерантности (Материалы к лекциям) // Толерантность. Материалы летней школы молодых ученых. Ч.2. – Екатеринбург, 2001. – С. 150– 234.
10. Суслова Т.И. Эстетика перехода отечественной культуры в условиях глобализации. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управл. и радиоэлектроники, 2005. – 213 с.
11. Соктоева И.И. Поэтический мир бурятской художницы Альбины Цыбиковой (1951–1998) // За занавесом века. Исследования и публикации по искусству русской сценографии XX века / Ред.-сост. А.В. Дехтерева, Е.М. Костина. – М.: Русское слово, 2004. – С. 221–226.
12. Цыбикова Алла. Альбом / [Сост., коммент., худож. оформл. И. Дятловской ; пер. И. Дятловской, Х. Бирнбаум ; фото Х. Бирнбаум и др.] . – [Б. м.] : [б. и.], 2006. – 272 с.

Незадолго до смерти Алла хотела закончить «Обращение к Белой Таре». Возможно, эта картина стала бы самым сильным ее произведением, программным. Здесь воплотилось все, что она любила, что всегда присутствовало во всех ее работах: и степь, и голубые сумерки, и звук молитвы. Как правило, каждая буддийская икона (танка) представляет визуализацию некоего медитативного образа. Для Аллы картина стала визуализацией Белой Тары.

Говоря о творчестве Аллы Цыбиковой, известный бурятский искусствовед Инесса Соктоева очень точно подметила: «Во всем, что ее окружало и что попадало на полотно, присутствовала внутренняя логика, убеждавшая конкретностью и точностью жизненно наблюдаемых реалий...Она очень скоро почувствовала в своеобразии духовного наследия бурят начала, объединяющие его с древнейшими культурными традициями... Она в любом случае состоялась как художник с ярко выраженной индивидуальностью» [11, с.223].

Обладея удивительным художественным чутьем, Цыбикова предсказала блестящее будущее Даши Намдакову, Жамсо Раднаеву и Дмитрию Будажабу. В новом тысячелетии об этих художниках заговорили специалисты и любители искусства как о ярких попытках найти «ментальный код национальной культуры». Ментальные основания определяют саму сущность национального образа мира, они внутренне противоречивы, так как принадлежат данной национальной системе и вместе с тем не принадлежит ей целиком.

ПЕЙЗАЖ «ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО В ГОРАХ ФУЧУНЬ» ХУАН ГУНВАНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МАСТЕРА

Предлагается анализ пейзажа выдающегося китайского художника эпохи Юань Хуан Гунвана «Отшельничество в горах Фучунь». Картина-свиток создана мастером в конце жизни и является вершиной его искусства, свидетельством формирования собственно-го стиля, оказавшего серьезное влияние на современников и последователей. Дано целостное представление об эстетической концепции Хуан Гунвана, как она претворилась в программном произведении мастера.

Ключевые слова:

«живопись учёных», картина-свиток, китайская живопись, отшельничество, пейзаж, Хуан Гунван, эпоха Юань

Во время правления монгольской династии Юань в художественной культуре Китая происходят явные изменения. Серьезное распространение получает так называемая «живопись учёных» – эстетствующее направление, развившееся еще в период Сун, а теперь вышедшее в самостоятельное течение. «Художники-интеллигенты» открыто противопоставляли себя официальным тенденциям в искусстве. В основном своё отношение к сложившейся политической ситуации они выражали стремлением не жить в столице и не работать при монгольском дворе. В своем творчестве художники в основном обращались к старым сюжетам, образам, получившим развитие еще в сунское время: к изображению родной природы, к лирической тематике. Пейзаж стал выразителем высоких национальных и патриотических чувств. Одним из крупнейших мастеров-пейзажистов XIV в. был Хуан Гунван (1269–1354). Он вместе Ван Мэном, У Чжэнем и Ни Цзанем входит в когорту «Четырёх великих мастеров Юаньской эпохи».

Хуан Гунван родился в Чаншу провинции Цзянсу, при рождении получил имя Цзыцзю, собственная фамилия Лу, имя Цзянь. Пользовался несколькими прозвищами, отражавшими его образ жизни и душевный настрой: И-фэн (Одинокий горный пик), Цзиншу (Обитель чистоты), Дачи (Превеликий глупец), Цзинси даожэнь (Даос, что к западу от колодца). Хуан Гунван рано осиротел и был усыновлен бездетным Хуан Лэ. Отчим воспитал будущего художника как собственного сына и дал ему свою фамилию, после чего Лу Цзянь стал называться «Хуан Гунван» («Тот о ком всегда мечтал Хуан»). Став зрелым человеком, Хуан Гунван поступает на государс-

твенную службу. К пятидесяти годам он не получил ни чина, ни повышения, а, напротив, оказался впутан в судебное дело, связанное с налоговыми нарушениями, посажен в тюрьму, в которой находился несколько лет под угрозой смертной казни. После освобождения Хуан Гунван оставляет службу и уезжает на родину. С этого момента он присоединяется к тем образованным людям своего времени, которые не хотели служить монголам, выражая таким пассивным образом свой политический протест. Хуан Гунван посвящает себя искусству, пейзажной живописи.

Среди «Четырёх великих мастеров юаньской эпохи», Хуан Гунван был самым старшим и опытным. «Его успех на художественном поприще тесно связан с его знакомствами в художественных кругах. Целый ряд почтенных и уважаемых мастеров лично давали ему творческие советы, кроме того, Хуан Гунван получал наставления и помощь от товарищей по кисти своего возраста, например, таких замечательных живописцев начала эпохи Юань, как Гао Кэгун и Чжао Мэнфу» [5, с. 38]. Им создано немало картин, воспевающих дикую природу горного Китая: «Осенние горы», «Слушая журчание родника», «Божественная гора», «Осенние горы в своей беспредельности», «Девять вершин после снегопада». Уже в преклонном возрасте художник вернулся в Чжэцзян и поселился в деревне Фучунь. Многие его пейзажи изображают горы Юйшань, где он жил, а также разные виды реки Фуцзян. Здесь за несколько лет до своей смерти, с 1347 по 1350 гг., он работает над главным своим произведением – пейзажем «Отшельничество в горах Фучунь». Этот свиток Хуан Гунван посвящает своему другу тоже даосу мастеру У Юну.

В идейном плане, помимо конфуцианского воспитания, Хуан Гунвану были также близки буддизм и даосизм, за что друзья называли его «трехверующий». Перед смертью художник постригся в монахи даосской школы Истинного учения. Его жизнь в монашестве позволила ему сойтись с представителями разных слоев общества, что значительно обогатило его жизненный опыт. Даосская идея «ухода от мира» в последние годы жизни занимала центральное место в его размышлениях. В старости он по большей части вел отшельническую жизнь, скромную и свободную. Его «Отшельничество в горах Фучунь» – своеобразный художественный манифест естественной и уединенной жизни последнего периода, выражение эстетического идеала.

«Отшельничество в горах Фучунь» (рис. 1) – картина тушью по бумаге. Высота свитка – 31,8 см, длина двух сохранившихся частей – в общей сложности 688,3 см. Задумывая композицию будущей картины, Хуан Гунван несколько лет совершал множество пеших прогулок по обоим берегам реки Фучуньцзян, но собранным материалом так и не воспользовался. На свитке изображена ранняя осень на реке Фучуньцзян, «горные пики возвышаются до небес, глухие ущелья тянутся цепью, глубокие и неожиданные; ближайšie сосны стоят гордо и прямо, а дальний лес сокрыт в дымке, деревья неровные и асимметричные, растущие то густо, то редко. Деревенские дома, павильоны и мостики, рыбацкие суденышки, а также человеческие фигурки, оживляющие картину, затеряны и рассеяны в пейзаже, прибавляя картине естественности. Речная вода прозрачно сверкает у островков и отмелей; над ущельем горного потока висит дымка водопада, неясно виднеются верхушки деревьев в горах, придавая спокойствию картины динамику и изящный ритм» [7, с. 151–152].

Охарактеризуем картину.

Композиция. «Отшельничество в горах Фучунь» – горизонтальный свиток. Работая над ним, Хуан Гунван изменил представление о структуре картины. Он смело выбирает форму горизонтального свитка, точка зрения на котором движется по горизонтали, по сути – на одной линии. Изображение обширно охватывает горизонт, демонстрируя величественный просторный пейзаж и заменяя типичную для эпохи Сун «глубину и даль» полотна на «широту и даль». В действительности,

противопоставление «глубина»/«широта» как раз и отличает живопись эпохи Юань от сунских картин. Композиционной особенностью пейзажей «горы и воды» эпохи Сун является «панорамность», поровневый переход от ближнего к дальнему плану, и следующее распределение пропорций: горы больше, чем деревья, а деревья – чем люди. Самые дальние вершины пишутся контуром, что и придает картине «глубину». В качестве классического примера можно привести «Путешествие по горам Юйшань» Фань Куаня и «Шелест сосен в тысяче ущелий» Ли Тана. На юаньской картине передний план занимают камни и горные склоны, средний план смещен влево (или вправо) и содержит изображение рощ деревьев или леса, причем средний план занимает вплоть до половины всего пространства картины. После среднего плана проходит водный раздел, который смещает горы из среднего плана вдаль, на противоположный берег. На свитке «Отшельничество в горах Фучунь» такой ясный поэтапный переход от ближнего плана к дальнему объединяет «равнину» и «горы» создавая «широкое» пространство пейзажа. Таким способом Хуан Гунван не только показывает красоту гор и природы, но и сообщает картине дух простоты и безыскусности. Позже и остальные пейзажисты эпохи Юань взяли этот новаторский метод на вооружение.

По настроению «Отшельничество в горах Фучунь» можно сравнить с работами Хуан Гунвана, изображающими Сучжоу – «Каменный утёс у Небесного Пруда» (рис. 2) и «Заснеженные деревья на киноварной скале». Но эти картины, созданные несколькими годами ранее, отличаются плотной и пышной композицией. Чжан Гэн в «Заметках об известном в области живописи» очень определенно описывает «Каменный утёс у Небесного пруда»: «.. из разных деревьев складывается единый лес, правее вырастают четыре высоких сосны, еще правее – мощные камни и бедные лачуги. Это – самый ближний план. Горный ручей отделяет лес от встающих рядами скал. В горах, в каменной впадине разлилось озеро, рядом с ним – фигуры людей. Прямо над водоемом навис крутой обрыв, к западу от которого низвергается водопад. Мост и павильоны загораживают исток реки, прибавляя атмосфере таинственности. Обрыв примыкает к вершине большой горы, которая стеной спускается спра-

ва. Других элементов здесь нет. На самом верху картину объединяет одна обширная гора, ниже – два ряда пиков поменьше... снова неровные маленькие вершины, призрачно отражающиеся в двух других рядах. Хаотичная и подробная, наполненная горным туманом, эта картина поражает величием» [3, с. 163]. Здесь нет композиционной простоты и четкости контуров дающих поразительный художественный эффект в «Отшельничестве». Сравнение двух картин дает представление о разнообразиях пейзажного стиля Хуан Гунвана и развитии его композиционных идей. Чжан Чоу, литератор и коллекционер эпохи Мин, в «Ладе каллиграфии и живописи эпохи Мин» писал: «У живописи Да Цина есть две особенности: первая – стиль цаньцзян, острые пики и множество камней, стиль письма сильный и энергичный. Вторая – использование туши, мало штрихов, манера письма естественная и глубокая». Также критик добавляет: «Глядя на свиток “Отшельничество в горах Фучунь”, хранящийся в коллекции рода У, я вижу его чистоту и талантливое исполнение, идеальный баланс между пышностью и аскетизмом» [1, с. 201].

В плане идейного выражения, художник более не придерживается принципа совпадения изображаемого с объективным миром, а, скорее, пытается обобщить увиденное в природе и экстрагировать из своего обобщения образ, достигающий сердечной глубины и полноты охвата. На склоне лет Хуан Гунван часто странствовал, а после писал забывшееся. Таким же образом и была написана картина «Отшельничество в горах Фучунь». В данной свитке применен метод «рассыпанных» точек перспективы, который позволяет соединить горы и склоны обоих берегов реки, леса и деревушки, рыбацкие лодки и мосты в чрезвычайно богатый пейзаж. По сравнению с картинами в стиле «горы и воды» предыдущих эпох, художник достигает минималистической простоты, не старается подчеркнуть натуралистическое сходство изображенного с элементами реального пейзажа. Хуан Гунван делает упор на субъективное видение, но не акцентирует внимание на противопоставлении природного и фантастического. Контуров написаны сухой кистью, горы и деревья – простыми и изящными мазками, примененная штриховка косо поставленной кистью очень подходит для изображения природы. В данной работе значительно упрощен метод штри-

ховки растрепанными листьями конопли, использовавшийся Дун Юанем. Структура построения картины очень рациональная, и позволяет полностью раскрыть природное богатство правобережья Янцзы, его растительного мира, богатых почв и пышных лесов. Многие люди, оказываясь в изображенных на картине местах, первым делом вспоминают «Отшельничество в горах Фучунь» и пытаются отыскать точное местоположение этого пейзажа. Как писал Ван Юаньци (последователь Хуан Гунвана), «учащийся должен стремиться к духовному совпадению, а не добиваться [совпадения] признаков» [2, с. 86]. Работа Хуан Гунвана как раз обладает не предметным, а духовным подобием.

Так определяется одна из характерных черт юаньской живописи – переход от акцента с предметного образа, характерного для эпохи Сун, к акценту на смысловой образ, глубже открывающий субъективный мир художника и отражающий его чувства. В чистых, без единого изъяна, пейзажах Хуан Гунвана, предмет обретает безграничную глубину, приоткрывает свой неуловимый смысл. Туманные разводы туши под рукой великого мастера оказываются реалистичнее традиционных цветных изображений, превосходят саму природу, создавая ауру очарования, и приносят смотрящему радость и чувство близости, глубокое уважение к внутреннему миру художника, открытому на картине. Ли Цзэхоу так характеризует юаньскую картину: «Поскольку фокус внимания смещается с реального объекта (целого или только его части) на технику исполнения и духовную глубину, то в картине не обязательно нужно добиваться природного разнообразия (Северная Сун) или изысканности (Южная Сун). Важно только то, как, с помощью нескольких объектов природы (изображаемых приближенно и неточно), воссозданных кистью и тушью, передать внутреннее состояние автора. Поэтому, юаньская живопись подталкивает зрителя обдумать, почувствовать и понять причину своего эстетического наслаждения, а не ведет за собой, как картина эпохи Сун». [1, с. 327] Элементы и детали пейзажа могут быть крайне простыми, но они будут наполнены глубоким смыслом. Это совпадает с мыслями, высказанными самим Хуан Гунваном в его трактате «Секрет пейзажа»: «Корень сосны не виден, словно благородный муж в изгнании. Рожица молодых деревьев – словно

груз лет маленького человека» [6, с. 4]. Во всех работах Хуан Гунвана просвечивает одиночество и отрешенность – изображая природу, он описывает свое душевное состояние.

Особенности тушевой техники. Работа кистью в данном свитке мастерская и очень аккуратная. Хотя манера и была заимствована Хуан Гунваном у Дун Юаня и Цзюй Жаня, но, по сравнению с ними, техника более упрощенная, что позволяет тщательнее изобразить духовную суть и поэзию горного пейзажа. В свитке используется и мокрая кисть в сочетании с методом штриховки растрепанными листьями конопли, и косая штриховка (длинная и короткая), и растушевка сухой кистью. Высокие скалы и пологие склоны пишутся нечеткими горизонтальными штрихами, краской различной густоты. Деревья и лес изображаются обобщенно, модифицированной «косой штриховкой с рисовое зернышко». В других работах Хуан Гунвана, например, как в картине «Скала у Небесного пруда», консистенция туши активная, создает ощущение пятен света и ярких цветов, автор смешивает синие и зеленые оттенки туши, на одном полотне используются лазурный, карминный и черный цвета, добавляется охра. Цель этого – «показать в туши землю». Напротив, в «Отшельничестве в горах Фучунь» используются только тональные переходы. А степень густоты туши, образует на сюаньчжэнской бамбуковой бумаге бесконечное множество «цветов», превращая пустоту картины в реальное пространство пейзажа. Произведение написано свободно и порывисто. Художник начала эпохи Цин Юнь Шоупин так восхвалял эту картину: «Из десятка пиков – у каждой вершины своя форма, в ста деревьях каждое – уникально. Написано гениально и привольно, крайне разнообразно!» [2, с. 45] (рис. 3)

Соединение поэзии, каллиграфии и живописи. Синтез стихосложения, каллиграфии и живописи – основная особенность «живописи учёных». В эпохи Сун и Юань «художники-интеллигенты» особо ценили каллиграфическую составляющую живописи: как в качестве уникальной формы выражения, так и в роли эстетического элемента. Живопись «интеллигентов» обладала явно выраженной тенденцией к субъективному выражению, и в эпоху Юань это стремление к авторскому самовыражению лишь усилилось. Можно сказать, что по сравнению с художествен-

ными образами, искусство каллиграфии более прямо и тесно связано с мышлением и духовным миром художника. По этой причине, анализируя произведение Хуан Гунвана, следует иметь в виду слияние каллиграфии с живописью. В свитке «Отшельничество в горах Фучунь» каллиграфическое письмо цао-шу скрыто в художественных техниках. Крюки, штриховка косо поставленной кистью и точки выполнены почти без участия краски, то есть с глубоким вкусом и очевидным мастерством. Что касается туши, то «в способе написания одинаково стремившиеся к уникальности, в применении туши юаньские художники окончательно покончили со слепым копированием чужого стиля и занимались поисками свежих и новых приемов, подчеркнуто скромных и изящных, изменчивых и сочетающихся, мощных, но не мутных, бледных, но не высохших» [4, с. 100].

В свитке «Отшельничество в горах Фучунь», в конце картины, стоит послесловие, составляющее восемь строк: «В седьмой год девиза Чжичжэн, я, смиренный, поселился в горах Фучунь. Было бы бесполезно уезжать бок о бок с вами, Учитель. В свободное время, я брал в руки кисть в Южном тереме, и сотворил этот свиток в качестве баловства. Не думая, что вертикальный свиток подойдет для этого, постепенно заполнял бумагу. Когда скопилось три или четыре [листа], но еще нельзя было закончить [картину], оставил дом в горах и скитался-путешествовал. Сейчас специально захватил [листы] в багаже, утром и вечером ограничивал [себя] в отдыхе, чтобы брать в руки кисть. Не нужно чересчур беспокоиться, что грабители и воры [могут отнять его], есть возможность заранее отметить [свое имя] в конце свитка. Надеюсь, дадите знать о нежном успехе. Десятый год зеленого дракона под знаками гэн-ин, за день до праздника Шуцзе. Ученый Да Цин написал это, сидя меж облаков в Зале Познания Предела рода Ся». Ниже стоит глубокая прямоугольная печать: «господин Хуан Цзыцзю», и две красные печати «Даос Ифэн». Художники объединяли образы природы воедино с субъективными переживаниями, и, кроме демонстрации литературного таланта, сознательно делали стихи частью композиции произведения. Именно эта особенность отличает «художников-интеллигентов» от профессиональных «ремесленных» живописцев. В свитке «Отшельничество в горах Фучунь»

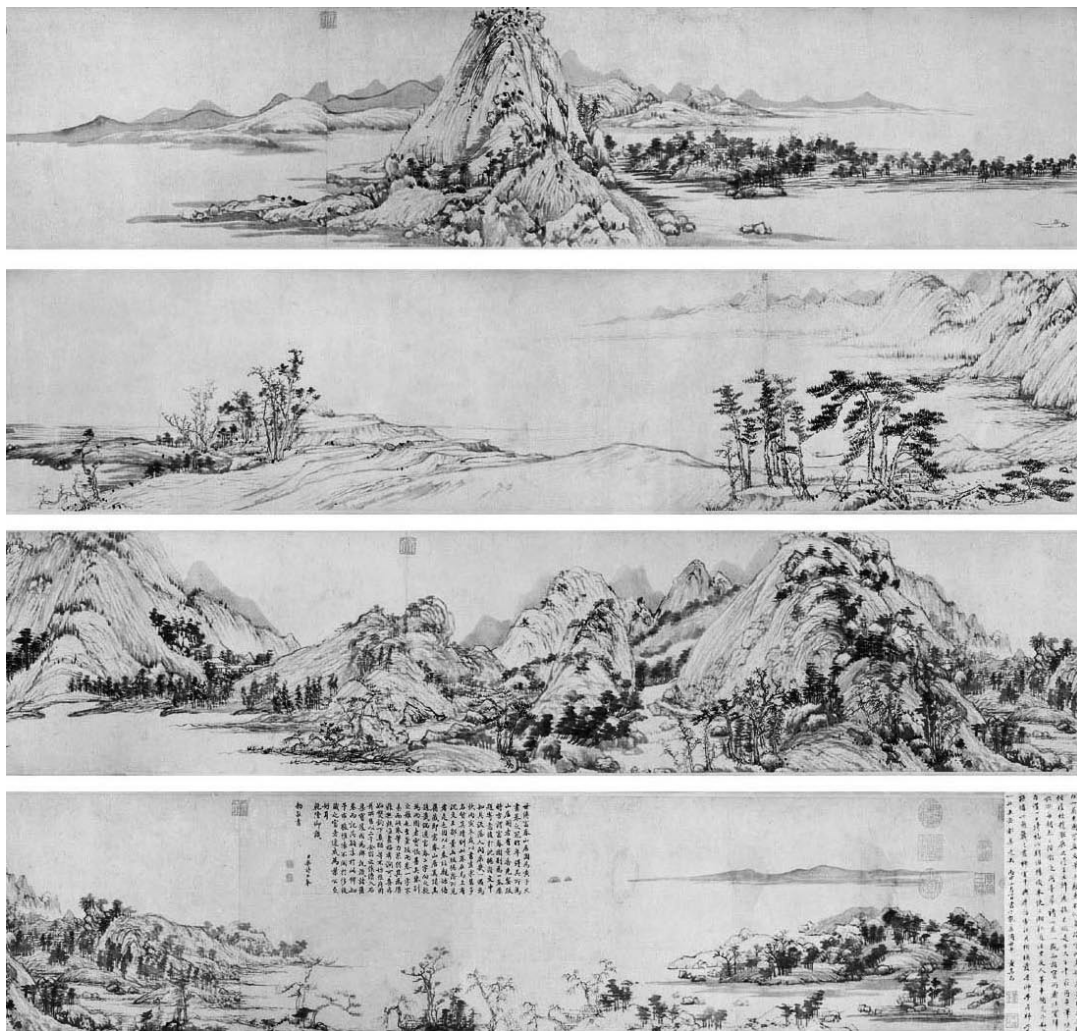

Рис. 1. Хуан Гунван. Отшельничество в горах Фучунь. 1347–1350 гг. Гуэун, Тайбэй.

послесловие и изображенные на картине горы и воды взаимно поддерживают друг друга, придавая работе в целом еще большую красоту формы.

Анализ композиционного решения, различного строя и технического исполнения свитка «Отшельничество в горах Фучунь» показывает, что пейзаж Хуан Гунвана стоит особняком относительно работ его современников и предшественников. В нем явно видны новые черты, уникальные особенности и художественно-эстетические открытия. Мастер Хуан Гунван вывел искусство пейзажной живописи на новый этап. Он создал собственное направление пейзажной живописи – цянцзян, с характерным широким горизонтом и свободным письмом. Художественный стиль Хуан Гунвана отличается незауряд-

ной простотой. Он изменил ситуацию в китайской живописи, переломив существовавшее с эпохи Сун «шаблонное письмо», бездумное копирование работ предшественников, и создал новый эстетический идеал – картину «пустынную и скромную, чистую и естественную», высшее достижение живописи эпохи Юань. Цинский Ван Юаньци говорил, что он «отказался от стремления к скрупулезности и фантастичности, но был тонким и удивительным». Такая характеристика – идеал стремлений художника-интеллекта» [7, с. 152].

«Отшельничество в горах Фучунь» – образец пейзажа, в котором мастер от лирических и возвышенных настроений, характерных для сунского пейзажа, поднимается к философским обобщениям, высоким мыслям и темам.

Рис. 2. Хуан Гунван. Каменный утёс возле небесного пруда. 1341 г. Гугун, Пекин.

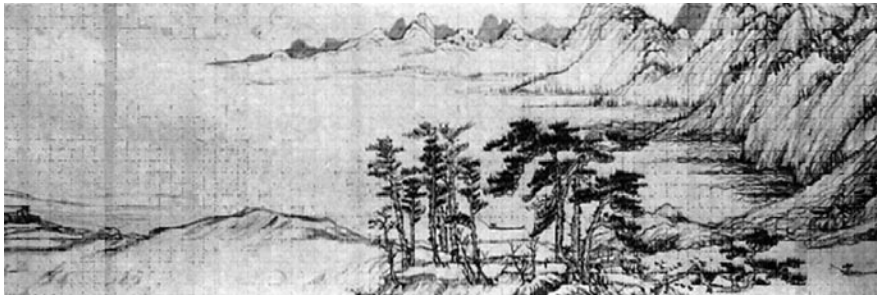

Рис. 3. Хуан Гунван. Отшельничество в горах Фучунь. Фрагмент. 1347–1350 гг. Гугун, Тайбэй.

Рис. 4. Хуан Гунван. Отшельничество в горах Фучунь. Фрагмент. 1347–1350 гг. Гугун, Тайбэй.

Список литературы:

1. Ван Сяошу. История эстетической культуры Китая – династии Юань, Мин, Цин. – Цзинань: Шаньдунское иллюстрированное изд-во, 2000. – 415 с. (на кит. яз.).
2. Го Инь. Эстетика китайской классической живописи. – Хэфэй: Аньхуэйское народное изд-во, 1982. – 106 с. (на кит. яз.).
3. Ду Чжэсэн. Китайская живопись в период правления династии Юань. – Пекин: Народное изд-во изобразительных искусств, 1995. – 261 с. (на кит. яз.).
4. Пань Тяньшоу. История живописи Китая. – Шанхай: Изд. народное искусство, 1983. – 368 с. (на кит. яз.).
5. Цуй Вэй. Полное собрание знаменитых китайских художников. Хуан Гунван. – Хэбэй: Изд. «Просвещение», 2001. – 278 с. (на кит. яз.).
6. Чжоу Цзинь. Избранная критика китайской живописи. – Цзянсу: Изд. «Искусство», 1985. – 311 с. (на кит. яз.).
7. Чжэн Чао, Лань Те. Искусство и техника китайской живописи. – Пекин: Изд. «Китайская молодежь», 1989. – 371 с. (на кит. яз.).

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АВТОРСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Рассматривается взаимосвязь общественных настроений, политики и искусства авторского плаката в период перестройки. Сопоставляются вербальные элементы плакатов с письменными документами, публицистикой, художественной литературой эпохи, а визуальные – с фотографиями, произведениями других видов изобразительного искусства.

Ключевые слова:

авторский плакат, Брежнев, гласность, Горбачев, иконография, Ленин, лозунг, миф, образ, общество, перестройка, совесть, свобода, Сталин, типология.

В середине 1980-х среди молодых плакатистов из Союза художников появилось желание отойти от набивших оскомину лозунгов и надоевшего, недейственного художественного языка официальных политических плакатов. Художники начали эксперименты в плакате, в «ничем не ограниченных поисках, в способах художественного самовыражения» [9, с. 4]. Так еще до начала перестройки возник авторский плакат, который произвел переворот в иконографии плакатной графики.

Авторский плакат создавался, как правило, в единичном экземпляре, но могли существовать авторские повторения «от 10 до 50 экземпляров только для нужд коллекционеров и выставок» [1, с. 306]. Плакаты выполнялись на жесткой основе (оргалит, картон) с использованием различных красок: гуашь, акварель, темпера. Кроме того, художники пользовались фломастерами, включали аппликации и даже различные объекты. Популярным было обращение к технике фотоколлажа; нередко плакат сочетал в себе фотоколлаж и красочный слой.

Плакат как концентрированный образ времени содержит в себе определенную точку зрения общества, сосредотачивает в себе убеждения и отношения к жизни и событиям. Поэтому, вычлняя форму и идею плакатов, формируя иконографические группы, можно изнутри увидеть историю эпохи перестройки, выделить те мысли и переживания, которые были в те годы важны для общества. Вербальные элементы плаката мы можем сопоставить с письменными документами, публицистикой, художественной литературой эпохи, а визуальные – с фотографиями, произведениями других видов изобразительного искусства. Иконографическое

исследование, опирающееся на труды Н.П. Кондакова [5] и Э. Панофского [8], направлено на выявление общего в визуальных и вербальных элементах плаката с другими «текстами» эпохи и ее реалиями. Данный подход был применен к советскому плакату в работе V.E. Bonell [14] и позволил выделить три основных группы плакатов: понятийно-вербальную (воплощение слова, понятия в изображении), образно-типологическую (визуальная репрезентация вождей и социальной мифологии), символическо-метафорическую (внедрение и использование старых символов в новом контексте).

Понятийно-вербальная иконографическая группа включает в себя, на наш взгляд, несколько подгрупп, каждая из которых формируется вокруг значимого для периода перестройки слова или понятия. Рассмотрим последовательно следующие подгруппы: «Совесть», «Свобода», «Перестройка», «Гласность» и др. Понятия рассматриваются в порядке перехода от общекультурного, общечеловеческого уровня к уровню, актуальному во временном, историко-политическом отношении.

«Совесть». В годы перестройки о совести говорили как об обязательном нравственном явлении в обществе, а за её отсутствие порицали. Совесть соотносили с глубиной человеческой души, придавали пробуждающей в человеке совести оздоравливающее и очищающее значение, как для самого человека, так и для общества в целом. Д.С. Лихачев говорил: «Стала исчезать у нас совесть... Совесть – понятие очень сложное и, конечно, сложно требовать от каждого человека совестливости. Но требовать чести можно, потому что бесчестный поступок на виду, он явно замечается общественным мнением. Совесть подкасы-

вает. Честь действует. Совесть всегда исходит из глубины души, и совестью в той или иной мере человек очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко)...» [7].

Мысль о гибели или потере совести выражается вербально (ищу потерянную совесть; совесть есть?) и визуально-символически (мавзолей, терновый венец, черный цвет). Неизвестный художник изобразил пьедестал с табличкой «совесть» и терновый венец над ним, при этом, оставив пустое пространство между ними – образ исчезновения явления и пустоты на месте того, что должно было быть.

Искренний оптимизм и радость видится в работе «Власть совести!»: художник пишет «власть совести» вместо лозунга «вся власть советам», буквы «с» и «т» увеличиваются в размерах, скрещиваются. Художник превращает буквы в герб государства, символ уходящего времени. Автор в плакате, наверняка, возлагает надежду на нравственность и справедливость избираемой власти.

В работах использован разный шрифт, но везде он берет на себя значимую часть смысла – «курсив» отражает личностное отношение, а ровный строгий шрифт несет в себе монументальность, обобщенность.

«Свобода». Понятие «Свобода» было важным для периода перестройки, имело большую общественную значимость, как в идеологии государства, так и в политических «играх». Визуальный образ свободы в перестройку – это птица из газетной бумаги (Алифиренко Н.А. «Выше не велено», 1989 г.). Художник создает яркое образное воплощение обновленного понятия, соединив красоту полета, грациозность и возможность беспрепятственного передвижения птицы с источником массовой информации – газетой. Автор листа пытался передать злободневность идей свободы печати и передвижения.

Требования правды распространялись не только на повседневность и реалии перестройки, но и на историческое прошлое. С.Я. Лапичкий в плакате «Больше света!» (1989 г.) запечатлел ключевой общественный процесс, когда на свет выносились сведения, ранее недоступные обществу. Лозунг «Больше света!» относится к догорающей спичке, которая сумела высветить из тьмы несколько слов: «История КПСС ... революция. Коллективизация ... личность...» – события советской истории.

Слова «Больше света» как лозунг прозвучали у лидера перестройки М.С. Горбачева: «...Пожалуй, наиболее ярко новая атмосфера проявляется в широкой гласности. Мы стремимся к большей гласности во всех сферах жизни общества... Но главное – чтобы была правда. Ленину принадлежат слова: света, больше света, пусть партия знает все! Нам, как никогда, нужно, чтобы не было темных углов, где бы опять завелась плесень, исподволь накапливалось то, с чем мы повели решительную борьбу. Поэтому – побольше света!» [2, с. 5]. Потребность в правде и свободе нашла выражение в лозунгах плакатов.

Плакаты поддерживали стойкость и непреклонность человека, его желание выделиться из толпы, приобрести индивидуальность («Не хочу быть пешкой»; «Хочу быть собой»; «Пока мы немые мы рабы»; «Поклон раба»).

«Перестройка». Политические лозунги и устремления не могли не получить своего визуального воплощения – «Демократия», «Перестройка», «Гласность». Политическая терминология не имела четкого однозначного определения и понималась по-своему.

«Да и сама перестройка нередко понимается по-разному. Для одних – очередной косметический ремонт. Другие увидели в перестройке возможность некоего “демонтажа” всей системы социализма, а коль так, то весь путь, пройденный после Октября, объявляется ложным, ценности и принципы социализма – несостоятельными. Третьи – увлекаются радикальной фразеологией, теша себя иллюзией перепрыгнуть через необходимые этапы» [11].

Новая политическая реформа, обозначенная термином «перестройка», была широко поддержана и обычными людьми, и крупными учеными, представителями интеллигенции. Ученый и правозащитник А.Д. Сахаров писал: «Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки» [12, с. 37].

Перестройка в плакатах подается как осознанный и единственно возможный выбор людей. Например, на плакате В.К. Никоненко «Я за перестройку» (1988 г.) представлена сложная композиционная игра – схематически изображенный человек находится одновременно и внутри и вне куба. Вокруг куба по разным сторонам расположено несколько надписей: «Сталинизм», «развитой социализм», «?», «др. узкие места». Рука «человечка» тянется

в сторону зрителя, к надписи: «я за перестройку» – между сталинизмом и развитым социализмом выбирают «перестройку».

В плакатах звучат лозунги: «Перестройка – дело всех и каждого» и «Перестройку начинай с себя». Они призывают каждого человека изменить свои представления, сделать переоценку прошлого, уйти от внедрившихся в сознание норм и запретов, шаблонов и стереотипов.

В плакате «Перестройка – дело всех и каждого» (1987 г.) А.Н. Васильченко интерпретирует сразу несколько уровней: лозунг, понятие и образ. Понятие «перестройка» представлено как настройка музыкального инструмента (рис. 1). Происходит натяжение струн на грифе, где каждая струна – это человек. Так художник представил знаменитый лозунг, выдвинутый М.С. Горбачевым на заседании Политбюро 23 июня 1986 года – «Перестройка – это в первую очередь революция в умах» [3, с. 12].

Но кроме позитивных тенденций, плакат являет зрителю и противоположную суть перестройки, показывает ее ошибки, напоминает о крови, пролитой в это время. А.В. Халдеев («Перестройка? – ой!-ка?» 1989 г.) обыграл слово «Перестройка», создав понимание ситуации, времени, событий только с помощью букв разного начертания и знаков. Слово расположено по диагонали и разбито знаком «тире» на четыре части: «перестр-р-ой!-ка?». В этом плакате звучит и вопрос, и утверждение и даже восклицание с самым возмущением. Слово расположено по диагонали, и буквы изображены красным цветом, строгий, печатный шрифт. Только буквы, выражающие трагичность, – экспрессивны. Они сложны и неповторимы, их рукописная форма ассоциативна, напоминает брызги.

События в Грузии 9 апреля 1989 г. – разгон демонстрации воинскими подразделениями, гибель людей – вызвали яростную

политическую дискуссию, в ходе которой было высказано множество противоречивых оценок. Событиям в Грузии посвящено огромное количество плакатов.

Тем самым слово «перестройка» воспринималось многообразно: от радостного принятия, осмысления, агитации до осуждения ошибочных, трагичных в итоге действий.

«Гласность». Одно из важнейших понятий периода перестройки, имеет особое политическое и общественное значение, близко слову «свобода», но имело свое собственное бытование. В одном из плакатов лозунг воплотился в образ маленьких, слабеньких зеленых саженцев на серой земле на фоне серо-голубого неба с тучками (неизвестный художник, «Гласность», 1989 г.). Такое смелое и яркое сравнение говорило о необходимости взрастить и сберечь но-

Рис. 1. А.Н. Васильченко. «Перестройка – дело всех и каждого». 1987 г.

«О чем же я думаю, что жду от перестройки? Прежде всего – о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Обще-признанно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли» [13, с. 29].

Гласность была связана с открытостью миру: два плаката разных авторов изображают мужчин, разрывающих на себе одежду как знак свободы и открытости, дерзости выбранного пути. Гласность, как и остальные два «основных» лозунга того времени, была направлена в будущее (неизвестный художник, «Общество без гласности – общество без будущего», 1989 г.), и в этом будущем люди видели желаемое счастье, исполнение надежд. Гласность, также как и свободу, воспринимали как новое чрезвычайно важное понятие, способное изменить мир, пробудить в человеке душу, нравственность, совесть.

Символично-метафорическая иконографическая группа. Плакаты перестройки отличаются сложной конструкцией метафор, аллегорий, символов и цитат – один и тот же визуальный элемент может иметь различные значения в зависимости от контекста. Советская символика в плакате перестройки не исчезла, а преобразилась, получила новую, не свойственную ей до этого времени, функцию. Теперь она была направлена не на возвышение и прославление государства, а на критику прошлого страны.

«Сerp и молот». Главная государственная эмблема СССР – скрещенные серп и молот как символ единства рабочих и крестьян – за десятилетия тиражирования утратил свою утопическую идеологическую составляющую и в эпоху перестройки стал выражать безнадежность, упадок, разруху [13, с. 119]. Плакат отреагировал на эти изменения ярко и остро.

А.С. Фураев в плакате «Куда только не приводит дорога в светлое будущее» (1990 г.) изображает на плакате красочную и одновременно печальную картину: среди извилистой широкой дороги стоит огромный молот, а его древко разрублено старым кривым серпом, острый конец серпа заходит за багровеющий горизонт. Крах, старость, разрушение, упадок – та-

кие ассоциации навевают выщербленные молот и серп. Плакат на удивление живописен, наполнен градициями цветов, сочетаниями объемов и пространства.

О.И. Семенова в плакате «Без слов» (1989 г.) изобразила на столе серп и молот слева и справа от тарелки, затянутой паутиной. На кромке тарелки написано – «Общепит». Паутина и надпись в этой сюрреалистической картине обеспечивают трактовку политической позиции. Серп и молот трансформируются в обычные бытовые вещи из системы общественного питания, устаревшие вместе с тарелкой.

«Знамя». Красное знамя было символом революционно-освободительной борьбы, в период перестройки этот символ художники пытаются осмыслить по-новому и включают в свои художественные размышления о времени. А.В. Халдеев и А.В. Мельников создали плакат «Был бы белым... Вернуть чистоту идеалам» (1989 г.): на стиральную доску положен советский флаг, нижняя часть флага находится в пенной воде – весь лист не просто черно-белый, а как будто специально высветлен, обелен. Плакат отразил тенденцию времени к изменению, оправданию, обелению нежелательных сведений в истории страны, тех, что казались слишком печальными, трагическими.

Образно-типологическая иконографическая группа. В итоге нового рассмотрения истории страны были пересмотрены образы партийных руководителей, вождей. Снятие запрета на инакомыслие привело к перевороту мировоззрения. То, о чем раньше шептались на кухнях, стали печатать в газетах. Запретные трактовки истории стали казаться истинными, а все предыдущие официозные версии считались заведомо ложными.

Идеализация правителя ведет к его мифологизации. Но и сами правители создавали и создают вокруг себя мифологию – и чем больше мифов создается, тем более противоречивы и загадочны становятся их фигуры, тем больше ореол тайны вокруг них. Миф – это отрешенность от смысла, от идеи, от факта ради нового смысла и идеи. Но миф – это не выдумка, а подмена действительности продуманным, структурированным, искусственно созданным набором повествований.

Наибольшее внимание общества и, соответственно, плакатистов в период перестройки было обращено на руководителей советского государства, кре-

ди которых лидировали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев.

«Ленин». Ни один другой образ не занимает в русской политической иконографии XX в. такого значительного места, как образ вождя революции и основателя СССР. Поколения советских людей выросли среди его портретов и статуй, В.И. Ленин стал центральной идентификационной фигурой нового государства. Даже в период перестройки образ В.И. Ленина был вне критики, политики призывали вернуться к ленинским нормам. М.С. Горбачев неоднократно заявлял о своей верности наследию и делу Ленина, и перестройка воспринималась многими как возврат к ленинским нормам жизни. Это общественное мнение нашло отражение в плакате В.В. Жукова «1985» (1988 г.).

Но была и обратная сторона такого увлечения ленинскими идеями – за возгласами, призывами и прославлениями слов В.И. Ленина был потерян исторический взгляд на личность «вождя революции». Художник С.С. Мосиенко («Ленин с нами?..», 1988 г.) представил фото-портрет

Ленина, закрытый различными лозунгами: «Вечно, вечно живой»; «Слава! слава!»; «Наш идеал!!!». Хаотично расположенные лозунги на светло и темно коричневых «лентах» перекрывают дорогу Ленину, идущему на фотографии вперед; лозунги останавливают движение, мешают.

«Сталин». После открытия страшных фактов о концлагерях и терроре, репрессиях, казнях при И.В. Сталине его образ однозначно трактовался как образ убийцы, кровавого демона, позора. Кровь, колющая проволока, мучения, курительная трубка стали обычными атрибутами изображения И.В. Сталина на плакатах. Плакат «Клятва» (неизвестный художник, 1988 г.) – не

Рис. 2. С.Г. Веррев. «Демократия. Перестройка. Гласность», 1988 г.

исключение. Художник изобразил утопичный в бурлящей крови лист с портретом вождя и текстом клятвы на верность полководцу И.В. Сталину. Красный цвет в плакате преобладает, а верхний черный край листа нагнетает еще большее отвращение и ужас.

Боль, трагедия, наказание, орудия убийства настолько слились с образом И.В. Сталина, что Б.Б. Ефремов в плакате «Сталин» (1988 г.) вывел профиль вождя из хлыста.

«Брежнев». В плакате А.В. и С.Я. Фалдиных «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!» (1989 г.) Л.И. Брежнев соседствует с лозунгом одного из популярных плака-

тов 70–80-х годов художника Н.С. Бабина. Лозунгом послужили слова В.И. Ленина, ставшие «эпиграфом» партийных билетов, многократно использованные в агитационном искусстве. Слово «Партия» начертано рубленым шрифтом заголовка газеты «Правда». А. Фалдин заменил портрет В.И. Ленина на изображение Л.И. Брежнева, сохранив лаконизм выразительных средств. Автор смеется над бывшим лидером и партией, указывает на неспособность партии управлять страной.

Критика Л.И. Брежнева в эпоху перестройки была очень популярна. Художник А.Н. Васильченко использовал образ шахматного короля для двух своих плакатов, посвященных Л.И. Брежневу («Не может быть партийным руководителем тот...», 1988 г.; «Перестройка», 1987 г.). Фигура шахматного короля с лицом Л.И. Брежнева увенчана короной. Этот лист, как и многие другие, обладает сложным рядом метафор, и понимание идеи приходит после прочтения цитаты, расположенной в правом нижнем углу, и ее осмысления. В этом плакате художник использовал для обличения Брежнева слова, сказанные им самим: «Не может быть партийным руководителем тот, кто теряет способность критически оценивать свою деятельность, оторвался от масс, плодит льстецов и подхалимов...». Слова, произнесенные

лидером партии в 1976 году, невозможно было применить к ситуации кризиса и застоя в стране в начале 1980-х.

«Горбачев». Плакат С.Г. Вепрева «Демократия. Перестройка. Гласность» (1988 г.) запечатлел улыбающегося, молодого лидера. М.С. Горбачев на плакате выглядит оптимистично, уверено, энергично (рис. 2). В листе преобладают красный и белый цвет. Удачно сделан акцент на лицо – слова расположены по диагонали около головы и выделены разными цветами (желтым на красном и красным на белом).

Тогда как С.Я. Лапицкий в плакате «Узелки на память» (конец 1980-х гг.) создал образ трагически слабой личности. Лист лаконичен, из тьмы выделены светом только голова, кисть с белым манжетом и белый кружевной платок. М.С. Горбачев вытирает слезы с глаз большим белым платком с множеством узелков и около каждого из них надписи: Баку, Карабах, Литва, Молдова, Фергана, Ош, Ереван и т.д. В плакате наблюдается неразрешимая двойственность: М.С. Горбачев и сожалеет, и ему же укором служат все узелки-события.

Таким образом, многообразием художественных приемов и тем авторского плаката 80-х отражались социальные и политические изменения в обществе.

Список литературы:

1. Бабурина Н.И. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 415 с.
2. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 270 с.
3. Грачев А.С. Горбачев. – М.: Вагриус, 2001. – 445 с.
4. Каталог коллекции авторского плаката 1985–2000 годов из фондов ФГУК «Государственного музея политической истории России» / сост.: Артемов Е.Г. и др. – СПб.: Государственный музей политической истории России, 2004. – 245 с.
5. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери Н.П. Кондакова / Переизд., факс. изд. – М.: Паломник, 1998. – 282 с.
6. Кудин П.А. Психология восприятия и искусство плаката. – М.: Плакат, 1987. – 207 с.
7. Лихачев Д.С. И пробил час // Литературная газ. – 1987, 1 января.
8. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства: Ст. по истории искусства / Эрвин пер. с англ. В.В. Симонова. – СПб.: Акад. проект, 1999. – 393 с.
9. Перестройка и мы: Кат. выст. / Ред.-сост.: Н.А. Кидина, В.В. Васильев. – М.: Плакат, 1989. – 132 с.
10. Плакат перестройки: Альбом / Сост. Литвинов В.В.; Ст. И.Г. Абельдяевой. – М.: Плакат, 1988. – 32 с.
11. Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда. – 1988, 5 апреля.
12. Сахаров А. Неизбежность перестройки // Иного не дано: Перестройка: гласность, демократия, социализм / Ред.-сост. А.А. Проташик. – М.: Прогресс, 1988. – 674 с.
13. Символы эпохи в советском плакате / авт.-сост.: Е.В. Арсланова и др.; авт. текста Т.Г. Колоскова. – Москва: Государственный исторический музей, 2001. – 215 с.
14. Bonnell, Victoria E. Iconography of power: Sov. polit. posters under Lenin a. Stalin. – Berkeley etc.: Univ. of California press, cop. 1997. – 363 с.

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Представлен теоретический анализ празднично-обрядовой культуры как специфического явления культуры. Рассматриваются структура, функции и современное состояние празднично-обрядовой культуры. Значительное внимание уделено воспитательной функции празднично-обрядовой культуры.

Ключевые слова:

аудитория, досуг, клуб по интересу к театрализованному действию, массовое мероприятие, обряд, общение, повседневная жизнь, праздник, празднично-обрядовая культура, праздничный календарь, театрализованные формы праздника, функция празднично-обрядовой культуры.

Праздники и обряды, как и вообще театрализованные формы культурно-досуговой деятельности, представляют собой вид духовно-практической и предметно-прикладной деятельности, который опредмечивает конкретные идеи общества, систему его социальных ценностей. Празднично-обрядовую культуру следует рассматривать как специфическое явление. Во-первых, театрализованные формы, опирающиеся на организацию аудитории и материала, предполагают педагогическое стимулирование познавательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной и преобразовательной деятельности участников и зрителей.

Во-вторых, с точки зрения педагогики наиболее действенным средством воспитания является специально организованная деятельность индивида. В ходе театрализованного действия, которое зиждется на учете реальных потребностей людей в праздничном оформлении актуальных жизненных событий, реализуются их творческие потенции, сущностные силы. То есть празднично-обрядовая деятельность выступает как качественная характеристика личности, выражает уровень развития ее празднично-обрядовой культуры.

В-третьих, в процессе реализации разнообразных потребностей в театрализованных формах культурно-просветительной деятельности личность приобретает специфические умения и навыки удовлетворения этих потребностей. Согласно П.В. Симонову и П.М. Ершову вооруженность человека способами удовлетворения потребностей может служить интегративным показателем его культуры [8, с. 29].

В-четвертых, в определенном смысле воспитание можно рассматривать как процесс вооружения личности умениями

и навыками реализации соответствующих потребностей [8, с. 28–40].

Соответствующим образом выстроенное театрализованное мероприятие способствует формированию у зрителей и участников конкретных умений и навыков удовлетворять все указанные потребности. В процессе исследования нам удалось зафиксировать наличие у человека потребности в общении по поводу какого-либо праздничного события, сопереживании реальному коллективному герою, представителем которого он себя ощущает, персонификации конкретных идей и т.д. В результате мы пришли к выводу, что театрализованное действие может рассматриваться как педагогическая система. Все это дает основания для того, чтобы, с одной стороны, признать наличие феномена празднично-обрядовой культуры, с другой, – осуществить анализ его содержания и форм проявления.

Системно-структурный анализ интересующего нас понятия дает возможность вычленить основные компоненты празднично-обрядовой культуры:

а) совокупность как исторически сложившихся традиционных, так и современных празднично-обрядовых форм;

б) умения и навыки людей в реализации их конкретных потребностей в празднично-обрядовых формах.

Каждый из этих компонентов представляет собой сложное образование.

Формы бытования празднично-обрядовой культуры выступают как существенный фактор трансляции духовных ценностей, как средство обеспечения преемственности поколений, передачи традиций, стимулирования активности и самореализации личности и т.д. Между тем, педагогическая, социально-психологическая и художественно-эстетическая

ценность праздников и обрядов осознается далеко не всегда. Поскольку в них отражаются явления каждого исторического этапа жизни общества, то при оценке места праздников и обрядов в духовной жизни порой сложно бывает отделить их объективную роль от ее субъективного понимания. Не случайно среди российских парламентариев не раз за последние годы разгорались дискуссии по вопросу упорядочения праздничных и памятных дат и установления некоторых профессиональных праздников. Одни предлагали вообще отменить праздничные и памятные дни, включая отраслевые праздники, другие, наоборот, выступали за то, чтобы праздников стало больше.

В какой-то мере можно понять сторонников радикального отказа от праздников, ибо долгие годы в нашей стране они служили средством ухода от набравших проблем, искусственного стимулирования социального оптимизма, а то и удовлетворения тщеславия руководителей того или иного масштаба.

Однако, хотя бы того или не хотят наиболее активные противники праздников, празднично-обрядовая деятельность является важнейшим элементом культуры, одной из форм ее функционирования. И это дает дополнительные основания для выделения феномена празднично-обрядовой культуры в современной России. Празднично-обрядовая культура – чрезвычайно динамичное общественное явление, изменяющееся как в результате объективных условий общественной деятельности людей, так и их субъективных мотивов, стимулов, целей деятельности.

С позиций методики организации праздников и обрядов необходимо выделить, в первую очередь, деятельность, связанную с производством и распространением праздников и обрядов. Синтез этих двух видов деятельности связан с тем, что организация театрализованного действия подразумевает единство поиска сценарного замысла и режиссерского воплощения. В отличие от театра и кино, где постановочная группа обычно получает готовый драматургический материал, организаторы театрализованного действия должны изучить потребности ситуативной общности и четко реализовать их на всех этапах: от замысла мероприятия до его воплощения.

Празднично-обрядовая культура как мера и способ реализации сущностных сил человека в празднично-обрядовом действии не допускает отложенного спроса.

Музыкальное произведение может не исполняться, переписываясь в нотных партитурах; снятый кинофильм не демонстрироваться, но множиться в копиях для архивов; роман или повесть – тиражироваться тысячами экземпляров, остающихся невостребованными на полках книжных магазинов и библиотек. Распространение праздников и обрядов всегда подразумевает включение в действие, является динамическим процессом, в котором ориентация на зрелище – лишь начальный этап.

Передача традиций через содержание праздников и обрядов, включение в действие мемориальных объектов и памятников архитектуры – все это предполагает деятельность по их сохранению, осуществляемую посредством реализации принципа преемственности, когда в празднично-обрядовых формах сохраняется то из предыдущего опыта, что имеет прогрессивное значение, отвечает лучшим гуманистическим традициям, одновременно выводится из опыта то, что исторически себя изжило и не отвечает современному социально-культурному контексту. Тем самым, глубинные пласты истории нашей страны, благодаря праздникам и обрядам, осмысливаются с социально-психологических, педагогических и художественно-эстетических позиций.

Особо следует остановиться на деятельности, связанной с вовлечением граждан в праздники и обряды. Празднично-обрядовая культура, синтезируя потребность в деятельности ситуативной общности и сценарно-режиссерскую деятельность организаторов, позволяет добиться педагогически программируемого непрерывного динамического процесса:

Зритель ⇔ Участник ⇔
⇔ Организатор ⇔ Инициатор

Такая динамика, расширяя границы празднично-обрядовой деятельности, позволяет включить в последнюю инициативные группы, творческий актив, создать своеобразный *клуб по интересу к театрализованному действию*, в который могут войти добровольные сценаристы, режиссеры, художники и т.д.

В связи с этим хочется акцентировать внимание на высказанной театроведом И.И. Юзовским мысли о «восхищающей естественности, доведенной до высшей степени артистичности, о той культуре органичности, которая позволяет чувствовать себя на сцене не просто так же натурально, более, так сказать, жизненно, чем

в самой жизни. Ибо ведь в самой жизни из-за внешних обстоятельств, да и внутренних помех, человек куда чаще, чем это принято думать, чувствует себя скованным и связанным» [10, с. 231]. В потреблении празднично-обрядовой культуры «культура органичности» – естественное поведение в предлагаемых обстоятельствах, выступает важным приемом педагогического управления как коллективом, так и отдельными его участниками при подготовке театрализованного действия. Деятельность руководителей как педагогов, организующих драматургически жизнь клуба по интересу к театрализованному действию, должна четко улавливать при этом психологические особенности его членов, их потребности в конкретном проявлении целесообразной деятельности, общении. Это позволяет преодолеть участникам такого клуба «скованность и связанность», обострить, на первый взгляд, незначительные будничные цели, обнаружив тем самым разнообразные стороны внутреннего мира человека, организаторские навыки, инициативу.

Рождение клуба по интересу к театрализованному действу не начинается с масштабных акций. На начальном этапе речь идет об использовании руководителями самодеятельных коллективов приема создания сценария и воплощения своими силами небольшого театрализованного эпизода, например, представления-портрета участников коллектива. При этом участники являются одновременно исполнителями роли и фрагментов из своей биографии, органично в эту роль вмонтированных, а зрители и «массовка» – резонаторами, влияющими на эмоциональное состояние тех, кто проигрывает и осмысливает вместе с ними свою жизнь. По такому принципу был, в частности, построен один из программных спектаклей театра-клуба «Суббота» «Окна, улицы, подворотни», являвшийся театрализованным рассказом о судьбах трех девушек, которые играют самих себя под собственными именами.

Спектакль создан под руководством Ю.А. Смирнова-Несвицкого, но доля коллективного авторства «субботовцев» в нем превалирует. Это театрализованный рассказ-размышление о судьбах своих и товарищей, сделанный на основе событий из личной жизни, впечатлений и раздумий реальных людей. Свообразное действие заставляет задуматься о смысле повседневной жизни человека, порой не столь яркой, как ему бы хотелось. Оно представ-

ляет интерес, в первую очередь, по своему принципу построения, заключающемуся в театрализованном оформлении быта и досуга членов коллектива, являющихся одновременно и авторами, и исполнителями, и реальными героями. Представление органично возникло внутри коллектива из бесед о том, что волнует в жизни, на работе, интересов, складывающихся взаимоотношений. В процессе же воплощения заложенные проблемы открыто выносились на суд зрителей, которым предлагалось включиться в совместное обсуждение, стать сотворцами происходящего. Тем самым, с одной стороны, происходило органичное слияние актуального для коллектива содержания (материала, злободневной проблемы, конкретной событийной основы) и яркой формы (театрализованного представления, несущего единство информационного, документального и эмоционально-образного, художественного). А с другой, – воспитание умений и навыков организации масштабных театрализованных мероприятий, которые члены театрального клуба «Суббота» в дальнейшем успешно проводили.

Организация материала пьесы и сценарной деятельности вокруг событийности ее драматургической основы ярко прослеживается в деятельности Муромского театра-студии «Контраст», в недрах которого так же, как и в театре-клубе «Суббота», возник клуб по интересу к театрализованным действиям. Пьеса литовского драматурга Ю. Грушаса «Любовь, джаз и черт», рассказывающая о преступлении, совершенном 16-летними мальчишками, одурманившими себя наркотиками и грохотом «импортной» музыки, выступила основой для создания сценария театрализованного представления-дискуссии о проблемах нравственности подростка, истинных и мнимых ценностях, в котором зрители стали его активными участниками и сотворцами. Стремление активно вмешаться в решение одной из важнейших на сегодняшний день проблем – бездуховности, страстность и четкая гражданская позиция участников коллектива – все это ярко проявилось во время рождения сценария театрализованного представления на основе пьесы. В результате многочисленных встреч с работниками милиции, проводившихся прямо в театре-студии, дискуссий с городскими подростками, бесед с ребятами, чьи судьбы во многом напоминали судьбу главных действующих лиц пьесы, родились театрализованные блоки-эпизоды, построенные

на документальном материале, реальных биографиях, которые органично вошли в сценарий, обострив развитие конфликта, сделав сюжет более динамичным и близким конкретной аудитории.

Мы видим, что в самодеятельном театральном коллективе, ориентированном руководителями на деятельность по подготовке театрализованных действий, связанных как с судьбой конкретной общности, либо личности, так и целого региона, педагогически программируемая система постепенного приобретения навыков и умений позволяет выявить своеобразный клуб единомышленников по интересам к созданию праздников, обрядов.

В сущности, переход зрителя в категорию участника и далее организатора и инициатора предполагает на каждом из этих уровней принципиально иную меру развития потребностей, умений и навыков празднично-обрядовой деятельности. По сути, это и есть различные уровни не только активности, но и развития празднично-обрядовой культуры личности.

Основой же динамики деятельности ситуативной общности является событийный календарь – фундамент празднично-обрядовой культуры. В нем заложен богатейший народный опыт, огромный исторический пласт традиций и обычаев. В этом плане интересен взгляд польского социолога культуры К. Жигульского: «Отвергая старый социально-культурный уклад, изменяя календарь, строя жизнь на новых основах, люди не отбрасывают сам институт праздника, а, напротив, сохраняют его, поскольку он удовлетворяет устойчивые человеческие потребности. Ориентация на новые идейные ценности, узловые даты истории страны потребовали и требуют своих праздников, особого времени и места в календаре, своих образов, ритуалов, художественного оформления». Однако, подчеркивая сознательное формирование института праздников как мощного источника культуры, автор констатирует, что они набирают силы, «обильно черпая из сокровищницы предшествующих форм, ритуалов, обрядов, декораций» [2, с. 279, 286].

Разнообразна и богата событиями жизнь каждого человека. Его память запечатлевает наиболее яркие моменты, определившие судьбу человека, создавшие его жизненный ориентир. Появление на свет, первый школьный звонок, прием в учебный или трудовой коллектив... Это праздничные торжества, личный опыт коллективной эмоциональной жизни каж-

дого человека, окрашивающий его жизнь неповторимыми красками воспоминаний и рождающий первую ответственность перед обществом.

В похожих друг на друга буднях человеку особенно нужен праздничный календарь, отмечающий вехи его жизненного пути, подчеркивающий смысл и значение его деятельности.

Потребность в коллективной эмоциональной памяти, в праздничном календаре, в художественном оформлении повседневной жизни всегда была характерной для индивида. Анализируя тенденции духовного развития нашего общества, следует особо подчеркнуть важность реализации в нем именно потребности в коллективной эмоциональной жизни.

Следует подчеркнуть, что событийный празднично-обрядовый календарь является фундаментом коллективной эмоциональной жизни той или иной ситуативной общности. Выделенные три важнейших уровня календаря в зависимости от масштаба событийности [5, с. 8] не утратили своей актуальности: 1) всеобщая праздничная ситуация, отражающая наиболее масштабные события и даты, этапные моменты жизни общества; 2) стабильная праздничная ситуация, характерная для конкретной социальной общности, отражающая этапные моменты, памятные и знаменательные даты в жизни конкретного региона; 3) переменная праздничная ситуация, отражающая текущие события жизнедеятельности конкретного коллектива, ход повседневного труда и быта, их общественную оценку.

Проведенный в различных регионах страны анализ основных направлений и конкретного содержания событийности в празднично-обрядовых календарях позволил сделать вывод о том, что они являются фундаментом, на котором строится органичное единство социально-психологической потребности в празднично-обрядовом действии ситуативной общности и реализации этой потребности в педагогически запрограммированной сценарно-режиссерской деятельности организаторов. При этом бесспорно, что социально-психологические потребности очень важны, ибо они, являясь производной событийного празднично-обрядового календаря того или иного региона, коллектива, личности, диктуют основу сценарно-режиссерского замысла, конкретные каналы реализации активности участников театрализованного действия.

Непонимание этого, отсутствие опоры на потребности масс ведет к проведению

формально-показных мероприятий, не затрагивающих душу людей, дискредитирующих надуманной громкостью и помпезностью само понятие театрализованного действия. Такие мероприятия превращаются в красиво оформленные зрелища с безучастно взирающими на происходящее зрителями, а главной задачей организаторов становится обеспечение любой ценой хоть какой-то аудитории.

Другая крайность, когда целая система возможных театрализованных праздников и обрядов не реализуется из-за отсутствия продуманного анализа социально-психологических потребностей ситуативной общности в активном действии по поводу конкретного события, к которому она непосредственно причастна. В этом случае зачастую происходит стихийное волеизъявление масс. Оно, в силу полного отсутствия педагогического программирования, несмотря на позитивные изначально стремления, делает праздничное действие неуправляемым, и последнее приобретает антиобщественный характер. Достаточно вспомнить стихийное воздушно-десантных войск в Москве и других городах. В результате главными «организаторами» вышедшей из-под контроля уже не массы участников, а неуправляемой толпы, становились работники милиции.

Думается, что сегодня, в период демократизации общественной жизни, празднично-обрядовая культура должна помочь избежать негативных проявлений при реализации событийного календаря, в котором можно выделить несколько основных направлений, соответствующих тем или иным потребностям ситуативной общности. Празднично-обрядовая культура подразумевает понимание организаторами театрализованного действия методики сценарно-режиссерской деятельности в каждом из этих направлений.

Вышесказанное вплотную подводит нас к вопросу о *функциях* празднично-обрядовой культуры. Э.В. Соколов предлагает оригинальное толкование функциональности любого культурного явления: это способность производить определенного рода работу, необходимую для поддержания целостности системы, достижения ею каких-то целей выживания и развития [9, с. 66]. Он справедливо утверждает, что наиболее продуктивный путь при выявлении функциональной определенности форм культуры – это выделение той главной сферы, где такие формы наиболее ак-

тивно проявляются, в рамках которой они осуществляют конструктивную работу.

Совершенно очевидно, что празднично-обрядовая культура функционирует в рамках досуговой сферы. В досуге выделяют ряд функций, имеется немало разночтений по данному вопросу, однако большинство авторов вычлениют две ведущие – развивающую и рекреативную [4, с. 252, 270]. Говоря о театрализованных формах массовой культурно-досуговой деятельности, приходится учитывать и специфические функции этой области воспитания: включение населения в непрерывное просвещение, приобщение к занятиям любительским творчеством, организацию отдыха и развлечений.

Будучи включена в системы досуга и культурной деятельности, празднично-обрядовая культура в той или иной мере реализует указанные функции и в то же время обладает собственной функциональной неповторимостью. Как функции культуры функции празднично-обрядовой культуры соответствуют актуальным потребностям личности и общества. Соотнесение человеческих потребностей и соответствующих функций празднично-обрядовой культуры представляется нам продуктивным, поскольку сама она является продуктом человеческой деятельности, направленной на реализацию конкретных потребностей.

Материалы проведенного нами массового опроса позволяют вычленить потребности, интересы, мотивы, побуждающие респондентов включиться в празднично-обрядовое действие, определить меру удовлетворенности конкретным мероприятием, которая обусловлена, в первую очередь, именно его соответствием ожиданиям (потребностям) личности.

Обобщение материалов, полученных в ходе опроса 1600 человек, показывает, что празднично-обрядовая культура, объективируясь в конкретных формах, удовлетворяет прежде всего потребность личности в общении. Общение в театрализованном мероприятии многообразно, многопланово и многоуровнево. Д.М. Генкин, исследуя феномен праздничного общения, выделяет в нем сочетание межличностного, группового и массового общения [1, с. 23]. При этом возникает не просто сумма актов общения отдельных людей, а формируется общность на основе синтеза их социальных позиций, эстетических переживаний, настроения. Причем общественное настроение придает массовому действию не только соответствующую социальную, но и эмоциональную

окраску, которую важно предусмотреть в сценарно-режиссерской деятельности организаторов праздников и обрядов.

Это обстоятельство позволяет обосновать коммуникативную функцию празднично-обрядовой культуры. Однако можно утверждать, что коммуникативная функция празднично-обрядовой культуры не исчерпывается только общением, сколь многообразным и интенсивным оно бы ни было. Праздник, обряд, другие театрализованные формы осуществляют важную задачу обеспечения связи поколений, обмена между поколениями, нациями, народами исторической, политической, культурной и другой информацией.

Следующая важная функция празднично-обрядовой культуры – ценностно-ориентационная. В процессе участия личности в театрализованном мероприятии на основе коммуникативной функции происходит интенсивный процесс интериоризации человеком определенных ценностей – политических идей, культурного наследия. Обогащение системы ценностей личности, которое при этом происходит, отвечает определенным потребностям не только общества, но и самой личности. Это связано с тем, что человек испытывает потребность в наличии нравственных ориентиров, критериев своего поведения и деятельности. Не случайно ныне многие испытывают чувство растерянности от того, что сложившаяся прежде система ценностей (во многом ложных) в нашей стране сегодня претерпела кардинальные изменения. Это создало психологический дискомфорт, который, в свою очередь, приводит либо к апатии, либо к повышенной агрессивности. Театрализованные формы массовой культурно-досуговой деятельности во многом позволяют снять возникающее на этой почве социальное напряжение. За счет органического соединения документального и художественного материала, сочетания информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на сознание, чувства и поведение зрителя и участника театрализованного массового действия идея мероприятия становится побудительным моментом размышлений личности, стимулирует ее стремление сопоставить свою жизнь с жизнью реального героя. В результате возникает объективная основа для обогащения системы ценностей участника массового действия (отчасти и зрителя) теми идеями, образами, жизненными обстоятельствами, которые составили содержательную основу данного мероприятия.

Исследование дает основание для выделения еще одной, чрезвычайно важной функции празднично-обрядовой культуры – самореализационной. Эта функция напрямую коррелирует с потребностью личности в реализации своих сущностных сил. Объективно существующая ограниченность различных сфер жизнедеятельности в реализации сущностных сил человека создает у последнего своеобразные очаги возбуждения в психике, делает ее неустойчивой. Это связано с тем, что большинство сфер жизнедеятельности нормативны, ограничивают личность в возможностях самовыражения.

Празднично-обрядовая культура обладает специфическим свойством разряжать подавляемые человеком импульсы, ведущие к нарастанию психологического напряжения, не нарушая при этом существующей системы норм. Э.В. Соколов указывает, что «один из наиболее древних и мощных социальных способов разрядки – праздник. Смысл празднества состоит в торжественном обновлении жизни. Во время праздника идеальное и реальное в сознании человека как бы сливаются» [4].

Разумеется, празднично-обрядовая культура не сводится только к возможности выйти за пределы обыденности и снять психологическое напряжение. В рамках конкретных празднично-обрядовых форм человек может выбрать вариант поведения и деятельности в соответствии со своими желаниями, возможностями, состоянием здоровья, уровнем культуры и тем самым самореализоваться. Как показали наши наблюдения, именно стремление к наиболее полной самореализации побуждает зрителя к переходу в категорию участника массового действия, участника – в организатора, а последнего – в инициатора. Не случайно уровень удовлетворенности мероприятием находится в прямой зависимости от возможности респондента самореализоваться. Исследования показали, что самая низкая степень удовлетворенности у тех, кто видит в празднике только развлечение (15,3%), а самая высокая – у тех, для кого он выступает как средство единения с коллективом (43,6%), приобщения к традициям (38,3%) [1, с. 22].

Наконец, в празднично-обрядовой культуре можно выделить преобразовательную функцию. Она проявляется в том конструктивном воздействии, которое оказывает участие в театрализованных формах на субъект деятельности. Эти преобразования касаются двух сторон: а)

сознания личности участника и зрителя; б) поведения и деятельности, связанных с подготовкой массового действия и участием в нем.

Преобразующая функция проявляет себя наиболее рельефно в формах художественно-творческой деятельности участников и организаторов массового театрализованного действия. Речь идет, с одной стороны, о деятельности сценаристов, режиссеров, композиторов, художников, хореографов и других членов творческого коллектива. С другой, – о художественной активности участников театрализованного действия, стимулирующей их эмоциональную сферу и вызывающей потребность в художественной деятельности, которая находит выражение в коллективном импровизационном творчестве, наиболее ярко проявляющемся в кульминации и финале праздника, обряда и т.п. В одних случаях это может быть массовая песня, коллективный танец, в других – включение участника в импровизационно-творческую игру, требующую от него перевоплощения, проявления творческих способностей. Данная функция проявляется не только на локализованном во времени и пространстве самом театрализованном мероприятии. Она охватывает и период подготовки к нему, когда будущим участникам дается возможность готовить тексты, разучивать песни, репетировать художественные выступления, придумывать костюмы и маски, создавать лозунги, плакаты, транспаранты, сопровождающие коллективное театрализованное действие.

Список литературы

1. Генкин Д.М. Социально-педагогические основы массового праздника: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук : (13.00.05). – Л., 1981. – 33 с.
2. Жигульский К. Праздник и культура / Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
3. Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. – СПб.: Михайлов В.А., 2001. – 319 с.
4. Клубоведение: Учебн. пособие / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.И. Чепелева. – М.: Просвещение, 1980. – 397 с.
5. Место массового праздника в духовной жизни общества: Сб. научных трудов. – Л., 1981. – 166 с.
6. Орлов О.А. Праздничная культура России. – СПб.: Культинформпресс, 2001. – 159 с.
7. Паренчук Т.Н. Праздничная культура современной России в контексте урбанизации : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры». – Кемерово: Кемер. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. – 17 с.
8. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. – М.: Наука, 1984. – 161 с.
9. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. – Л.: ЛГИК, 1989. – 83 с.
10. Юзовский И.И. Зачем люди ходят в театр... – М., 1964. – 415 с.

Подход к вычленению функций празднично-обрядовой культуры, опирающийся на анализ совокупности личностных потребностей, которые реализуются в конкретных празднично-обрядовых формах, представляется продуктивным по двум причинам.

Во-первых, он дает возможность выделить логически непротиворечивые функции, образующие систему и характеризующие специфику празднично-обрядовой культуры, ее место в системе культуры.

Во-вторых, эти функции представляют интерес в плане анализа воспитательного потенциала празднично-обрядовой культуры. Поскольку празднично-обрядовые формы обладают объективными возможностями удовлетворения самых разнообразных потребностей – как витальных, так социальных и идеальных – то используя эту специфику празднично-обрядовой культуры, можно, соответствующим образом программируя поведение – деятельность зрителей и участников – оказывать на них позитивное воспитывающее влияние.

Наряду с этим существенная особенность данной сферы воспитания определяется тем, что педагогический процесс опредмечивается в конкретных театрализованных мероприятиях, а также деятельности по их подготовке и проведению. Каждое из них в соответствии со своей структурой, содержанием, особенностями сценарно-режиссерской разработки и другими признаками может быть отнесено к конкретному виду, форме, жанру театрализованного действия.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 574.2 + 330.101.5 + 316.324
ББК 65.28

Г.С. Розенберг

НООСФЕРНОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: «НАЗАД К ПРИРОДЕ», «ВПЕРЕД К ПРИРОДЕ», «ВМЕСТЕ С ПРИРОДОЙ»?

Обсуждаются конструктивные подходы к реализации концепции устойчивого развития для иерархически организованных территорий разного масштаба. Критически рассмотрено несколько сценариев достижения устойчивого развития.

Ключевые слова:

духовные потребности, здоровье населения, иерархическая организация территории, материальные потребности, ноосфера, ресурсы, социо-эколого-экономическая система, территория, численность населения, устойчивое развитие, эстетические потребности.

Неоднократно выполнявшийся критический анализ некоторых из предложенных в последнее время концепций и представлений об устойчивом развитии России [9; 14; 24–26; 31], позволяет сделать три принципиальных замечания.

1. Все предлагаемые концепции «линейны», а не «объёмны». Иными словами, они написаны для России в целом без представления о том, как будут реализовываться «на местах». Исключениями являются предложения А.И. Солженицына [29] о введении земской системы управления и выделении 40 крупных городов России для рассредоточения жизни и объединения вокруг них российской провинции, проект концепции Н.Т. Агафонова и Р.А. Исляева [1], посвященный региональным проблемам устойчивого развития, и наши предложения о «бассейновом переделе мира» и «ноосферном каркасе городов» [23; 26; 27].

2. Отсутствует научно обоснованный прогноз изменения социо-эколого-экономических систем (СЭЭС) в ходе перехода к устойчивому развитию.

3. Отсутствует четкое представление об объемах и источниках финансирования такого рода изменений в жизни страны, её регионов и городов.

4. Практически отсутствует описание механизмов реализации этих концепций.

Любая концепция устойчивого развития интегрирует в себе экологическую, экономическую и социальную сферы и является, прежде всего, политическим документом, для успешной реализации которого необходимо последовательное проведение демократизации управления и соблюдение следующих основных принципов [31].

1. Принцип иерархической организации Концепции.

2. Принцип единства целей (деятельность всех уровней иерархии объединяется единством целей, среди которых, выделяются обеспечение мира и безопасности (в т. ч. социальной и экологической), здоровья и полноценного воспроизводства населения на своей и сопредельной территории; рациональное, экологически сбалансированное природопользование для удовлетворения основных материальных, духовных и иных потребностей всех членов сообщества данной территории с учетом потребностей последующих поколений и без ущерба окружающей среде за пределами её границ; охрана естественных и антропогенно измененных, но еще

устойчивых ландшафтов, разнообразия растительного и животного мира; реконструкция нарушенных ландшафтов для сохранения устойчивого состояния биосферы в целом и пр.).

3. Принцип последовательной экологизации всех сфер жизнедеятельности территории (ресурсы каждой территории находятся в собственности и распоряжении её населения и используются для удовлетворения основных материальных, духовных, эстетических потребностей, обеспечения здоровья населения, полноценного его воспроизводства и достижения целей устойчивого развития).

4. Принцип «управление – для населения» (управление территориями строится на принципе передачи местным органам *максимально* возможных, а центральной власти – *минимально* необходимых полномочий в принятии решений, а также на основе достижения общественного согласия по наиболее существенным вопросам, затрагивающим интересы всего населения или отдельных групп).

5. Принцип единого контроля и доступности информации (можно вспомнить о попытках создания Единой государственной системы экологического мониторинга с целью «информационного обеспечения управления в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, обеспечения экологически безопасного устойчивого развития страны и её регионов» [2, с. 37–38]; сходные положения сформулированы и в «Экологической доктрине Российской Федерации» [32, с. 23–25]).

6. Принцип финансирования программ устойчивого развития (этапность выполнения таких программ для территорий любого масштаба следует напрямую связать с выделением в защищенных разделах бюджетов этих территорий (страны, области, города) *отдельной строкой* расходов на охрану окружающей природной среды; например, I этап – не менее 3 % расходной части бюджета (этот пункт первыми и все еще пока единственными в России уже с 1993 г. выполнен Самарской областью и с 1994 г. – городами Самара и Тольятти); правда, сейчас, в рамках «консолидированных бюджетов» это благое начинание вновь переведено на «распределительные рельсы»; II этап – не менее 5 %; III этап – не менее 7 % расходной части бюджета).

7. Принцип осуществимости Концепции (на каждом иерархическом уровне для достижения устойчивого развития не-

обходима реализация ряда систем обеспечения Концепции, настолько очевидных, что комментарии также не требуются: законодательно-правовой и нормативной, экономической, контрольно-информационной (мониторинговой), научной, просветительно-образовательной, материально-технической и трудовых ресурсов, организационной и ряда других).

Основываясь на рассмотрении биосферного пути развития мира (восстановления биоты в объеме, необходимом для реализации устойчивого развития), можно выделить следующие уровни территорий, на которых должны решаться задачи устойчивого развития:

– *планета Земля* – общие («рамочные») принципы устойчивого развития (см., например, [19]);

– *страна, федерация* – совокупность территорий, объединенных единством законодательной, экономической, нормативной баз для реализации принципов устойчивого развития (примеры – Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 об утверждении Концепции перехода России к устойчивому развитию и «Экологическая доктрина Российской Федерации» [32]);

– *регион* – объединение нескольких областей на основе добровольного сотрудничества в использовании ресурсов, организуемого преимущественно на определенном единстве природных условий (прежде всего бассейн крупной реки или его часть, природно-климатическая зона, морское побережье); в качестве примера может служить Федеральная целевая программа (ФЦП) «Оздоровление экологической обстановки на р. Волге и её притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна («Возрождение Волги»», благополучно «отработавшая» почти 10 лет [4; 18; 19];

– *область, автономия* – минимальная административная единица, включающая разнообразные по ландшафтам, степени антропогенной трансформации, характеру использования территории (как правило, в пределах одной экологической зоны) и обеспечивающая удовлетворение основных потребностей населения за счет собственных ресурсов. В качестве примера можно назвать ФЦП «Социально-экологическая реабилитация территории Самарской области и здоровья её населения», принятую Постановлением Правительства РФ от 14.11.1996 г. № 1353) и также «благополучно» завершившую свое

– *крупные и средние города* – минимальные СЭЭС, способные самостоятельно решать проблемы устойчивого развития в рамках урбоэкосистем (создание «ноосферного каркаса городов»); примеры – «Концепция экологической безопасности и устойчивого развития города Тольятти», принятая решением Тольяттинской городской думы № 145 от 13.09.1995 г., ФЦП «Социально-экологическая реабилитация территории и охрана здоровья населения г. Чапаевска Самарской области», принятая Постановлением Правительства РФ от 21.06.1996 г. № 720 (и таким же Постановлением отмененная в декабре 2001 г.), «Концепция устойчивого развития г. Королева», принятая в 1998 г. [5], и некоторые другие.

Разрабатываемые нами положения о «ноосферном каркасе городов» и «экологических столицах» бассейнов рек [23; 26; 27; 31] во многом сходны с положениями Аалборгской хартии (27 мая 1994 г. более 200 малых и больших городов Европы подписали в г. Аалборге (Ольборге, Дания) «Хартию городов Европы за устойчивое развитие»). При этом под ноосферным каркасом городов понимаются крупные (с населением не менее 500 тыс. человек) города бассейна большой реки, связанные в специфическую иерархию. Основная их задача – обеспечение устойчивого развития в самом городе и на близлежащих территориях (своего рода ответственность за их устойчивое развитие перед сообществами вышестоящих уровней иерархии). Естественно, что выбор таких городов должен отвечать некоторым критериям, основными среди которых будут:

- возможность финансировать программы устойчивого развития территории из муниципального бюджета (иными словами, достаточно мощный промышленный потенциал города);

- добровольное желание взять на себя дополнительные обязанности и ответственность за устойчивое развитие территорий;

- наличие достаточного научного (экологического) потенциала и хорошо развитой системы охраны природы на территории;

- опыт реализации и координации программ аналогичного свойства.

В каждом из бассейнов следует определить экологическую столицу – город, который будет координировать деятельность ноосферного каркаса городов в бас-

сейне реки. Бассейн реки представляется наиболее заметным естественным образованием,.. оптимизация водного режима которого – наиболее разработанная задача [21, с. 164]. Немаловажным фактором определения экологической столицы бассейна должны стать научный (экологический) потенциал, местоположение города (предпочтение следует отдать наиболее индустриально мощному городу в нижнем течении, экологические проблемы которого более рельефны и аддитивны) и наличие в сравнительной близости особо охраняемой территории для анализа меры диссонанса антропогенной нагрузки. В частности, для Волжского бассейна на роль экологической столицы вполне может претендовать Самарско-Тольяттинская агломерация городов [23; 30; 31].

Каждый уровень иерархической организации территории решает задачи в пределах своей компетенции, в основном, за счет собственных сил и средств, оказывая методическую и консультативную помощь нижележащим уровням и представляя интересы последних перед более высокими уровнями иерархии.

Выполнение такого рода принципов позволяет предложить сценарии возможного достижения устойчивого развития в иерархически организованной территории.

Самая простая, **дихотомическая классификация** была дана еще в 1994 г. Н.Н. Моисеевым (*выд. мной. – Г.Р.*). Она настолько очевидна, что не требует комментариев: «Мы действительно стоим на развилке цивилизационных путей. Один – это **предельный животный эгоизм и индивидуализм (сценарий 1)**, оперирование лишь сиюминутными категориями. Другой я бы назвал путем “героизма” и возрождения древних традиций, призывающих **жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей (сценарий 2)**. Может быть, предложенная дихотомия дает излишне рафинированное представление о возможном выборе цивилизационных путей. Действительность богаче любой схемы, но последняя четче выделяет потенциальные опасности. Выбор первого пути обрекает человечество на более или менее быструю деградацию. Она будет происходить по-разному в разных странах, но весьма мучительно для всех. Хотя для некоторых из них на каком-то небольшом отрезке времени она, может быть, и будет сопровождаться устойчивым развитием – как Рим во времена последних императоров.

Такой выбор отвечает идеологии “золотого миллиарда”, благополучие которого может быть еще обеспечено в течение ряда поколений за счет деградации остальных миллиардов населения Земли. Выбор другого пути дает человечеству шанс использовать дарованный ему Природой Разум. Но для этого нужно общее согласие и реализация потенциальной способности людей к созданию коллективной, общепланетарной Стратегии. И совсем не очевидно, что человек сможет обеспечить такое согласие и найти рациональное соотношение Рынка и целенаправленности, соотношение, позволяющее реализовать Стратегию» [16, с. 295]

Здесь лишь подчеркнем, что основными путями реализации второго сценария Н.Н. Моисеев видел *образование* и необходимость *детального научного анализа*, главной (но не единственной) задачей которой должна стать формулировка системы запретов. «По существу, современная наука и должна сформировать новую систему запретов. И рекомендаций – как эти запреты реализовать» [16, с. 267]. В этом контексте представляет интерес статья В.А. Голиченкова с соавторами с весьма претенциозным названием «Одна из угрожающих человечеству проблем, признанных ЮНЕСКО, – биологическая неграмотность населения, её* неосведомленность в самых азах биологии» [7].

Не менее очевидная классификация путей развития современной цивилизации (наподобие васнецовского «Витязя на распутье»: можешь выбирать любую из трех дорог, но какую ни выберешь, обязательно что-то потеряешь) предполагает три сценария [15; 23; 25].

Сценарий 1. «Назад к природе». Причины наших «экологических бедствий», в первую очередь, связаны с игнорированием обществом и его лидерами фундаментальных и объективных законов экологии, принципов и правил природопользования, наиболее полно систематизированных в начале 90-х гг. XX в. [20; 22; 28]. Для поддержания квазиустойчивого состояния человечеству необходимо (в пределах характерных биологических времен) согласовывать свое развитие с фундаментальными экологическими законами. Из признания этого факта следует, по крайней мере, два руководящих принципа:

– принцип признания развития человеческой цивилизации составной частью биосферных процессов;

– принцип экологического реализма и научности в природопользовании.

Подробная аргументация в пользу этих принципов вряд ли необходима в силу их аксиоматичности. Не вызывает сомнений и тот факт, что соотношение практической деятельности с фундаментальными научными законами, в том числе и экологическими, возможно только в обществе *образованных людей*. Поэтому еще одним ключевым принципом устойчивого развития следует признать приоритет доступности, обязательности и всеобщности экологического образования (всех слоев общества и, в первую очередь, подрастающего поколения). Эти руководящие принципы должны быть дополнены другими, охватывающими все аспекты функционирования триады «Природа–Человек–Общество».

К сожалению, в рамках доктрин и социалистической, и рыночной экономик не учитываются такие фундаментальные экологические положения, как *закон падения природно-ресурсного потенциала* и *закон снижения энергетической эффективности природопользования* [28]. Игнорирование закона константности В.И. Вернадского, гласящего, что количество живого вещества биосферы (для данного геологического периода) есть константа, привело к тому, что нами подорвано биоразнообразие планеты, и, как следствие, вытекающее из *правила обязательного заполнения экологических ниш* и *принципа конкурентного исключения* Г.Ф. Гаузе, резко возросла численность видов-синантропов («сорняков» с позиции Человека: осетровые «заменились» частиковыми, наблюдается «непобедимость» рыжего таракана, рост числа и количества вносимых гербицидов заметно не уменьшает засоренности посевов и пр.).

Преодоление глобального экологического кризиса под наивным лозунгом радикального крыла «зеленого движения» – «Назад к природе» – нереально, так как он противоречит *закону исторической необратимости*: общественно-экономическое развитие невозможно повернуть вспять (кроме как через деградацию цивилизации). В полной мере это справедливо и применимо к природным системам (*правило необратимости эволюции* Л. Долло). В частности, именно этими причинами (естественно, в совокупности с целым рядом других, не менее важных) надо объяснить

* Так в источнике – прим. кофр.

невозможность путем «сносения плотин» (еще одна «голубая мечта» «зеленых») вернуть Волгу к её естественно-первоначальному состоянию...

Итак, сценарий «Назад к природе» не имеет шансов на реализацию в цивилизованных рамках по причинам как объективным (несоответствие вышеназванным законам), так и субъективным (добровольно «назад на дерево», в коммунистическое «вчера»?).

Сценарий 2. «Вперед к природе». Немнее (а может, и более) опасным представляется и лозунг «Вперед к природе», особенно если это сопровождается активным вмешательством в процессы эволюционного развития жизни. Так, М.Е. Виноградов с соавторами предлагают использовать «направленную селекцию,.. применяя для повышения мутабельности разные мутагены», а затем вводить «удачных мутантов в природные экосистемы вблизи источников загрязнения» [3, с. 813]. Предполагается, что таким образом можно будет контролировать уровень загрязнений. Очевидно, что причинно-следственные связи здесь поменялись местами, не говоря уже о тех плохо прогнозируемых для человечества последствиях, которые несет с собой генная инженерия. Авторы пренебрегают принципом неполноты информации, гласящим, что информация при проведении акции по преобразованию природы всегда недостаточна для суждения обо всех возможных результатах (особенно в далекой перспективе) осуществляемого мероприятия.

Следует отметить, что введение в экосистемы специализированных видов-мутантов потребует опережающего создания методов управления их популяциями, т. е. в очередной раз подменяя собой природу (и/или Творца) и рискуя вновь подтвердить истину, что ум человека ограничен, и только глупость не имеет границ. И здесь уместно подчеркнуть, к чему может привести недалёковидная «экополитика», вспомнив хрестоматийные примеры из научной фантастики – «Вечный хлеб» Александра Беляева или «Мутант» Артура Хейли. В результате человечеству пришлось отгораживаться барьером от мутантов (соответственно, и от природы): для мутантов вещественный мир человека представлял нечто иное – скорее концентрированные, а поспе и очень привлекательные, ресурсы.

Продолжая линию литературных аналогий, трудно удержаться от сопоставления точек зрения на проблему «окульту-

ривания экосистем» М.Е. Виноградова и А.Н. Толстого, хотя последний вряд ли причислял себя к экологам. Однако, сравнив цитаты из работы М.Е. Виноградова и бессмертного «Золотого ключика, или приключений Буратино» А.Н. Толстого, читатель сам сможет убедиться в близости представлений авторов.

Так, в работе М.Е. Виноградова с соавторами читаем: «Давайте немного помечтаем и представим себе окультуренную экосистему лет через 50 или 100. Она поддерживает существование небольшого поселка с населением около десяти тысяч человек... Хорошо видно, как кипит работа... *пчелы собирают нектар с медоносов,.. муравьи несут свежую хвою,.. ежи тащат грибы, мелкие грызуны – семена злаков, а птицы – ягоды*» и т.д. (здесь и в двух последующих цитатах курсив мой. – Г.Р.) [3, с. 815].

А вот как сложилась судьба девочки с голубыми волосами Мальвины, которая не вынесла грубости Карабаса-Барабаса, убежала из театра и поселилась в «уединенном домике на сизой поляне» (поляна, в данном случае, может рассматриваться в первом приближении как фрагмент лесной экосистемы): «Звери, птицы и насекомые снабжали её всем необходимым для жизни. *Крот приносил питательные коренья. Мыши – сахар, сыр и кусочки колбасы... Майские жуки – разные ягоды. Бабочки – пыльцу с цветов – пудритья. Гусеницы выдавливали из себя пасту для чистки зубов и смазывания скрипящих дверей. Ласточки уничтожали вблизи дома ос и комаров...*».

Еще дальше идет в своих построениях В.А. Зубаков [11, 12]. Он описывает «техносферную траекторию развития цивилизации», – становление «тоталитарно-мафиозной цивилизации», бурная «киборгизация» и переход лидерства в направленной эволюции от людей к киборгам («высокоспециализированные киборги, представляющие симбиоз и кооперацию мозга человека с биоинженерными устройствами, явятся крупнейшим скачком в эволюции разума (интеллекта) на новый информационно-энергетический уровень» [11, с. 30–31])... Преодоление глобально экологического кризиса в этом случае будет происходить путем строительства киборгами «биосферно-кислородных резерватов для своей элиты» – доноров мозга [11, с. 31]. Фантастическая «страшилка»!

Еще один путь по направлению «Вперед к природе» – это создание *симбиотической среды*, «когда с ростом экономики увеличивается экологическая ценность

территорий» [6, с. 415]. Конечно, это не столь «лобовое», как у М.Е. Виноградова или В.А. Зубакова «технократическое движение», но и оно основано на представлениях о биосфере как о замкнутой системе наподобие кабины космического корабля. Хочется напомнить ставшую классикой энвайронментализма работу К. Боулдинга [33], в которой автор сравнил два подхода к взаимодействию в системе «Человек–Природа»: «экономике ковбоя» (максимизация ВВП и рост потребления природных ресурсов) и «экономике прибывающего космического корабля Земля» (сохранение запасов природных ресурсов) [33]. Интересен и вывод, к которому приходят И.И. Гительзон, С.И. Барцев: «Опыт разработки замкнутых систем жизнеобеспечения показывает, что не следует слишком драматизировать глобальные проблемы обеспечения человечества пищей – по всем оценкам, если правильно организовать хозяйство, отдать *всю землю под сельхозугодья* (курсив мой – Г.Р.), ввести капельный полив там, где мало воды и т.п., то на Земле может выжить около 50 млрд человек, хотя лучше бы до такого предела все же не доходить». Здесь приходится напомнить авторам о проблемах деградации почвенного покрова Земли (см., напр., статью в том же журнале, но на один номер раньше [10]), и о правиле «трех третей» (стратегическом соотношении заповедных, ограниченно используемых и «рабочих» территорий для оптимального существования человека в ландшафте [28, с. 237–238]).

Осуществление сценария «Вперед к природе», к сожалению, весьма вероятно по трем основным причинам. Во-первых, человек уверовал в свое превосходство над силами природы (экомания величия) и думает, что уже способен управлять ими (вспомним лишь известное со школьной скамьи крылатое мичуринское выражение). При этом человек не осознает, что на самом деле он «внутри природы», а не над ней, – отсюда все его ошибки, приведшие к глобальному экологическому кризису. Более того, искусственное поддержание процессов круговорота в биосфере (а именно они и нарушены Человеком в ходе его хозяйственной деятельности) теоретически возможно, но практически неосуществимо, ибо потребует привлечения всех ресурсов цивилизации (не нынешней – будущей). Во-вторых, «природопотребительское» мировоззрение «съедает биосферу» и давно превратило Homo sapiens (если он

таким был) в Homo consumens (человека потребляющего), и чтобы научиться, наконец-то, соизмерять свои потребности с возможностями среды обитания, ему следует сознательно «уменьшить свой аппетит» (правда, человек способен сделать это, кажется, только в самых экстремальных ситуациях: примером тому может служить авария с нашим подводным аппаратом, застрявшем на глубине 200 м в районе Камчатки в августе 2005 г.; экипаж пошел на беспрецедентное сокращение своих потребностей даже в дыхании (!), что позволило ему продержаться до завершения спасательной операции), очень быстро разработать и принять новые «правила игры» с природой. В-третьих (и это особо подчеркивает В.А. Зубаков), человечество ведет себя так, как будто ничего не происходит, и тем самым «теряет темп», что, как и в шахматах, грозит проигрышем: изменения в окружающей среде становятся все более необратимыми и все менее пригодными для жизни человека. Еще в знаменитой работе представителей Римского клуба «Пределы роста» середина XXI в. (если человек не попытается ничего изменить) называлась как «точка деградации биосферы» [34]. Иными словами, по мнению некоторой части ученых, в нашем распоряжении не более 50 лет.

Сценарий 3. «Вместе с природой». Экологический реализм, предполагающий научное понимание характера и силы экологических воздействий хозяйственной деятельности Человека на природную среду, требует гармонизации взаимоотношений общества и природы, и поэтому лозунгом *переходного периода* к квазиустойчивому развитию должен стать лозунг «Вместе с природой». Существует, как минимум, три теоретических варианта сценария «Вместе с природой».

Один из них предложен Н.Н. Моисеевым и может быть назван «ноосферно-коэволюционным» [16]. Понятие «ноосфера» в этом случае трактуется как новое эволюционное состояние биосферы, направлено изменяющейся в глобальном масштабе человеком для удовлетворения его потребностей, и представляется как результат коэволюции (совместной эволюции) природы и общества. Ошибочность такой интерпретации очевидна [9; 31]. *Коэволюция – это не параллельное развитие, а прежде всего взаимная адаптация.* Человечество, наконец-то, пришло к выводу, что оно должно соизмерять свою деятельность с

законами природы, чтобы сохраниться в ней как вид. Это еще как-то можно назвать адаптацией. Но никаких признаков адаптации природы к человеческой деятельности просто нет. Единственный её ответ – деградация. Даже при большом желании разрушение невозможно превратить в эволюцию.

Следует учитывать и еще один немаловажный факт. Антропогенные системы имеют примитивную структуру, устойчивость их, по сравнению с естественными, мала. Без постоянной заботы человека они, в лучшем случае, замещаются естественными ценозами (например, зарастание поля после прекращения возделывания на нем сельскохозяйственных культур, «поглощение» железной дороги в бразильской сельве и др.). Таким образом, правильнее говорить не о коэволюции, не об эволюционном переходе биосферы в новое качественное состояние, а о замещении биосферы техносферой. А в этом контексте такие теоретические построения выступают обоснованием второго сценария – «Вперед к природе».

Второй вариант сценария «Вместе с природой» предложен В.А. Зубаковым и назван им «экогейским» (от греч. эко – дом, Гея – Земля) [11]. Он основан на гомеостазе – динамическом равновесии с поддержанием наиболее важных для сохранения системы «Природа – Общество» параметров в допустимых пределах; причем сохранение природы является необходимым условием выживания человечества. Против этого трудно возражать – «гомеостаз» выглядит более привлекательным, чем «коэволюция» для объяснения сути процессов развития и взаимодействий в системе «Природа – Общество». А вот пути реализации экогейского сценария, которые предлагает В.А. Зубаков, прямолинейны и утопичны [11, с. 40–43; 12, с. 55–56]. По Зубакову, в основе новых отношений человека к природе должны лежать:

- религиозность (образовывать народ нет времени!);
- культ биосферы (Матери-Биосферы): поклонение ей с принесением ей присяги, покаянием и понесением расплаты человечеством;
- жесткие условия сокращения численности населения Земли – по крайней мере, в 4 раза за два поколения (не позволять женщине рожать больше одного раза);
- борьба с преступностью и нарушениями присяги биосфере «на уничтожение» всего за одно поколение;

– возврат матриархата путем аксиогенической (от греч. акси – достойный) революции (агрессивность и войны – от мужчин и только женщина (правда, «в союзе с прогрессивной и думающей частью мужского населения Земли»), по Зубакову, способна стать новой социальной силой в решении задач экогейской парадигмы);

– «сотворение нового человека Ното ахиос» (напр., [12, с. 51] и др.).

И на все про все – 40–50 лет! В более поздней работе В.А. Зубаков не столь категоричен [12]. Так, борьба с преступностью отдается в руки самих преступников («табу на преступление, совершивший его сам подвергается остракизму (изгнанию)»), предлагается замена критерия «продления срока жизни» на «продление времени творчества, при одновременном введении де-юре права людей на безболезненный уход от старости и болезней (активная эвтаназия)», замена демократии как власти «некомпетентного большинства, именем которого манипулируют элита и ТНК» на аксинократию – «власть знаний и компетентности Коллективного Разума» (курсив мой. – Г.Р.) [12, с. 49, 50] и т. д. И на все про все – уже 15 лет... [12, с. 60].

Наконец, В.А. Зубаков привлекает для обоснования своих построений науку об экологии внутренней среды организма – *эндэкологическое отравление (ЭЭО)*, по Ю.М. Левину [13]. Наибольшему загрязнению, по мнению медиков, подвергается межклеточная среда (состоящая преимущественно из воды), и от очистки её существенно зависит наше здоровье. С этим не поспоришь. А вот перенос этих организменных аналогий на биосферу («А вот чем грозит ЭЭО как болезнь Биосферы – об этом вопрос еще и не поднимался» [12, с. 61]) – это явное нарушение естественно-научного принципа *континуальности* (непрерывности) развития некоторых сложных систем, к которым относятся и экосистемы (в том числе и самая большая из известных на сегодня – биосфера).

Третий вариант сценария «Вместе с природой» – концепция устойчивого развития, о которой много говорилось выше. Представляется, что этот подход наиболее последователен и перспективен, особенно если понимать устойчивое развитие *не только как цель, но и как процесс* [14, с. 148].

Итак, «Да здравствует устойчивое развитие – ноосферное будущее всего человечества!». Вперед, «Вместе с природой»!

1. Агафонов Н.Т., Исляев Р.А. Проект концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития // Зеленый мир. – 1995, № 15 (185). – С. 12–15.
2. Бедрицкий А.И. Всероссийский съезд по охране природы / Материалы для обсуждения на заседаниях тематических секций. – М.: РЭФИА, 1995. – С. 35–42.
3. Виноградов М.Е., Михайловский Г.Е., Монин А.С. Вперед к природе // Вестник РАН. Т. 64. – 1994. № 9. – С. 810–817.
4. «Возрождение Волги» – шаг к спасению России / Под ред. И.К. Комарова. – М. – Н. Новгород: Экология, 1996. – 464 с.
5. Волков В.А. О поэтапном переходе города Королева к устойчивому развитию. – Королев, 2001. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ulb.ac.be/ceese/STAFF/safonov/ISEERC2001/Abstract/Volkov_abst_rus.htm.
6. Гительзон И.И., Барцев С.И., Охонин В.А., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Какой должна быть стратегия развития? // Вестник РАН. Т. 67. – 1997, № 5. – С. 415–420.
7. Голиценков В.А., Гусев М.В., Корженевская Т.Г. и др. Одна из угрожающих человечеству проблем, признанных ЮНЕСКО, – биологическая неграмотность населения, её неосведомлённость в самых азах биологии // Зеленый мир. – 2003, № 21–22. – С. 9.
8. Данилов-Данильян В.И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. – 1998, № 8. – С. 15–25.
9. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.
10. Добровольский Г.В. Тихий кризис планеты // Вестник РАН. Т. 67. – 1997, № 4. – С. 313–320.
11. Зубаков В.А. XXI век. Сценарии будущего: анализ последствий глобального экологического кризиса. Философско-прогностическое эссе – идеи и основа для дискуссии о путях выхода из кризиса. – СПб.: СПбГМТУ, 1995. – 86 с.
12. Зубаков В.А. Эндозэкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). – СПб.: Фонд развития России, 2002. – 86 с.
13. Левин Ю.М. Хочешь жить? Сумей выжить. – М.: РУДН, 2001. – 120 с.
14. Марфин Н.Н. Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). – М.: МНЭПУ, 2002. – С. 126–176.
15. Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Курс лекций по устойчивому развитию. – М.: Тайдекс Ко, 2005. – 248 с.
16. Моисеев Н.Н. Заслон средневековью / Сборник. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 312 с.
17. Найденко В.В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию: В 2-х тт. Т. 1: Общая характеристика бассейна реки Волги. Анализ причин экологического кризиса. – Н. Новгород: Промграфика, 2003. – 428 с.
18. Найденко В.В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию: В 2-х тт. Т. 2: Практические меры преодоления экологического кризиса и обеспечения перехода Волжского бассейна к устойчивому развитию. – Н. Новгород: Промграфика, 2003. – 366 с.
19. Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. – Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993. – 70 с.
20. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М.: Россия молодая, 1994. – 366 с.
21. Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. – М.: Мысль, 1978. – 295 с.
22. Розенберг Г.С. К построению системы концепций современной экологии // Журн. общ. биол. – 1991. Т. 52, № 3. – С. 422–440.
23. Розенберг Г.С. Экологический «передел мира» и «экологические столицы» бассейнов крупных рек // Биосфера. Т. 2. – 2010, № 1. – С. 82–88.
24. Розенберг Г.С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. – Тольятти: Кассандра, 2009. – 477 с.
25. Розенберг Г.С., Гелашвили Д.Б., Краснощеков Г.П. Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вестник РАН. Т. 66, – 1996, № 5. – С. 436–440.
26. Розенберг Г.С., Краснощеков Г.П., Гелашвили Д.Б. Опыт достижения устойчивого развития на территории Волжского бассейна // Устойчивое развитие. Наука и практика. – 2003. № 1. – С. 19–31.
27. Розенберг Г.С., Иглин В.Б., Краснощеков Г.П. Устойчивое развитие, ноосферный каркас городов и «экологические столицы» бассейнов рек // Региональная экология. 1997, № 1–2. – С. 50–60.
28. Розенберг Г.С., Рянский Ф.Н. Теоретическая и прикладная экология: Учебное пособие. – Нижневартовск: НГПИ, 2004. – 294 с.
29. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. – М.: Правда, 1990. – 47 с.
30. Титов К.А., Любовный В.Я., Хасавев Р.Г. Самарско-Тольяттинская агломерация: современное состояние и пути устойчивого развития. – М.: Наука, 1996. – 208 с.
31. Устойчивое развитие: мифы и реальность. – Тольятти: ИЭВБ РАН, 1998. – 191 с.
32. Экологическая доктрина Российской Федерации. – М., 2002. – 32 с.
33. Boulding K.E. Environmental Quality in a Growing Economy / Ed. by H. Jarrett. – Baltimore (MD): Johns Hopkins Univ. Press, 1966. P. 3–14.
34. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III. The Limits to Growth (A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind). – N.Y.: Univ. Books, 1972. – 205 p.

НООСФЕРНАЯ ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Рассматриваются субстациональные понятия современной парадигмы устойчивого развития социума – ноосферная экономика и общественный интеллект с позиций ноосферизма как развития учения В.И. Вернадского о ноосфере.

Ключевые слова:

биосфера, великий эволюционный перелом, глобальная экологическая катастрофа, логика социального развития, логика социоприродной эволюции, ноосфера, ноосферная экономика, общественный интеллект, социоприродная гармония, устойчивое развитие, цивилизация.

Современная система научно-экономических знаний переживает глубокий кризис, обусловленный не только внутренними, но и внешними причинами ее развития, связанными с отставанием ее теоретических моделей в своих «ответах» от внешних запросов, которые А. Тойнби назвал вызовами, порожденными диалектикой взаимодействия двух логик развития – внутренней логики социального развития (ЛСР) и большой логики социоприродной эволюции (ЛСЭ) [13; 16].

Развивающийся экономический кризис происходит на фоне той фазы глобальной экологической катастрофы (ГЭК), которая обозначила пределы всей системы цивилизационных оснований, в т.ч. и рыночно-капиталистических оснований, в частности, институтов частной собственности и рынка – пределы, которые отражают императив надчеловеческого содержания, формируемый ЛСЭ, и который может быть условно назван биосферным императивом. Смысл его прост: если человечество не откажется от капитализма, ценностей частной капиталистической собственности и рынка, когда действиями людей управляет безумие своекорыстия (Н.А. Бердяев), то человечество обречено на экологическую гибель (по оценке автора – к середине XXI в.). Нужно отметить, что предупреждения звучат не только со стороны ученых – сторонников социализма, но и представителей буржуазной науки, осознающих, что исторический потенциал развития капитализма исчерпан. Например, известный американский эколог Б. Коммонер еще в начале 70-х гг. XX в. предупредил, что технологии на базе частной собственности уничтожают самое главное богатство человечества – экосистемы, поэтому нужен отказ от частной собственности.

Виднейшие экономисты-экологи Р. Гудленд, Г. Дейли и Салех Эль-Серафи сделали исключительно важный вывод: в условиях уже заполненной экологической ниши рыночный механизм развития экономики исчерпал себя [2]. Это совпадает с мыслью автора о том, что если, по основаниям ЛСР, рынок как механизм развития своих потенциалов не исчерпал, то, по основаниям ЛСЭ, он исчерпал себя 50 лет назад. Можно утверждать, что происходящий процесс углубления ГЭК носит рыночно-капиталогенный характер. Следовательно, ГЭК может рассматриваться как рыночно-капиталистическая катастрофа по источникам и экологическая по содержанию.

На протяжении истории человечества действовал открытый Ф.М. Достоевским «закон искажения великодушных идей», в соответствии с которым проекты человека всегда несли в себе непредсказуемые последствия, часто опасные для жизни. В этой связи историю мировой цивилизации и культуры можно разделить на два периода, которым соответствуют две цивилизации. Основной критерий разделения – энергетический базис обменных процессов между обществом и природой.

Первый период – от начала истории и до конца XIX в. Я называю этот период вещественной цивилизацией. Для нее характерен низкий уровень энергетического взаимодействия человечества с природой. 99 % энерговооруженности человека к концу XIX в. составляли его мускульная энергия, энергия домашних животных, ветряных и водяных мельниц, простейших механических движителей. Промышленная революция XIX в. ситуацию по отношению к мировой цивилизации не изменила. Благодаря малому энергопотреблению вещественной цивилизацией

действие закона Достоевского компенсировалось биосферой. Нарушения социоприродной гармонии, связанные с антропогенной деятельностью, «залечивались» живой природой.

Второй период – XX в. – энергетическая цивилизация. Для нее уже характерен высокий энергетический уровень социоприродного взаимодействия. Энерговооруженность человека возрастает на 3–12 порядков. Происходит скачок в энергетическом базисе цивилизации, что позволяет говорить о крупномасштабной энергетической революции в механизмах цивилизационного развития. Она привела к такому состоянию в социоприродном балансе, что энергетические потенциалы реализуемых проектов приблизились к порогу компенсаторных способностей биосферы. Энергетическое развитие человечества поставило вопрос о самой жизни на Земле. Но поскольку при конфликте двух систем, обладающих разнообразием, побеждает та, чье разнообразие более качественно, то в случае конфликтного варианта социоприродного развития погибнет не биосфера, а человеческая цивилизация.

Драматизм развития мировой цивилизации в XX в. состоит в том, что человечество на уровне массового сознания не успело понять, что в настоящее время действие закона Достоевского оборачивается возрастающим количеством катастроф социогенного и техногенного характера. На протяжении столетия увеличивается поток катастроф, в ряду которых не только Чернобыль, Арал и Мексиканский залив, но и надвигающаяся катастрофа в механизме плодородия почвы, в генофонде человечества, в механизмах генерации кислорода в атмосфере и т.д.

На «весах» вещественной цивилизации – опыт мировой культуры с исторической инерционностью сотен и тысяч поколений людей, проживших в её среде, где всегда исповедовалась «надчеловеческая разумность» истории, и стихийных регуляторов развития, а на «весах» энергетической цивилизации – три–четыре поколения людей, которые продолжают мыслить и жить в категориях сложившейся культуры. И поныне имеется много видных мыслителей, художников, литераторов, ученых, которые продолжают декларировать тезис об опасности управления экономикой, рынком, общественным развитием. Тем более, что в нынешнее время сформировался антикоммунистический и антисоциалистический синдром политического

истеблишмента, отвергающий саму мысль о плановости и апологетирующий «разумный автоматизм свободного рынка». Исследования А.П. Федотова показали, что социоприродный и социо-экономический коллапсы, как в логике ЛСЭ (социобиосферный), так и в логике ЛСР (социо-глобальный/геополитический), состоятся в интервале между 2020 и 2030 гг. [18, с. 115–117].

Возник императив перехода всей экономической науки к новым основаниям своего синтеза, которые поставляют ноосферизм (А.И. Субетто), как новая научно-мировоззренческая система, ноосферно-ориентированный синтез наук и как креативный взгляд на общественное устройство, которое выводит человечество на позицию устойчивого развития в виде управляемой социоприродной эволюции (динамической социоприродной гармонии) на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Фактически речь идет о становящейся «эпохе Ноосферы» [7]. В этой связи переживаемый человечеством период есть эпоха великого эволюционного перелома [17], направленная к становлению ноосферизма.

Ноосфера – категория, имеющая несколько смысловых измерений. Подчеркнем одно из них: ноосфера, по В.И. Вернадскому, – новое состояние биосферы, где человеческий коллективный разум в своем воздействии на нее не только приобретает масштаб геологического фактора, но и начинает гармонизировать социоприродные отношения. Эту мысль автор данной статьи дополняет принципом управляемости: человеческий коллективный разум – общественный интеллект – начинает управлять социоприродной эволюцией с учетом ограничений, которые диктует действие гомеостатических механизмов биосферы и планеты Земля как суперорганизмов. Это требует парадигмальной революции в основаниях экономической науки, реализации ноосферной парадигмы экономических знаний [2]. П.Г. Никитенко определяет ноосферную экономику как новую социально-экономическую парадигму в стратегии развития Беларуси, где сферы науки, образования, культуры, здравоохранения и др., связанные с воспроизводством человека, приобретают высокий приоритет [9]. Группой ученых с участием автора разработана ноосферная концепция основ и методологии социально-экономического управления развитием России в XXI веке [8]. Н.Н. Лукьянчиков, Л.Д. Гагут, А.А. Улитин создают концепцию ноосферного организационно-экономического механизма [10];

19]. Ю.П. Григорьев отмечает: «Понятие ноосферы, ноосферной экономики, перехода к устойчивому обществу само по себе включает в себя оптимальное сочетание, совместимость функционирования живой и неживой природы Земли с сознательной деятельностью человека. Такая совместимость предполагает максимизацию в структуре потребностей и потребления рациональных потребностей и минимизацию иррациональных, т.е. устойчивое общество несовместимо с иррациональными потребностями человека... критерием соответствия материальных и духовных потребностей и потребления человека его родовой человеческой сущности является совместимость этих потребностей и потребления с оптимальной жизнедеятельностью биосферы Земли» [3].

Все это позволяет утверждать, что в России существует научное движение, направленное на разработку основ ноосферной экономики как науки, которое может рассматриваться как часть общенаучного ноосферного движения – свершающейся парадигмальной ноосферной революции в системе научных знаний человечества [14].

В истории действует всеобщий закон возрастания идеальной детерминации. Вульгарный исторический материализм абсолютизировал формулу «общественное бытие определяет общественное сознание». Диалектическое прочтение этой формулы требует признания существования и обратной причинной зависимости: «общественное сознание определяет общественное бытие». Возрастание идеальной детерминации в истории есть актуализация второго модуса формулы исторической детерминации как идущей от общественного интеллекта.

Общественный интеллект шире категории общественного сознания, он являет собой единство общественного сознания и общественного знания, науки, культуры и образования. Его опосредованным проявлением выступают такие коллективные функции будущего, как проектирование, прогнозирование, программирование, планирование, стандартизация, нормирование, законоотворчество. Качество общественного интеллекта реализуется в «качестве управления качеством жизни». Повышение значения идеальной детерминации в истории означает возрастание роли общественного интеллекта в механизмах управления будущим.

Перед общественным интеллектом стоит непростая задача с позиций импе-

ратива выживаемости: не только осознать на уровне общества свою природу, но и мобилизовать интеллектуальные резервы человечества на преодоление действия закона Достоевского, верифицированного на основе тысячелетнего опыта культуры. Мы стоим на пороге новой нравственности социоприродного развития, в которой реализуется синтез морали и интеллекта. Здесь действительны максимы «неинтеллектуальная нравственность безнравственна» и «безнравственный интеллект неинтеллектуален». Первая означает, что невежество, некомпетентность в век энергетической цивилизации как категории нравственности становятся доминантными. Они несут гибель множества людей.

Каковы фундаментальные противоречия в развитии человечества в XXI в., которые определяют ноосферную революцию в бытии человека, в т. ч. ноосферную и социалистическую революции в экономическом бытии ([12, с. 9–37])?

Первое – это противоречие между рыночно-капиталистической формой бытия человека на базе частной собственности и погони за прибылью – и природой (более правильно – биосферой и Землей как суперорганизмами, имеющими собственные гомеостатические механизмы). Позитивное его разрешение связано со становлением ноосферного общества и экономики, где выполняются требования закона опережающего развития качества человека, общественного интеллекта и образовательных систем, реализуется примат идеальной детерминации через общественный интеллект, т.е. посредством управления социально-экономическим и социоприродным (ноосферным) развитием. Второе противоречие выражает раскол в развитии человечества, связанный с появлением в истории реального социализма, как альтернативы капитализму. Третье – противоречие между трудом и капиталом – разворачивается на фоне первых двух и получает свое социалистическое разрешение только через участие в снятии первых двух фундаментальных противоречий.

Можно сказать, что фокус этих противоречий есть фокус схождения оснований двух логик – ЛСР и ЛСЭ, – который и определяет происходящее как цивилизационную эпоху великого эволюционного перелома.

Ноосферная экономика и политэкономия появляются в общем потоке вернадскианской революции как ответ на этот глобальный запрос логики человеческой

истории, отражающий смену ее парадигм, переход от социальной эволюции с доминирующей конкуренцией к социальной эволюции (но в пространстве ноосферной эволюции) на доминанте кооперации и механизма общественного интеллекта, что и означает переход к управляемой истории (о которой писал К. Маркс как об эпохе коммунизма), но только уже в статусе управляемой социоприродной (ноосферной) эволюции.

Ноосферная политическая или теоретическая экономия, таким образом, включает в себя следующие положения [16, с. 79–83]:

1. Ноосферная теоретическая экономия раскрывает логику перехода от рыночной к плановой экономике как основе управления ноосферным развитием. Переходный период предстает как эпоха отрицания рынка и рыночных денег и становления вначале рыночно-плановой экономики с тенденцией усиливающейся роли планового сектора. Вполне возможен экологомобилизационный режим трансформации экономических систем, если процесс глобальной экологической катастрофы ускорится.

2. Ноосферная парадигма социоприродного, социально-экономического развития в XXI в. ставит в центр экономикотеоретической рефлексии принцип управляемости как ведущий в будущей единой экономической науке в единстве с принципом социальной справедливости, снятие всех видов отчуждения человека. При этом управление приобретает неклассическое содержание, раскрывается в логике парадигм цикличности экономического развития и социальной (экономической) системогенетики.

3. Ноосферная экономика есть интеллектоемкая, наукоемкая, образованиеемкая, квалитативная экономика, где образование предстает «базисом базиса» духовного и материального воспроизводства. При этом развивается теория экономической ценности, в которой имеет место сложное взаимодействие четырех типов ценности: стоимости, потребительной стоимости, витально-экологической стоимости и энергетической стоимости [15, с. 107–120].

Закон энергетической стоимости через энергономику раскрывает связь экономики, хозяйства с климатическими, ландшафтно-почвенными, географическими условиями воспроизводства и предстает своеобразным рамочным механизмом в

поле действия законов стоимости и потребительной стоимости. Витально-экологическая стоимость выражает природо- и человекоемкость экономических процессов.

Трансформация рыночной экономики в плановую одновременно несет в себе содержание трансформации стоимостной экономики в потребительно-стоимостную [4]. В системогенетической интерпретации дуализм стоимости и потребительной стоимости есть отражение дуализма накопленного «прошлого» (общественно необходимые затраты труда) и «будущего» (экономия будущего труда [15]) времени. Ноосферная экономика – потребительно-стоимостная. Только она позитивно решает экологические проблемы.

4. Ноосферная экономика – социалистическая, с приматом труда над капиталом. В другой формулировке: ноосферная политическая экономия опирается на трудовую политэкономия. При этом труд приобретает ноосферное содержание. Жизнеобеспечивающий труд [6] в эпоху выхода из первой фазы ГЭК становится ноосфернообеспечивающим трудом.

Ноосферная экономика предполагает доминирование общественной собственности при сохранении индивидуальной частной собственности и ликвидации частной капиталистической собственности.

5. Ноосферная экономика есть ноосферно-глобальная экономика, с биосферной стратификацией экономических систем. Например, ноосферная теоретическая экономия должна обратить особое внимание на роль Арктики и Антарктики в решении проблемы экологического благополучия человечества и России. Следует согласиться с В.П. Казначевым, А.А. Кисельниковым и И.Ф. Мингазовым, что «на Севере происходят крупные процессы рекреации, восстановления природной среды, поэтому мы не зря выделяем приполярные территории в сохранении биосферы планеты, поскольку под ее северной шапкой может определяться будущее и климата, и биосферное экологическое благополучие средних и южных широт. Перспективы Севера России – оседлая приполярная цивилизация, приполярный этногенез. Селитебные зоны, пресная вода в ближайшем будущем на планете Земля станут самой высокой ценностью. В России их запасы самые большие в западном полушарии» [5].

6. Ноосферная экономика – экономика образовательного общества, предполагающая примат восходящего воспроизводства человека и общественного

интеллекта. Это экономика общественно-го интеллекта и, следовательно, – образовательная экономика.

Вся история человечества – это история «качелей свободы», т.е. свободы личности и свободы общества. Разрыв между ними приводил к иллюзорности и первой, и второй свободы. Закон Достоевского выступает проявлением несвободы человека и общества на протяжении всей истории. Мы выживем, если произойдет «слияние» свободы личности и общества, т.е. когда интеллект отдельного человека и общественный интеллект по силе своего прогностического потенциала будут гармонизированы. Это произойдет тогда, когда общество признает особое место общественного образовательно-педагогического воспроизводства, ведущую роль общественного образования, обеспечивающего восходящее воспроизводство ка-

чества человека и общественного интеллекта.

Характеризуя природу, С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» ввел понятие «метафизического коммунизма бытия». Оно означает, что природа по своей сущности кооперативна и антикапиталистична. Хозяйство имеет дело с «живым телом» природы и потому само должно стать природосообразным, природосохраняющим и природоохраняющим. Ю.М. Осипов, продолжая эту линию рефлексии С.Н. Булгакова, подчеркнул, что «будущее отрицает капитализм», а перед хозяйством стоит императив «для перехода к ноосферному бытию человечества» [11, с.305]. Первая фаза глобальной экологической катастрофы и императив выживаемости перевели реализацию этого императива в начале XXI в. в практическую плоскость.

Список литературы:

1. Goodland R., Daly H., El Serafu S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic Development. Building in Brundtland. Washington DC: World Bank, 1991.
2. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке (Коллективная научная монография) / Под науч. ред. А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 598 с.
3. Григорьев Ю.П. Проблемы ноосферной экономики // Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке / Под науч. ред. А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 492 с.
4. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда (Общие основы политической экономии). – СПб.: СПбГУ, 2007. – 576 с.
5. Казначеев В.П., Кисельников А.А., Мингазов И.Ф. Ноосферная экология и экономика человека / Под общ. ред. В.П. Казначеева. – Новосибирск: 2005. – 448 с.
6. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума / Под ред. В.Я. Ельмеева. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 556 с.
7. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
8. Немчинов А.М., Субетто А.И., Суслов Е.Ю., Суслов Ю.Е. Теоретические основы и методология социально-экономического управления России XXI века: ноосферный аспект / Под общ. ред. А.И. Субетто. – СПб.: СПбГИПТ, 2006. – 320 с.
9. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика. Стратегия инновационного развития. – Минск: «Белорусская наука», 2006. – 479 с.
10. Ноосфера и общество / Н.Н. Лукьянчиков, Л.Д. Гагут, А.А. Улитин. – М.: Вече, 2002. – 528 с.
11. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. – М.: МГУ, 1990. – 382 с.
12. Субетто А.И. XXI век: судьба России и человечества. Что несет им будущее? – СПб.–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 48 с.
13. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2001. – 537 с.
14. Субетто А.И. Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? (открытое письмо – ответ некоторым «борцам» против ноосферизма). – СПб.–Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, Астерион, 2006. – 80 с.
15. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке (в логике противостояния глобальному империализму и ноосферно-социалистическому прорыву). – СПб.–Кострома: Смольный университет РАО, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 324 с.
16. Субетто А.И. Теоретическая экономия в начале XXI века – к новым основаниям синтеза экономической науки в системе Ноосферизма. – СПб.–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 98 с.
17. Субетто А.И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома. – СПб.–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 88 с.
18. Федотов А.П. Глобалистика. Начала науки о современном мире / Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2002.
19. Экономико-организационный механизм ноосферного развития / Н.Н. Лукьянчиков, А.А. Улитин, Л.Д. Гагут. – М.: Вече, 2006.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ДРЕВНИХ СИМВОЛАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗНАКА РЮРИКА)

Знаки Рюриковичей могут быть расшифрованы как отражение времени и пространства. Подобно многим другим знакам и знаковым системам они генетически связаны с северным лабиринтом-гномоном и несут в себе его элементы. Особенности геометрии суммы дневных теней гномона отражают движение светила на небосводе и характеризуют специфику астрономических периодов от суточной до годовой размерности. Знаки ориентации в пространстве-времени используются в создании географического образа территории – его положения в системе навигации. В древних символах отражены основные законы природы – цикличность и отражение.

Ключевые слова:

Гномон, закон отражения, знаки Рюриковичей, календарные знания, лабиринт, природная основа знаков, солярные знаки, цикличность природных процессов.

Содержание знаков Рюриковичей имеет широкий спектр толкований. Исследователи видят в них *воинскую эмблему* (якорь, шлем, секиру или топор с двумя лезвиями, лук со стрелой); *геральдико-нумизматические изображения* (светильник, хоругви, церковный портал, птицу: норманнского ворона, голубя, сокола-рерика); *государственную эмблему* (трезубец, часть византийского скипетра, державу, скифский скипетр); *монограмму* (руническую или византийскую), *геометрический орнамент* (византийский, скандинавский, восточный, славянский), *церковно-христианскую эмблему* (христорамму), по непонятным причинам использованную до принятия христианства Свяtosлавом. Знак связывают как с севером, так и с югом (*Боспорское царство*). В нем находят подтверждение противоречивые гипотезы происхождения династии (скандинавская, ободритская). Есть мнение, что он служил тамгой – символом княжеской собственнос-

ти и полномочий... Дискуссия развивается в сфере гуманитарного знания, в то время, как природной основе знаков, выражающих менталитет язычества, уделяется недостаточно внимания.

Нами показано происхождение знаков и знаковых систем от элементов лабиринта-гномона и геометрии теней, наблюдаемых в течение дня или года, и отражающих специфику выделяемых периодов [9]. Календарно-астрономическое содержание имеют и знаки Рюрика, в которых есть сходство с лабиринтами. Рассмотрим биспиральное каменное сложение Тройеборг (рис. 1А). Периоды года здесь выделены диаметрами кругов, фиксирующими изменения полуденной высоты Солнца. Две спирали решают проблему одинаковой длины полуденной тени между днями солнцестояний (хотя 7 витков спиралей классического лабиринта достаточно, если 5 из них использовать дважды). Концы

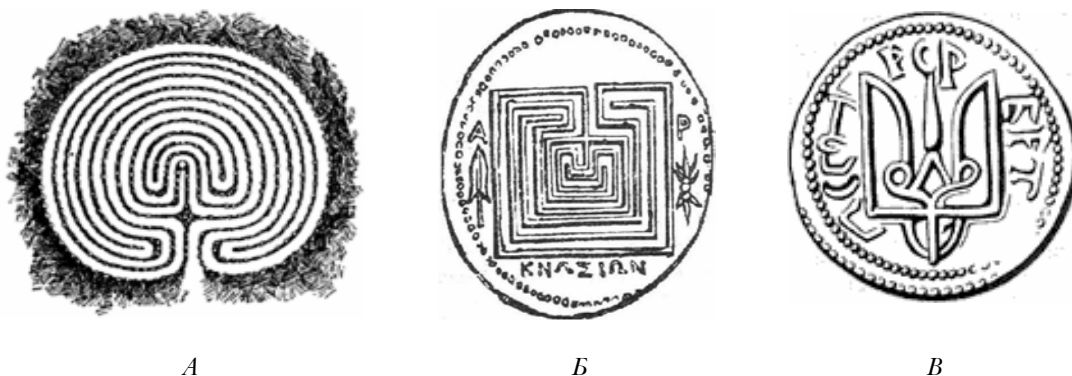
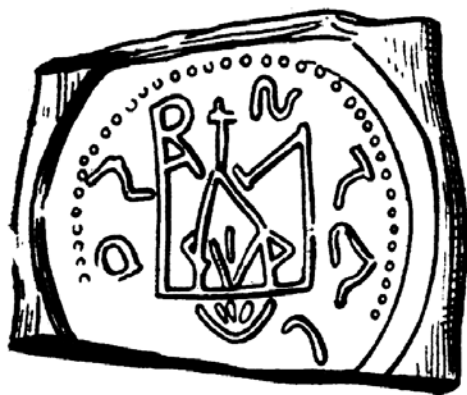

Рис. 1. А. Лабиринт Тройеборг в Швеции; Б) лабиринт на кносских монетах; В) тамга Рюрика на монете князя Владимира [3].

А

Б

Рис. 2. Древнейшие знаки Рюриковичей: А – печать Изяслава Владимировича, Б – подвеска из Пскова [2, 15].

спиралей – обратные азимуты восходов и заходов Солнца в дни солнцестояний: зимнего – в центре, летнего – на периферии. Вертикаль – географический меридиан, горизонталь – параллель, маркер равноденствий, граница теплой и холодной половин года, а в субарктическом и арктическом регионах – темной и светлой.

Совокупность суточных теней ассоциируется с рогами быка или крыльями, по-разному ориентированными в течение года: в летнюю половину года рога направлены вниз, угол между ними – вверх (Δ), зимой – наоборот (∇). В дни равноденствий, когда Солнце встает на востоке, а садится на западе, сумма теней за день ложится широтной полосой. По мнению Р.В. Паранина, технологию календарных наблюдений передает библейская мудрость «время разбрасывать камни, и время собирать камни...». Материалом из каменных куч, расположенных, как правило, рядом с лабиринтами, отмечалось ежедневное перемещение положения обратных или прямых азимуты восходов и заходов, фиксировалась длина полуденной тени. После летнего солнцестояния, камни, выложенные в первую половину года, один за другим возвращались назад. На монетах и печатях (рис. 1Б, В, рис. 2) каменный круг отмечался «ожерельем жемчуга», а в мифологии породил представление о множестве глаз Солнца, которые можно считать синонимами астрономического визира.

Среди знаков Рюриковичей открытостью прорисовки элементов ориентирования выделяется печать Изяслава Владимировича (рис. 2, А). Вертикальный

предмет с перекрестьем – гномон, от него диагонально отходят тени восходов и заходов Солнца в дни астрономических кульминаций: вверх – зимнего солнцестояния, вниз – летнего. Перевертутая Па в качестве двузубца заключает всю совокупность годовых позиций, а вместе с гномоном образует трезубец. Южное направление, с которого начинается годовой цикл календарных наблюдений, указано стрелкой, под которой изображен типичный астрономический визир – понижение в рельефе, в котором Солнце появляется из-за горизонта. Точки по краю демонстрируют деление круга на отрезки – дни. Деление всего круга на градусы можно наблюдать на широте $66^{\circ}33'$, где тень предмета на восходе/заходе за полгода проходит 180° , а повороты в дни солнцестояний занимают по 2–3 дня. В иерархии представленных здесь миров гномону принадлежит верхний, по центру его подставка – омпал или трон, где Солнце садится и встает, ниже – открывающийся бутон, глаз (в лабиринте эта часть южного сектора называется входом).

Надпись печати разбивается на три части: RAN TAL OS. Началом следует считать верхние три буквы, две из которых сливаются с тенью гномона утром первого дня нового года (в некоторых формах тамги особая роль этого направления отмечается крестом, ключом, изломом). Прочтение в целом отражает цикличность – движение вокруг оси. Однако верхнее сочетание букв разбивается крестообразным гномоном на RA и N, которые обозначают главные составляющие наблюдения движения: Солнце и Гномон. Заметим, что первая буква в

названии этого инструмента – приобретение позднее, еще в средневековых описаниях лабиринтов над точкой, традиционно отмеченной в центре, можно встретить пояснение на латыни – «номон опустить здесь», где первое слово не переводится, что указывает на его именное значение. С учетом детализации получается «*Солнце гномон круг ось*», где эквивалентные по смыслу пары расположены диагонально.

В ранних знаках (Рюрик, Игорь, Святослав) и по линии Ярополка зубец-гномон отсутствует, что создает фигуру двузубца, которая, по общему мнению, использована в оформлении кремлевских стен. По другой линии, начиная с Владимира, третий зубец является обязательным элементом, различаясь по характеру наверх. В 1606–1612 гг. вертикальная ось с шишкой между орлиных голов появляется в государственных гербах как образ трезубца, символизирующего не только принадлежность власти, но древность календарной традиции региона. Двуглавый орел, полученный в наследство от Византии и несущий в парных симметричных элементах ту же календарную символику (головы и лапы фиксируют крайние положения Солнца, крылья – линию равноденствий), очевидно, моложе, что отражается в натурализме изображения.

Анализ изображения на псковской подвеске X в. (рис. 2Б), где двузубец дополнен ключом, развивает предложенное нами понимание знаков Рюриковичей, т.к. гномон является одновременно ключевой и сакральной деталью инструмента ориентирования. Кроме того, на рисунке четко показан узловый момент, соединяющий зубцы-овалы. В петле, огибающей горизонталь, можно видеть обобщенный образ ночного погружения в подземный мир. Генетическая связь изображений рис. 2 позволяет отождествлять этот момент с зимним коловоротом, а зубцы – с годовыми циклами визирования восходов и заходов Солнца. При обратном визировании (по тени предмета) область, относящаяся к восходам, располагается на западе (в левой половине изображения), туда и указывает ключ, который при соотнесении с понятием Солнца является принадлежностью его дома – Севера. Петлеобразная форма ключа указывает на циклический характер работы, а размеры всех циклических элементов символа воплощают представление о масштабе ритмов: максимальные – годовые, минимальный – суточный, коловорот – до 2 суток. На выделение зимнего солнцестояния указывают

визирные направления срезов на зубцах и европейская календарная традиция.

Исследования показали, что гномон широко представлен в символике власти и мудрости всех времен и народов. В форме жезла, скипетра, кадуцея, копья он часто встречается в изображениях с палеолита до наших дней. В мифологических сюжетах победа (например, над змеем) подразумевает разгадку тайны и установление иерархии, основанной на признании превосходства, а знаки могущества, как правило, не связаны с оружием. Чаще других встречается посох: Новгородский, на боспорских монетах, у Зевса, возможно, посохи египетских богов, вавилонских царей и др. более древние. Возможно, многочисленные примеры присутствия деревянных тростей на современных гербах Карелии также восходят к достижениям астрономо-геодезической культуры каменного века. Так, на гербе города Костомукши изображен древний тотемный знак карел – рудоискательская лоза в руках первопроходца (рис. 3). Призванный отразить древние традиции, герб включает элементы ориентирования: основные направления географического пространства – знак в виде четырехугольника вверх, основные вехи времени – диагональные пересечения рук и ветвей. Знаки вертикального движения Солнца, созданные чередованием светлых восходящих и темных нисходящих стрелок по верхнему краю, могут отражать суточный ритм; излом голый ветви вниз, уравновешенный восходящей стрелкой живого листа, входящего третьим элементом в центральную, самую светлую фигуру герба – трезубец, – соответствует началу годового цикла. Золотые крест и ладони – символы трех положений Солнца.

Рис. 3. Герб Костомукши [14].

Рис. 4. А – наскальные изображения Беломорья (Старая Залавруга), Б – египетский Анкх [1].

Параллели с наследием солярных культов различных регионов Земли прослеживаются в выборе преобладающего цвета (зеленый – цвет жизни и Осириса), изображении живого листа на сухой ветке – символа возрождения (кадуцей), композиции рисунка, построенного на пересекающихся треугольниках. Косой крест (X), соответствующий солнцестояниям, используется как символ годового цикла (возрождения, плодородия), а прямой крест отражает пространство. В наиболее лаконичной форме основные ориентиры пространства и времени представляет Андреевский флаг, в восьми направлениях которого воплощено их единство – основа навигации.

Связь древних культур доказывает присутствие знака, похожего на египетский «анкх», в петроглифах Белого моря, датированных III–II тысячелетиями до н.э. (рис. 4). Беломорский вариант отличается утолщенным вертикальным лучом и похож на восьмерку. На организующее значение фигуры человека в сюжете петроглифа указывали многие исследователи, но непонятный предмет в руке и присутствие змеи, символизирующей знание, соотносились с трактовкой петроглифа как группы сцен магической охоты [1; 11; 12; 13], в которой Ю.А. Савватеев увидел годовую последовательность хозяйственных действий. Календарный смысл «непонятного знака» объясняет такая структура северного лабиринта, где над буквой Т выделяется круг, соответствующий полярному дню. Следовательно, симметрично расположенная темная часть обозначает поляр-

ную ночь и зиму, а горизонтальная линия между ними, как и в других календарных лабиринтах, – граница двух основных сезонов, линия равноденствий. Осенний сезон в сюжете петроглифа уже обоснован исследователями на фенологической основе. Добавим к этому, что на день равноденствия указывают южное направление знака движения, образованного цепочками оленей и кораблей, область контакта жреца со знаком и опущенное положение рук, выражающее нисходящее движение, осень. Беломорский знак рисует образ черного солнца и раскрывает его загадку как понятия, обозначающего феномен полярной ночи – когда на небе видна Луна, отражающая свет Солнца, скрытого от глаз.

Древнейшие версии анкха в Египте имеют форму восьмерки с петлями в перпендикулярных плоскостях. Солярный культ Древнего Египта представляет широкое поле для сопоставлений. Внимания заслуживает знак петли, поворота. В Египте «все то, что солнце огибает» обозначалось иероглифом шеен-кольцо (рис. 5А, в когтях сокола). Графически он представляется как веревка со скрещенными концами, образующими прямую касательную к кольцу, что символизирует вечность и безграничность. Соседство ключа-анкха, указывает на посещение Солнцем своего дома, а полуденное мощное светило размещено над головой богини. Символика основных положений Солнца применялась позже на греческих вазах в сочетании с изображением лабриса – топора Зевса (рис. 5Б). Очевидно, двурогий и двусторонний топор отражает всю совокупность

А

Б

Рис. 5. А – солнечный сокол (Богиня Нехбет), Б – лабрисы на античной вазе [15].

годовых теней – календарь, а длина древка согласуется с величиной тени при разных положениях Солнца. Характер насечек на древке отражает принцип периодизации времени с помощью гномона, который поднимается над лабрисами на одну высоту. Отметим сходство топора с Т-образным основанием анкха.

Образ птицы – весьма популярное символическое порождение гномона. Имя «со-кол» отражает движение вокруг оси, приуроченность кругу наблюдений и вертикальному предмету, который служит хищникам часто посещаемым в течение дня наблюдательным пунктом. Известным аналогом этого распространенного в Европе символа является солнечный сокологоловый бог Египта Гор (Хор), сын Осириса и Изида, олицетворяющих соответственно *солнце и знание*. Считается, что Осирис есть заходящее Солнце, поглощаемое мраком по имени Сет. Исида–Луна вбирает в себя и хранит лучи Солнца, а Гор – восходящее Солнце – мстит за отца, рассеивая темноту. В знаменитом египетском треугольнике со сторонами 3x4x5 Гор и понятие времени отождествлялись с гипотенузой, которая связывает вертикальную ось и тень (родителей), являясь частью солнечного луча. Изменения его положения, фиксированные тенью оси-гномона, создают рисунок крыльев. Соколиный облик имеют так же солнечная богиня Нехбет и часто сама Изида.

Нельзя не заметить, что головной убор богини похож на трезубец (рис. 6). Ступенчатая пирамида в центре – трон Изида, –

символ совершенного знания. Перья птицы под ним могут обозначать совокупность теней. Примечательна история создания из слюны Ра (яичный белок?) и пыли (глина?) змеи (лабиринт?), с помощью которой Изида получила от бога Солнца Ра сокровенное знание, очевидно, идущее глубже, чем деление дня на утро, полдень и вечер, а года – на весну, лето и зиму, принятые в Древнем Египте. Возможно, это солнечные часы и календарь, а известное участие бога ночи Тота в его уточнении – добавление к солнечным мерам времени циклов ночных светил.

Рис. 6. Изида [5].

В описании культа Изиды есть и другие аргументы в пользу гномона, как основного инструмента, например, золотой жезл, связанный с рождением Гора. Известно, что фаллические символы были наиболее чтимы в таинствах этого культа, но не следует забывать слова Плутарха, что все элементы египетской религии следует понимать аллегорически. У Диодора Сицилийского рассказ об этом культе следует за изложением космогонических идей.

На постаменте статуи Изиды в городе Саис высечены слова: «Я – все, что было, что есть и что будет...». Похоже на Движение и Время – его отражение, что объясняет *симметричность* имен в этом солярном культе. Имена богини: Изида, Исиды, Айсис, Асет, Сотис, Исис (ISIS), Ist, что переводится как «древняя» или «истина». Симметричны слова (г)номон, (О)сирис, Изи(с), а также имена супругов Осирис – Исис. Определенная симметрия выявляется элементами сюжета, работающими как бы в противофазе. Так, глаза Гора, могут символизировать прямые визиры восходов и заходов Солнца. На это указывает, в частности то, что один из них потерян в борьбе с темными силами, и именно он, проглоченный правителем нижнего мира Осирисом, помогает ему возродиться к новой жизни. Антагонистами являются Изида и Сет, также создающие *равновесие*. Сет с вытянутым туловищем и головой осла (длинные уши = рога/крылья) делит и разбрасывает тело Осириса – Изида собирает. Изида оставляет статуи мужа в номах т.е. разделяет свет по направлениям, Сет обходит их. Возможно, имя богини обозначает «равенство», глубинный смысл открывается лишь на основе изучения геометрии теней. Так, математическое моделирование солярной графики привело древних математиков к фундаментальным обобщениям, до сих пор не утратившим научного значения.

Анализ показывает, что знание основных законов природы – причина сходства их символического выражения в солярных знаках. Это относится к обозначению крайних положений Солнца 1 – I – OS и 2 – S – TAL, а так же эквивалентных понятий, связанных с инструментальными наблюдениями тени: копьё – I и веревка – S. Сюда можно добавить и трактовку знака Поднепровья (VI в.) как Тропы или Времен Трояна из «Слова о полку Игореве», отражающих трёхчастное строение мира – Явь, Навь и Правь, которая находит подтверждение в наблюдении света: его *появление и исчезно-*

вение создают мировой *порядок*, естественную основу прогнозов и правил. Сегодня *бинарная система кодирования* и передачи информации широко применяется, а физики шутят, что «1» – ничто, «2» – все, в 3-х они неразрывны и неслиянны. Очевидно, эта истина всегда была доступна пониманию.

Сравнительным анализом выявляются параллели на уровне лингвистического и мифологического аспектов моделирования природы. Например, тождественность корневой основы в словах IST и «истина». Если содержание истины в солярных культах – цикличность и отражение, то «истина» – это Повторение Пути Солнца от момента его рождения, где «ту(н)» означает «нет», «тьму», мир «по ту сторону» и в этом значении входит в состав слов «в туне», «туннель», «тундра». Объясните чередование *и–у*, занимающих в фонетической модели Г. Вирта экстремальные позиции (*и* – вверху годового цикла, *у* – внизу), можно по принципу «противоположности сходятся». Следует отметить, что модель хорошо объясняет указанные позиции, взятые по отдельности, в частности огласовку первой буквы праалфавита «I», вошедшей в языки мира со словами, обозначающими «начало»: «ирис» (Рай), «исток». Применение «S» для заходящего Солнца согласуется с образом змеи, символизирующей цикличность: в лабиринте, кадуцее и др. Древность использования корня IS(T) на Севере Европы находит подтверждение в языках, где это глагол в значении «быть» – основа устойчивых лингвистических конструкций. В русском языке ему соответствует редко употребляемое «есть» (устаревшее «еси»).

Черты сходства символических систем разных регионов побуждают к выводам генеалогического характера, в то время как генетические связи могут быть нелинейными, восходящими к одному источнику. Кроме того, любая хронологическая последовательность страдает неполнотой данных. В любом случае, факты древности традиции наблюдения времени с помощью гномона в северных лабиринтах и возраст наскальных изображений календарей, исключают возможность объяснения заимствованием. Народы таежной зоны, в совершенстве владевшие обработкой дерева, речной и морской навигацией, за один сезон могли по рекам и морям пройти путь от полярного круга до тропика. Встречное движение встречало объективные трудности: выбор речной магистрали, волока на водоразделе, движение в условиях белых

ночей, когда ориентиры звездного неба недоступны для наблюдения. Недаром Пифею, прошедшему этот путь (возможно благодаря источникам информации, связанному с культом Аполлона, к которому, судя по имени, он имел отношение), не поверили современники.

Понимание знака Рюрика как *образа пространства* обеспечивает анализ абстрактных, обобщенных его форм в сравнении с похожими орнаментами разного времени. На древних рязанских монетах находят изображение тамги ромбической структуры, получившей трактовку «засеянное поле». Однако этот знак, похожий на квадратную или ромбическую оконную раму, часто встречается в древних петроглифах неземледельческих районов Северной Норвегии и Сибири. Есть свидетельства его использования для ориентирования по Солнцу в Казахстане [6]. Л.С. Марсаолов рассматривает подобный знак в святилище Акбаур Южной Сибири (I тыс. до н.э.) в контексте возможностей ориентирования [4]. Исследователи подчеркивают связь его средневекового варианта – «татарской тамги» со скандинавским стилем Урнес и отмечают, что в древнерусском искусстве «плетенки» применялись задолго до появления Золотой Орды и часто встречаются в удаленных от нее районах.

По нашему мнению, основной мотив тамги древнерусских монет и росписи Кремлевских соборов (рис. 7) представляет собой орнаментальную прорисовку солярных знаков, отражающих порядок времени и организацию пространства, и может быть представлен как совокупность знаков движения (объемные сердцевидные стрелы), пересекающихся в вертикальной и горизонтальной плоскостях. На рис. 7-2 и 7-4 они образуют крест, варианты 1, 3 и 5 (рис. 7) показывают их схождение в центре, – точке установки гномона, так-

же можно видеть само Солнце (3) или его поворот (1) на момент начала нового годового цикла. По такому же принципу может быть расшифрован известный буддийский знак вечности.

Астрономическая первооснова знаков не мешала их последующему географическому применению, следовательно, в направлении стрелок может быть закодировано пересечение широтных и меридиональных трансконтинентальных путей Русской равнины. Астрономические и географические аспекты на значительной территории могли соотноситься как инвариант и вариации, а отраженные в знаках элементы движения – характеризовать роль территории в пространственной надсистеме.

Большое количество материала работает на идею единого геокультурного пространства, в котором узловыми точками были надежные элементы системы пространственно-временной навигации (астрономические обсерватории, визиры), объединенные в единый каркас линейными элементами (водные пути, волоки). Топонимы объектов регионального масштаба отражали положение в этой системе, а направления движения закреплялись в названии путей. Древние топонимы/гидронимы указывали основные пространственные ориентиры – стороны света, поэтому содержат в основном солярные корни, первичное значение которых уже утрачено. Недавние названия более подробны и понятны: «Из Варяг и Греки», «Великий Восточный путь» и др.

Можно предположить, что изобразительные средства, появившиеся в лабиринте-гномоне, стали основой докартографических образов пространства в эпоху, когда знаковой была не граница территорий (она еще не оформилась и не была закреплена), а форма навигационного кар-

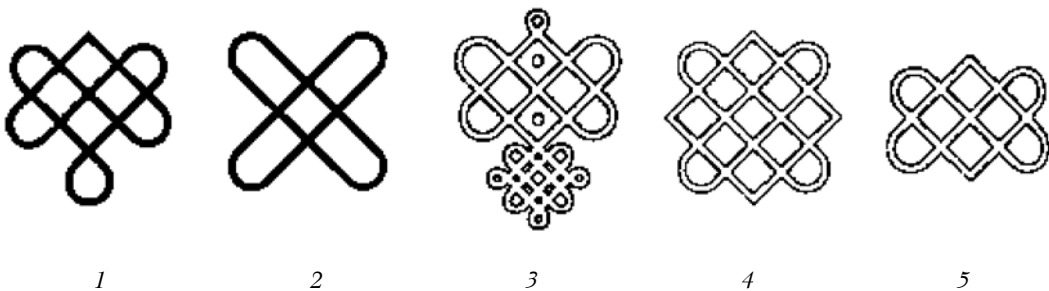
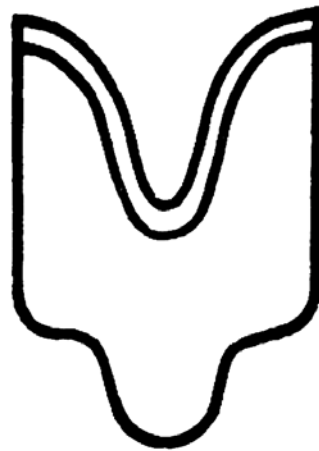

Рис. 7. Тамги древнерусских монет (1, 2) и элементы росписи колонн Успенского собора Кремля (3–5) [7].

А

Б

Рис. 8. Образы пространства: А – карта типа Т-О; Б – тамга [10; 2].

каса. На это указывает сходство карт типа Т-О, известных с VIII в., и структуры биспирального лабиринта (рис. 1А, 8А). Схема древних путей, соединяющих Белое море, Ладогу и Балтику, имеет форму т-образного перекрестка с двумя зубцами. С востока – Онега, Онда, Туломярви, Тулокса и др. С запада р. Вуокса, Финский и Ботнический заливы. От о. Валаам – южное направление движения по озеру и реке Волхов. Эти векторы географического пространства отражены в виде обращенной к югу волны (рис. 8Б).

Очевидная роль Северного Приладожья в этом знаке не обозначена, но картографические и геральдические источники от средних веков и до наших дней выявляют ключевое значение названной территории. Именно в этом месте на картах обозначено название земли, простирающейся в широтном направлении от моря до моря – Карела; изображение скрещенных клинков, сохранившееся на старых гербах Карелии свидетельствует, что здесь решался вопрос доминирования в регионе, и ею владел сильнейший. Помимо контроля перекрестка трансконтинентальных путей, важным преимуществом этой территории можно считать рудные богатства и красоту природы. Если ее имя выводить из корня *кар* – «камень», то следует признать, что скалистое Северное Приладожье по энергии рельефа не имеет аналогов во всей Фенноскандии. Руды металлов добывались и обрабатывались с энеолита до начала XX в. Разработка строительного

материала высочайшего качества активно велась до и после основания северной столицы России – Санкт-Петербурга.

Мегалиты сакрального центра Воттоваара показывают, что занимались здесь не только ремеслом, войной и торговлей. Древнейшие знания, отражающие культуру каменного века и эпохи раннего металла, до сих пор хранит народ, не забывший традиций под напором христианства. Это отразили поговорки, приписывающие местному населению колдовство, с чем можно согласиться, если понимать *кол* как гномон, круг и Солнце. Многочисленные и самые крупные озера Европы, навыки ремесел и навигации... Будет ли эта земля приглашать на княжение из-за моря? В какой-то мере ответ на этот вопрос дает недавняя история отношений со шведами.

Эта территория может претендовать на право считаться одной из древних загадочных Туле/Фуле, последняя из которых лежит на северном пределе суши. Водный путь на север здесь имеет две ветви: через Балтику и через Белое море, которое славится соляными культовыми комплексами Соловецких островов и Кузовов. Недавняя находка экспедиции секции научного туризма РГО под руководством С.В. Голубева – каменный трон на о. Олешине – еще одно доказательство связи древних культур. Трон указывает южное направление в мегалитическом комплексе острова. Знаки, выбитые на нем, подтверждают это вириное значение. Трон на средневековом новгородском гербе, на наш взгляд, отра-

жает традицию причастности к древней мировой системе ориентиров и геокультурному пространству, крайние точки которого уже названы. На тесные контакты частей света указывал В.И. Паранин [8].

Попытка выделения родины культа может опираться на информационный анализ природных процессов и их знаковых вариаций в разновозрастных пластах материальной и духовной культур. На родине следы древних культур сохраняются, прежде всего, в народной массе. На чуждой почве знание носит закрытый, элитный характер и постепенно деградирует без интеллектуального, духовного и природного источников, обеспечивающих информационную проточность, т.к. «закрытая» система склонна к вырождению.

Вероятно, наиболее точные копии окружающей реальности дают органы чувств и инструменты, чувствительные к

изменению ее параметров. Сохранению и передаче этой информации способствуют адекватная система знаков, обобщающая образы, отражающие природный процесс. Упрощение образа в знаке на этом этапе – кодирование, сворачивание информации без потери содержания. Следующий этап – моделирование на основе образов и знаков, – производит модели II и III порядка, т.е. модели моделей. Современные семиотические системы, впитавшие в себя достижения языческой культуры, по своей сути относятся именно к этому типу. К сожалению, по мере удаления от природной основы теряется не только рациональное качество, но и нравственная составляющая, которая изначально соответствовала наиболее целесообразному типу социоприродных и социальных отношений. Язычество в этом контексте предстает как модификация понятия «начало».

Список литературы:

1. урина Н.Н. Мир глазами древнего художника Карелии. – Л.: Наука, 1967. – 120 с.
2. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е доп. – М.: Высшая школа, 1974. – 264 с.
3. Керн Г. Лабиринты мира. – СПб.: Азбука-Классика, 2007. – 430 с.
4. Марсадоллов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. Материалы симпозиума. – М., 2000. – С. 228–234.
5. Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 173 с.
6. Мошанова А.Ж. Солнечные часы в Казахстане // Солнечные часы и календарные системы народов СССР. Серия «Проблемы исследования вселенной». Вып. 10. – Л., 1985. – С. 103–113.
7. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Факториал, 1996. – 752 с.
8. Паранин В.И. История варваров. – СПб, 1998. – 184 с.
9. Паранин Г.Н., Паранин Р.В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 4. – С. 120–134.
10. Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследования средневековой науки и традиции в Зап. Европе. – М.: Наука, 1988. – 477 с.
11. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. – Л.: Наука, 1970. – 443 с/
12. Савватеев Ю.А. Вечные письмена (наскальные изображения Карелии). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. – 458 с.
13. Савватеев Ю.А. Наскальные изображения Фенноскандии (охотничьи традиции). Автореф. на соиск. уч. степ. д. историч. наук. – М., 1985. – 36 с.
14. Хенинен А. История города Сортавала. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://heninen.net/russian.htm>
15. Чернов А.Ю. В Старой Ладогe найден герб Рюрика? – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.chernov-trezin.narod.ru.

¹ Эта буква (мог быть и Σ – знак суммы) согласуется с соляным корнем пе (в словах Петр – камень и Пейве – бог света).

ПРИРОДНАЯ СРЕДА

УДК 504.6:55.56.574.4
ББК 28.08

Н.В. Ловелиус, А.Ю. Ретеюм

ВНУТРИВЕКОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ УРОВНЯ МИРОВОГО ОКЕАНА

Выявляются внутривековые аномальные изменения уровня Мирового океана, анализируются факторы природной среды в годы его аномальных колебаний. Приводятся примеры изменений уровня Мирового океана в зависимости от положения планет.

Ключевые слова:

афелий, глобальная температура, колебание, океан, перигелий, солнечная активность, уровень, циркуляция атмосферы.

В публикациях об изменении уровня Мирового океана (УМО), как правило, связывают этот процесс с потеплением климата, но такой вывод не находит всеобщего признания. Не вдаваясь в дискуссию по столь сложной проблеме, мы попытались:

– определить даты аномалий межгодовых (внутривековых) колебаний уровня Мирового океана в период 1901–1999 гг.;

– рассмотреть глобальные факторы среды в годы аномалий как обоснование неслучайности этих колебаний.

В основу исследований были положены количественные характеристики изменения УМО (мм), полученные от профессоров В.Н. Малинина и А.М. Догановского [1; 3; 4]. В абсолютных значениях они приведены на рис. 1. Для исключения многолетнего тренда рассчитаны отклонения уровня от среднего значения в каждом десятилетии в % (табл. 1). На рис. 2 приведены результаты расчетов, по которым получены даты наиболее значительных отклонений, названных нами аномальными (табл. 2).

Таблица 1

Уровень мирового океана относительно десятилетней календарной нормы (К, %)

	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990
0		92,7	104,7	91,2	95,5	95,5	98,3	97,3	92,7	91,7
1	102	96,7	107,9	96,2	98,3	95,8	99,2	98,0	97,9	94,8
2	105,9	92,2	96	99,2	99,9	97,8	96,8	104,2	98,2	98,9
3	109	94,7	90,4	101,7	100,6	95,4	88,6	101,8	113,5	96,8
4	100,8	107,3	93,6	94,4	97,3	96,8	91,9	100,7	101,8	96,1
5	93,7	117,3	103,3	101	97,3	100,4	100,8	100,3	96,3	102,5
6	95,9	105,8	103,8	103,4	98,6	100,1	100,8	94,2	101,6	101,7
7	102,2	93,1	102,6	106,4	100,8	106,6	107,0	96,6	104,1	108,6
8	90	99,9	99,6	107,3	107,9	109,4	106,5	107,5	97,2	108,9
9	100,4	100,4	98,3	99,5	103,7	101,8	110,1	99,3	97,2	100,1

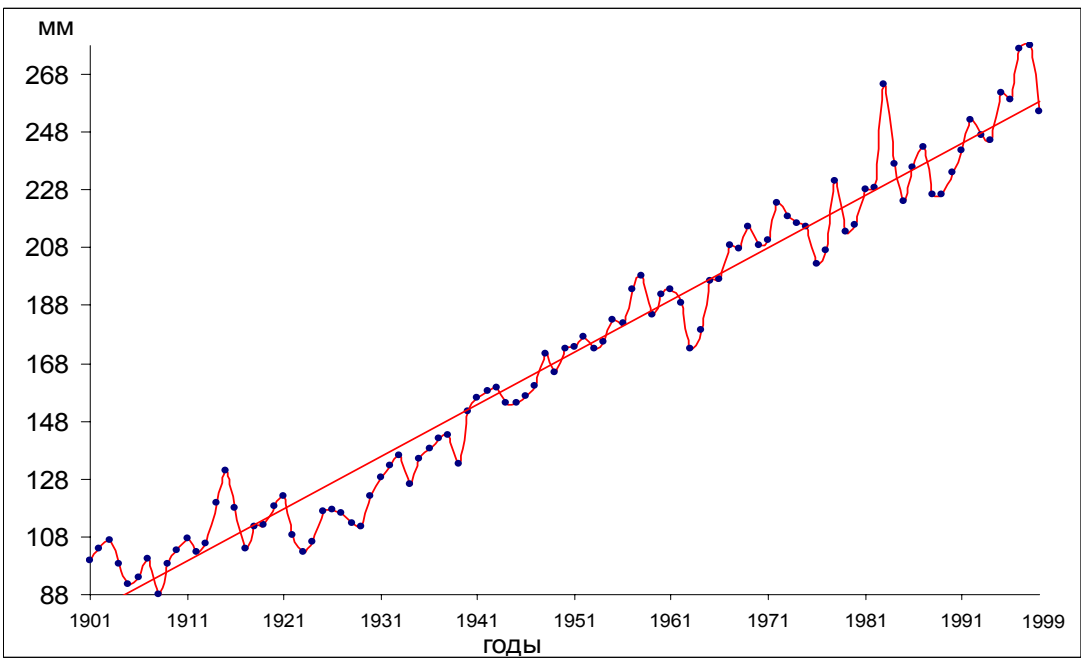

Рис. 1. Изменения УМО (мм) в период с 1901 по 1999 гг.

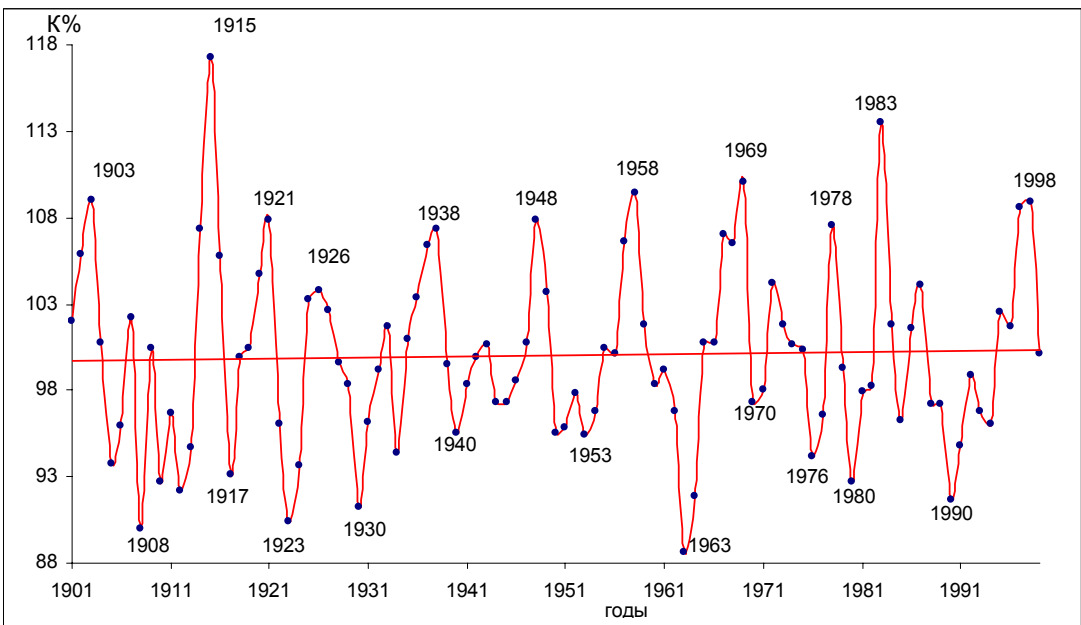

Рис. 2. Внутривековые изменения УМО относительно средней 10-летней нормы.

Для лет с аномальными отклонениями УМО выбраны значения глобальных факторов природной среды: солнечной и геомагнитной активности (числа Вольфа и индекс aa), галактических космических лучей (ГКЛ), глобальные температуры в северном, южном полушариях, и на Земном шаре. Также проанализированы изменения УМО в эпохи изменения скорости вращения Земли. Выявлены эффекты перигелия и афелия планет Юпитера и Сатурна.

Нормирование ежегодных значений УМО от 10-летней календарной нормы дало возможность исключить долгопериодный тренд в их многолетнем ходе (рис. 2). Диапазон межгодовых колебаний достигает 28,7 % (максимум – в 1915 г. и минимум – в 1963 г.).

Ниже представлены результаты анализа межгодовых и внутригодовых изменений глобальных факторов в годы аномальных колебаний УМО за период 1901–1999 гг. Авторы исходили из представлений о том, что процессы в гидросфере одновременно находятся под влиянием Солнца и внешних планет, которые оказывают периодическое воздействие на Землю как непосредственно, так и опосредованно [2; 4].

Отклонения УМО в годы максимумов и минимумов внутривековых изменений

№ п.п.	Макс.	К, %	№ п.п.	Мин.	К, %
1	1903	109	1	1908	90
2	1915	117,3	2	1917	93,1
3	1921	107,9	3	1923	90,4
4	1925	103,3	4	1930	91,2
5	1938	107,3	5	1940	95,5
6	1948	107,9	6	1953	95,4
7	1958	109,4	7	1963	88,6
8	1969	110,1	8	1970	97,3
9	1978	107,5	9	1976	94,2
10	1983	113,5	10	1980	92,7
11	1998	108,9	11	1990	91,7
Среднее		109,28			92,736

Анализ изменения УМО относительно дат перигелия Сатурна представлен на рис. 3. За 3 года до прохождения перигелия уровень начинает увеличиваться и достигает максимума в год его прохождения; за два года после его прохождения УМО стремительно снижается. Диапазон этого колебания составляет около 10 %.

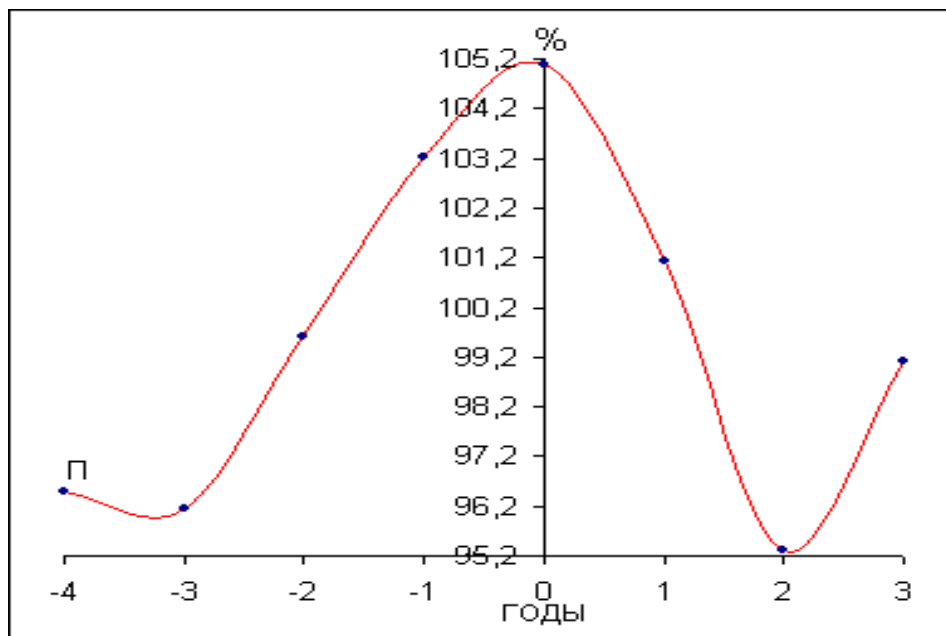

Рис. 3. УМО в годы эпохи перигелия Сатурна относительно десятилетней нормы, %.

На рис. 4 приведены результаты анализа изменений УМО относительно дат прохождения перигелия и афелия Юпитера, позволяющие проследить наибольшие амплитуды колебаний УМО в эпохи перигелия с максимумом за год до его прохождения. В эпохи афелия также имеет место синхронный отклик, но его амплитуда значительно меньше (3,9 и 0,7 соответственно). Колебания УМО в эпохи перигелия Сатурна и Юпитера (рис. 3 и 4) дают

основание судить о значительном влиянии движения планет Солнечной системы на состояние вод Мирового океана. Такого рода воздействие на УМО может быть объяснено системой его полиритмических внутривековых колебаний, которые меняют диапазон в зависимости от скорости вращения Земли и других глобальных факторов природной среды.

На рис. 5 приведены результаты анализа глобальной температуры в годы

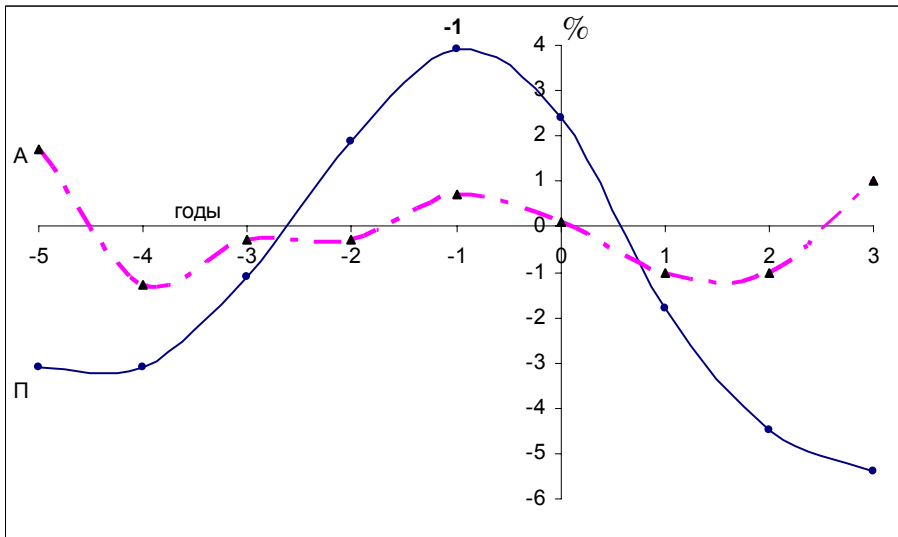

Рис. 4. Отклонения УМО в эпохи афелия (А) и перигелия (П) Юпитера (в интегральном исчислении) относительно 10-летней нормы, %.

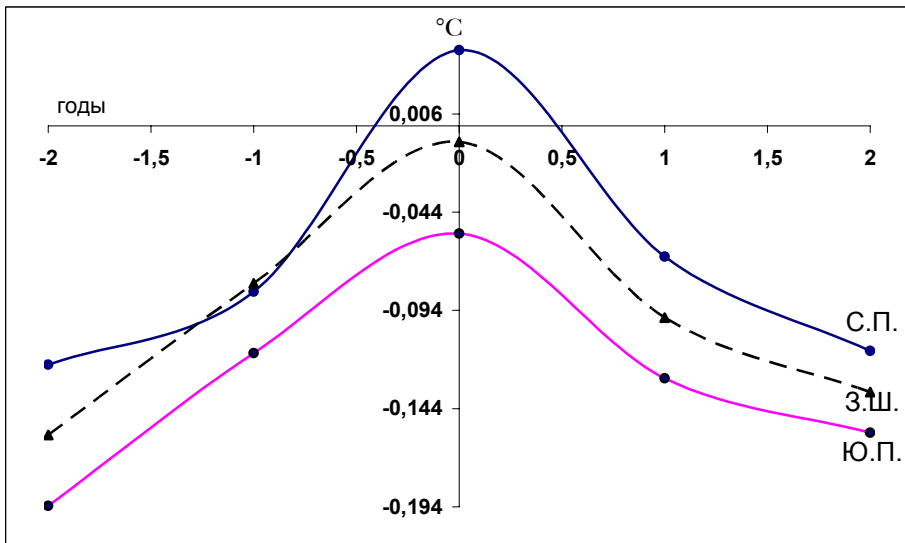

Рис. 5. Температура воздуха в северном (С.П.), южном (Ю.П.) полушариях и на Земном шаре (З.Ш.) в годы высоких УМО.

высоких УМО. Высокое согласование ее изменений в интервале пяти лет свидетельствует о чертах единства этого процесса в северном, южном полушариях и на земном шаре. При этом амплитуда колебаний наибольших значений достигает в северном полушарии (табл. 3), коэффициенты корреляции от 0,93 до 0,99 являются ярким тому подтверждением.

Иное распределение температуры наблюдается в годы низких УМО (рис. 6, табл. 4). Положительное согласование в ходе температуры накануне минимумов УМО сменяется противофазой температуры в северном и южном полушарии, о чем свидетельствует низкий коэффициент корреляции (0,30).

Еще одним из факторов, влияющих на гидросферу и атмосферные процессы, является изменение скорости вращения Земли [7; 8]. На рис. 7 приведены результаты анализа УМО относительно дат экстремумов дисперсии приливных колебаний скорости вращения Земли

Как следует из рис. 7, с увеличением скорости вращения Земли УМО имеет тенденцию к снижению, и его уровень достигает самых низких значений (-65,8) за год до даты экстремума. В эпохи минимумов амплитуда изменений УМО почти

в три раза меньше (-22,3) и приходится на (-3)-й год до минимума. На материале анализа УМО относительно реперов Сатурна и Юпитера можно было проследить изменения в пределах 6 и 9 лет, тогда как относительно реперов скорости вращения Земли проявляется ритм около 20 лет.

Наряду с межгодовыми характеристиками среды в годы высоких и низких УМО представляет интерес внутригодовое распределение таких элементов, как галактические космические лучи (ГКЛ), солнечная (W) и геомагнитная (aa) активности, циркуляция атмосферы (ЭЦМ). На рис. 8 приведен результат анализа внутригодового распределения ГКЛ в годы высоких (В) и низких (Н) УМО. Обращает на себя внимание хорошо выраженное внутригодовое распределение потока ГКЛ с минимумом обеих кривых в теплое время года – в июле. В годы высоких УМО минимальные значения ГКЛ с самой большой амплитудой различий – также в июле.

Анализ чисел Вольфа показал, что в годы высоких УМО солнечная активность имеет высокие значения с максимумом в июле при абсолютной противофазе линейных трендов ГКЛ и солнечной активности (рис. 9).

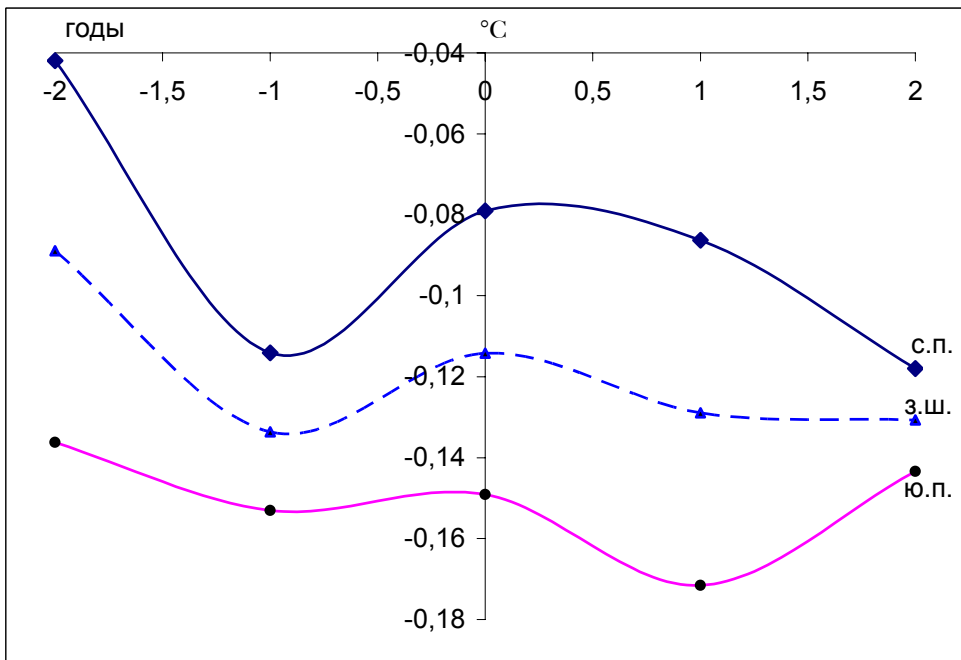

Рис. 6. Температура воздуха в северном (С.П.), южном (Ю.П.) полушариях и на Земном шаре (З.Ш.) в годы низких УМО.

Температура воздуха в годы высоких УМО в северном (С.П.), южном (Ю.П.) полушариях и на Земном шаре (З.Ш.) в годы высоких УМО

Макс.	Годы до и после					Коэф. корреляции температуры в годы высоких УМО	
	-2	-1	0	1	2		
С.П.	-0,122	-0,084	-0,0385	-0,067	-0,115	с.п. – ю.п.	0,93
Ю.П.	-0,194	-0,116	-0,055	-0,129	-0,156	с.п. – з.ш.	0,96
З.Ш.	-0,157	-0,08	-0,008	-0,098	-0,136	ю.п. – з.ш.	0,99

Распределение индекса геомагнитной активности в годы высоких и низких УМО имеет разную конфигурацию аномалий и только внутригодовой минимум у обеих кривых попадает на июль. Для лет с высокими УМО характерна высокая геомагнитная активность с максимумом в мае (рис. 10) и более высоким положением линейного тренда, который имеет противоположную направленность по сравнению с трендом солнечной активности (рис. 9).

Результаты анализа характеристик циркуляции атмосферы по каталогу типизации Б.А. Дзердзеевского [6] представлены на рис. 11. По ходу кривых количества дней с северной меридиональной циркуляцией атмосферы в годы высоких УМО наблюдается большее количество дней, чем в годы низких. Обращает на себя внимание высокое согласие в снижении количества дней с мая по

октябрь в годы противоположных аномалий с минимумом в июле.

Сравнение внутригодового распределения ГКЛ (рис. 8) и меридиональной северной группы циркуляции (рис. 11) показывает высокое согласие в их распределении, но только с обратным знаком. В обоих случаях на июль приходится максимум солнечной и минимум геомагнитной активности.

Установленные различия в изменении глобальных факторов среды, представленных на рис. 3–11, подтверждают реальность межгодовых (внутривековых) колебаний УМО, часть из которых в перспективе может быть использована в качестве прогностических признаков.

Авторы признательны и благодарны профессорам А.М. Догановскому, В.Н. Малинину за представленные для работы материалы и консультации во время ее выполнения.

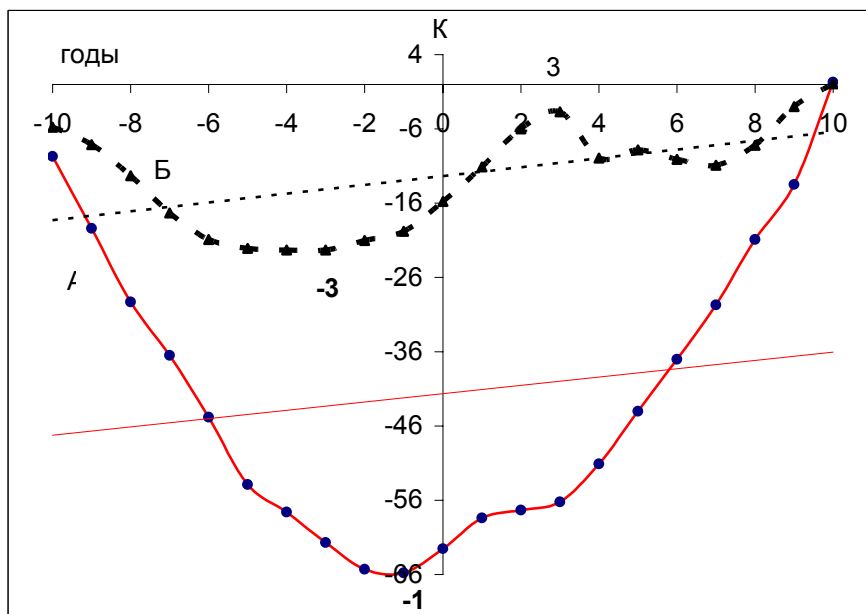

Рис. 7. Изменение УМО в эпохи максимумов (А) и минимумов (Б) дисперсии приливных колебаний скорости вращения Земли в интегральном исчислении относительно 10-летней нормы.

Температура воздуха в годы высоких УМО в северном (С.П.), южном (Ю.П.) полушариях и на Земном шаре (З.Ш.) в годы низких УМО

Мин. УМО	-2	-1	0	1	2	Коэф. корреляции температуры в годы низких УМО	
						С.П. – Ю.П.	С.П. – З.Ш.
С.П.	-0,042	-0,114	-0,079	-0,086	-0,118	С.П. – Ю.П.	0,30
Ю.П.	-0,136	-0,153	-0,149	-0,172	-0,143	С.П. – З.Ш.	0,94
З.Ш.	-0,089	-0,134	-0,114	-0,129	-0,131	Ю.П. – З.Ш.	0,61

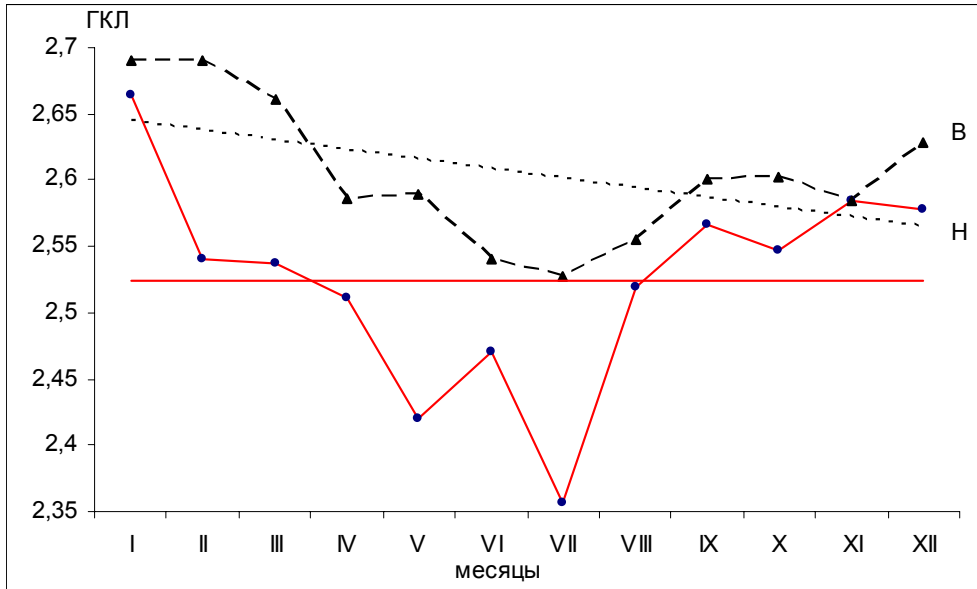

Рис. 8. Галактические космические лучи в годы высоких (В) и низких (Н) УМО. Коэф. корр. 0,68.

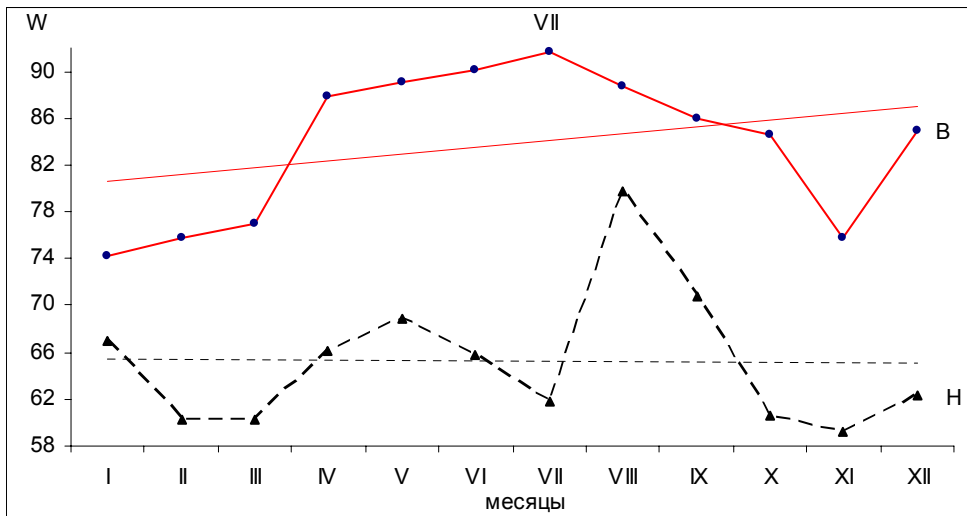

Рис. 9. Солнечная активность (W) в годы высоких (В) и низких (Н) УМО. Коэф. корр. 0,44.

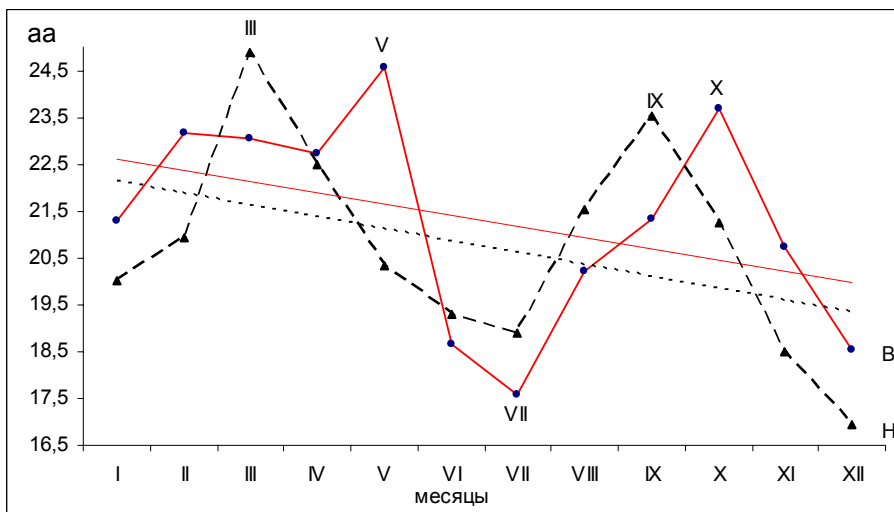

Рис. 10. Геомагнитная активность в годы высоких (В) и низких (Н) УМО.

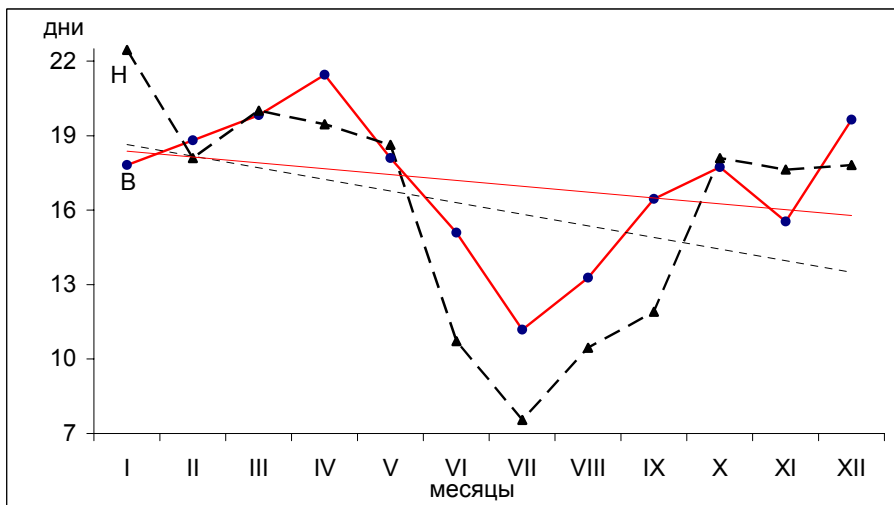

Рис. 11. Меридиональная северная группа циркуляции (ЭЦМ 8а–12г) в годы высоких (В) и низких (Н) внутривековых колебаний УМО. Коэф. корр. 0,83.

Список литературы

1. Догановский А.М., Малинин В.Н. Гидросфера Земли. – СПб.: Гидрометеиздат, 2004. – 630 с.
2. Ловелиус Н.В., Ретеюм А.Ю. Озеро Виктория как индикатор связей в солнечной системе // География: проблемы науки и образования. LXI Герценовские чтения. Мат. ежег. Всероссийской научно-метод. конф. (9–10 апреля 2009 г., Санкт-Петербург). Том I. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 371–380.
3. Малинин В.Н. Изменчивость глобального водообмена в условиях меняющегося климата // Водные ресурсы. Том 36. – 2009, № 1. – С. 1–14.
4. Малинин В.Н., Шевчук О.И. Эвстатические колебания уровня Мирового океана в современных климатических условиях // Изв. РГО. Т. 140. – 2008, вып. 4. – С. 20–30.
5. Ретеюм А.Ю. Периодические возмущения окружающей среды, прогнозирование и планирование // Экологическое планирование и управление. – 2007, № 4 (5). – С. 4–13.
6. Продолжительность ЭЦМ и групп ЭЦМ для Северного полушария (типизация по методу Б.Л. Дзердзеевского) / Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://climate.igras.ru/index> и <http://www.iers.org/iers>
7. Сидоренков Н.С. Атмосферные процессы и вращение Земли. – СПб.: Гидрометеиздат, 2002. – 200 с.
8. Сидоренков Н.С. Лунно-солнечные приливы и атмосферные процессы // Природа. – 2008, № 2. – С. 23–31.

БАЙКАЛ И ЛАДОГА – КРУПНЕЙШИЕ ОЗЕРА КАК НЕПРЕРЫВНО ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ СОКРОВИЩА РОССИИ

Рассмотрено различие между двумя крупнейшими озерами России в географическом, экономическом и военном отношениях. Отмечены международная проблема нехватки пресной воды и роль России в ее решении. Показано ведущее значение Ладоги по сравнению с Байкалом для экономики и обороны страны. Подтверждена необходимость принятия специального закона о Ладожском озере и его бассейне для обеспечения требуемого экологического уровня в регионе и высокого качества воды, предназначенной для снабжения Санкт-Петербурга, а также для ее возможного экспорта.

Ключевые слова:

Байкал, вода, водные ресурсы, водообеспечение, глобальное водораспределение, дефицит пресной питьевой воды, климатические области Земли, Ладога, мегаполис, минерализация, озеро.

Вода – одно из самых удивительных веществ на Земле. Она встречается в природе во всех трех агрегатных состояниях; по своим химическим свойствам чистая вода может считаться нейтральным веществом – без запаха, вкуса и цвета. Лишь в толстых слоях вода имеет голубоватый цвет, что дает основание называть ее голубым золотом, без которого невозможно существование живых организмов на Земле. Попутно напомним, что вода составляет 2/3 массы человеческого тела.

Вода, в свою очередь, состоит из двух также уникальных элементов: водорода и кислорода. Водород – самый распространенный элемент космоса, составляющий более 70 % массы Солнца и звезд, как и основную часть газов межзвездной среды и туманностей, кислород – самый распространенный на Земле элемент, на который в земной коре (в виде соединений) приходится около половины ее массы, а в воде – почти девяносто процентов. Неудивительно, что вода является также одним из самых распространенных веществ в природе. Общий объем ее на Земле составляет 1 389,5 млн км³. Однако пресные воды составляют только чуть больше 3 % от этого объема, а технически доступные – всего около 0,3 %. Четверть процента запасов пресных вод заключено в естественных водохранилищах – озерах. В руслах рек одновременно находится лишь 0,01 % пресной воды – чуть больше, чем в живых организмах и растительности [1].

Здесь следует добавить, что перечисленные выше показатели непрерывно убывают в связи с возрастающим уровнем загрязнения воды в большинстве индустриальных стран.

Основными источниками пресной воды в настоящее время, как правило, являются озера и реки. Распространены они в мире неравномерно, как и выпадающие на Землю осадки. Так, есть сверхзасушливые климатические области Земли, где среднегодовое количество осадков не превышает 10–20 мм, но есть и сверхвлажные, в которых за год выпадает до 3–5 м, т.е. в 300, а то и в 500 раз больше.

В настоящее время более 1/3 всего человечества не имеет доступа к безопасной питьевой воде. Из-за болезней, связанных с недостатком воды, в мире ежегодно умирает 2,2 млн чел., в том числе, около 6 тыс. детей *ежедневно*. 40 % человечества живет в условиях острого недостатка воды, причем к 2025 г. такой «водный стресс» может испытывать уже около 5,5 млрд чел.

За последние 100 лет потребление воды увеличилось в 6 раз, а в настоящее время среднегодовой забор воды из рек и подземных источников составляет 600 куб. м воды на человека, из них только 137 – питьевой.

На рис. 1 представлен рост забора воды с 1960 по 2000 гг., с прогнозом до 2025 г., разбитый по различным секторам экономики (сельскому хозяйству, промышленности и на муниципальные нужды), по которым он увеличится за этот период соответственно, в 6, 12 и 18 раз.

Средняя же обеспеченность водой в мире падает – как за счет роста ее потребления, так и уменьшения ресурсов из-за их частичной невозможности, загрязнения среды, таяния ледников Гренландии и Антарктиды, талые воды которых стекают в океан. Наглядная картина этого падения по сравнению с 1950 г. представлена

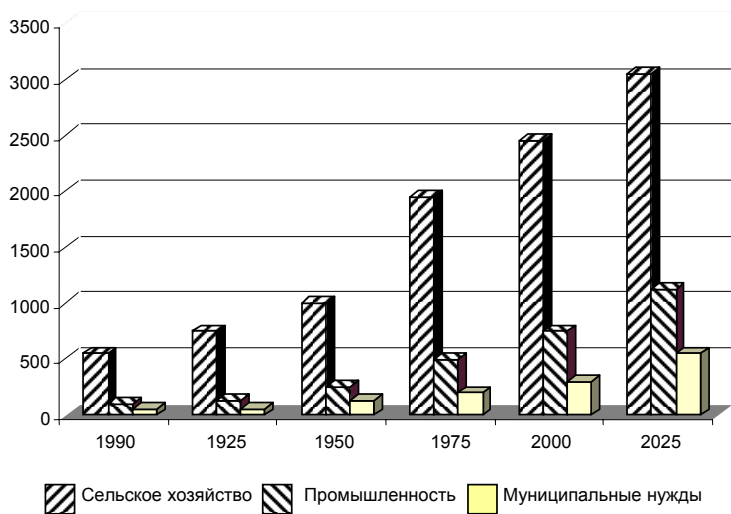

Рис. 1. Забор воды по секторам экономики (км³/год).

на рис. 2 – отдельно по развитым и развивающимся странам. Больше всего страдают развивающиеся страны с засушливым климатом, обеспеченность водой в которых составит в будущем году лишь 15 % от уровня 1950 г.

Многим странам не хватает собственных источников воды, и они дополнительно получают ее из внешних источников. Так, например, более половины воды получают из внешних источников Ирак, Сомали, Вьетнам, Аргентина, Боливия, Конго, Мозамбик, Израиль и др. Более 2/3 водных ресурсов приходится на внешние источники в таких странах, как Египет, Кувейт, Пакистан, Венгрия, Молдова, Румыния, Сербия, Черногория, Туркменистан и Нидерланды.

Наиболее обеспеченным водой государством является Бразилия, почетное второе место за ней занимает Россия. Единственный объем поверхностных пресных вод России составляет 28 тыс. км³ или 22 % от мирового объема [6]. Однако, суммарный объем ежегодно возобновляемых водных ресурсов России (речной сток) оценивается в 4270 км³/год, т.е. немного не достигает 10 % суммарного стока всех рек Земли.

Если же сравнивать среднегодовой расход воды в устьях рек, то одна Амазонка выносит в океан пресной воды в 4 раза

больше, чем двенадцать крупнейших рек России вместе взятых.

В России расположено более 3 тыс. озер*, а также создано около 2300 водохранилищ с общим объемом около 1000 км³ [6].

Человеку для поддержания жизни требуется не менее полутора литров питьевой воды в день. А вообще водопотребление на душу населения составляет сотни литров пресной воды в сутки. Так, в крупных городах России удельное водопотребление составляет 300–400 л в сутки, что превышает показатели во многих других развитых странах

(США – 320 л, Англия – 170, Япония – 125, Финляндия – 58) [6]. В странах Африки около Сахары – до 10–20 л в сутки.

Забор пресной воды в России, как и в мире в целом, растет быстрыми темпами: от 80 км³ в 1950 г. до 350 км³ в 1990 г. По некоторым оценкам, ежегодный забор в начале XXI в., несмотря на усилия по сокращению водопотребления, превысит 400 км³ [1].

В то время, как во многих странах мира страдают от нехватки воды, в России отношение к пресной воде в настоящее время прямо таки «коммунистическое» – ее используют «по потребности» и сверх таковой. Прошедшая сложный и дорогостоящий процесс очистки питьевая вода применяется для промыва канализационных труб, мойки машин, полива зеленых насаждений и улиц. К удивлению европейцев, россияне моются и бреются обычно при открытом кране, подчас забывая даже вовремя закрыть его, т.е. воспринимая водопровод как бьющий из-под земли родник. Сотни и тысячи тонн воды утекают в канализацию при неисправных сантехнических устройствах. С другой стороны, водные бассейны нещадно загрязняются, являясь зачастую местом сброса нефтепродуктов и ядовитых отходов промышленности и сельского хозяйства, что наносит неминуемый вред здоровью

* При подсчете числа озер необходимо задаваться их минимальным размером. Так, наряду с указанным выше числом российских озер в печати можно найти сведения о том, что только в бассейне реки Невы насчитывается около 50 тыс. озер. Причем обычно размеры не указываются, что не дает возможность сравнивать приводимые по различным районам числа.

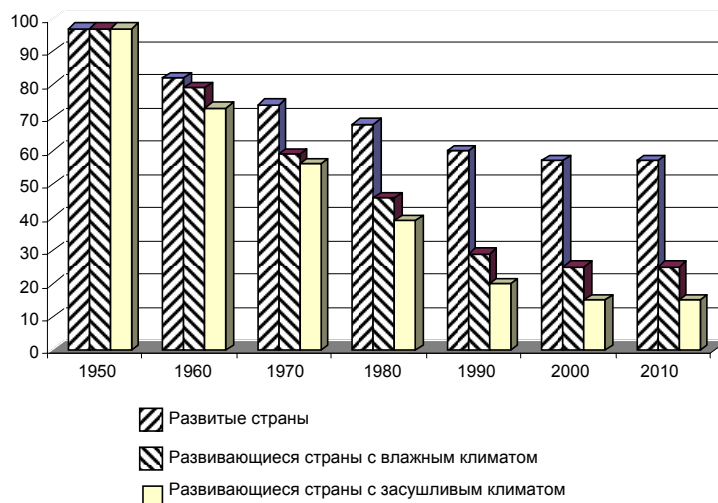

Рис.2. Обеспеченность населения Земли водой (в % от 1950 г.).

населения, несмотря на все процессы очистки воды. По оценке руководства санкт-петербургской компании «Водоканал» только 3 % питьевой воды расходуются по прямому назначению, остальные же 97 % являются просто «транспортом грязи».

Понятно, что развитие экономики, обеспечивающее существование человека в соответствии с современными требованиями, связано, как правило, с антропогенным воздействием на среду, ведущим к ухудшению ее экологического состояния и, как следствие, к ухудшению качества человеческой жизни. Это объективное противоречие приводит к необходимости принятия компромиссных решений, критерий эффективности которых перемещается уже из экономической области в политическую и даже нравственную или мировоззренческую. Вопрос стоит так: что важнее – получить сегодня максимальную прибыль любой ценой или проявить заботу о будущих поколениях, сохранив для них и природные ресурсы, и незагубленную природную среду.

Естественно, что при неравномерном распределении воды, дефицит которой постоянно возрастает, неминуемо увеличивается напряженность в отношениях между странами, доходящая до прямых вооруженных конфликтов. Согласно имеющимся сведениям, в мире в настоящий момент насчитывается уже более 30 таких перманентных конфликтов из-за доступа к водным ресурсам (в основном, к питьевой воде). Считается, что количество конфликтов со временем будет расти экспоненциально.

Эти конфликты во вполне обозримой перспективе могут перерасти в широкомасштабные войны – при отсутствии договоренности между странами, достигнутой в результате совместной выработки соответствующей machinery, т.е. механизма или системы действий, обеспечивающей глобальное водораспределение.

Такая система должна предусматривать возможности перемещения водных ресурсов как внутри государств, так и за их пределы, включая «перевоску рек» (почти «бутилированное» понятие в России в настоящее время), а

также транспортировку воды по водопроводам (масштаба нефте- и газопроводов), на танкерах, в бутилированном виде т.д.

Так или иначе, проблема нехватки в мире пресной воды стоит на повестке дня, и решать ее мировому сообществу и, в первую очередь, Европе придется не без участия России. А основные доступные запасы «голубого золота» приходится у нас на Байкал и Ладогу и великие реки России – не оцененные еще полностью непрерывно восполняемые сокровища нашей страны.

О Байкале и Ладоге – этих великих озерах-морях – в мире знали еще задолго до того, как появилась Россия. Байкал (под названием Ламу, Тангиз, Далай, Байхай, которые все переводятся как море, океан) уже упоминается в древних китайских хрониках, арабских и тибетских летописях, в монгольском эпосе [4].

Ладожское озеро (под названием Нево, Алдея, Альдаген, Альдога) встречается в летописи Нестора (XII в.), в договорах Новгорода Великого с ганзейскими городами. И только в летописи 1280 г. впервые появляется название «Ладога». Картографическое его изображение можно найти на карте С. Мюнстера (1544 г.) [5].

На Байкал русские казаки впервые вышли в 1643 г. и нарекли его морем. Первая инструментальная съемка озера Байкал была произведена в 1772–73 гг. штурманом Байкальской военной флотилии Алексеем Пушкаревым. По материалам этой съемки была составлена карта «Байкала-моря» [2].

Несколько ранее по указанию Адмиралтейств-коллегии военными гидрографами под наблюдением И.А. Нагаева и под руководством начальника экспедиции капитан-лейтенанта Д. Селянинова была составлена карта Ладоги. Однако издана она была с учетом последующих работ только в 1812 г. – в качестве первой карты всего Ладожского озера.

Здесь мы прервем описание истории изучения этих озер-морей, отметив только, что несмотря на то, что они всегда считались расположенными в глубоком тылу [3], гидрографическое изучение их продолжалось в дальнейшем в основном военными морякам.

Сравним теперь между собой эти два уникальных произведения природы, начиная с их происхождения. Как считают в настоящее время, озеро Байкал представляет собой заполненную водой рифтовую долину зарождающегося океана. Если внимательно взглянуть на карту поверхности земного шара, то можно отметить, что происходящее по не совсем еще понятным причинам расползание континентов направлено к некоторому равновесному состоянию, при котором континенты, имеющие примерно треугольную форму, располагаются одним из углов к южному полюсу и одной из сторон – к северному. Исключение представляет лишь евразийский континент (Антарктиду и Австралию мы не рассматриваем в силу их особенного положения), который имеет тенденцию к расколу на два треугольника. Причем, намечающаяся линия разлома проходит как раз вдоль озера Байкал.

Возраст Байкальской рифтовой долины определяют примерно в 25 млн лет. Тектонические движения, связанные с образованием Байкала, продолжают и в настоящее время. Берега озера расходятся со скоростью 2 см в год (с такой скоростью примерно растут ногти на руках человека). Землетрясения в Забайкалье достигают 10–11 баллов. Последнее сильное землетрясение было в 1959 году. Фиксируемые же сейсмографами слабые землетрясения случаются до 2 тыс. раз в году [2].

В противоположность Байкалу Ладога представляет собой довольно молодой реликт залива Балтийского ледникового озера, имевшего наибольшие размеры всего около 10 тыс. лет назад. Последовавший за этим спуск этого водоема привел к обособлению Ладожского озера. Около 5 тыс. лет назад после стока воды из системы

Большой Саймы в Ладогу уровень в озере повысился, и воды Ладоги снова прорвали Балтийско-Ладожский водораздел, образовав реку Неву.

Тектонические процессы происходят также и в недрах Ладоги. Об этом свидетельствуют так называемые бронтиды: подводный гул, периодически слышимый в районе Валаамского архипелага.

Отличие геологического происхождения Ладоги от Байкала хорошо иллюстрируется с помощью их объемных кривых, построенных в относительных единицах [7]. Если они почти совпадают у Ладоги и Онеги, имеющих аналогичное (ледниковое) происхождение, то кривая Байкала ближе к таковой у Танганьики, являющейся также рифтовым образованием.

Ладога – уникальное явление природы во многих отношениях. Оно является терминальным резервуаром сотен тысяч рек и проточных озер, собирающих дождевые и родниковые воды с большей части Северо-Запада России, а следовательно – и индикатором экологического состояния этой обширной территории. Но главное, что озеро служит безальтернативным источником водоснабжения Санкт-Петербурга – второго по значимости мегаполиса нашего государства.

Ладога – это часть древнего пути «из варяг в греки» и современного «Волгобалта», а также непереносимое «окно в Европу» для России.

Из Ладоги вытекает довольно короткая (74 км), но полноводная Нева, выносящая ежегодно в Финский залив Балтийского моря 80 км³ пресной воды, в несколько раз более чистой, чем волжская и днепровская воды, очень мягкая и в тоже время слабо минерализованная, т.е. почти оптимального состава питьевой воды. Таким образом, за год обновляется около 10 % водных ресурсов озера.

Сравним теперь наши озера-моря по размерам и водным ресурсам.

«Славное море – священный Байкал» – поется в известной народной песне. «Нашим морем была Ладога», – говорят ветераны войны – моряки Ладожской флотилии. И действительно, по своим размерам эти великие озера не уступают некоторым морям. Так, по площади и Байкал, и Ладога превышают Мраморное, Лигурийское и Внутреннее Японское моря. А по объему воды Азовское море, например, в три тыс. раз уступает Ладожскому озеру и в 80 тыс. раз – Байкалу. Ладога расположена примерно посередине северной части Европы

и является самым крупным европейским озером, а Байкал, находящийся в середине Азии, является крупнейшим по запасам воды озером не только в Азии, но и во всем мире. В нем содержится около четверти всех мировых запасов воды в пресных озерах. Байкал в 1,76 раза больше Ладоги по площади, а по объему превышает последнюю более чем в 27 раз (рис. 3). Здесь следует заметить, что запасы воды в Байкале очень часто в печати сильно преувеличиваются. Так, например, в Интернете можно найти информацию, что запасы воды в Байкале составляют «около 20 % мировых запасов поверхностных пресных вод». В действительности здесь следует говорить о величине 0,09 %. Иногда, даже в серьезных академических изданиях, утверждается, что в Байкале содержится около четверти всей пресной воды в мире (вместо 0,06 %). Очевидно, что названные выше 20–25 % относятся к запасам воды только в озерах.

Зато по водности, точнее по среднему расходу воды через Неву и Ангару, Ладога превышает Байкал почти в полтора раза. Это обстоятельство характеризует особую ценность Ладоги как источника водоснабжения – не только в настоящее время, но и в обозримой перспективе.

Такая водопродуктивность Ладожского озера объясняется, по-видимому, большой влажностью климата и развитостью гидрографической сети (в бассейне Ладоги насчитывается около 50000 озер и 60000 рек). И это при том, что водосборный бассейн Ладоги в 2 раза меньше, чем у Байкала. Ладожский водосбор вытянут в меридиональном направлении, поэтому таяние снежного покрова происходит постепенно, что обеспечивает устойчивый и равномерный сток из озера в течение всего года.

Оба озера имеют развитое судоходство, большое рыболовное хозяйство. Ихтиофауна великих озер существенно отличается между собой. Так, основными промысловыми рыбами на Байкале являются омуль, хариус, таймень, сиг, окунь, налим, а на Ладоге – лосось, форель, сиг, ряпушка, судак, окунь, корюшка, осетр, угорь.

Вода в Байкале прозрачная (до 40 м) и менее минерализованная. В ладожской воде больше взвесей (средняя прозрачность около 5 м), зато ее минерализация считается более предпочтительной для питьевой воды.

Для обоих озер актуальными проблемами являются природоохранные мероприятия, направленные на снижение антропогенного воздействия на озерные

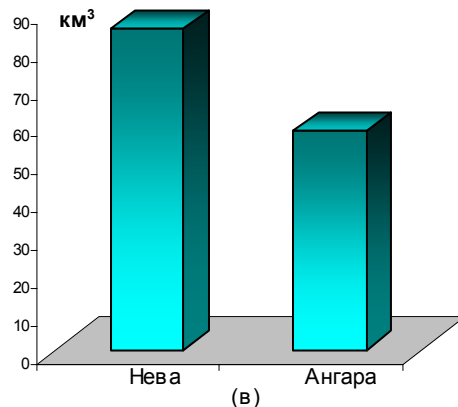
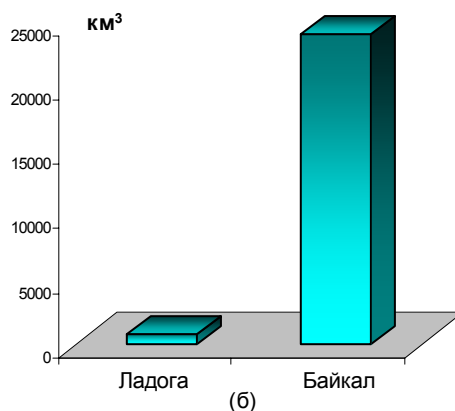

Рис. 3. Соотношение площадей (а), объемов водных масс (б) и среднего расхода воды Байкала и Ладоги (через Ангару и Неву) (в).

экосистемы, борьба с загрязнением воздушной и водной среды. Как Прибайкалье, так и Приладожье являются рекреационными жемчужинами России, как бы специально созданными для расположения здравниц и развития самого разнообразного туризма – природно-познавательного, этнокультурного и культурно-исторического, спортивного (включающего охоту и рыболовство), религиозного и даже экстремального. И если Байкал привлекает туристов своими дикими горами, буддийскими дацанами, шаманами и пр. сибирской экзотикой, то Ладога – живописными шхерами, древнерусскими историческими памятниками (с. Старая Ладога, IX век; крепость Орешек, XIV век; крепость Корела, XII век), благодатью известных православных монастырей на Валаамском архипелаге, острове Коневец и многим другим.

При сравнении озер нельзя также не отметить ту особую роль, которую сыграло Ладожское озеро в Великой Отечественной войне. Ладога – это «Дорога жизни», позволившая Ленинграду выстоять в блокаде. Говоря о роли озера в это время, обычно имеют в виду, главным образом, снабжение города и фронта продовольствием и боеприпасами. Но не меньшее значение имело и просто обеспечение населения водой, когда при неработающем водопроводе, люди брали воду из прорубей на Неве, без чего город не простоял бы и двух недель. По мнению историков, битва за Ленинград, склавшая одну из трех групп немецких армий («Север»), повлияла на весь ход и исход войны в целом.

В то же время, по нашему мнению, имеет место недооценка значения Ладоги по сравнению с Байкалом. Если по последнему уже более десяти лет назад принято специальное постановление правительства, обеспечивающее экологическую безопасность этой озерной системы, то по Ладоге, водосбор которой расположен на территории трех независимых государств – Белорус-

сии, Финляндии, России – и семи административных регионов последней (Карелии, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Вологодской и Архангельской областей) [1], подобного закона пока еще не принято и принятие его недопустимо затягивается.

В стране учрежден общероссийский День Байкала. Что же касается Ладоги, то ничего подобного нет, хотя Ладожское озеро по своему военно-историческому, экономическому, научному, да и туристическому значению ничуть не уступает «священному морю» – Байкалу, а по ряду направлений существенно превосходит его.

В связи с изложенным представляется необходимым ускорить рассмотрение много лет нерешаемого вопроса о создании законодательной базы по обеспечению экологической безопасности бассейна Ладожского озера, а, следовательно, и Санкт-Петербургского мегаполиса. Мероприятие это, по нашему мнению, целесообразно провести под эгидой Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, отвечающего, в том числе за предотвращение и профилактику их возникновения.

Для дополнительного привлечения внимания к этому важному природному объекту стоило бы решить вопрос и об учреждении Дня Ладоги – по аналогии с Днем Байкала. В качестве соответствующей даты можно было бы предложить 27 февраля – день полного снятия блокады Ленинграда, события, роль Ладоги и ладожан в котором трудно переоценить. Но как ни велика роль Ладожского озера в истории России и современном водообеспечении Санкт-Петербурга, значение его еще должно возрасти в свете необходимости решения грядущей мировой проблемы – преодоления острого дефицита пресной и, особенно, питьевой воды – как в национальном, так и общеевропейском масштабах.

Список литературы:

1. Атлас океанов. Термины. Понятия. Справочные таблицы. – Л.: МО России, 1980. – 156 с.
2. Байкал: Атлас / Гл. ред. Г. Н. Галазий. – М.: Федеральная служба геодезии и картографии России, 1993. – 160 с.
3. Белобров А.П. Воспоминания военного моряка. – М.–СПб.: «Индрик», 2008. – 910 с.
4. Колотило А.Г. Проблемы физико-географического изучения озера Байкал. – СПб.: Русск. геогр. общ., 2001. – 309 с.
5. Ладожское озеро: Атлас / Отв. ред. В.А. Румянцев. – СПб.: Ин-т озероведения РАН, 2002. – 128 с.
6. Разумовский В.М. Природопользование. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2003.
7. Сорокин А.И. Относительные морфометрические характеристики и их применение на примере крупнейших озер бассейна реки Невы // Изв. РГО, 1992. Т. 124, Вып. 2. – С. 172–175.

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ*

Приводится общая характеристика озера и подчеркиваются его уникальные черты, в том числе высокое качество воды. Рассматривается история озера и происхождение его биоты в последние 10–15 тыс. лет. Отмечаются особенности населяющих озеро организмов. Особое внимание обращается на рыбное население, состояние рыбных запасов и промысел. Характеризуется роль озера в социально-экономической жизни региона. Подробно рассматривается экологическое состояние водоема, негативное влияние на него интенсивной антропогенной деятельности. Обсуждается необходимость осуществления комплекса мероприятий по восстановлению и охране природной среды и отмечается роль в этом отношении подготавливаемого Федерального закона об охране Ладожского озера.

Ключевые слова:

биота, водосбор, качество воды, рыбное население, холодноводность, экологическое состояние.

Экологическое состояние: восстановление и охрана. Природные ресурсы Ладожского озера и его бассейна широко используются в хозяйственном и иных отношениях и обеспечивают эффективное функционирование общества в рассматриваемом регионе. Интенсивность эксплуатации природных ресурсов здесь высока, что не может не оказывать разнонаправленных влияний (в том числе и негативных) на экологическое состояние ладожской водной системы. Эти влияния могут быть сгруппированы в четыре основные направления:

– хозяйственная деятельность на водосборе, оказывающая влияние на озеро через поверхностный и подземный сток;

– хозяйственная деятельность в береговой зоне, влияние которой в наибольшей степени проявляется в устьевых участках рек и отдельных заливах в местах размещения промышленных предприятий, а также вблизи городов;

– хозяйственная деятельность в самом озере, связанная с судоходством, рыболовством, захоронением различных отходов и т.д.;

– деятельность в отдельных районах, оказывающая влияние на озеро и его экосистему благодаря атмосферным (трансграничным) переносам дымовых и пылевых выбросов, содержащих токсические вещества.

Ведущий вклад в общую сумму негативных воздействий на экосистему озера вносит многообразная деятельность на водосборе.

В целом водосбор Ладожского озера характеризуется высоким уровнем хозяйственного освоения. Концентрация производственной деятельности здесь гораздо выше общероссийских показателей. Причем в структуре отраслей промышленности преобладают ресурсо- и водоемкие производства, обуславливающие по особенностям технологии повышенное влияние на окружающую среду за счет больших объемов сбрасываемых в водоемы сточных вод, поступающих в атмосферу дымовых и пылевых выбросов, а также концентрирующихся на свалках твердых отходов. В ленинградской части ладожского бассейна большой удельный вес приходится на топливно-энергетические, лесные, целлюлозно-бумажные, химические и нефтехимические предприятия, машиностроение, черную и цветную металлургию. В Карелии наиболее развиты лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность, предприятия по разработке нерудных ископаемых. В Новгородской области высок удельный вес химической промышленности, включая производство минеральных удобрений. В Финляндии (бассейн озера Сайма) расположен ряд крупных целлюлозно-бумажных предприятий, «обогащающих» окружающую среду сточными водами и дымовыми выбросами.

Перечисленные выше предприятия относятся к ведущим отраслям, составляющим основу промышленного потенциала России и сопредельной Финляндии. В связи с этим вопросы регламентации их деятельности с целью предотвращения нарушений экологического состояния ок-

* Окончание. Начало см. № 1 за 2010 г., с. 171–182.

ружающей среды в целом и в том числе экосистемы Ладожского озера приобретают особую остроту.

На территории бассейна в ленинградском и карельском участках с давних пор ведутся лесозаготовительные работы, в результате которых оголяются от леса обширные пространства, что влияет на характер формирующегося здесь водного стока и его качество. Осуществляемые лесовосстановительные мероприятия пока не полностью компенсируют фактическую потерю лесного фонда.

Наряду с промышленностью, в бассейне Ладожского озера интенсивно развито сельское хозяйство. Его функционирование тесно связано с широкомасштабными мелиоративными работами, изменяющими характер водного стока и влияющие на качество воды. Сельскохозяйственное производство ориентировано в основном на интенсивные формы животноводства. Крупные животноводческие фермы и комплексы загрязняют природную среду огромными количествами не утилизируемого навоза. При сельскохозяйственном производстве допускаются большие потери удобрений и ядохимикатов, которые в конечном итоге с поверхностным стоком попадают в водоемы, способствуя их эвтрофикации.

Из-за имеющих место частичных несоблюдения требований природоохранного законодательства промышленными и сельскохозяйственными предприятиями качество водного стока, формирующегося на водосборе, не всегда соответствует санитарно-гигиеническим нормам. В ряде рек отмечается повышенный уровень загрязнения водной среды (Свирь, Волхов, Вуокса и др.) [2]. Так, в р. Свири содержание хлорорганических пестицидов превышает предельно-допустимые концентрации (ПДК). В воде этой реки наблюдается также повышенное содержание меди, марганца, железа, нефтепродуктов, высока концентрация фенолов. В воде р. Волхов превышены нормы биологического потребления кислорода, а также меди, марганца, нефтепродуктов, фенолов и т.д. Очень загрязнены воды реки Сяси. В р. Вуоксе высоки концентрации меди, нефтепродуктов.

По общему уровню влияния хозяйственной деятельности на природную среду в ленинградской части ладожского бассейна определены три так называемые «горячие точки», к которым отнесены Сясьский ЦБК, завод «Волховский алюминий», свиноводческий комплекс «Восточный» [2].

Ко второй группе антропогенных факторов, влияющих на экологические процессы в Ладожском озере, относятся различные формы хозяйственной деятельности в береговой зоне. Здесь расположен ряд городов (Приозерск, Новая Ладога, Сясьстрой, Питкяранта, Импилахти, Лякеля, Сортавала и др.) и крупные целлюлозно-бумажные предприятия и предприятия других отраслей. В границах Ленинградской области в водоохранной зоне Ладожского бассейна сосредоточено значительное поголовье крупного рогатого скота, а также свиней, птицы, пушных зверей. В этой зоне размещено большое число складов минеральных удобрений и сельскохозяйственных ядохимикатов.

По общему состоянию хозяйственной и коммунальной деятельности береговая зона озера оказывается своеобразной зоной повышенного риска. Сточные воды предприятий и городов здесь поступают в ограниченные по размерам береговые участки (устьевые районы рек, небольшие заливы, губы), что обуславливает возникновение повышенных «точечных» концентраций загрязняющих веществ с тяжелыми локальными последствиями для водной среды. На таких участках при сильном загрязнении органическими веществами могут возникать «мертвые» и полисапробные зоны. В них исчезают типичные представители ладожской фауны, видовой состав беспозвоночных оказывается крайне ограниченным. В полисапробных зонах могут в массе развиваться лишь один-два вида организмов крайне выносливых к органическому загрязнению. Подобные зоны отмечались в заливе Щучий около г. Приозерска, в фиорде вблизи г. Сортавала, в устье р. Волхов у судоремонтного завода, в Волховской губе вблизи сброса загрязняющих сточных вод Сясьского ЦБК, а также в некоторых других местах непосредственно у выпусков бытовых сточных вод и отходов из ферм.

Отрицательное влияние на рыбные ресурсы оказывает гидростроительство. Плотины, построенные в низовьях рек, преграждают пути миграции озерно-речных рыб к нерестилищам, делают невозможным их размножение и тем самым обуславливают исчезновение отдельных популяций. В результате строительства плотины Волховской ГЭС потеряло промысловое значение стадо волховского сига, уловы которого превышали 300 т в год. Гидростроительство на р. Свири привело к потере на этой реке нерестилищ

лосося. Потерял промысловое значение также свирский озерно-речной сиг. Оказались потерянными нерестилища лосося на р. Тулеме из-за строительства плотины в ее низовьях. Таким образом, хотя гидростроительство не оказывает прямого влияния на качество воды, но оно воздействует на экосистему озера через преобразование структуры рыбного населения.

Третье направление влияния антропогенных факторов на экосистему Ладожского озера – хозяйственная деятельность в самом озере. В это направление входят судоходство, рыболовство, рекреация, использование акватории озера для других целей.

Наибольшее влияние на экологическое состояние водоема оказывает судоходство. Через Ладожское озеро проходят напряженные грузо-пассажиры трассы в сторону Каспийского и Белого морей и некоторых зарубежных стран. На озере осуществляется интенсивное местное судоходство. Судоходство оказывает влияние на экологическое состояние водоема. В последние годы в связи с общим снижением экономической активности в стране интенсивность судоходства в Ладожском озере несколько уменьшилась. Однако это временное явление. По мере восстановления промышленного производства и деловой активности судоходство (учитывая выгодное географическое положение озера) не только достигнет существовавших ранее показателей, но и превзойдет их.

Существенное воздействие на экологическое состояние озера и, прежде всего, на структуру экосистемы и ее ихтиологическую составляющую оказывает рыбный промысел. В экологическом отношении существенно то, что он ведется не на всей акватории, а в наиболее продуктивных районах. Поэтому «нагрузка» от рыболовства на экосистему озера локально оказывается выше среднего показателя, получаемого при распределении уловов на всю акваторию. Влияние промысла на экосистему усиливается и в связи с его направленным характером: вылавливаются не все виды рыб, а преимущественно наиболее ценные, пользующиеся повышенным спросом (сиги, рипус, судак, лещ, щука и т.д.).

В итоге рыбное население находится под двойным «давлением»: с одной стороны, на него негативно влияют различные формы хозяйственной деятельности (гидростроительство, сброс загрязненных стоков, токсических веществ, нефтепродуктов и т.п.), с другой, оно находится под

избирательным воздействием интенсивного промысла. Все это вызывает нежелательные изменения в общем состоянии запасов рыб, соотношении между различными промысловыми видами и структуре ихтиоценоза в целом. Эти процессы в свою очередь оказывают влияние на остальные звенья экосистемы и ее биопродукционный потенциал.

Рекреационное использование Ладожского озера пока не получило широкого размаха. Тем не менее, на озере многочислен маломерный флот, а также работает большая армия рыбаков-любителей. Маломерный флот (особенно в местах повышенной концентрации) способствует загрязнению водной среды нефтепродуктами и различными отбросами, а практически не упорядоченное любительское рыболовство наносит нерегулируемый ущерб рыбным запасам. Нередко деятельность рыбаков-любителей перерастает в типичное браконьерство.

Четвертое направление влияния хозяйственной деятельности на Ладожское озеро – трансграничные переносы воздушными течениями токсических веществ, поступающих в атмосферу с дымовыми и пылевыми выбросами. Ладожской бассейн характеризуется высокой концентрацией промышленных предприятий, выбросы которых загрязняют атмосферу. Кроме того, вблизи бассейна расположена промышленность Санкт-Петербурга, а также Карелии, Финляндии, Эстонии и др. Не так далеко находятся высококоразвитые в промышленном отношении крупные промышленные страны Западной Европы, откуда через атмосферу также поступают загрязняющие вещества. В связи с этим трансграничные переносы загрязнителей могут оказывать большое влияние на экологическое состояние озера и ряда водоемов его бассейна. В составе атмосферных выпадений доминируют диоксид серы, оксид углерода, окисленный азот. Но вместе с ними поступают фтористые соединения, аммиак, сероводород, формальдегид, хлор, марганец, хром, ртуть и др. В итоге из атмосферы на акваторию озера выпадают с осадками или в виде пыли тысячи тонн железа, сотни тонн цинка, десятки тонн свинца, ванадия, марганца и др. Для многих из этих веществ модули атмосферного поступления в 2–5 раз выше, чем модули выноса с водным стоком.

О вероятном поступлении токсикантов при трансграничных переносах можно наглядно судить на примере серы (рис. 5) [7].

Рис. 5. Баланс потоков серы для Ленинградской области в 2000 г. (тыс. т. S)

В 2000 г. на территорию Ленинградской области через атмосферу поступило 44,4 тыс. т серы, 9,8 тыс. т от собственных источников и 34,6 тыс. т от зарубежных. Из них за пределы области было вынесено 31,0 тыс. т и 13,4 тыс. т выпадало на ее территории. Учитывая, что площадь Ладожского озера составляет около 21 % от площади области, получаем, что непосредственно на озерную акваторию поступило около 2,7 тыс. т серы, в том числе около 0,6 тыс. т из зарубежных источников. Для полного представления о поступлении серы в озеро к этим цифрам необходимо добавить ее смыс с водосборной территории.

Многолетние наблюдения свидетельствуют, что все направления антропогенных влияний, действующие в течение десятилетий, наносят природным ресурсам Ладожского озера ощутимый ущерб, который наиболее рельефно проявляется по следующим основным направлениям:

- антропогенное эвтрофирование;
- состояние водной среды;
- изменение биоты (видового состава и структуры биоценозов);
- изменение рыбного населения как части биоты;
- здоровье населения, проживающего вблизи озера.

Антропогенное эвтрофирование. К началу 60-х годов прошлого столетия Ладожское озеро по уровню трофии было типичным олиготрофным водоемом с богатой кислородом водой. Содержание в воде растворенного кислорода в тот период в открытой части озера не опускалось ниже 90–120 % насыщения. У дна даже на максимальных глубинах (свыше 200 м) концентрация

кислорода была не ниже 90–95 % насыщения. Содержание биогенных элементов, и в первую очередь фосфора (от которого зависит уровень первичной продукции), было невысоким и составляло в среднем за год: общего фосфора 10 мкг/л, минерального фосфора – 3 мкг/л. Однако к началу 80-х годов экологическое состояние озера резко изменилось. В 1976–1980 гг. содержание фосфора в воде повысилось до 26 мкг/л [24]. Концентрация кислорода в зимний период в глубоководных районах понизилась не только у дна, но и на поверхности.

Весной четко выделялись районы с относительно низким содержанием кислорода в воде менее 90 %. В местах, находящихся под непосредственным влиянием сточных вод, периодически или постоянно возникал дефицит кислорода. Содержание минерального фосфора в центральном и северном районах озера увеличилось в 4–5 раз, в южном и восточном – в 3 раза, что явилось следствием роста поступления фосфора с водосбора и осадками. Если в 1959–1962 гг. в озеро в среднем в год поступало 2430 т фосфора, то уже в 1976–1979 гг. это количество увеличилось до 6830 т. Оказался превышенным рубеж в 4000 т, который отделяет олиготрофное состояние Ладожского озера от мезотрофного [3; 18].

В связи с резким увеличением поступления фосфора уровень развития фитопланктона в прибрежной зоне уже в конце 70-х годов вырос по сравнению с 60-ми годами в 4–5 раз, зоопланктона – в 2,5 раза, бактериопланктона – в 3 раза. В отдельных участках в летнее время в тихую погоду отмечалось «цветение» воды, обусловленное интенсивным развитием синезеленых водорослей. В связи с антропогенным эвтрофированием в открытых участках озера снизилась прозрачность воды. Если в 1962 г. она равнялась 2,3–3,9 м (в среднем 3,5), то к началу 80-х годов уменьшилась до 1,8–3,3 м (в среднем 2,2 м). Это изменение прозрачности явилось следствием увеличения в поверхностных слоях воды планктонных организмов (фито- и зоопланктона) и детрита.

Однако увеличение показателей трофии водных масс в различных участках озера протекало неравномерно и по-раз-

ному отражалось на отдельных группах водных организмов. Так, северный (шхерный) и центральный участки по видовому составу и количественному развитию зообентоса сохранили олиготрофные черты. Но южные губы Петрокрепость, Волховская и др. по этим же показателям перешли на стадию мезотрофии. По зоопланктону прибрежные участки и верхний слой водной массы могут быть охарактеризованы как мезотрофные области озера, в то время как глубинная зона сохранила олиготрофный характер. Это обстоятельство свидетельствует о том, что изменение трофического статуса озера было неустойчивым и при принятии необходимых мер возврат его к исходному олиготрофному состоянию был возможен.

Состояние водной среды. Наряду с эвтрофированием в 70-е – 80-е годы в Ладожском озере значительную остроту приобрела проблема экологического состояния водной среды. Из-за медленного осуществления необходимых природоохранных мероприятий (очистка сточных вод и атмосферного воздуха, утилизация промышленных и иных отходов включая высокотоксичные и т.д.), отстававших от интенсивно развивавшегося промышленного и сельскохозяйственного производства и роста городского населения, в озеро поступали всё возрастающие объемы загрязняющих веществ вместе со сточными водами, различными выбросами, трансграничными воздушными потоками и т.п. В результате на больших участках акватории (особенно в приустьевых участках рек и вблизи выпусков сточных вод) отмечалось ухудшение качества воды из-за присутствия хлорорганических пестицидов, солей тяжелых металлов, нефтепродуктов, фенолов. Нередко на значительных пространствах акватории озера визуально наблюдалась нефтяная пленка. В воде и донных отложениях появились бензол, хлорфенолы, альдегиды, кетоны, спирты, терпеновые соединения, серосодержащие вещества. Концентрация высокомолекулярных соединений (в частности, полихлорированных бифенилов) в ряде районов (бухта Петрокрепость, Волховская губа, район Питкяранты и др.) значительно превысила ПДК.

Качество воды ухудшилось не только вблизи источников загрязнения и в заливах, но и в открытых участках. Загрязнение эпизодически отмечалось в центральной глубоководной зоне, что особенно опасно для судьбы озера. Если в прибрежье бла-

годаря интенсивным гидродинамическим явлениям и высокой температуре воды в летнее время самоочищение водных масс протекает достаточно быстро, то на больших глубинах при замедленном водообмене и постоянно низких температурах воды отмечается иная картина. Даже при полном прекращении поступления на глубины загрязнителей необходим длинный ряд десятилетий для освобождения водных масс этой зоны от ксенобиотиков.

Изменение биоты. Антропогенное эвтрофирование и загрязнение водной среды ксенобиотиками негативно повлияло на биоту озера. Из состава планктонных и бентосных сообществ стали выпадать наиболее чувствительные к загрязнению виды. Все большую роль приобретали организмы с широкой экологической валентностью, устойчивые к органическому и токсическому загрязнению.

Среди бентосных организмов уменьшалась численность видов, относящихся к ледниково-морскому реликтовому комплексу. Ранее широко распространенный в озере рачок палласея стал малочисленным и редко встречающимся. Другой представитель этого комплекса гаммаракантус, известный лишь для 3 озер России, на протяжении длительного времени не встречался ни разу. Произошла существенная структурная перестройка зоопланктона. Сократилась численность рачковой фракции и в сообществе стали преобладать мелкие коловратки. Наиболее ярко этот процесс оказался выраженным в некоторых прибрежных районах (губы Петрокрепость, Волховская и др.). На ряде загрязненных участков дна в полисапробных зонах исчезли многие типичные представители ладожской фауны (район г. Приозерска, шхеры у г. Сортавалы, район г. Питкяранта и др.). Кроме того, под влиянием токсичных ксенобиотиков у некоторых планктонных и бентосных организмов появились различные морфологические отклонения от нормы (уродства). Признаки глубокой патологии отмечались в сообществе зоопланктона вблизи г. Питкяранта. Среди бентосных организмов уродства наблюдались в заливе Щучьем, вблизи поселка Ляскеля, у г. Питкяранта, в Волховской губе и др.

Изменения рыбного населения. Разнообразное антропогенное «давление» на природную среду Ладожского озера и его бассейна отрицательно повлияло на рыбное население. Рыбы являются чувствительными биоиндикаторами состояния экосистем и реагируют на антропогенные

воздействия изменениями видового состава, соотношениями ихтиомасс различных видов, величиной промыслового запаса и уловов и т.д. В Ладожском озере отмечаются все эти реакции рыб на антропогенные факторы. Наиболее существенные изменения произошли в группе озерно-речных рыб. На грани вымирания оказался атлантический осетр, бывший промысловой рыбой еще в начале XX столетия. Из-за строительства гидростанции на р. Волхов оказались недоступными нерестилища для волховского сига. Потеряли промысловое значение и другие формы озерно-речных сигов (свирский, вуоксинский). В последние десятилетия резко сократились запасы озерного лосося и озерной форели.

Изменение в экосистеме озера сказываются на состоянии запасов не только озерно-речных, но и озерных рыб. Так, значительно сократились запасы палы, населяющей глубинную зону озера. Она потеряла промысловое значение. Из-за загрязнения нерестилищ нефтепродуктами и высокого уровня эвтрофирования водоема уменьшились запасы и уловы характерных для экосистемы Ладожского озера озерных форм сигов. Негативные явления, происходящие в озере, сказались на запасах такой ведущей промысловой рыбы, как судак. Снижение запасов и уловов перечисленных выше озерно-речных и озерных видов рыб с длительным жизненным циклом сопровождается увеличением вылова короткоцикловых рыб (ряпушка, корюшка). Однако ни по качеству, ни по экономическим показателям промысла эти виды не являются эквивалентной заменой теряемых ценных рыб. Перечисленные изменения в рыбном населении Ладожского озера вызывают большую озабоченность, так как рыба – не только абстрактный компонент биоты водоема, но и источник пищевой продукции – дефицитного животного белка.

Исследования рыб выявили еще один вид влияния на них неблагоприятной экологической обстановки. Нагул рыб происходит преимущественно в относительно мелководных районах южной части Ладоги, а также в губах Волховской, Петрокрепость, Свирской и др. Здесь отмечается наибольшее загрязнение водной массы и грунтов различными токсическими соединениями и нефтепродуктами. В связи с этим у рыб отмечается высокая концентрация токсических веществ в наружных покровах, внутренних органах и мясе. Из-за патогенного влияния накапливающих-

ся в теле и органах токсических вещества у рыб развиваются токсикозы (поражение печени, селезенки, головного мозга и т.п.).

Токсические соединения поступают в рыбу как через наружные покровы, так и с кормовыми организмами, которые аккумулируют в себе практически весь спектр загрязняющих веществ, имеющихся в водоеме. Таким образом, токсиканты не только присутствуют в воде, но и циркулируют в экосистеме Ладожского озера по трофическим цепям.

Здоровье населения. Неблагополучная экологическая ситуация сложившаяся в Ладожском озере и прилегающих территориях сказывается не только на органическом мире, но и влияет на проживающих здесь людей. Как показывают наблюдения, в отдельных районах прилегающих к Ладожскому озеру отмечаются повышенный уровень заболеваемости у людей от злокачественных новообразований, болезней органов пищеварения и мочеполовой системы. Наиболее высокие показатели заболеваемости и смертности отмечаются среди населения, проживающего вблизи целлюлозно-бумажных предприятий. В отдельных прибрежных районах Ладожского озера с повышенным уровнем хозяйственной деятельности отмечаются высокие концентрации в воде и грунтах патогенных микроорганизмов и опасных для здоровья людей токсикантов.

Приведенные выше материалы достаточно рельефно характеризуют ситуацию, в которой оказалась экосистема Ладожского озера в результате неупорядоченной хозяйственной деятельности в самом водоеме и на его водосборе. С целью преодоления неблагоприятного положения сложившегося на протяжении ряда десятилетий потребовалось принятие ряда крупных мер, направленных на восстановление нормального экологического состояния водоема и предотвращения негативных нарушений в будущем.

Одним из первых мероприятий, оказавших положительное влияние на экосистему озера, был полный запрет мелового сплава леса в реках бассейна. Благодаря этому прекратилось захламление рек затонувшей древесиной, корой и другими остатками, образующимися при лесосплаве. Однако наиболее радикальные меры, направленные на оздоровление экологического состояния ладожского бассейна последовали в результате принятия двух специальных постановлений Совета Министров СССР (в 1984 г.

и 1987 г.) об охране и рациональном использовании природных ресурсов озер ладожского бассейна. В итоге были закрыты Приозерский ЦБК (Ленинградская область) и аналогичное предприятие в Харлу (Карелия), построена установка по биологической очистке стоков и перенесен выпуск сточных вод в Питкяранте, изменена технология подготовки сырья на Волховском алюминиевом заводе, что позволило прекратить поступление в озеро больших количеств фосфора, сбрасывавшегося ранее в составе сточных вод этого предприятия. Кроме того, усилился общий контроль за исполнением действовавших в тот период природоохранных нормативов. Несмотря на то, что это были лишь первые шаги по решению накопившихся в ладожском бассейне экологических проблем, они вскоре дали положительные результаты. В воде озера начало снижаться содержание фосфора – главного элемента, ответственного за рост эвтрофирования водной массы. Этот процесс продолжился и в последующие годы, что наглядно видно на рис. 6 [24].

Помимо сокращения поступления фосфора возвращению к нормальному экологическому состоянию озера способствовало снижение промышленного и сельскохозяйственного производства, происходившее в 90-е годы прошлого столетия в связи с экономической перестройкой в стране. Благодаря этим изменениям в общественном производстве сократилось поступление в водную систему сточных вод с экологически опасными ингредиентами.

При обсуждении причин улучшения экологического состояния Ладожского озера в конце XX в. обычно принимается во внимание первый, реже – первый и второй приведенные выше факторы. Однако

при таком подходе упускается из вида роль долгопериодной динамики продукционного потенциала озера. Как отмечалось выше, он снизился с конца 80-х гг., что не могло не повлиять на уровень биопродукционных явлений в озерной экосистеме. Поэтому более правильно считать, что наблюдающееся улучшение экологического состояния Ладоги есть следствие действия таких антропогенных факторов, как природоохранные мероприятия и спад в экономике и естественного фактора – снижения продукционного потенциала озера в целом.

В связи с принятием ряда существенных ограниченных мер (закрытие отдельных предприятий, усиление работы по очистке сточных вод и др.), общим сокращением промышленного и сельскохозяйственного производства в 90-е гг. прошлого и в первые годы XXI столетия и понижением продукционного потенциала, экологическое состояние озера несколько улучшилось. Наступило снижение общей эвтрофированности водных масс в различных участках, произошло повышение прозрачности воды, содержания в ней кислорода и т.п. Центральные и северный участки озера сохранили исходные олиготрофные черты. В составе бентоса вновь появляются почти исчезнувшие во время максимального эвтрофирования реликтовые виды ракообразных и т.д. Однако процесс полного восстановления исходного экологического состояния озера пока еще не завершен, в частности, из-за высокой инертности огромных водных масс и, в том числе, замедленного вообмена. Сохраняются проблемы восстановления биологических ресурсов. В частности, в неудовлетворительном состоянии находятся запасы некоторых промысловых рыб, пре-

жде всего озерно-речной группы (озерные лосось и форель, озерно-речные сига и др.). Поэтому задача продолжения и усиления работ по восстановлению и дальнейшей охране экологического состояния озера сохраняет актуальность.

Выполняемые мероприятия по восстановлению и охране природной среды Ладожского озера и его бассейна в последнее

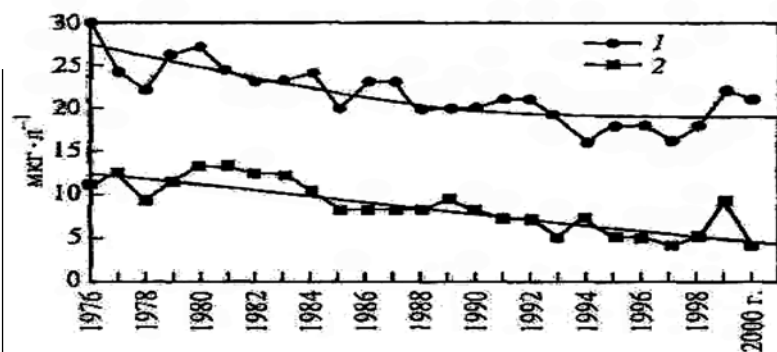

Рис. 6. Изменение средних концентраций общего (1) и неорганического (2) фосфора в воде Ладожского озера (период открытой воды).

время получили дополнительное правовое обеспечение. Государственной Думой принят ряд законов, способствующих природоохранной деятельности, из которых следует отметить следующие: «Об особо охраняемых природных территориях» (1995), «Об охране окружающей среды» (2002), «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (2004), а также Земельный и Лесной кодексы. Среди законодательных актов особенно важное значение имеет «Водный кодекс Российской Федерации» (2006), в котором сконцентрированы руководящие принципы рационального использования и охраны водоемов и их водных ресурсов.

Хотя эти правовые акты способствуют решению природоохранных вопросов в рассматриваемом регионе, но в силу своей общности они не всегда могут учитывать ряд специфических проблем, имеющих место на локальном уровне и обусловленных, например, разграничением озера между двумя субъектами Федерации, а водосбора – между семьёй и др. Поэтому ведется работа по созданию единой правовой базы, обязательной для всех субъектов Федерации, расположенных в бассейне Ладожского озера, для того, чтобы создать отсутствующую до сих пор юридическую основу для единых целенаправленных действий природоохранных и административных структур федерального и местного уровней. Только таким путем возможно

решение сложной экологической проблематики в условиях административной раздробленности и преобладания местных (локальных) интересов над общегосударственными. Необходимая правовая база сформулирована в проекте специального «Закона об охране Ладожского озера».

Для принятия такого закона и его реализации в настоящее время сложилась благоприятная обстановка. Возрождение экономики и рост деловой активности целесообразно осуществлять не на уровне старых отживающих свой век или уже отживших представлений о взаимоотношениях «человек – живая природа», а на новой качественной основе, которая может быть заложена в духе и букве этого закона. В этом случае можно рассчитывать на реальное изменение экологической ситуации в лучшую сторону.

Проект закона «Об охране Ладожского озера» уже подготовлен [26] и представлен в Государственную Думу, пройдя предварительное обсуждение на ряде конференций и совещаний [1]. Применение закона обеспечит правовые основы не только для восстановления и дальнейшего сохранения естественной экологической обстановки в Ладожском бассейне, но и создаст предпосылки для развития экономики Северо-Западного региона (включая добывающие и перерабатывающие отрасли) на базе прогрессивных экологически безопасных технологий.

Список литературы

1. Алхименко А.П., Кудерский Л.А., Румянцев В.А., Соболев И.А. О концепции Федерального закона «Об охране Ладожского озера» // Водные ресурсы в условиях изменяющегося климата. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2007. – С. 192–226.
2. Аналитический обзор. О состоянии и охране окружающей среды Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2003 году. – СПб., 2004. – 356 с.
3. Антропогенное эвтрофирование Ладожского озера. – Л.: ЛО Наука, 1982. – 304 с.
4. Барбашова М.А., Слепухина Т.Д. Макрозообентос и его многолетняя изменчивость в открытых районах озера // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 202–210.
5. Веселова М.Ф., Кириллова В.А. Климатические особенности Ладожского озера // Гидрологический режим и водный баланс Ладожского озера. – Л.: Наука, 1966. – С. 81–103.
6. Горелова Э.М. Основные тенденции климатических процессов в пределах водосборного бассейна // Антропогенное эвтрофирование Ладожского озера. – Л.: Наука, 1982. – С. 13–31.
7. Государственный доклад. О состоянии и охране окружающей среды Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2002 году. – СПб., 2003. – 344 с.
8. Григорьев С.С., Грицевская Г.А. Каталог озер Карелии. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 239 с.
9. Давыдова Н.Н. Развитие экосистемы озера в поздние и последниково по составу диатомовых комплексов в донных отложениях // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 157–164.
10. Истомина Э.Г., Яковлев Э.М. Голубое диво, историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. – Л.: Лениздат, 1989. – 222 с.
11. Калесник С.В. Ладожское озеро. – Л.: Гидрометеоздат, 1968. – 159 с.
12. Кудерский Л.А. Состояние рыбных запасов больших озер СССР // Проблемы исследования крупных озер СССР. – Л.: ЛО Наука, 1985. – С. 28–38.
13. Кудерский Л.А. Изменения рыбного населения Ладожского озера за последние 50 лет // Ладожское озеро; мониторинг, исследование современного состояния и проблемы управления Ладожским озером и другими большими озерами. – Петрозаводск: Кар. НЦ РАН, 2000. – С. 298–311.

14. Кудерский Л.А. Пути формирования ихтиофауны Ладожского озера // Общество. Среда. Развитие. – 2007, № 3. – С. 102–110.
15. Кудерский Л.А., Печников А.С., Шимановская Л.Н. Рыбные ресурсы Ладожского и Онежского озер // Рыбн. хоз-во, сер. «Биопромисловые и экономические вопросы мирового рыболовства». Обзорная информ. Вып. 1. – М.: ВНИЭРХ, 1997. – 39 с.
16. Кудерский Л.А., Румянцев В.А., Драбкова В.Г. Экологическое состояние водной системы Онежское озеро – Ладожское озеро – река Нева. // Финский залив в канун XXI века. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2000. – 79 с.
17. Ладожское озеро, атлас. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2002. – 128 с.
18. Ладожское озеро, критерии состояния экосистемы. – СПб.: СПб.О. Наука, 1992. – 325 с.
19. Лесненко В.К., Слинчак А.А., Абросов В.Е., Семенова А.А., Недоспасова Г.В., Судницина Д.Н., Денисенко А.И., Ермакова А.Е., Костюченко В.П. Природа озер Полистовского болотного ландшафта и перспективы их рыбохозяйственного использования. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1988. – 56 с.
20. Летанская Г.И. Современное состояние фитопланктона и тенденции его изменения в период летней стагнации озера // Ладожское озеро – прошлое, настоящее будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 165–174.
21. Науменко М.А., Каретников С.Г. Морфометрия и районирование глубин озера // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 16–49.
22. Расплетина Г.Ф., Кулиш Т.П., Петрова Т.Н. Гидрохимическая характеристика рек – притоков Ладожского озера и р. Невы // Оценка экологического состояния рек бассейна Ладожского озера по гидрохимическим показателям и структуре гидробиоценозов. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2006. – С. 11–35.
23. Расплетина Г.Ф., Кулиш Т.П., Черных О.А., Крыленкова Н.Л., Сусарева О.М., Щербак В.А. Поступление веществ в озеро с речным стоком и вынос с водами р. Невы // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 56–71.
24. Расплетина Г.Ф., Сусарева О.М. Биогенные элементы // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 77–85.
25. Расплетина Г.Ф., Сусарева О.М. Физико-географическая и экономико-географическая характеристика водосборного бассейна Ладожского озера // Оценка экологического состояния рек бассейна Ладожского озера по гидрохимическим показателям и структуре гидробиоценозов. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2006. – С. 6–11.
26. Румянцев В.А., Алхименко А.П., Кудерский Л.А., Соболев И.А. Концепция и проект Федерального закона «Об охране Ладожского озера». – СПб.: ИНОЗ РАН, 2008. – 109 с.
27. Румянцев В.А., Драбкова В.Г. Формирование качества воды Ладожского озера в современных условиях как основа его природных ресурсов // Исследования по ихтиологии и смежным дисциплинам на внутренних водоемах в начале XXI века (к 80-летию проф. Л.А.Кудерского). Сборник научных трудов ГосНИОРХ. Вып. 337. – СПб.–М.: КМК, 2007. – С. 472–482.
28. Современное состояние рыбного хозяйства на внутренних водоемах России. – СПб.: ГосНИОРХ, 2004. – 580 с.
29. Субетто Д.А. Строение, особенности и история формирования донных отложений // Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – С. 122–135.
30. Трапезников Ю.А., Ефимова Л.К. Реакция уровня Ладоги на климатические изменения // Водные ресурсы суши в условиях изменяющегося климата. – СПб.: ИНОЗ РАН, 2007. – С. 235–241.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ СРЕДЫ НА ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПРИРОСТА ДРЕВЕСНЫХ РАСТЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕЛИ И СОСНЫ В ДОЛИНЕ р. ЛУГИ)

Анализируется прирост годичных колец основных лесобразующих пород хвойных – ели и сосны, произрастающих в долине среднего течения р. Луги. Выявляются даты аномалий прироста двух пород; проводится анализ метеорологических и гелиофизических факторов в годы аномальных приростов деревьев.

Ключевые слова:

аномальный прирост, галактические космические лучи, геомагнитная активность, годичное кольцо, ель, осадки, солнечная активность, сосна, температура, циркуляция атмосферы.

Изучению прироста древесных растений на Северо-Западе России и в других регионах посвящено большое количество публикаций [1–16 и др.], среди которых значительное место занимают разработки авторов. В задачу нашего исследования входит: установить наличие черт единства в погодичных и многолетних колебаниях прироста деревьев, определить диапазон колебаний прироста годичных колец двух пород и выявить основные факторы природной среды в годы аномальных отклонений прироста от многолетней нормы.

Средние характеристики модельных деревьев ели и сосны, из которых буравом Пресслера было взято по 2 керна, приведены в табл. 1.

Всего в работе использованы 38 модельных деревьев (23 ели и 15 сосен), по которым выполнено несколько тысяч измерений и построены обобщенные серии прироста годичных колец в абсолютных значениях (табл. 2, 3). Для приведения данных к сопоставимому виду и определения аномальных отклонений показатели измерений рассчитаны как отклонения от 10-летней календарной нормы, результаты расчетов приведены на рис. 1 и 2.

Анализ ежегодных изменений прироста ели и сосны показал, что согласованность ежегодных колебаний в абсолютных значениях (мм) имеет коэффициент корреляции 0,78, в отклонениях от 10-летней нормы – 0,53, а средние 10-летние приросты (мм) имеют самый высокий коэффициент корреляции 0,92 (рис. 3). По ходу двух дендрограмм в абсолютных значениях прослеживается проявление ритма большой продолжительности с минимумом в 1990-е годы. Из этого можно сделать вывод, что независимо от разной экологии этих пород их реакция на изменения факторов среды в многолетнем ходе совпадает.

Определение факторов среды, на фоне которых происходит формирование межгодовых и внутривековых изменений прироста, оказалось возможным при выявлении дат наиболее значительных отклонений от средней 10-летней календарной нормы, они приведены в табл. 4. Средние значения различий между максимумами и минимумами для сосны составляет 56,3 %, у ели – 43,1 %, а разница отклонений прироста для двух пород составляет 13,2 %. Следовательно, есть основание предположить, что сосна более чутко отзывается на изменение условий среды.

Таблица 1

Средние значения морфометрических показателей модельных деревьев ели и сосны, произрастающих в районе географической станции «Железо» (Ленинградская обл.)

Порода	Количество деревьев	Высота дерева, м	Высота взятия керна, м	Обхват ствола, м		Годы измерений
				У корневой шейки	На высоте 1,3 м	
Ель	23	25	0,5	1,4	1,3	1896–2006
Сосна	15	21,9	0,5	1,63	1,35	1902–2006

Средние значения прироста годовичных колец ели по 23 модельным деревьям (мм)

Годы	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
0		1,8	2,7	3,5	2,8	2,3	4,3	2,6	2,4	2,4	3	2,4
1		2,2	3,5	3,5	2,8	2,6	4	2,7	2,6	2,8	2	2,8
2		2,1	3,3	3,5	3	2	3,5	3	2,6	2,8	1,8	2,7
3		3,4	2,8	3,5	3,4	3,2	3,6	2,6	2,1	3	2	2,4
4		3,2	3,2	3,6	3,2	3,8	2,8	2,5	2,5	2,6	2,3	2,8
5		3,3	3,3	3,8	3,1	4,4	2,7	2,4	2,9	1	1,8	2,8
6	0,6	3,5	3,6	3,3	3,1	4,2	2,3	2,2	2,6	2	1,6	2,6
7	0,8	2,5	3,4	3,1	3,3	4	2,6	2,2	2	2,2	1,8	
8	1	2,3	3,6	4,9	3,5	3,6	2,5	2,1	2,3	2,7	1,8	
9	0,8	2,9	4,1	2,7	2,9	3,7	2,9	2,2	2,5	2,7	2	

Таблица 3

Средние значения прироста сосны по 15 модельным деревьям (мм)

Годы	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
0		1,2	4	3,5	2,8	4,6	2,6	2,7	1,8	2	1,6
1		1,8	4	3,2	2	4,4	2,4	2,6	1,8	2	2
2	1,1	2,5	3,6	3,5	2	4	2,8	2,4	1,8	1,7	2
3	1,2	2,4	3,6	4,3	3,2	3,6	2,5	2	1,9	1,4	2
4	1,9	3,5	3,8	4,1	3,5	3	2,4	1,9	2,2	1,5	1,7
5	2	3,3	4,2	3,6	4,5	2,8	2,2	2,1	1,9	1,9	2,3
6	3,5	3,9	3,7	3,8	4,6	2,2	1,8	1,3	1,4	1,4	3,1
7	2,7	3,3	3,7	4	4,5	2,6	2	1,7	1,4	1,1	
8	2,2	3,8	3,4	4,2	4	2,4	2	1,8	1,6	1,4	
9	2,4	4,4	3,2	3,7	4	2,6	2,4	1,8	2,2	1,2	

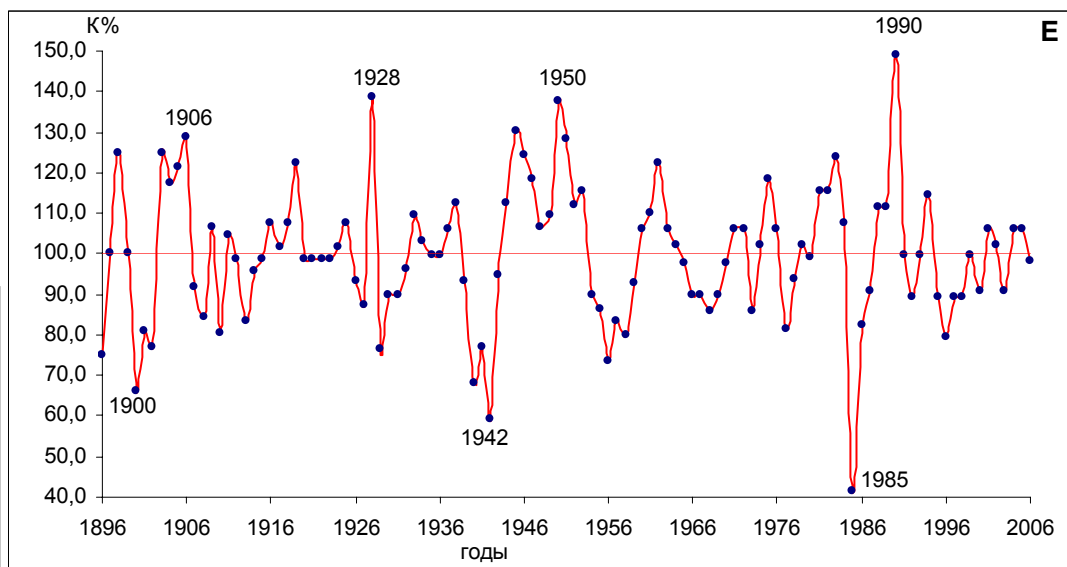

Рис. 1. Дендрограмма ели в отклонениях от 10-летней нормы (%) 1896–2006 гг.

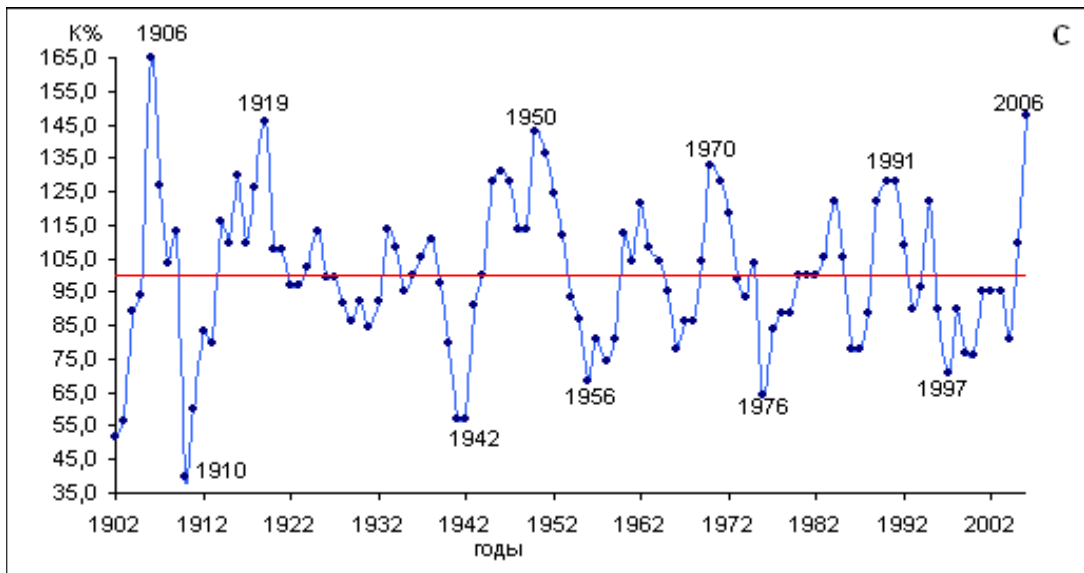

Рис. 2. Дендрограмма сосны в отклонениях от 10-летней нормы (%) 1902–2006 гг.

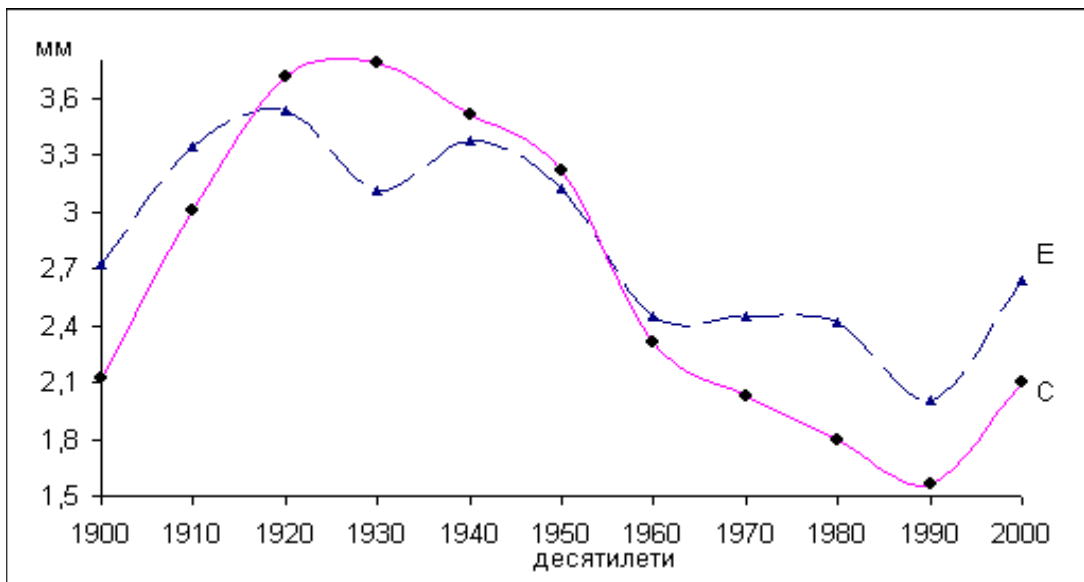

Рис.3. Средние десятилетние приросты годичных колец ели (Е) и сосны (С). Коэф. корреляции 0,92.

В состав факторов среды были включены данные по температуре воздуха, осадкам, циркуляции атмосферы, солнечной и геомагнитной активности накануне и в годы аномальных отклонений прироста деревьев. На рис. 4 приведены результаты анализа температуры воздуха с нарастающим итогом.

Из него можно заключить, что аномально большие приросты деревьев формируются при наличии высокой температуры воздуха накануне и в годы аномалий. В распределении осадков наблюдаются различия накануне и в годы аномальных приростов. Наиболее выразительные различия в распределении осадков проявля-

Годы аномалий прироста ели и сосны в районе геостанции «Железо»

№ п.п.	Максимумы $\geq 109,3\%$			№ п.п.	Минимумы $\leq 89,6\%$		
	Годы	индексы			Годы	индексы	
		Ель	Сосна			Ель	Сосна
1	1906	128,7	164,7	1	1902	77,2	51,8
2	1919	122,4	146,2	2	1910	80,6	39,9
3	1933	109,3	113,5	3	1913	83,6	79,7
4	1938	112,5	110,8	4	1929	76,3	86,0
5	1945	130,2	128,2	5	1940	68,0	79,8
6	1946	124,3	131,1	6	1941	76,9	57,0
7	1947	118,3	128,2	7	1942	59,2	57,0
8	1949	109,5	114,0	8	1955	86,5	87,0
9	1950	137,8	142,9	9	1956	73,7	68,3
10	1951	128,2	136,6	10	1957	83,3	80,7
11	1952	112,2	124,2	11	1958	80,1	74,5
12	1953	115,4	111,8	12	1968	85,7	86,6
13	1962	122,4	121,2	13	1977	81,6	83,7
14	1989	111,6	122,2	14	1986	82,6	77,8
15	1990	149,3	128,2	15	1997	89,6	70,5
		122,1	128,3			79,0	72,0

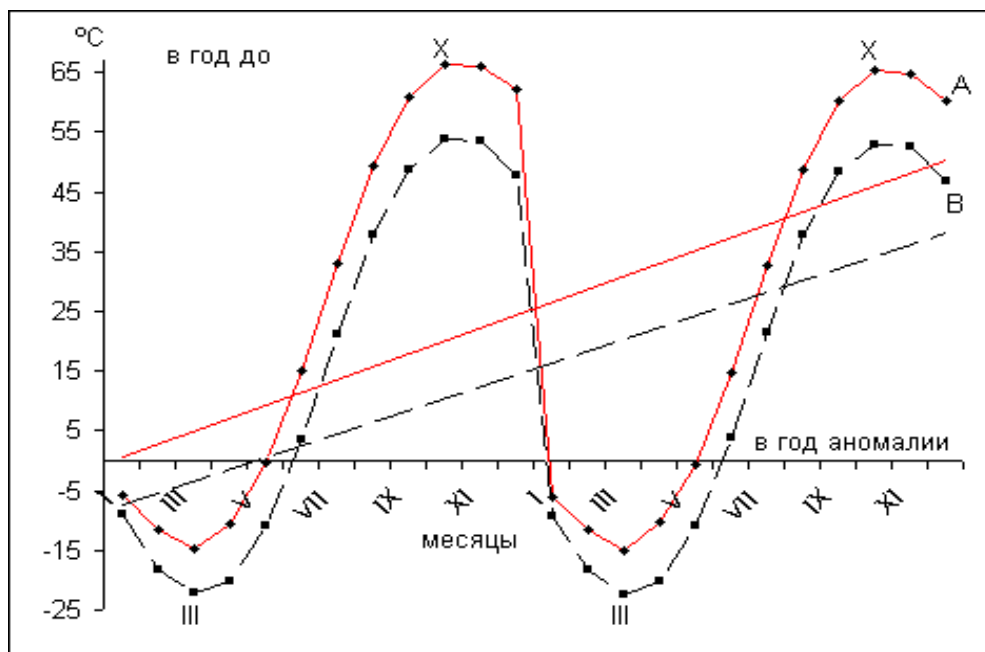

Рис. 4. Температура воздуха с нарастающим итогом в годы больших (А) и малых (В) приростов ели и сосны в районе геостанции «Железо».

ются в июне–августе в годы аномальных приростов. Есть основание заключить, что при незначительном различии годовых сумм осадков (в годы противоположных аномалий) это подтверждается линейными трендами (рис. 5). Наиболее существенное значение имеет их внутригодовое распределение и в особенности в период вегетации.

Соотношение температуры воздуха и осадков, как известно, существенно зависит от обмена воздушных масс, и потому послужило основанием получить этому количественное подтверждение (рис. 6). Распределение количества дней с меридиональной циркуляцией имеет хорошо выраженный сезонный ход накануне и в годы противоположных аномалий прироста деревьев. При этом наиболее значительные различия наблюдаются накануне и в годы наибольших величин прироста ели и сосны. Так, в годы с большим приростом минимально количество дней с меридиональной циркуляцией, что согласуется с максимальными температурами и осадками в период вегетации.

Анализ внутригодового распределения чисел Вольфа в годы противоположных аномалий показал, что накануне и в годы максимально больших приростов деревьев наблюдается высокая солнечная активность (рис. 7). Причем экстремальные

значения попадают на август месяц, как и в распределении осадков, характеристик зональной циркуляции атмосферы и солнечной активности.

Индекс геомагнитной активности a_a имеет выраженный сезонный ход с двумя максимумами и минимумом в июне. В годы больших приростов и накануне он имеет хорошо выраженное превышение над характеристиками в годы малых приростов (рис. 8).

Анализ распределения галактических космических лучей накануне и в годы противоположных аномалий прироста ели и сосны показал полную противофазу с распределением чисел Вольфа, что подтверждает общие представления о существенном снижении притока галактических космических лучей к Земле в период высокой активности Солнца (рис. 9).

Выполненные исследования позволяют сделать следующие выводы:

- межгодовые изменения прироста ели и сосны в районе исследований имеют несущественные различия (рис. 1, 2), которые нивелируются при их осреднении по 10-летиям, коэф. корреляции 0,92 (рис. 3);
- для оптимальных условий формирования больших приростов деревьев необходимы высокие температуры воздуха накануне и в годы аномалий (рис. 4);

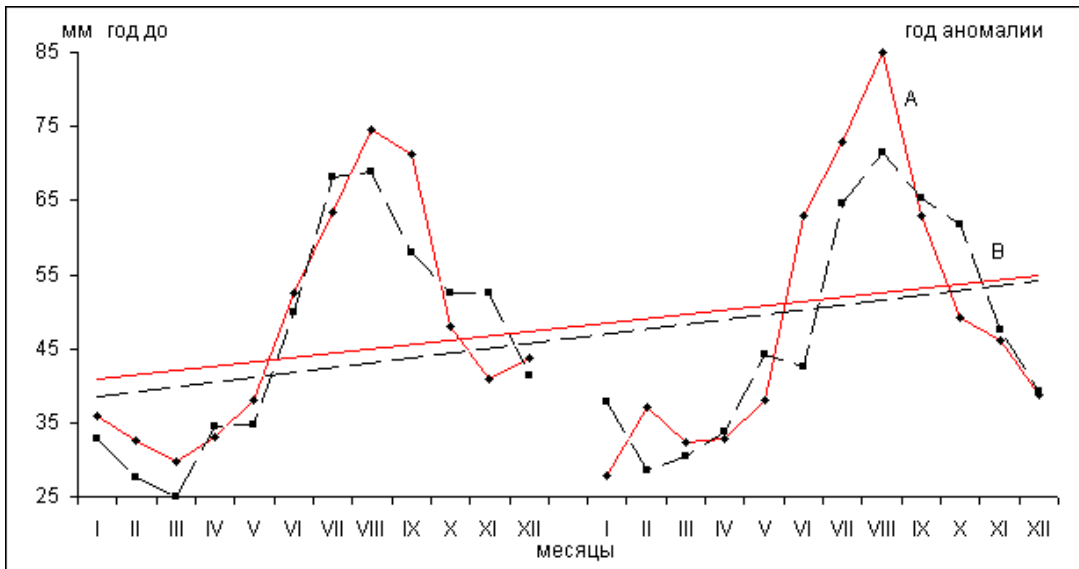

Рис. 5. Осадки в годы больших (A) и малых (B) приростов ели и сосны в районе геостанции «Железо». Коэф. корреляции 0,87.

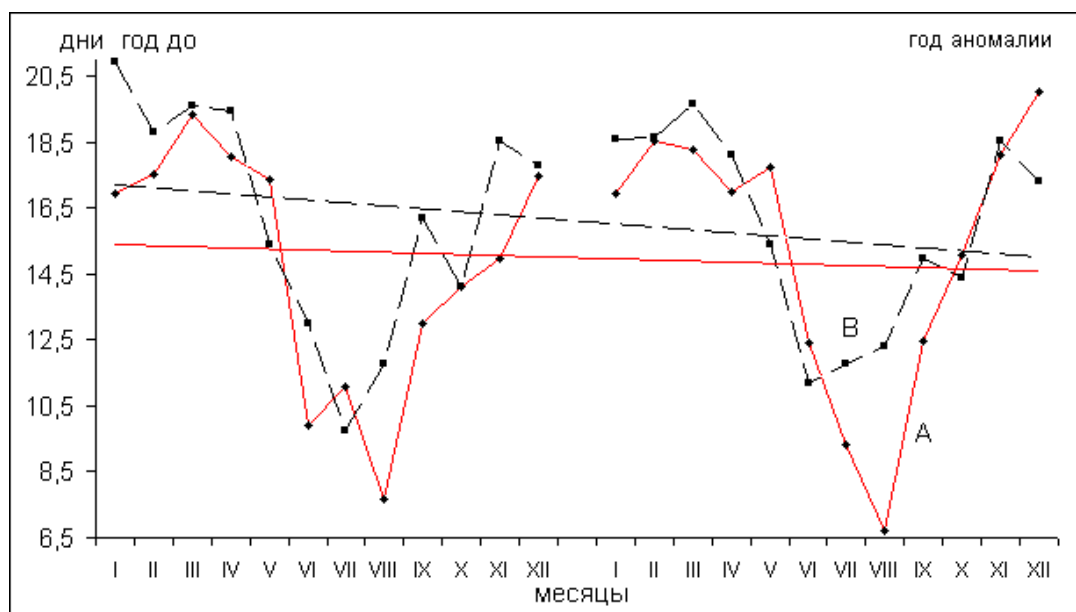

Рис. 6. Меридианальная циркуляция атмосферы в годы больших (А) и малых (В) приростов сосны и ели. Коэф. корреляции 0,82.

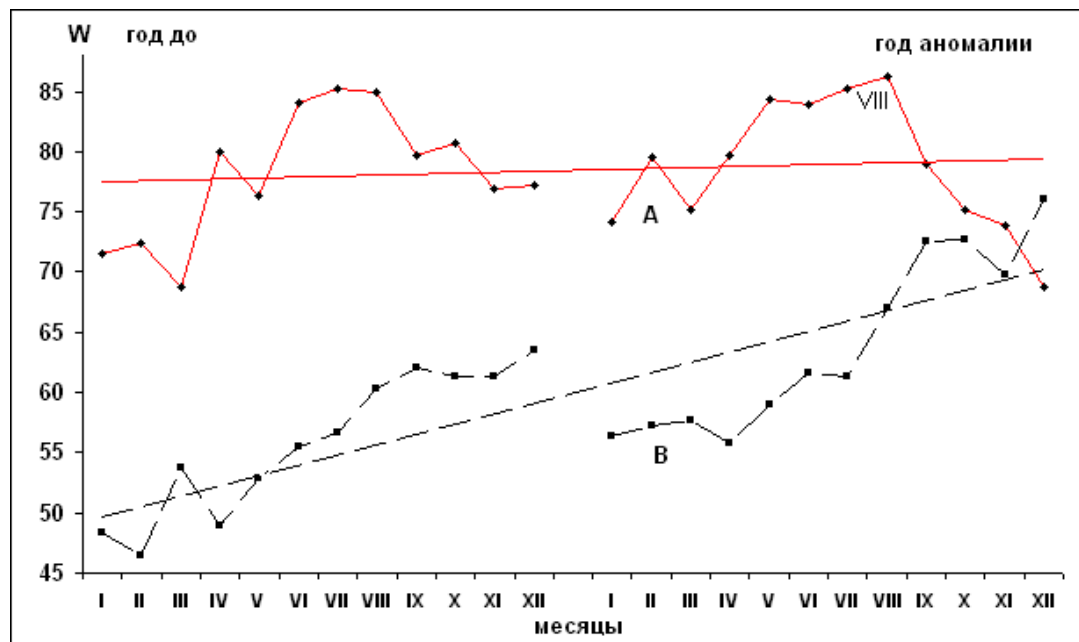

Рис. 7. Солнечная активность в годы больших (А) и малых (В) приростов ели и сосны в районе геостанции «Железо».

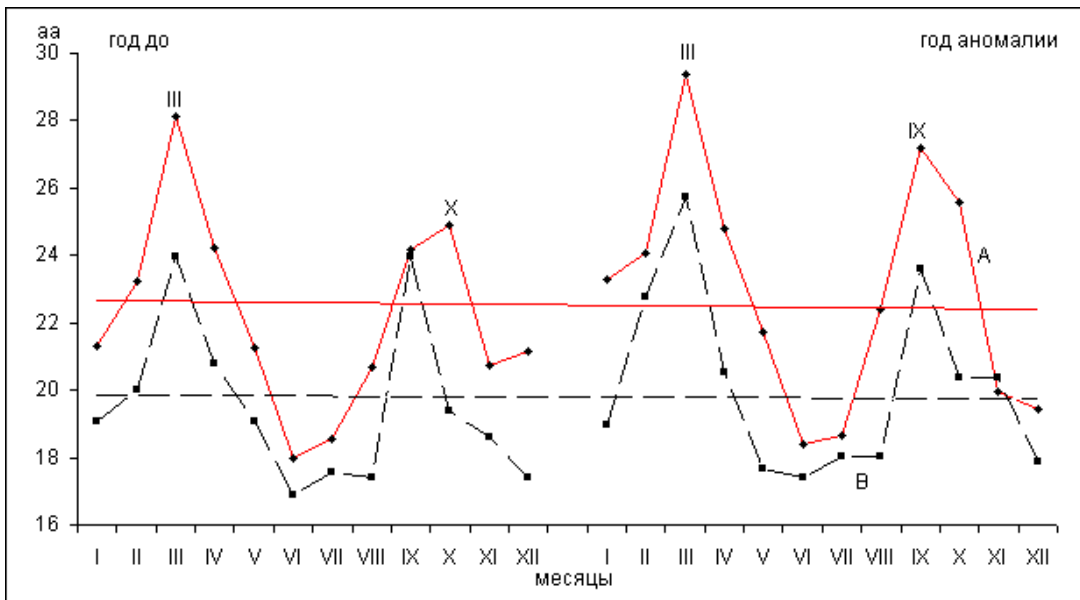

Рис. 8. Геомагнитная активность в годы больших (А) и малых (В) приростов ели и сосны. Коэф. корреляции 0,85.

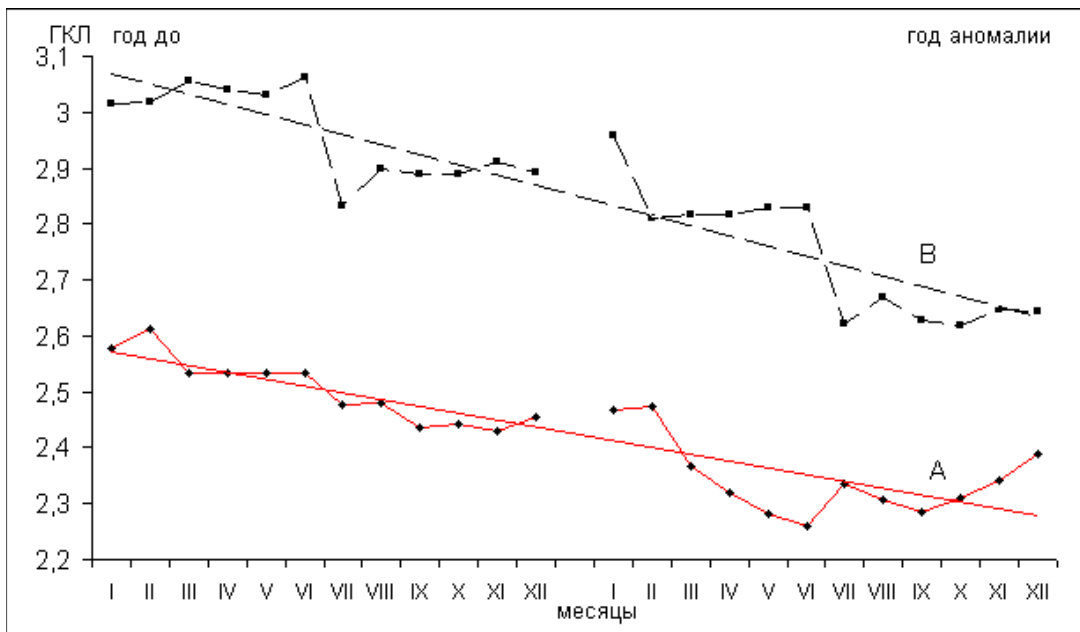

Рис. 9. Галактические космические лучи в годы больших (А) и малых (В) приростов ели и сосны (по ст. Мурманск). Коэф. корреляции 0,81.

– большие приросты деревьев формируются при наличии большого количества осадков в период вегетации (в июне–августе) при минимальном вторжении холодных воздушных масс с Севера (рис. 5, 6);

– факторы среды внеземного происхождения – солнечная и геомагнитная актив-

ность, галактические космические лучи – являются фоновыми характеристиками природной среды, которые вносят свой вклад в изменение распределения гидрометеорологических элементов, и не исключено их непосредственное воздействие на рост и развитие древесных растений.

Список литературы:

1. Битвинкас Т.Т. Дендроклиматические исследования. – Л., 1974. – 172 с.
2. Дергачев В.А., Чистяков В.Ф. 210- и 2400-летние солнечные циклы и колебания климата // Солнечный цикл. – СПб. – С. 112–130.
3. Ловелиус Н.В. Дендроиндикация. Dendroindication. – СПб: ПАНИ, 2000. – 313 с. (на русском и английском языке).
4. Ловелиус Н.В. Дендроиндикация состояния лесных экосистем и природных условий (о. Рязков, Кандалакский залив) // Геология и эволюционная география. – СПб.: Изд-во «Эпиграф». 2005. – С. 188–196.
5. Ловелиус Н.В. Дендроиндикация состояния хвойных на о. Валаам // Изв. РГО. Т. 131. – 1999, Вып. 5. – С. 83–90.
6. Ловелиус Н.В. Изменчивость прироста деревьев. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.
7. Ловелиус Н.В. Изменчивость прироста деревьев. Дендроиндикация природных процессов и антропогенных воздействий / Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. биолог. наук. – Днепропетровск, 1981. – 60 с.
8. Ловелиус Н.В. Колебания прироста годичных колец хвойных на верхней границе леса в горных районах СССР / Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. географ. наук. – Л., 1970. – 20 с.
9. Ловелиус Н.В. Опыт применения дендрохронологического анализа для изучения изменений климата (на примере Восточного Саяна) // XIX Герценовские чтения. География и геология. – Л., 1966. – С. 34–36.
10. Ловелиус Н. В. Становление дендроиндикации как направления научных и прикладных исследований. – СПб.: «Европейский дом». 2001. – 312 с.
11. Ловелиус В.Н., Грицан Ю.И. Лесные экосистемы Украины и тепло- влагообеспеченность. – СПб: ПАНИ, 1998. – 336 с.
12. Ловелиус Н.В., Колесников А.П. Характеристика среды в годы аномалий радиального прироста лиственницы в Санкт-Петербурге // LIX Герценовские чтения. – СПб., 2006. – С 36–43.
13. Ловелиус Н.В., Колесников А.П. Факторы среды в годы аномальных приростов лиственницы на острове Валаам // LIX Герценовские чтения. – СПб., 2007. – С. 22–29.
14. Логинов В.Ф., Шерстюков Б.Г., Оль А.И., Акатова Н.И. Индексы солнечной и геомагнитной активности. – Обнинск, 1991. – 152 с.
15. Чиркова Э.Н. Современная гелиобиология. – М.: Гелиос, 2005. – 520 с.
16. Lovelius N.V. Dendroindication of natural processes and antropogenic influences. – St.-Petersburg: «World and Family-95», 1997. – 320 p.

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Преступное состояние мира

1) экзистенциал, описанный в ряде философских концепций как онтологическая доминанта и социально-психологическая и историческая универсалия; 2) термин апофатической философии истории, осуществляющий презумпцию негативного оправдания «изначально-злого в человеческой природе» (по названию Кантова трактата 1792 г.), в истории и Космосе, в рамках которой развиваются всякого вида дьяволодицея, манихейские картины мира, движутся образы сатанинской рати и Антихриста. Архаические коннотации термина накоплены ритуальной практикой символических убийств (наговор, проклятье, анафема), в навыках обрядовой семантики 'соития=умерщвления=рождения' (календарные обряды, свадьба, похороны, карнавал, **мистерии**) и амбивалентного контекста образов умирающих и воскресающих богов мировой мифологии и основных религий. Сохраненные в жестово-лингвистических привычках современного социального символизма, эти квази-оправдывающие ПСМ смыслы сняли дистанцию между наговором и наговóром, заговóром и заговóром и легли в основу новейшей мифологии невинности, на которой воспитано и которой утешено обыденное сознание. Попытка раннеисторических описаний разграничить нормированный мир своей культуры («Закон») и безаконный мир «варваров» («обычай») удалась лишь в меру первичного и быстро дискредитированного опыта: возобладал мифологический канон начинать историю людей как историю преступлений, войн и перманентного злодейства (Каин в Книге Бытия; ср. роль Иуды в Новом Завете и ее метафизическое и метаисторическое оправдание в статье С. Булгакова «Иуда-Искарриот – Апостол-предатель» <Путь,

1931. № 26, 27>, в прозе М. Волошина и Л. Андреева). Дуальная онтология добра и зла определила осмысление человеческого его и деяния в истории в векторе проб и ошибок, нарушений, запретов, вины, возмездия и судьбоносной кары. Для античного сознания несовершенство преступно, ибо унижает идею нормы и канона, так что миф о злодейском пуританизме Прокруста получает эстетическую санкцию, а мужественный и безнадежный спор с судьбой царя Эдипа разрешается в катарсис трагической вины. Исходная правовая парадигма Европы – грандиозный Codex Romanis – обобщила основной поведенческий репертуар «человека преступного» в рамках имперского самосознания. Для превращения ПСМ в метафизическую проблему и в мировоззренческий сюжет философии стал необходимым процесс двусторонней трансценденции событийного мира за пределы наблюдаемой каузальности в план метаисторической **тайны** – с одной стороны, и интроспекция поступка (как проступка по преимуществу) в глубину личного религиозного опыта, в пределах которого рождается новая философия вины и ответственности – с другой. Христианство выносит последние цели истории на уровень Промысла и Божьего Домостроительства, оставляя человеку Дар свободного поступания и образ ПСМ как результат ложно использованного Дара. Юридические акценты центральных терминов христианской антропологии (Завет, Грех, Страх Божий, Раскаяние, Искупление, Спасение, Жертва и др. этого ряда) описывают Богочеловеческий процесс в истории как непрерывную тяжбу человека и Бога, Бога и Противобога (Люцифер, Антихрист) за имманентно преступную человечность (= тварность, ветхость, падшесть), слишком склонную к забыванию своего исконного богоподобия (Ин. 3, 19). Именно христианство,

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–4'08, 1–4'09, 1'10.

сочетав свободу выбора с Божьим поощрением, а неотмирность этических императивов – с их вполне бытовой применимостью, завершило строительство картины мира, в которой Град Дольный суть Мировая Тюрьма, под ней расположено девятикружие застенков Ада, и лишь в Эдеме, под новыми небесами и на новой земле, сбывается шанс на спасение. Событийно-историческое оправдание этой структуры наглядно предстает в «обратной стороне титанизма» (А. Лосев) эпохи Возрождения. Расцвело древо типов авантюрного поведения, в большом и приманчивом мире оценили риск и веселое бесстрашие; инверсии подверглись социальные роли пирата и мецената, трубадура и плута, шута и короля, папы и еретика. Ускорение событийного темпа была задано ренессансным «делай, что хочешь» (лозунг Телемского аббатства, цитируемый Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле», 1533–1564), в условиях войны всех против всех (см. фантасмагорическую фактуру трагедий Шекспира), когда личность открывает в себе равномощность судьбе и сознает себя творчески-энергичным подобием мировых стихий. Преступление становится автографом ренессансного человекобожеского энтузиазма, свидетельством личностной зрелости и амбивалентного универсализма. Репутация злодея и слава гуманиста смыкают сферы в единый круг самозаконного «я» («Я!» – по П. Флоренскому). Ренессанс не забывал о вертикальной шкале христианских ценностей этики и культуры, но заботливо наращивал оба ее конца: из центра держащей к Богу души росла стрела «героического энтузиазма» (Дж. Бруно), запечатлевая себя в экстагическом аффекте готики; из телесно-чревного естества человека тянулась хтоническая пуповина inferнального родства с близкой, охотно приемлемой, гостеприимно открытой веселой преисподней, которая и есть источник, субстанция и «сумма» всех мыслимых и немыслимых преступлений, идеальная модель ПСМ. Видимо, на Ренессанс пришелся и расцвет таких преступнотворческих форм, как сплетня, доносительство, шпионаж и дуэль. Тайна как гарантия частной жизни конфессионально упразднилась в борьбе протестантов с тайной исповеди; Лютер создал общины шпионов и отверг спасительный смысл добрых поступков в пользу лозунга «Sola fide!» («Только верою!»). Лишь предельное по inferнальной насыщенности ПСМ способно пояснить, почему состоялся отказ от единственно человеческого дела в истории: рукотворимого прироста

Добра в мире (так что даже христианская апокалиптика связывает финал истории с исчерпанием преступного в бытии – см. убеждения маркионитов). Энергия, с которой Реформация избавляет человека от «рабства воли» в пользу Промысла (см. трактат М. Лютера «О рабстве воли», 1525), сравнима с желанием мыслителей Нового времени приблизить модель законопослушного гражданина к образу механической куклы («Человек–машина» Ж.О. Ламетри, 1747). Под подозрением оказалось одиночество, отождествленное со смертностью (см. робинзонады XVII–XVIII вв.), уединение, сближенное с фрондерской внеконфессиональностью. Это эпоха подготовки общеевропейских тотальных преступлений: против совести (атеизм) и общества (революции). Прогноз благонамеренного террора, массовых жертв и идеология счастья любой ценой осуществлены в усиленном производстве утопий, в эстетизации культурнического цинизма (французские и английские энциклопедисты), в создании полуподпольной мировой лжерелигии (масонство). В атмосфере авантюры и фаворитизма кодификация преступного теряет смысл: ее заменяют термины ‘удача’, ‘случай’, ‘фавор’, ‘успех’, ‘везенье’ и прочие дериваты половицы «Не пойман – не вор». Эпоха Просвещения окончательно закрепила служебную необходимость преступного в таких профессиях, как купец и ростовщик, дипломат и юрист, военный стратег и политический лидер. Ренессансный макиавеллизм вполне осуществил свою политическую рецептуру легитимного социального каннибализма именно в XVIII в. Если предшествующая эпоха еще способна была сначала придумывать мифологию новых типов преступного поведения, чтобы спровоцировать появление их подлинных и в подлинности убежденных исполнителей (такова история ведьм), то эпохе Разума достаточной оказалась чисто количественная эскалация повального плутовства, чтобы прийти к «революционной справедливости» всеобщего разбоя. Антитеза долга и страсти, излюбленная трагедией Просвещения, ставит ее героя в заведомо криминальную ситуацию. «Римский» республиканизм Великой Французской революции превратил сочинения ее историков–свидетелей в уголовные хроники. Ключевые идеологемы ПСМ («кровь», «жертва», «дело», «мечь»), насыщенные псевдогуманным контекстом «свободы, равенства и братства», активно заработали в механизмах социального самообмана. На фоне идеалов социального благоденствия маркиз де

Сад создает художественные концепции преступного Эроса. Эпоха создает новую мифологию вождизма, сатанинский культ Разума, закладывает навыки ревизии истории, утверждает знаковый и риторический антураж революционного бандитизма. В титанических попытках разложить субстанции преступной онтологии на наблюдаемые и предсказуемые в своем поведении стихии, русская мысль в лице Пушкина противопоставила ложному идеалу справедливости (бесчеловечной уравниловки) христианский принцип милости («Капитанская дочка», 1836; в «Полтаве», 1825 Петр Великий «виноватого милует»). Однако магистральная линия решения ПСМ прошла через поле множества решений: от признания войны естественным состоянием народов (де Местр, Чаадаев, Мольтке), от демонологии Зла, порождающего историческую событийность (Гоголь) к метафизике преступного сознания и психологии преступного нормотворчества (Достоевский); народническая традиция осознает ПСМ в сословных комплексах национальной вины («кающиеся дворяне»), пока не разрешается в самоубийственно-патологическую форму идеологии «карамазовского» бунта против онтологии Космоса и в теории социального террора (нечаевщина). Классическая русская литература строит тексты на детективной фабуле и уголовной интриге; сказалось сильнейшее влияние ораторской прозы, судебной-риторической практики и терминологии на реалистическое письмо и демократическую эстетику, что превратило словесность и философскую критику в художественное тюремоведение и допросную диалогичность. По Чернышевскому, писатель «выносит приговор» действительности; Золя прямо называет художника «судьей общества»; ср. у Достоевского образы узилища, изгоя, странника, эстетов-злодеев (Ставрогин) и «идеологов» садистско-мазохистского Эроса (ср. «Убийство как одно из изящных искусств» Т. де Квинси и новеллу «Девушка и смерть» в составе книги «Жизнь с идиотом» (М., 1991) Викт. Ерофеева с сюжетом эстетского умерщвления возлюбленной с помощью будущей жертвы). На термине дуэли переходит русская философия Эроса (Тютчев: «поединок роковой»; ср. концовку романа «Идиот»; позднее суицидные контексты Эроса Достоевского будут изучены в статье Л. Карсавина «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви», 1921 и в философских опытах Бердяева). Повесть героев Достоевского определена сложной диалекти-

кой внутри тетраграммы боли, страха, вины и стыда; в его творчестве созданы картины апофеоза ПСМ (последний сон Раскольникова, «Бесы», безумие Ивана Карамазова). Щедрин изучил картины социума, в которой «один негодяй подает реплику другому»; этическим интегралом сплошь преступного мира «одичалой совести» становится у него лицемерие (Кант полагал лицемерие в качестве необходимого зла и условия общественного порядка). Если анализ ПСМ в рамках авторского самосознания имел положительную компенсацию в формах исповедного пафоса (Гоголь, Герцен, Бакунин, Достоевский, Толстой), то кардинальное для XIX в. открытие чужого преступного сознания (на фоне новаторского любопытства к Другому) положило начало опытам «оправдания Добра» (только ПСМ порождает тексты с подобным названием, как у В. Соловьева). Сущее Добро, по Соловьеву, оправдано в своей свободе, если в симметрию последней предположена свобода Эроса, Зла и Смерти. Эта демонизованная аргументация окрасила русскую философию свободы (Н. Бердяев, С. Левицкий, А. Штейнберг) в карамазовские интонации. Социальный пафос русской мысли отчетливо сказался на акцентировании картин ПСМ философской критикой, эротической литературой Серебряного века, в штудиях русского характера. Православная мысль снимает с бытия статус исконного трагизма: «Все явления, какие существуют в этом мире, как мире преступления, существуют не по творческой воле Бога, а только по механическим силам физической природы» (Несмелов В. Наука о человеке: В 2 т. Казань, 1989. Т. 1. С. 157). Философы начала XX в. зафиксировали ослабленное правосознание эпохи, что отчасти объясняет популярность отрицательно прославленных гениев отщепенства и преступления (Люцифер, Сатана, Абраккас, Лилит, Антихрист, Иуда). Философская мысль реабилитирует падших духов (вопрос о воскрешении в софиологии С. Булгакова дан в духе трактовки апокатастасиса Григорием Нисским; ср. манихейство Н. Бердяева, гностические этюды А. Мейера и Л. Карсавина). Свою эстетику поступка на фоне дискуссий о ненасилии и «кошмаре злого добра» (И. Ильин, С. Гессен, П. Сорокин, С. Трубецкой), жестокости (Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899), на фоне уяснения открытой Достоевским диалектики святости и злодейства, греха и благодати строил М. Бахтин. Со временем в антитезу спасаю-

щей миссии диалога встанут суждения типа: «Диалог – это насилие» (*Рикер П.* Символизм Зла. В., 1969; *Батай Ж.* Литература и Зло. М., 1994); или: «Миг, когда ты пережил других. Это миг власти» (*Канетти Э.* Человек нашего столетия. М., 1990. С. 420). Ж. Маритен считает, что ситуация «человек под взглядом Другого» – это ситуация «маскарадного судилища» («Проблема человека»). Исторически совесть и ответственность рождаются с христианскими представлениями о необратимости во времени поступке. Герои Достоевский живут в мире проступков (за и на грани нормы), их память в прошлом «фиксирует только неискорененный грех, преступление, непрощенную обиду» (*Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 50 <Далее: *ПнД*>). В сплошь виновном мире «ложная психология» обвинения (Там же. С. 104–105) заменило правду диалога, что позволило Д. Лукачу определить роман как «эпопею заброшенного мира» (Вопросы философии. 1993. № 4. С. 96). Бахтин на всех уровнях (скандал, бесовство, карнавальная оргия) пытается реабилитировать мир проступков и «преступания» нормы как продукты прозаической диалектики жизни. О Макбете сказано: «надъюрисдикционный преступник»; его личное злодейство встроено в преступную онтологию жизни и в надъюрисдикционное преступление «всякой власти» (*Бахтин М. М.* Дополнения и изменения к «Рабле...» // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 138 <Далее: *Доп.*>). Бахтин широко применяет здесь психоаналитические аргументы, весьма близкие соображениям Э. Фромма о деструктивном поведении. Когда Бахтин отрицает у Достоевского катарсис и заменяет его «очищающим смыслом» «амбивалентного смеха» (*ПнД*, 1972. С. 284–285), он по сути пытается вернуть проступку статус поступка: на неправедной «безблагодатной», по его словечку) жизни лежит трагическая, а на ее инициаторах – юридическая вина. Жизнь строится из проступков преступников: «Такова жизнь. Она преступна по своей природе» (*Доп.*, 140).». Поступку, в свою очередь, придается статус проступка (ни у кого нет алиби в бытии); в метафизическом смысле «проступок» есть внутренняя форма «поступка». Эта инверсия вины/невин-

ности мистериально устроенной повседневности – где жертвы стоят жрецов – создается, чтобы замкнуть ее в рамки легитимного бандитизма: безначально-карнавального Бытия, быта и культуры. Акцент на спасение исконно преступного состояния мира способен породить этику карнавализованной ответственности. Но Бахтин, зная, что ответственность есть еще и вина, остается на этом пороге, предоставляя своему читателю понимать свободу личного выбора как поступок и проступок одновременно. Фрейдизм предшествовал и сопутствовал опыту сатанинского эпатажа в литературе натурализма, в богемной эстетике «вийоновского» типа (Бодлер; ср. Золя, который, вслед за К. Бернардом, декларирует в сборнике «Экспериментальный роман»: «Мы романисты – судебные следователи по отношению к людям и их страстям»). Репутация художника-преступника уже в Ренессансе стала обычной (Леонардо; Микельанджело, Вийон); тем отчетливее позднейшие маргиналы-оргиасты выражали прозаическую преступность социальной реальности (Есенин); идеология разрушения «старого мира» сомкнулась с большевизмом (русские футуристы) и фашизмом (Маринетти). Далеко не маргинальное существование обеспечила себе преступная философия (Ницше), преступная религиозная практика (сатанаилы, хлысты) и преступное художество (порно, поэтика жестокости в авангарде и постмодерне). Наша современность отмечена преобладанием лагерных манер общения (от детских коллективов до элитарных микросоциумов). Новая социальная стратификация, властные структуры, «тела террора» (М. Рыклин) переживают свой палингенез на путях возврата к наиболее одиозным формам криминального существования и к семиотике социального «дна». На этом фоне надежным оппонентом мировой преступной реальности и мировой преступной ментальности предстает философия диалога и самооткрытие в России и на Западе «диалогического человека». В ряду представителей философии диалога кардинальное место занял М. Бахтин, суждения которого подводят предварительный итог русскому философскому анализу мира в векторе имманентной рукотворимой преступности.

Исследования: Абрамович Н.Я. Философия убийства. М., 1913; Беккерия Ч.О преступлениях и наказаниях, 1764 (М., 1939); Бентам И. Теория наказаний и наград, 1811. V. 1–2; Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле», 1944 // М. М. Бахтин. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. С. 80–129; Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков, 1999; Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание и наказание как преступление. Киев, 1911; Зиммель Г. Человек как враг, 1908 // Зиммель Г. Избранное: В 2-х т. М., 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 501–508; Ильин И.А. Дух преступления // Возрождение. Париж, 1926. № 248. 5 февр. С. 2–3; Коган П.С. Философия преступления и поэзия порока // Русская мысль, 1905.

Кн. 9. С. 134–152; Маклецов А.В. Проблема преступления в русской художественной литературе // Учен. зап. Русского научного ин-та в Белграде. 1931. Вып. 3. С. 121–132; Лунесв В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991; Михайловский Н.К. Наказание как фактор культуры // Вопросы философии и психологии, 1905. № 77. С. 250–302; Последний акт. 1) Казнь как прикладное искусство // Бездна «я» на границе страха и абсурда. СПб., 1992; Сербский В. П. Преступные и честные люди // Вопросы философии и психологии, 1896. Кн. 35. С. 660–678; Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914; Социология преступности. М., 1966; Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль, 1911. Кн.10. С. 135–144; Тард Г. Преступник и преступление. М., 1906; Чиж В.Ф. Психология злодея (граф Алексей Андреевич Аракчеев) // Вопр. филос. и псих., 1906. № 82. С. 1–59; № 83; С. 139–172; Философия преступления: Материалы конференции «Преступность: социальное-философские и философско-антропологические проблемы» (6 дек. 1996). СПб., 1997; Фромм Эрих. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Шлёгел К. Новый порядок и насилие // Вопросы философии, 1995. № 5.

Путь

Мифологема движения, пространственно-временной ориентации и цели; аспект смысла жизни и вектор истории; универсалия научного и художественного познания и культурного творчества. Своим универсализмом архаическая семантика пути обязана широким смысловым связям с топологией жизненного пространства, его ценностным иерархиям и всей системе социального символизма с его образами и индексами ориентации, маркировкой выбора, моделями поведения и ритуальной практикой. Значимое наполнение в аспекте пути получают слова-сигналы: «порог», «граница», «перекресток», «центр», «край», «кайма», «рамка», «межа», «указатель» («придорожный камень», «столб», «крест», «веха»), «поворот», «мост», «застава», «круг», «кольцо», «спираль», «синусоида», «стрела», «возврат», «горизонт», «горизонталь/вертикаль», «тупик», «обочина», «поле», «тропа», «гора», «серпантин» и т.п. В хронотопе пути обобщен весь список способов преодоления и обживания пространства: от бытовых форм путешествия, приключения, странствия и курьерства до маргинальных экстремумов ухода, отшельничества, изгойничества, бегства, изгнания, эмиграции и ссылки. Великие переселения народов, маршруты географических открытий и следы первопроходцев насыщают мифологему пути энергией пассионарного энтузиазма, тоской по свободному пространству и остротой историсофского переживания Пути (ср. популярную идеологию «Русский путь») как провиденциально заданной и загаданной дороги в национальное или общечеловеческое будущее. На основе философско-исторических коннотаций пути рождается символическая телеология дороги и двоение ее образов в литературе (гоголевская бричка с Чичиковым катит по реальным ухабам российского тракта, но влекущая ее «Русь-

Тройка» одолевает иное – символическое – пространство своей исторической судьбы). Изучение тематики путеводительства (поводырь, проводник; ср. образ путеводной Звезды в рождественской фабуле Евангелия) позволило открыть необычные ракурсы пути. Так, анализ движения Данте и Вергилия по Загробью, предпринятый П. Флоренским («Мнимости в геометрии», 1922) доказал наличие в картине мира Данте черт неэвклидовой геометрии. Телеология пути (к Богу, к Истине, к Другому, к спасению, к Апокалипсису) в ее христианском изводе может быть выражена словом «Голгофа», евангельский контекст которой предполагает мировую инициацию человечности. «Кеносис», «вознесение», «предстояние горне», «теофания» несут память о Завете богообщения как бесконечном сближении твари и Творца; перекресток этой вечной Встречи – свободная воля и Божье Домостроительство, грех и искупление, страдание и Благодать (см. жанровый канон «хождения по мукам»). Геометрия прямого (праведного) пути подчеркнута кривизной бесовского вожделения (кружения кривды, блуд блуждания) и демонической путаницы (ср.: «распутник», «путанка», «Распутин», «распутица», «бес попутал»). Язык бережно хранит особую «путевую» аксиологию поступка («путное дело», но: «запутанное дело») и мысли («метод» – от лат. «meta» («поворотный пункт», «цель», «конец», «предел»). Если «путь всякой плоти» (по названию романа С. Батлера <опубл. в 1903>) лежит через соблазны мира, то П. всякого духовного «я» промыслительно корректируется властью Вышней Истины. Поэтому столь важной в речевом обиходе оказалась риторика напутствия, благословения на дорогу, убеждения в твердости выбранного маршрута, а в молитвенных формулах предстательства Богу – просьба направить «на пути Твоя» и испрашивание защиты. Дорожная магия (амулеты, обереги, обычай посидеть

перед дорожкой, суеверный невозврат с полпути, путевые приметы во сне) слилась в православном сознании с тем убеждением, что «плавающих и путешествующих» опекает сам Русский Бог – Никола–угодник (см. Б.А. Успенский). Традиционная риторика пути эксплуатируется в жаргонных новоязах публицистики (от «Нового пути» символистов и бердяевского «Пути» до советских газет, вроде «Путь Ильича»). В аспектах Эроса и Танатоса П. находит выражение в изоморфной синтактике обрядов свадьбы и похорон: если первому предшествует ритуал ухаживания (ср. похищение, побег, тайное свидание) и сопутствует символика «нового пути» (движение в сакральном пространстве церкви, пересечение порога родного дома и переход в чужой), то «последний путь» маркируется в тех же индексах движения (см. участие в обоих обрядах зерна и денег, пиршества и плача, омовения и переодевания). Философский словарь историсофии эксплуатирует термины ритмического движения в описание моделей эволюции (цикл, скачок, стрела времени, спираль, круг, волна, возврат=палингенез, «перекресток традиций»), проективных прогнозов будущего и типов метаисторического видения мирового горизонта экзистенции (ср. Гусев-Оренбургский С.И. В поисках пути. Ритмические размышления. Нью Йорк, 1955; Эбергардт Я. Путь страданий. Символический этюд в одном действии. Чикаго, 1922). И образы всемирного эсхатологического финала, и философского-историческая рецептура национальной судьбы

опираются на П. как на исконную возможность осуществить предназначенное. Перефразируя Флоренского, можно сказать, что если человеку дана prerogativa осмысленного движения, значит – П. существует. Идея пути является регулятивной для религиозного мессианизма и аргументом оправдания для пассионаристской логики агрессии (П. при этом мыслится неальтернативно. Пропедевтика и дидактика нашла в пути хронотоп наследуемого опыта (встреча ученика и учителя в пути; дорога к неочевидному знанию на лесной тропе <М. Хайдеггер. «Holzwege», 1950>) и принцип органического научения через подражание или вопросно–ответный диалог. Восточная философия пути (даосизм) культивирует идею неспешного продвижения к истине под руководством упреждающего наставника, это тропа внутреннего самовозрастания и мужания, метод проб и ошибок. Дао – не только «П.», по которому прошли многие, но и уникальная интроспекция «пути жизни» во внутреннем опыте адепта. В «Размышлениях об истинном пути» Ф. Кафки: «Истинный путь идет по канату, который натянут не высоко, а над самой землей. Он предназначен, кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться, чем для того, чтобы идти по нему» (Знамя, 1993 № 6. С. 107). Литературная типология характера и сюжета фиксирует П. то в качестве генерального жанрового признака (роман путешествия, авантюрный роман, роман воспитания), то как жизненную привычку с переменным этическим знаком (К. Батюшков).

Тексты и исследования: Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992 (по указателю); Арцыбашев Д. В. От времени «странников» к организации туризма // Культурологические исследования 03. СПб., 2003. С. 206–210; Батюшков К.Н. Странствователь и домосед, 1814–1815 // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и в прозе. М., 1977. С. 308–319; Джексон Р.-А. Время и путешествие. Метафора для всех времен. «Степь. История одной поездки» // Чеховиана: Чехов в культуре XX в. М., 1993; Дождикова Н. Символика распутий – перекрестков в поэзии русских символистов // Вестник РХГИ. 1999. № 3. С. 95–110; Кафка Ф. Афоризмы. Размышления об истинном пути // Знамя, 1993. № 6; Лагере Э. Лабиринт. Роман, 1959 (пуэрторик.); Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Труды по знаковым системам. Тарту. Вып. XV (Учен. записки Тартуского государственного университета. Вып. 576). 1972. С. 110–121; Лотман Ю.М. 1) Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983; 2) Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М., 1989; Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Блоковский сборник. П. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 25–121; Мамардашвили М. Лекции о Прусте. Психологическая топология пути. М., 1995; Минский Н.М. «Новый путь» и «путь сатанинский» // Новый путь. 1903. № 4; Невская Л.Г. Семантика дороги и смежные представления в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980. С. 228–239. Л., 1963. С. 265–274; Неподкупный А.П. Финно-балто-белорусская семантическая изоглосса «идти деревню» – «идти в гости» // Контакты латышского языка. Рига, 1977; Никулин Д.В. Истина, сеть и путь в философии Платона // Историко-филол. ежегодник. М., 1995; Орлов Д. Философствование М. Хайдеггера: Мотив проселка // Вестник РХГИ. 1999. № 3. С. 37–46; Тихон Задонский. Путь // Тихон Задонский. Сокровище духовное. М., 1994. С. 368–369; Успенский Б.А. Культ Николая на Руси в историко-культурном освещении (Специфика восприятия и трансформация исходного образа) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып. X (Учен. записки Тартуского государственного университета. Вып. 463). С. 86–140; Флоренский П. Мнимости в геометрии. М., 1922; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сб. / пер. с нем. А.Л. Доброхотова. М., 1991;

Архетип «лабиринта»: Былинин В. К. «Лабиринт мира» в интерпретации русского поэта XVII века // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII–XVIII века. М., 1989. С. 42–49; Голан А. Лабиринт и Вавилон // Голан А. Миф и символ. М., 1994. С. 125–131; Гурина Н. К. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. М., 1948. № 10; Досифей. Географическое, историческое и географическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836; Исупов К.Г. Путь в лабиринте // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. М., 2002. Ч. 2. С. 431–467; Кодола О.Е., Сочеванов В.Н. Путь лабиринта. СПб., 2003; Курбатов А. О каменных лабиринтах Северной Европы // Советская археология, 1970. № 1; Лауэнштейн Д. Элевсинские мистерии (гл. Таинство в лабиринте). М., 1996; Лукашкин С.С. Ритмы лабиринта // Образ современности: Этические и эстетические аспекты. СПб., 2002. С. 126–129; Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск–Соловки, 2002; Соколов Ю.Е. 1) Пространство тела и пространство мира в архаическом ритуале и театре // Театр во времени и пространстве. М., 2002; 2) Лабиринт. Метаморфоза пространства и пространство метаморфозы // Мир культуры. М., 2003. № 1. С. 18–51; Титов Ю.Л. Лабиринты и сейды. Петрозаводск, 1976; Флоровский Г.В. Русский путь // Русская Земля. Альманах для юношества. Париж, 1928. С. 63–66; Хан-Магомедов С.О. Дагестанские лабиринты. М., 2000; Харитонов В. Возвращение лабиринта // Лабиринт–эксцентр. 1991. № 2. Л.; Свердловск. С. 6–14; Цивьян Т.В. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996; Фокин С.Л. «Я пишу, чтобы стереть свое имя...» // Танатология Эроса. СПб., 1994. С. V–VI; Dood P.R. The Idea of the Labyrinth from Classical Antiquity Through the Middle Ages. Cornell Univ. Press, 1993; Keriñyi K. Nel Labirinto. Torino, 1997; Fanelli M. C. Labirinti. Storia, geografia e interpretazione di un simbolo millenario. Rimini 1997; Santarcangili P. Il libro dei labirinti. Storia di un mito e di un simbolo. Milano, 2000; Kern Hermann. Htroughh the Labyrinht. Designs and Meanings over 5, 000 years Munich, 2000; Saward Jeff. Magical paths: Labyrinths and mazes I the 21st senture. Mitchell Beazley, 2002.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ» НА ПРОЕКТ ЗАКОНА «О ПЕРЕДАЧЕ РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ИМУЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Апрель 2010 г., Москва

Российским институтом культурологии была проведена предварительная экспертиза проекта закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

По мнению Российского института культурологии, стремление авторов законопроекта создать условия для разрешения противоречий, имеющихся между государством и религиозными организациями по поводу прав собственности на имущество религиозного назначения, в целом может быть оценено как позитивное.

Однако, в случае принятия в существующем виде, законопроект приведет к возникновению новых, не менее глубоких противоречий как в области имущественных отношений, так и социальной жизни в целом.

Вызывает сомнение актуальность принятия законопроекта в существующем виде, т.к. в условиях, когда социальная сплоченность российского общества невелика, когда требуются срочные меры со стороны государства по повышению такой сплоченности, данный закон может привести к возникновению новых и обострению существующих противоречий в обществе: между представителями различных религиозных организаций, между религиозными организациями и светским обществом, между представителями различных национальных культур, между собственниками, между представителями сферы культуры и религиозных организаций и т.п.

Также в обществе не может не возникнуть вопрос, почему государство возвращает только имущество религиозного назначения, почему не подлежит возврату любое иное имущество, национализированное

после революции или незаконно изъятое в ходе последующих репрессий (заводы, фабрики, здания, земли и имущество крестьян в ходе раскулачивания, частные коллекции и т.п.). А приоритет, отдаваемый религиозным организациям, обоснованно может быть воспринят обществом как нарушение положения Конституции о светском характере российского государства.

Данный законопроект противоречит положениям действующего законодательства и требует приведения в соответствие с законом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», с законодательством о собственности, с документами ЮНЕСКО.

На наш взгляд, представленный законопроект нельзя признать своевременным, лишенным противоречий и готовым к принятию Государственной Думой в существующем виде. Он нуждается в принципиальной переработке, в частности по следующим причинам.

1) В принципиальном пересмотре нуждается само понятие «имущество религиозного назначения» (статья 2). На наш взгляд, музейные собрания относятся к категории общественных благ и являются общим достоянием. Музейные собрания и коллекции не являются просто «имуществом», находящимся в собственности ГУКов и МУКов, в отличие от оборудования, столов, стульев и даже самих зданий. Точно также они не являются исключительной собственностью органов государственной власти и местного самоуправления и, соответственно, они не могут быть уполномочены самостоятельно решать их судьбу.

Для справки:

Со средних веков в России закрепляется традиция перемещения (по инициативе самих слушателей культа, духовенства, его образованной

части) особо ценных предметов культового назначения в ризницы, т.е. их изъятие из повседневного обихода и перемещение в сохранное место. Ризницы – одна из первых протомузейных форм, создаваемая именно для сохранения ценного культового наследия.

Унаследовали эту традицию сохранения культовых памятников древлехрамислица, которые создавались как в церковной среде, так и при университетах и научных обществах, зачастую совместно с епархиальными управлениями, с той же целью: изъятия из повседневного обихода и создания наилучших условий для сохранения и изучения. Т.е. эти музейные формы, вызревшие в самой церковной среде, стали важной частью общенациональной государственной культурной политики (начиная с XIX века). Они являются естественными в мире, где объекты наследия, в т.ч. религиозного, множатся, и неизбежно формируется особо ценное ядро этого наследия, которое может далее оставаться физически целостным и широкодоступным, выполняя свою просветительскую миссию, только в сохранном месте – музее. Вещи из церквей и монастырей на протяжении всей российской истории передавались в музеи самими духовными лицами, императорами – и это было нормальным естественным процессом.

Музеи, что очевидно, не являются антагонистами церкви, они также озабочены сохранением духовности и культуры. Превращение государственной собственности в церковную не преследует никаких духовных или культурных целей, а только передел собственности. Музеи вполне справляются с хранением, реставрацией и презентацией наследия, в т.ч. культового. Памятники являются общенациональным достоянием, а не только узко конфессиональным. Музей – это общественное достояние, тогда как церковная собственность открыта лишь узкому кругу лиц, т.е. доступность ее ограничена. К тому же именно в музее предмет обретает свой научный контекст и значимость. Допуская изъятие из музеев предметов религиозного назначения, проект закона вступает в противоречие с Законом о музейном фонде, который декларирует неотчуждаемость и неприкосновенность национального достояния, в этом фонде закреплённого. Не следует забывать, что музей – это тоже святыня.

Если исходить из логики авторов законопроекта, то любое имущество может быть выведено из числа музейных ценностей. Например, Зимний дворец, как и Новодевичий монастырь, тоже строился не для музея. И Сикстинская мадонна писалась не для Дрезденской галереи. И каменные топоры делались не для музея. Все созданное человеком имеет какое-то первоначальное предназначение. Однако, любое общество в процессе развития осознает некоторые объекты как

культурные ценности, подлежащие изъятию из повседневного обихода с целью сохранения и передачи из поколения в поколение (для этого обществом создан специальный институт, именуемый музеем). Чем шире круг объектов, осознанных как ценности, подлежащие передаче потомкам, тем выше культура общества. А потому музей является точным индикатором, термометром состояния культурного здоровья общества и государства. Если музеи активно пополняются (чего у нас в стране давно не наблюдается) – культура здорова, если нет – это верный признак начинающейся болезни. Если же пошел процесс «демусеификации» наследия – возврат памятников для дальнейшего использования по первоначальному назначению (сервизов XVIII в. – в ресторан, икон XIII в. – в действующую церковь и т.п.), это уже очень тревожный признак, даже тяжелая болезнь. К тому же, разорение музеев «для церковных нужд» может стать опасным прецедентом и спровоцировать целый поток исков от потомков бывших частных собственников.

В связи с вышесказанным, в статье 2 определение «имущества религиозного назначения», на наш взгляд, должно быть скорректировано в конце «за исключением предметов, входящих в состав исторически сложившихся музейных, архивных, библиотечных собраний и коллекций, а также предметов личного благочестия».

2) Также данное определение не даёт критериев для различения предметов религиозного назначения и предметов, выполненных на религиозную тематику или в традициях религиозного искусства, но не замышляющихся авторами как предметы религиозного назначения.

3) В пункт 3 статьи 3 добавить «уполномоченным органом по решению согласительной комиссии, состоящим из уполномоченных представителей органов государственной власти, представителей заинтересованных религиозных организаций, представителей организаций культуры, представителей общественных организаций, а также иных заинтересованных сторон в ходе открытых и гласных слушаний». В настоящее время законопроект (статья 3) предусматривает передачу имущества уполномоченными чиновниками, и лишь в случае обжалования их действий предусмотрено создание комиссий (статья 9) с неопределёнными полномочиями, состоящих из «религиоведов» и представителей «централизованных религиозных организаций» (понятия, также нуждающиеся в определении). Таким образом, музеи, архивы, библиотеки, экспертные сообщества, деятели культуры, общественные организа-

ции и иные заинтересованные лица полностью исключаются из обсуждения данных вопросов.

4) В пункт 4 статьи 3 следует добавить положение о возможности передачи имущества от одной религиозной организации другой по решению суда, в случае обращения в суд заинтересованной организации и предоставления ею суду доказательств преимущественного права собственности на передаваемое имущество.

5) Традиционно положением всех законов о реституции является указание временных рамок. На наш взгляд, в законопроекте следует оговорить, что передаче подлежит только имущество, находившееся в ведении религиозных организаций по состоянию на 1917 год. Потому что в противном случае передаче будут подлежать, например, и те предметы, которые являлись неотъемлемой частью библиотечных, музейных, частных собраний и коллекций и до 1917 года или были получены в дар от коллекционеров или куплены музеями, архивами, библиотеками и т.п. в последние годы.

6) В законе не содержится ограничений на передачу того имущества, которое было «добросовестно» приобретено библиотеками, музеями, архивами и т.п. на аукционах, у коллекционеров, в ходе археологических работ и т.п. На наш взгляд, такое имущество также не должно включаться в перечень передаваемого.

7) В случае, если данный законопроект всё же будет принят, следует включить в него положение о праве музейных, библиотечных, архивных и т.п. сообществ выступать с инициативой передавать высококачественные копии вместо подлинников отдельных особо ценных, имеющих общечеловеческое, а не только религиозное значение, предметов или предметов, нуждающихся для сохранности в особых условиях в пределах не более 10 % от общего числа передаваемых предметов.

8) Вызывает серьезные вопросы также и то, каким именно религиозным организациям будет передаваться имущество религиозного назначения. Насколько, с юридической точки зрения, данные организации являются правопреемниками тех организаций, у которых в своё время советское государство изымало данное имущество? Например, до революции 1917 года большая часть изъятого впоследствии государством имущества, находилась в собственности конкретных приходов, а не Русской православной церкви как единой организации. В результате передаваемый предмет религиозного назначения, например, может так и остаться

недоступным потомкам тех верующих, на средства которых создавался, в силу территориальной удаленности данного прихода от того, в который данный предмет будет направлен.

Вызывает опасения, что недостаточно чётко расписанная процедура передачи, а также отсутствие профессиональной религиозноведческой и культурологической экспертизы могут привести к передаче имущества не тем религиозным организациям, которые владели им ранее, что, несомненно, приведёт к обострению межрелигиозных противоречий. Например, известно немало случаев, когда российская таможня, изымая иконы, которые контрабандным путём пытались вывезти из страны, передавала их Русской Православной Церкви, хотя данные иконы принадлежали к старообрядческим и иным ветвям православия.

9) Пункт 5 статьи 3 предлагаем вообще убрать, т.к. понятие «имущество, не имеющее религиозного назначения, предназначенного для обслуживания имущества религиозного назначения» носит чрезмерно широкий характер, что, несомненно, будет приводить к острым имущественным конфликтам. К такому имуществу, исходя из определения, может быть отнесено все, что угодно, реки, озёра, леса и парки, кладбища, городские площади, по которым проходит крестный ход, крепостные стены и башни и т.п. Особенно напряженная ситуация будет создана в кремлях, рассматриваемых как «околоцерковная территория».

10) В статье 8 причины отказа в передаче должны быть дополнены пунктом «если в результате передачи объектов культурного наследия религиозным организациям возникает опасность, что доступ к ним окажется закрыт или существенно ограничен».

11) Статья 7 и статья 11 содержат нормы, по которым заявление, принятое от религиозной организации, должно быть рассмотрено в 2-х недельный срок, а опубликовано на сайте в недельный срок. На наш взгляд, остающегося недельного срока явно недостаточно для информирования экспертов, заинтересованных организаций культуры и общественных организаций, а также в случае возникновения возражений против передачи данного имущества, для подготовки документов обосновывающих такие возражения. В связи с этим предлагаем заменить в статье 7 срок с 2-х недель на 2 месяца.

В связи с готовящимся принятием нового «Закона о культуре», считаем, что данный законопроект должен рассматриваться уже после его принятия и соответствовать ему.

В целом проект закона требует детально-

го постатейного обсуждения как с представителями различных религиозных организаций, так и со специалистами музейного, архивного, библиотечного дела, реставраторами, архитекторами, историками, а также широкой общественностью.

Заключение подготовили: **А.В. Лебедев**, зав. лабораторией музейного проектирования РИК, доктор искусствоведения; **В.Ю. Дукельский**, вед. научный сотрудник лаборатории музейного проектирования

РИК, кандидат исторических наук; **И.В. Чувилова**, зав. сектором музейной энциклопедии РИК, кандидат исторических наук; **Н.Н. Крюкова**, зам. директора РИК по общим вопросам, кандидат педагогических наук; **И.Э. Баранова**, зав. отделом правового анализа сферы культуры РИК; **Т.С. Федорова**, зав. сектором проблем научной информации РИК; **Н.А. Кочеляева**, ученый секретарь РИК, кандидат исторических наук; **К.Э. Разлогов**, директор РИК, доктор искусствоведения, профессор.

М.Н. Цветаева

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «МУЗЕЙ И ЦЕРКОВЬ» 9 апреля 2010 г., Санкт-Петербург

На базе кафедры музейного дела и охраны памятников философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке отдела по связям с религиозными объединениями Администрации губернатора Санкт-Петербурга прошел научно-практический семинар «Музей и Церковь». Непосредственной темой семинара стало обсуждение и выработка совместных действий духовных и светских организаций, направленных на формирование концепции сохранения национального наследия. Оргкомитет семинара возглавлял заведующий кафедрой музейного дела и охраны памятников СПбГУ, директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, непосредственными ведущими были проф. М.Н. Цветаева, доц. А.А. Никонова.

В семинаре приняли участие свыше 50 человек, представляющих важнейшие сферы церковной и светской деятельности: духовенство, федеральные органы власти и администрацию губернатора, музеи, образовательные учреждения и научно-исследовательские институты. Духовенство представляли: игумен Александр (Федоров) – настоятель Петропавловского собора и церкви св. Екатерины в Академии художеств, председатель Епархиальной архитектурно-художественной комиссии; о. Аркадий (Северюхин) – ректор Санкт-Петербургского православного института религиозоведения и церковных искусств; о. Александр (Берташ) – научный сотрудник филологического факультета СПбГУ, зам. председателя епархиальной архитектурно-художественной комиссии; о. Александр (Коробцов) – vicарный священник римско-католической церкви Матери Божией Лурдской; М.Д. Грубер – председатель Санкт-Пе-

тербургской еврейской религиозной общины Большой Хоральной Синагоги.

Федеральные органы и администрацию губернатора представляли: заместитель председателя комиссии Общественной палаты по сохранению культурного и духовного наследия Е.К. Зелинская; начальник отдела по связям с религиозными объединениями Администрации губернатора Санкт-Петербурга Л.Ф. Мусиенко и ведущий специалист отдела В.Г. Иванов; председатель Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры В.А. Дементьева; представители Комитета по управлению городским имуществом, Комитета по культуре (зам. председателя А.В. Платунов).

Музейное сообщество Санкт-Петербурга представляли Б.С. Аракчеев (Государственный музей истории религии), Н.В. Буров, И.Ю. Хитарова, А.В. Квятковский (Государственный музей-заповедник «Исаакиевский собор»), В.М. Грусман (Российский Этнографический музей), А.Н. Колякин (Государственный музей истории Санкт-Петербурга), Н.Н. Ефремова, Ю.М. Пирютко, В.В. Рытикова (Государственный музей городской скульптуры), И.Д. Соловьева (зав. отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея), Н.М. Сафронова (музей Академии гражданской авиации и авиапредприятия «Пулково»), В.Н. Тимофеев (Государственный музей городской скульптуры), Д.Е. Мальцева (зав. лабораторией реставрации при Музее русской иконы в Печчолы, Италия).

От образовательных и научных учреждений присутствовали профессор, аспиранты, студенты философского факультета СПбГУ – М.М. Шахнович (зав. кафедрой

религиоведения), Микиртумов И.Б. (зав. кафедрой логики), А.С. Мухин (СПбГУКИ, кафедра музееведения и экскурсоведения), З.К. Ревчук (СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, кафедра художественного текстиля), В.А. Шестаков (НИИ стандартизации музейной деятельности).

В обсуждении также приняли участие представители общественных организаций – Н.П. Магер (Общество ревнителей православной культуры, храм Воскресения в Кадашах; Москва), И.Ф. Сапронов (Совет экспертов по культурному и духовному наследию СНГ, Санкт-Петербург).

Выступающие определили важнейшие сферы взаимодействия, указали на «болевые точки» в вопросе взаимодействия духовных и светских организаций. Прозвучавшие выступления условно можно разбить на три основные темы. Во-первых, это духовно-нравственные, философско-психологические и культурно-исторические проблемы; во-вторых, вопросы, касающиеся законотворчества, нормативно-юридических, правовых и финансово-экономических отношений; и, наконец, художественные и музееведческие вопросы, связанные с теорией и практикой музейного дела и охраны памятников.

Е.К. Зелинская отметила сложный и противоречивый характер мышления «советской интеллигенции», духовно-мировоззренческие препятствия, которые, к сожалению, мешают плодотворной работе; указала на необходимость уважения культур и религий разных народов, на корректное отношение к различному религиозному опыту.

В.А. Дементьева выразила надежду на то, что в Петербурге можно выработать особый «петербургский стиль», «петербургскую модель» при решении важных и деликатных вопросов, возникающих между музеями Церковью; поделилась позитивным опытом последних десятилетий. Как и многие участники дискуссии, поблагодарила митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира за поддержку в конфликтных ситуациях.

В выступлении игумена Александра прозвучал призыв к духовно-нравственному осмыслению истории, к религиозно-нравственной оценке трагических этапов прошлого. Наиболее проблемным, на его взгляд, является вопрос о движимом имуществе, о канонических правилах содержания богослужебных сосудов, находящихся в введении музеев; об уникальных религиозно-национальных святынях такого уровня как, например, «Троица» преп. А. Рублева, «Знамение», «Владимирская икона Божьей Матери». Пути преодоления непонимания видятся в решении правовых и имуществен-

ных вопросов с опорой на позитивный отечественный и зарубежный опыт, например, Грузии и Литвы; в возрождении церковных музеев и выработке практики совместного изучения хранения и реставрации национального наследия силами духовенства и музейных работников.

И.Д. Соловьева коснулась этапов формирования коллекции древнерусского искусства в контексте взаимодействия музея и церкви: позитивного и негативного опыта в этой сфере; говорила о необходимости каталогизации церковных памятников, находящихся в храмах, об обеспечении доступа к ним для музейных сотрудников.

О десятилетнем опыте плодотворного сотрудничества и совместного использования церковного наследия рассказала Л.А. Мусиенко, которая показала необходимость досконального знания многочисленных нормативных документов, что не исключает необходимости оперативно анализировать духовно-психологические, социально-исторические, религиозные и, конечно, художественные особенности Петербурга. Оставаясь в рамках правового поля, отдел по связям с религиозными организациями помогает скорректировать позиции сторон в многонациональном городе.

Некоторым острым вопросам финансово-экономической деятельности музея-храма, являющегося национальным символом и гарантом сохранения культурных ценностей, говорил Н.В. Буров. Характер научных исследований, проблемы воссоздания, требуемые масштабы реставрации культовых ценностей вряд ли окажутся по силам приходским общинам в случае отделения от храма функций музея. Поэтому в вопросе взаимодействия музейных и церковных институций решающей остается государственная политика.

Д.Е. Мальцева охарактеризовала итальянский опыт сохранения национального наследия, подходы к реставрации, к формированию кадров. По ее словам, есть отличия западного и отечественного восприятия иконы в музее: в России икона, находясь в музее, не перестает быть святыней и поклонным образом. Плодотворным могло бы стать создание в Петербурге музея древнерусского искусства с учебной и научной базой, в котором могли бы демонстрироваться религиозные памятники, хранящиеся в музейных фондах Эрмитажа, Русского музея и др. Возможно было бы проведение богослужения на такой экспозиции.

Речь шла и о проблемах образования в духовных учебных заведениях, в том числе о слабой подготовке хранителей и реставраторов, о недостаточности курса церков-

ной археологии. Следствием этого является низкий уровень специалистов такого рода, выходящих из стен духовных академий и семинарий. Эту тему поддержала О.В. Губарева, которая напомнила о том, какие невосполнимые утраты древнерусским памятникам нанесены из-за безграмотности, «серости» отдельных «батьюшек» и мирян (старост, свечниц) при обращении с религиозными святынями. Что такие утраты происходят на фоне набирающего силу неоязычества, нового иконоборчества,

«софринского кича». Для устранения этого парадокса требуется плодотворное сотрудничество музея и церкви, кардинальные реформы в образовании духовных лиц, в подготовке иконописцев. Плодотворным могло бы стать обращение к традициям и возможность создания в Петербурге современного древлехранилища, реализация совместных проектов музея и церкви в деле обучения, просвещения, подготовки кадров, повышения квалификации духовенства и музейных работников в новых реалиях.

Т.В. Букина

ЧЕТВЁРТОЕ СОБРАНИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (НОКО)

15–17 апреля 2010 г., Санкт-Петербург

15–17 апреля 2010 г. в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена состоялось Четвёртое Собрание Научно-образовательного культурологического общества, в котором приняли участие представители более 25 вузов России, ближнего и дальнего зарубежья, сотрудники ведущих российских НИИ по вопросам культуры и искусства, а также Государственного Эрмитажа.

Научно-образовательное культурологическое общество (НОКО) было создано в 2006 году с целью объединить усилия представителей культурологической науки и образования в разных регионах России. В приоритетные задачи НОКО входит содействие развитию культурологического знания и совершенствованию образовательных стандартов в этой области, а также создание единого информационного поля для специалистов-культурологов. Ежегодные собрания Общества посвящены решению организационных вопросов и, кроме того, предполагают проведение серии научных мероприятий по актуальным проблемам современной культуры.

Собрание 2010 года отличала обширная научная программа, охватившая три полных рабочих дня. Помимо заседания Научной коллегии НОКО она включала следующие мероприятия:

1. Международную научно-практическую конференцию «Роль культурологии в современном мире», посвященную определению места культурологического дискурса в различных сферах актуального научного знания и общественных практиках. В частности, Э.С. Маркарян рассмотрел культурологию как инструмент разработки оптималь-

ных тактик выживания человека в ситуации глобального планетарного кризиса. Возможные перспективы деятельности культуролога в контексте модернизации российского общества осветил Л.А. Закс: с его точки зрения, процессы модернизации представляют собой не столько политическую и экономическую, сколько культурную проблему, в решении которой культуролог может и должен участвовать. Одна из функций культурологического сообщества состоит в разработке «культурно-компетентной» политики, с целенаправленно выстроенной концепцией национальной идентичности и национального достоинства. Д.К. Бурлака акцентировал ведущую роль культуролога в образовании и поиске воспитательных стратегий в условиях мультикультурного и мультирелигиозного состава российского социума.

2. Научно-практический семинар «Потенциал культурологии в системе обновляющейся научно-образовательной культуры XXI века», на котором обсуждались задачи преподавания культурологических дисциплин в современном учебном процессе, а также приоритеты в образовании профессиональных культурологов. В обсуждении приняли участие ведущие преподаватели российских вузов: Л.М. Мосолова (Санкт-Петербург), Т.И. Ерохина (Ярославль), Г.В. Елизарова (Санкт-Петербург), В.В. Василенко (Ставрополь).

3. Круглый стол «Культурное разнообразие мира и опыты его изучения в России и за рубежом». В докладах выступающих культурология предстала в качестве инструментария для изучения межкультурных контактов в разнообразных областях: от академическо-

го поля научных коммуникаций и школьного образования до бизнеса и политики. Так, предметом интереса М.С. Уварова стала рецептика культурологии в западной гуманистической и взаимоотношения отечественной дисциплины с традицией «Cultural Studies». С.Б. Смирнов и Е.В. Карпец рассмотрели технологии формирования национальной идентичности и создания реноме стран-«соседей» в школьных учебниках. В.В. Василенко уделила внимание влиянию национально-культурных аспектов на стиль предпринимательской деятельности и партнерских взаимоотношений, принятый в данном социуме.

4. Коллоквиум «Конвенциональные основания и перспективы развития культурологии», посвященный проблеме институционального состояния дисциплины. В центре внимания участников оказалось обсуждение проекта Культурологической хартии, предложенного председателем Научной коллегии НОКО А.Я. Флиером и опубликованного на сайте сетевого сообщества «Российская культурология». С точки зрения преследуемых целей хартия понимается автором проекта в качестве своего рода профессиональной конвенции культурологов по ключевым вопросам, «внутренней конституции», определяющей базовые параметры культурологии как области знания и критерии оценки квалификационных работ. Состоявшееся во время коллоквиума обсуждение в основных тезисах продолжило полемику, которая разворачивалась в Интернете вокруг замысла хартии на протяжении февраля – апреля этого года^{*}, и продемонстрировало неоднозначное отношение научного сообщества к подобной идее. Участники обсуждения (Л.А. Закс, Э.С. Маркарян, М.С. Уваров, С.А. Гончаров, Т.С. Золотникова, В.В. Василькова, О.В. Плебанек и др.) отмечали недостаточную проясненность позиций в отношении конечных целей хартии, степени ее императивности для культурологов, а также конкретных аспектов, подлежащих регламентации. Итоги дискуссии не являются окончательными, обсуждение проекта планируется продолжить во время III Российского культурологического конгресса, проведение которого намечено на октябрь 2010 г.

5. Вторая Герценовская школа практической культурологии «Гуманитарная экспертиза и культурология: теоретические модели и практический опыт». По сообщению Л.В. Никифоровой, координатора Школы практической культурологии, первые «уроки» которой состоялись в апреле 2009 г., школа была изначально задумана в виде мастер-классов по обмену опытом. Такие встре-

чи нацелены на поиск сфер прикладной востребованности культурологического знания за пределами академической среды, что позволяет преодолеть «цеховую» замкнутость специальности. Темой Второй школы стали возможности выступления культуролога в качестве эксперта, в том числе в ситуациях, далеких от художественной деятельности или культурной политики. Так, Е.В. Листвина и С.К. Шайхитдинова презентовали свой опыт участия в судебных экспертизах при обсуждении полемических и конфликтных публикаций в периодической печати (в первом случае – графических изображений, во втором – вербальных текстов). В подобных спорных случаях компетенция культуролога оказывается необходима для семиотического анализа дискурса, создаваемого опубликованным текстом, обнаружения его скрытых социополитических, мировоззренческих и психологических коннотаций, проецируемых в сознание аудитории. И.В. Левитская представила результаты работы лаборатории Самарского государственного университета, направленной на превращение провинциального города в туристический объект путем восстановления страниц его истории и семиотизации культурных памятников. Гостями школы стали также сотрудники кафедры методов психологического познания РГПУ им. А.И. Герцена Н.Н. Королева, Ю.Л. Проект и И.М. Богдановская, которые продемонстрировали психологические технологии гуманитарной экспертизы в трех значимых областях современной социальной жизни – образовательной деятельности, сфере рекламы и агитационной практики религиозных организаций.

В своем отчетном докладе о деятельности НОКО президент общества С.А. Гончаров обозначил основные стратегические направления работы на текущий момент. На его взгляд, таковыми следует считать достижение более широкого социального заказа на культурологическое образование, осуществление информационной политики (в том числе создание корпуса научно-популярной литературы), экспертизу научных рукописей по специальности, а в перспективе – и культурологическую экспертизу городских проектов на предмет их эффективности или целесообразности. Одной из наиболее острых проблем сегодняшнего дня остаются недостаточные возможности трудоустройства выпускников с культурологическим образованием: в большинстве организаций вне научно-образовательной

^{*} См.: <http://base.spbriic.org/f/viewtopic.php?id=988&p=1>.

сферы в штатных расписаниях не существует квалификации «культуролог». По мнению С.А. Гончарова, сейчас насущно необходимо разрабатывать и продвигать расширенное

понимание компетенции специалистов-культурологов, что может помочь им занять более прочное место на современном рынке труда.

В.Г. Егоркин

КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ В РОССИИ 2010» 26–27 апреля 2010 г., Москва

26–27 апреля 2010 г. в Москве в здании Президиума Российской академии наук состоялась Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Научный журнал в России 2010: научная периодика в условиях глобализации знаний и модернизации научно-исследовательского потенциала страны», инициаторами и организаторами которой выступили Президиум Российской академии наук, Высшая аттестационная комиссия Министерства науки и образования Российской Федерации и Научная электронная библиотека (eLIBRARY.ru). В конференции приняли участие руководители и сотрудники научных журналов России, в том числе руководство журнала «Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana)». Открывая конференцию, ее участников приветствовал вице-президент РАН, академик А.И. Григорьев, позиционировавший роль научных журналов как современных средств информации и презентации достижений в различных отраслях отечественной и зарубежной науки и определивший цель саммита – осмысление концепции современного научного журнала в России.

Формат конференции, как было отмечено в ее Программе, реализовал «компетентное и профессиональное обсуждение методологических и практических вопросов, связанных с комплексным решением проблем по организации системы оценки, продвижения и развития отечественной научной периодики». Ведущие работники ВАК, специалисты по библиотечному делу, информационным технологиям, праву, представители академической общественности, работники сферы образования и научной периодики обсудили наиболее актуальные проблемы функционирования научных журналов в информационном пространстве России. Особый интерес собравшихся вызвали доклады «Проблемы оценки и отбора журналов в новый перечень ВАК» (академик А.Л. Стемпковский, представитель Федерального агентства по надзору в сфере образования Г.Б. Фомин – Москва), «Российский индекс научного цитирования как инструмент оценки уровня научных журналов» (работник электронной библио-

теки eLIBRARY.ru Г.О. Еременко – Москва), «Журнал как средство интеллектуальной коммуникации» (сотрудники Всероссийского института научной и технической информации РАН Р.С. Гиляровский и В.А. Цветкова – Москва) и др.

Специфические проблемы научного журнала обусловлены, с одной стороны объективными факторами (ограниченность аудитории, и, следовательно, невысокие, по сравнению с массовыми периодическими изданиями читательская востребованность, финансирование, позиционирование и продвижение на рынке и т.д.), с другой – они весьма зависимы и от субъективных факторов (состав авторов, качество публикуемых статей, индекс цитируемости журнала и его авторов и пр.). Кроме того, журнал «не застрахован и от обычных издательских трудностей – контрафакта, типографских «сюрпризов», потери аудитории» (С. Зернес «Ньютон и «глянец» // Литературная газета, 2010, № 19, с. 2). Такие риски определяют сегодня научно-информационную политику в современной России. По мнению большинства выступавших, ее стратегии связаны, во-первых, с переходом от полиграфического исполнения к электронным версиям, во-вторых, с продвижением изданий – в России и за рубежом (включение в мировые электронные базы научных изданий – Web of Science, Scopus и др.), и, в-третьих, с повышением требований ВАК к качеству научных публикаций, предусматривающим, что *все* статьи аспирантов, соискателей и докторантов должны быть опубликованы либо в изданиях Перечня ВАК, либо входящих в престижные зарубежные базы данных.

Актуальность проблематики конференции, интенсивность, компетентность и деловитость обсуждения вопросов обусловили креативность ее решений, выразившихся, в частности, в оценке саммита как современной эффективной формы всестороннего осмысления состояния и перспектив отечественной научной периодики, необходимость которой для ее развития не подлежит сомнению.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕСТАВРАЦИЯ: ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ»

26–27 апреля 2010 г., Санкт-Петербург, ГМЗ «Петергоф»

В конце осени 2009 г. Государственный музей-заповедник «Петергоф» объявил о планируемой серии научно-практических конференций «Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век». Конференции предполагают дискуссионный обмен мнениями о путях развития современной реставрационной науки и музееведения, а также обобщение опыта, накопленного музеями, ведомственными учреждениями, специалистами Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга, реставрационными предприятиями, научно-исследовательскими и проектными организациями Санкт-Петербурга.

Конференции будут проводиться по следующим направлениям, сочетающим теоретические исследования и анализ практического опыта:

- выявление документов по истории памятников архитектуры;
- изучение памятников архитектуры в свете реставрационного процесса;
- проблемы реставрации, консервации, восстановления и реконструкции памятников архитектуры;
- защита исторических зданий от неизбежного старения и разрушения в условиях постоянно изменяющейся окружающей среды;
- музеефикация памятников архитектуры и проблемы их приспособления для нужд современного музея;
- особенности создания экспозиции в исторических зданиях.
- реставраторы послевоенной школы.

Первую научно-практическую конференцию нового цикла ГМЗ «Петергоф» приурочил к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, поскольку тема военных разрушений и последующего восстановления памятников культурного наследия – одна из ключевых в истории музея-заповедника.

Конференция «Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший» прошла 26–27 апреля 2010 г. в Белом зале Большого Петергофского дворца. Организаторами мероприятия и ведущими заседаний выступили генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкая и главный архитектор музея-заповедника А.Г. Леонтьев. На заседани-

ях конференции в президиуме присутствовали президент ГМЗ «Петергоф» В.В. Знаменов; старейший историк архитектуры Петербурга, участник процесса послевоенной реставрации М.Г. Колотов; заместители генерального директора: по экспозиционно-выставочной работе – Т.Б. Вергун, по учету и хранению – Т.Н. Носович, по благоустройству и содержанию территорий – В.Н. Лясковский; директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» – Н.В. Буров, который во время своего доклада о реставрации Исаакиевского собора заворожил слушателей бархатным голосом народного артиста и грустно отшутился от «большого вопроса» о возвращении Русской Православной церкви произведений древнерусского искусства, ныне находящихся в музейных фондах: «Все думают, что музеи отдадут церкви, а я-то знаю, что наоборот: музею придется принимать церковь к себе».

Доклады, прозвучавшие в течение двух дней конференции, охватывали несколько важных тем. Во-первых, это послевоенная реставрация пригородных садово-парковых ансамблей и городских памятников, Казанского и Исаакиевского собора, Петропавловской крепости – проблема, наиболее актуальная для музея – организатора конференции. Доклад А.В. Никифоровой (СПбГУ) был посвящен жизни дворцово-парковых пригородов Ленинграда в предвоенные и послевоенные годы. Сообщение А.Н. Журавской напрямую выходило от военных потерь к проблемам современных методов восстановления культурных объектов и было посвящено Государственному комплексу «Дворец Конгрессов». Увлекательную, почти детективную историю о судьбах скульптурной коллекции Лейхтенбергских рассказал Д.В. Осипов, директор Биологического НИИ СПбГУ, расположенного в Сергиевке, бывшей усадьбе Лейхтенбергских. О послевоенной деятельности реставрационных мастерских рассказали сотрудники Государственного Русского музея.

Обширный блок докладов касался послевоенной реставрации и воссоздания памятников Петергофа. Его открыл А.Г. Леонтьев темой восстановления Большого дворца, продолжили научные сотрудники и хранители музея, раскрывшие проблемы реставрации отдельных объектов: античной мозаики в Царицыном павильоне (И.О. Пашинская), интерьерных тканей

Большого дворца (Н.В. Мельникова), росписей дворца «Монплеизр» (О.А. Холодно-ва), использования фонда «Исторические фрагменты» в реставрационной практике (М.Ю. Левинская), значение архивных материалов Н.И. Архипова, руководившего ГМЗ до войны, в восстановлении Петергофа (А.А. Белов). Доклад сотрудника КГИОП Ю.Ю. Бахаревой был посвящен контекстуальному анализу истории воссоздания фонтанной скульптуры «Самсон, раздирающий пасть льва».

Оба дня на конференции звучала тема реставрационной теории. Были подняты актуальные вопросы об уточнении реального смысла термина «новодел» и его отличия от «реплики» (В.А. Коренцвит), о возможности восприятия реставрации как вида художественного творчества (А.Е. Ухналев), об учреждении филиала ИКАМОС в Санкт-Петербурге и о принципах данной организации, а также об архитектурной консервации в свете требований Венецианской хартии (С.Б. Горбатенко). Выступление А.А. Николовой (СПбГУ) было посвящено парадоксам соотношения между современной реставрационной практикой, с ее размытостью критериев исторической подлинности, и доверием граждан самому понятию «реставрация», которое можно воспринимать как своеобразный стереотип массового сознания, сложившийся в послевоенные годы.

Многие выступления были посвящены судьбам реставраторов, посвятивших свою жизнь восстановлению разрушенных памятников послевоенного Ленинграда. Участники конференции из Царского села вспоминали скульпторов-модельщиков: покойную Е.Н. Анохину (Н.В. Мазур) и ныне здравствующую Л.М. Швецкую, чьи работы вернули пышный облик Екатерининскому дворцу в Пушкине (Н.Г. Коршунова). Хранитель ГМЗ «Петергоф» А.В. Луговая представила историю трудовой творческой жизни скульптора Г.Л. Михайловой, а В.А. Белковская из ГРМ, рассказывая о воссоздании монументальной живописи Большого Петергофского дворца, сделала особый акцент на роли реставратора В.Г. Корбана.

К конференции была приурочена документальная выставка «Живем и помним», представляющая рабочие реставрационные чертежи проекта восстановления заповедника – Е.В. Казанской, В.М. Савкова и А.И. Вехвиляйнен, подлинные фрагменты декора и фотографии из фондов ГМЗ «Петергоф», из личных архивов А.Г. Леонтьева и семей реставраторов. Часть экспозиции была построена на сравнении довоенного и послевоенного обликов памятников Петергофа.

27 апреля гостями конференции стали ветераны-реставраторы, участники восстановления пригородных парковых ансамблей и городских памятников в 1940–1950-е гг. На встрече в Танцевальном (Купеческом) зале Большого дворца они смогли пообщаться друг с другом, поговорить с руководством музея. Ветеранов приветствовали директора всех пригородных музеев – ГМЗ «Царское село», ГМЗ «Гатчина» и ГМЗ «Павловск».

Уже после окончания конференции Е.А. Комлева от лица всех реставраторов прислала Е.Я. Кальницкой благодарственное письмо, в котором были такие слова: «Вы нам организовали встречу друг с другом, которую никто нам не организовывал. Мы 17-летними пришли в «Реставратор», отработали по 50 лет и больше, сейчас всем за 80, и мы думали, что про нас забыли, хотя мы трудились на благо нашей Родины. Нам говорили, надо восстанавливать город и все наши парки и дворцы, и мы работали: знали, что это наш долг. Работали вечерами, ночами, нам говорили, надо срочно сдавать объект, и мы работали, иногда нам по 4 месяца задерживали зарплату, да и золота Москва выделяла мало, но мы все равно работали, зная, что мы – Ленинградцы. Дворцы и парки нам были знакомы до войны, какими они были и какими они стали во время войны. (...) Мы побывали у Вас, как в Кремле. Да мы и там работали».

27 апреля состоялась официальная передача найденных в Германии шести фрагментов решеток из дворца «Марли», среди которых позолоченные орлы, корона и две деревянные детали, которые еще предстоит атрибутировать. Руководитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия А.В. Кибовский и генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкая торжественно подписали акт приема-передачи. На церемонии присутствовала Л.Г. Малиновская – реставратор, скульптор-орнаменталист, автор восстановленных фрагментов решеток, аналогичных найденным оригиналам. Генеральному директору ГМЗ «Гатчина» В.Ю. Панкратову представителями «Росохранкультуры» был возвращен еще один военный «трофей» – альбом итальянской живописи из гатчинской библиотеки, купленный на аукционе.

В рамках мероприятий, связанных с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне, ГМЗ «Петергоф» совместно со студией «Animation Kraft» готовит документальный фильм о реставраторах, включающий в себя интервью, архивные кинохроники, документы и фотографии. Его фрагменты были представлены вниманию участников конференции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «50 ЛЕТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО ОКЕАНОВ И ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» 27–30 апреля 2010, Санкт-Петербург

В Санкт-Петербурге 27–30 апреля в гостинице «Холидей Инн» прошла международная конференция «50 лет развития образования и просвещения для формирования будущего океанов и прибрежных территорий», организованная Российским государственным гидрометеорологическим университетом (РГГМУ) совместно с Межправительственной океанографической комиссией (МОК) ЮНЕСКО, отмечающей в 2010 г. пятидесятилетний юбилей. Начиная с международной экспедиции в Индийском океане в 1960 г., МОК всячески способствует развитию международного сотрудничества в исследовании и защите океана.

Участники конференции обобщили опыт развития образования и просвещения для формирования будущего океанов и прибрежных зон, обменялись знаниями и опытом преподавания в области морских наук, обсудили способы максимизации эффекта инвестирования в процессы образования и обучения как форму ответа на мировой экономический кризис. Были рассмотрены новые подходы и методы обучения и образования, которые необходимы для выявления и решения таких глобальных проблем как изменение климата, недостаток пресной воды и пищи, безработица и бедность.

В конференции приняли участие более 400 специалистов в области морских наук. Среди участников конференции были: Исполнительный секретарь МОК Венди Уотсон-Райт, зам. Исполнительного секретаря МОК Эрлих Деса, директор департамента высшего образования ЮНЕСКО Соня Бари, руководитель программ по обучению в области морских наук МОК ЮНЕСКО Гильермо Гарсия, директор отдела образования и подготовки кадров секретариата Всемирной метеорологической организации Джеффри Вилсон, руководитель Росгидромета А.В. Фролов, ответственный секретарь комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Г.Э. Орджоникидзе, ответственный секретарь Морского совета Санкт-Петербурга Т.И. Чекалова, представители Правительства Санкт-Петербурга и др. На пленарном заседании было торжественно прочтено приветствие от Экологической организации объединённых наций UNEP и

послание Генерального директора ЮНЕСКО госпожи Ирины Боковой.

В рамках конференции прошла работа пяти секций и шести круглых столов. На секции «Роль международных организаций в развитии и совершенствовании обучения и подготовки кадров в области наук об окружающей среде» обсуждался прогресс, достигнутый международными организациями в науках об окружающей среде; причины, препятствующие прогрессу, и способы их преодоления; пути развития сотрудничества в области обучения и подготовки кадров; новые шаги, необходимые для достижения ЦРТ (Целей развития на тысячелетие) и задачи Десятилетия ООН по образованию для устойчивого развития.

Секция «Настоящее и будущее развития обучения и подготовки кадров в области морских наук» акцентировала роль науки в устойчивом развитии. Обсуждалась необходимость ориентации обучения на устойчивое развитие и образование для каждого. Был сделан вывод, что усовершенствование возможностей человека в изучении океана и использовании его ресурсов требует повышения качества научных исследований, инфраструктуры учреждений, ответственных за обучение и подготовку кадров. Выявлена необходимость интеграции наук об окружающей среде в программы обучения на всех уровнях. Проблемным остается вопрос повышения степени доверия между научными и образовательными кругами.

Секция «Образовательные технологии и современные методы обучения при развитии национального и регионального потенциала для поддержки морских наук и наблюдений» была посвящена инновационным технологиям сбора данных, представления и обмена информацией. Демонстрировались новые подходы в сфере традиционных методов обучения и тесного взаимодействия между преподавателями, студентами, учеными, экономистами и социологами при разработке соответствующих образовательных программ.

Участники секции «Управление и финансирование в области обучения и подготовки кадров» пришли к выводу, что следует иметь политическую волю для рассмотрения обра-

зования и вопросов, связанных с окружающей средой, в качестве приоритетных для развития общества. Возможно, понадобится реструктурировать существующие правительственные агентства по образованию и науке, чтобы они более эффективно отвечали потребностям общества. Требуется определить стандарты в области подготовки кадров и развития потенциала в профессиях, необходимых для исследований окружающей среды и ее защиты.

В ходе работы секции «Улучшение просвещения о важности морских исследований и защиты окружающей среды на научной основе» говорилось, что в просветительскую работу необходимо включать результаты исследований, свидетельствующих о быстро ухудшающемся состоянии океанов, средствами просвещения следует формировать широкую общественную поддержку в защиту морской среды и устойчивого использования ее ресурсов. Участники секции выработали подходы к улучшению системы просвещения с использованием современных технологий с целью широкого распространения качественной информации и обеспечения простого доступа к ней.

В рамках Конференции прошла стендовая студенческая секция, а в работе студенческого круглого стола приняли участие 73 студента из 11 вузов России и ближнего зарубежья. Участникам была показана мультимедийная презентация студентов РГГМУ Е. Разиной и А. Королевой «Вокруг Земли с Юрием Гагариным – к 50-летию первого полета человека в Космос», а затем впервые продемонстрирован фильм российских и сомалийских операторов «Черная метка» об экологии Сомали и причинах пиратства.

Направлением дискуссии Круглого стола руководили зам. исполнительного секретаря МОК ЮНЕСКО доктор Эрлих Деса и зав. кафедрой МОК ЮНЕСКО РГГМУ В.И. Сычев. В работе круглого стола приняли участие консультант ЮНЕСКО журналист Кристина Рид, пресс-атташе фонда Фонтенуа Валери Фурье, зав. кафедрой МОК ЮНЕСКО МГУ М.К. Иванов, руководитель проекта «Балтийский плавучий университет» Т.Р. Еремина, а также еще 19 зарубежных и российских участников конференции Н. Виллегас (Колумбия), И. Спрингел и М. Саид (Египет), Абу Хена (Бангладеш), Сийад А. Йама (Сомали), Валборг Байфилд (Великобритания), Хендрик Вершуур (Германия), А. Драго (Албания), Ж.-П. Хенриетт и Я. Стел (Бельгия), Ю.В. Олюнин (Франция), С.Б. Асадов (Азербайджан).

Э. Деза рассказал собравшимся об основном назначении Комиссии – содействовать

международному сотрудничеству и координировать программы научных исследований, океанических служб и развития потенциала. Ее основные цели – улучшить знания о природе и ресурсах океанов и прибрежных районов, применять эти знания для совершенствования управлением, устойчивым развитием и защитой морской среды и принимать решения при участии более чем 150 государств-членов.

М.К. Иванов и Т.Р. Еремина поделились опытом организации проектов ЮНЕСКО «Плавучие университеты» и привлечения одаренных студентов к участию в их программах. Отдельное место было уделено научно-исследовательской работе студентов и ее продолжению после завершения учебы. К. Рид и В. Фурье затронули вопросы работы журналистов как интерпретаторов современных научных достижений, в том числе в области морских наук. Особое место они отвели проблемам доуниверситетских мероприятий, в том числе с детьми самого разного возраста.

Участники Круглого стола высказали желание проводить подобные мероприятия с привлечением студентов в рамках регионов, например, Балтийского моря, Черного или Каспийского морей, а также на национальном уровне, или в рамках междисциплинарного общения, например программ ЮНЕСКО УНИТВИН. Такие обсуждения помогут учесть мнение студентов при выработке подходов для планирования эффективного оповещения, распространения информации и улучшения системы просвещения с использованием современных технологий с целью широкого распространения качественной информации и обеспечения простого доступа к ней.

В стендовой секции приняли участие 16 проектов студентов и школьников, присланные на конференцию из 9 стран на английском и русском языках, а также 39 стендов студентов и аспирантов из 7 вузов России и ближнего зарубежья.

Конкурсной комиссией в числе лучших отмечены стендовые представления проектов Программы по морским делам факультета управления Университета Далхаузи (Канада), школы Св. Корасона, (Испания), кафедр гидрологии и океанологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедры ЮНЕСКО ДЗМО и кафедры КУПЗ РГГМУ.

Из авторов 36 стендовых докладов отмечены 15 лучших, среди них – А.А. Рыжакова (РГГМУ), А.А. Шелевая и Т.А. Криволап (Одесский государственный экологический университет), Д.В. Дроздова и Д.П. Нахтигалова (Томский государственный университет), М.Ю. Червяков (Саратовский государственный университет), К.П. Сильвестрова (МГУ им. М.В. Ломоносова).

К конференции был приурочен Парад подводных фильмов «Аквафильм». Вниманию зрителей были представлены лучшие работы лауреатов Всемирного фестиваля подводных изображений (Франция) и международных фестивалей «Серебряная акула» (Киев), «Золотой дельфин» (Москва), «Послание к человеку», «Море зовет!», «Сто дорог» (Санкт-Петербург) и других.

Основная идея Парада заключалась в том, что фильмы о подводном и водном мире увидел массовый зритель, в отличие от фестивалей, где фильмы оцениваются компетентным жюри. «Аквафильм» проводится с целью популяризации подводного искусства, знакомства широкой общественности с красотами и загадками подводного мира, а также привлечения внимания к теме активного образа жизни, проблемам экологии и изучению мирового океана.

Приглашёнными гостями и участниками конференции в связи с парадом стали: Андрэ Лабан – инженер и оператор команды «Калипсо» Жака Ива Кусто (Франция); Н.Н. Балашова – президент Международного фестиваля подводных изображений «Серебряная акула» (Киев, Украина); В.И. Киркин – президент Ассоциации водолазов; В.А. Летучий – председатель правления Ассоциации водолазов; В.И. Лютов – президент Парада подводного кино «Аквафильм».

Также во время работы конференции в конгресс-зале отеля «Holiday Inn» проводилась выставка детских рисунков – лауреатов международного детского фестиваля «Подводный мир», победителей Всемирного фестиваля подводных изображений во Франции, а также небольшая экспозиция рисунков пациентов детского госпиталя из города Познань (Польша).

SUMMARY

R.V. Dronov

Russian Federation Security Service development perspectives in the field of corruption threat neutralization

The article considers the actual condition of corruption threat for national security of Russia and offers the new way of Russian Federation Security Service activities improvement in the field of corruption neutralization, the proposal of the new specialized corruption combating agency creation is made.

Keywords: criminal threat, corruption, national security, law-enforcement agencies, secret services.

L.M. Chistov

Main Directions of the innovatory development of economical theory

A theory of effective management of social-economic systems as a foundation of economical science is suggested. It is based on the complex approach using the author innovations.

Keywords: a theory of effective management of social-economic systems, complex approach, innovatory development of economical theory.

T.N. Kosheleva

Foreign experience of an innovative policy for small business

In this article the author makes an attempt to define the concept of the national innovative system, forms and methods of the government regulation of the innovative system are characterized.

Keywords: governance, innovative development, small business, tax privileges, national innovative system, Silicon Valley

M.M. Glazov, L.A. Khandojko, M.N. Sidorova

The analysis of economical effectiveness of meteorological prognoses (on the example of Murmansk seaport)

Article suggests the new approach to analysis and rating of economical effectiveness of meteorological prognosis approved on the example of Murmansk seaport in period from October to March, 2004-2008.

The approach is based on matrix form of information representation, generalization and analysis. It includes statistics of loss and profit derived from meteorological prognoses and reflects multidimensional results within the bounds of sufficient argument dependence.

The scientific and methodological approach considered in the article will allow to get the economical effect from meteorological prognoses, optimize management solutions and rise the effectiveness of seaport.

Keywords: economical effectiveness, optimality criterion, success criterion, propriety of meteorological prognoses, inertial prognosis, methodical prognosis.

V.A. Limonov

The idea of cyclical historical process in works of Russian thinkers XVIII-XIX centuries

The article is dedicated to the questions which have now an extreme urgency for the humanity. In the centre of attention is the historical research of A.N. Radishchev who considers questions of circular return, analyzes "current/countercurrent" dialectics in his works. In a short kind in the article is analyzed M. Karamzin's point of view on recurrence of historical process by two models: «progressive» and «eternal return».

Article can be useful to modern philosophers, historians and sociologists.

Keywords: wave concept of the historical process, M. Karamzin, "current/countercurrent" dialectic, metempsychosis, palingenesis, A.N. Radishchev, cyclicity, P.J. Chaadaev.

V.N. Kuznetsov

The role of Saint-Petersburg's enterprise for creation preconditions of fatherland industrial revolution (the beginning XIX century – 1850-s)

The role and place of the capital's enterprise at preparation and deploy of technical coup are showed in Saint-Petersburg's industrial region at the pre-reform period.

Keywords: enterprise, modernization, technical coup, industrial revolution.

Russian Orthodox church and Joanite's movement in Saint-Petersburg (1890–1900)

In the early twentieth century, the Orthodox Church faced with the movement of Joanite, fervent admirers of John of Kronshtadt, which was outside the framework of official Orthodoxy. The article is dedicated to the way how ecclesial authorities were finding the solution of this problem. In this research various approaches of clergy and capital' missionaries to the Joanite describes. The author also analyzes fundamental features of Joanite's movement.

Keywords: Russian Orthodox Church, Joanite, John of Kronshtadt, St. Petersburg, clergy, social life.

L.V. Rasskazova

The devastation of noblemen's estates (1917–1919): the official documents and peasants' practices

The aim was to find out the gist and the subjects of the cultural conflict of 1917-1919 and to refute a common opinion about the devastation of the noblemen's estates by the peasants. Based on the comparison of official documents issued under the soviet power, of the documents of personal origin and of peasants' real practices about the noblemen's estates and their owners (within the framework of the Penza region) a conclusion has been made that the devastation of the noblemen's estates and collections as well as the expulsion of their owners was the result of the bolsheviks' provocative activity. The devastation of the noblemen's estates is presented as a cultural tragedy that happened in Russia.

Keywords: a nobleman's estate, nationalization, the Russia Communist Party, cultural politics, the peasant movement of 1917-1919, the estate culture, Penza region.

S.A. Zagrubskiy

What prevents the fair society's building?

This article's theme had attracted attention of social thinkers of all times. How to create an ideal society? What has to be done in order to take unfairness and suffering away out of people's lives? In this article you will find an explanation of inevitability of these human sufferings. Moreover, there is an explanation of possible intensification of the sufferings in society on its way to ideal.

Keywords: social agenda, social suggestions, limits of acceptable behavior, the difference between individual and general aspirations.

S.B. Smirnov

Russian-Ukrainian political relationship and their reflection in Russian and Ukrainian history textbooks

The article is dedicated to analysis of modern Russian and Ukrainian school history textbooks in a context of relationships between Russian and Ukraine in different stages of historical development of both countries. It describes different points of view concerning the role of Ukraine in Russian history lessons. It substantiates the necessity of thorough groundwork and writing of Russian and Ukrainian school history textbooks.

Key words: Russian-Ukrainian political relations, the teaching of history, analysis of school textbooks, development of historical science

A.Y. Dorski

Values of public sphere: British origins of the French slogan

We define the basic values of the public sphere, it is assumed that they are expressed by the formula of the French Revolution "Liberty, Equality, Fraternity." and affirmed that the philosophical substantiation of values of the public sphere we can find in Th.Hobbes's writings. The research conclusion is that the English philosophy provides the overall rationale of the slogan "Liberty, Equality, Fraternity", but does not include it.

Keywords: public sphere, values, dialogue, freedom, equality, fraternity, natural state, political state

I.V. Burkovskiy

Theoretical-systematic aspect of the problem of political power resources

The problem of political power resources is researched in theoretical way. The special attention is paid to the correlation of the violent and non-violent resources and to the explanation of the proposition about the happening in contemporary society displacement to the non-violent forms of power resources.

Keywords: political power, influence, authority, power resources, forcible and non-forcible resources, mobilization of power resources, high-liquid and low-liquid resources, utilitarian resources, standard resources, manipulation

Social partnership: historical background and contemporary research problematic

The article describes social partnership as a system of institutes, mechanisms and procedures, called to support balance of interests between employers, employees and the state, having been used in the West since 1920s. In Russia social partnership has been used since early 1990s. Today the social space for Russia is considered to be more actual under conditions of market society development than it was before. Our historical experiment has proved that social development has no antagonism but cooperation of various social groups.

Keywords: sociology of trade-union movement, economic sociology, Russian model of social partnership, social state, system of social partnership, social partnership, social and labour relations, tri-partisanship system

N.F. Zvenigorodskaya

The problem of social orphanhood on example of the Luga district in the Leningrad region: causes, consequences, solutions.

The author examines the rules of international and Russian laws protecting the rights of children, establishes the causes and consequences of the contemporary problem of Russia's society - the social orphanhood, leads the legal consequences for parents who withdraw from their children, determine the form of the device in a family of children left without parental care.

Keywords: social orphanhood, termination of parental rights, an agreement on a foster family, guardianship

A.A. Malkevich

Political socialization: the main theoretical approaches

The article analyzes the main theoretical approaches in studying the process of political socialization, which need for persistence of the current political system is connected primarily with the advent of new generations in the society. That, in turn, leads to the need to recruit the younger generation into the political system with predetermined ideological norms and values, attitudes and behavior. The material reflects the provisions of theories and concepts of a number of scientists (Charles H. Cooley, J.G. Mead, G. Lassuell, G. Almond, S. Verba, D. Easton, B. Skinner, R. Lipton, T. Parsons, E. Fromm, M. Weber, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev and V.A. Yadov).

Effective political socialization contributes to the full entry of the individual in society, ensuring the reproduction of political and cultural system of the society. In today's Russia's society political socialization of the younger generation and the presence of Russia's 'ideal' model are the factors that contribute to solving socio-political problems and forming tolerance, citizenship and patriotism.

Keywords: political socialization, socialization of the individual, behaviorism, social factor, social role, political motivation, political values and attitudes, media

N.S. Vdovushkina

The archetypical reasons of critical cultural situations

The archetypical features of critical cultural situations are researched in the article. The author raises the question about how the psychosphere of culture phenomenon appears to be more all-embracing concept than semiosphere.

Keywords: archetype, collective unconscious, consciousness, world picture, culture, study of culture, philosophy, psychology, synergy, bifurcation, risk, crisis, global, post-industrial, psychosphere, semiosphere, mode, resonance

T.I. Eremina

The legislative regulation of the system of awards in the Department of Education during the 19th- the early 20th centuries

The article is dedicated to the problem of teachers civil service with regard to the questions of the regulation of the system of awards and rewards for their professional work.

Keywords: law, teacher, government awards, awards without privileges

V.S. Brachev

The chairman of students department of Saint-Petersburg university Georgiy Shenken and the students strike of 1908

The biography of the student of the St.-Petersburg University George Shenken and the activity of student's department of the Union of Russian people headed by him are researched in the article.

Keywords: St.-Petersburg University, students movement, students strike of 1908, George Shenken, Union of Russian people

The Theatrical Essence of the University: Russian Context

This text is an attempt to explore from the aesthetic point of view the University as a cultural phenomenon. The connection between the University and the Theatre spheres is in the focus of author's attention. The article states the existence of the essential similarity between these two cultural institutions.

Keywords: university, theatre, Enlightenment, aesthetic mission, aesthetics of the academic sphere, classicism, the Apollonian and Dionysian aesthetics

R.I. Isaev, V.P. Pilyavskiy

Foundation of the enterprises of small science-intensive business at high schools: problems and perspectives

Problems of foundation of the small innovative enterprises at budgetary high schools in the light of the Federal law from 02.08.2009 N 217-FZ are considered in the article.

Keywords: small innovative enterprises, enterprise activity of high school, intellectual property

G.M. Degtiarev, V.N. Nosov

Some difficulties of innovation development of Russia

This article reveals how newly generated idea is transferred to the area of application. Scientific framework is created for inventive activity, which has its release in new technological structure of economy. Objective and subjective obstacles to the innovative development of Russia are in focus. In analysis of difficulties authors conclude that in innovative development the basic risks should be taken by the state. But to provide it it's necessary to retrieve the algorithm of generation and utilization of a new knowledge. The activity of business can be maintained only in serial production of experimental model of idea.

Keywords: fundamental and applied researches, science, engineering development, the area of application, technological structure, budgetary and private financing science

I.V. Pykhalov

Stalin and the Victory

Was the Great Patriotic war victory gained regardless of Stalin or not? The different aspects of I. V. Stalin activity in the capacity of state's leader and the Supreme Commander in Chief are analyzed in the article.

Keywords: Great Patriotic war, military production, diplomacy, the Victory, warcraft, Stalin

G.I. Demidova

Konstantin Simonov. Re-reading anew

The article is dedicated to the history of creation and publication of K. Simonov's poem «Wait for me» in the beginning of the Great Patriotic War and the subsequent, post-war, life of Simonov's masterpiece.

Keywords: Konstantin Simonov, Valentina Serova, poetry, the military lyrics, literary criticism, the Great Patriotic War, Soviet literature

A.V. Verichev

Soviet aviation in the sky of Volkhov battlefield

The article resumes some little known facts from the archives of RF Air Forces. There are also interesting facts about heroic deeds of aviators at the Volkhov's battlefield in 1941-1943 among them. The stress is laid on the meaning of air battles in the Volkhov sky in the period of the Great Patriotic War for patriotic education of the youth by the use of Battle Glory Museum activities and meetings with veterans.

Keywords: Great Patriotic War, Second World War, Volkhov battlefield, airplane, aviators, the Hero of the Soviet Union, aviation, German command, the 29th Volkhov's guardian air regiment of Red Banner, anti-aircraft artillery, ammunition, railway, school, Battle Glory Museum, veterans

G.P. Tsvetkova

«the impossible is possible...» The life story of the battleship «Constructor»

The history of Ladoga fleet battleship «Constructor», that served 50 years in the battle formation and defend the borders of fatherland, is reconstructed in the article. The attention is paid mainly on it's participation in operations of Ladoga fleet in the Great Patriotic war in 1941-1945.

Keywords: Great Patriotic war, Volkhov, forces, captain, commander, ship, Ladoga fleet, lake Ladoga, Leningrad, sailors, defense, fire, patrol ships, fleet, destroyer

Leningrad's liberation. Some words about the past wartime

The memoirs of V. F. Serjantov, that took part in Leningrad's battlefront combats in 1941-1944 about his companions in arms, about service in artillery regiment, about Leningrad's liberation from blockade operation in January 1944.

Keywords: blockade, artillery antitank regiment, Krasnoborsk operation, Leningrad battlefront, Luga, Fiodorovskoe, 6-barrel mortar

L.I. Arkhipova

Letters from battlefront

This mini essays cant be characterized as scientific article although they are based on true facts. The senior journalist and honorary citizen of Volkhov Lidia Ivanovna Arkhipova tells about life and destiny of her neighbours and acquaintances in the times of the Second World War.

Keywords: battle, driver, war, Volkhov, memory, mail, victory, labour, rear, battlefront, medal, order, soldiers, fascist

A.D. Rudinskaya

Duobat - desk-size game of Dolgans: mutual enrichment of folk culture

In this article the usage of detection, reconstruction and conservation of material culture objects of Dolgans, small aboriginal North people, in Taimyr Reserve are described.

Keywords: Dolgans, desk-size game, mammoth ivory, museum collection, material culture, East Siberia, Taimyr, Taimyrsky Reserve

D.V. Osipov

The Search and Rehabilitation of the Loss – The Systematic Restoration of Sculpture Family: “Venus Taking off Her Sandal” I.P.Vitali (1852)

The article describes the new results of the author program of the search and restoration of the lost sculptures of a Duke Leuchtenberg collection from Sergievka estate. For the first time the integrated data presented on the systemic restoration of statues belonging to the family the Venus taking off her Sandal by I.P.Vitali, the masterpiece of the Russian art of the middle of XIX century. A marble statue of the Venus housed in the State Russian museum is well-known. In the article, new data are presented on the history of creation (a degree of relationship), on the existence and the restoration of other family members. The information is given about the attribution of the author's bronze cast of a statue of the Venus of Sergievka by I.P.Vitali (1853) and the history of its step-by-step restoration (1999 and 2008). The article describes the creation of a sculpture of the Venus of Olgyn Island (2009) on the basis of the latter bronze copy for the State Museum-Reserve Peterhof. The birth and a happy destiny of a plaster cast of the Venus of Rumyantsev (2009) made for the State Museum of History St. Petersburg are discussed.

Keywords: I.P.Vitali, marble statue, masterpiece, restoration, sculpture, Sergievka, Venus taking off her Sandal

T.A. Boronoeva

The mental basis of aesthetico-artistic culture (in terms of the contemporary fine arts of the Republic of Buryatia).

The article presents the in-depth analysis of the problem of mental basis, appealing to the artistic culture. It is important to understand that the artistic culture, being a component element of culture, “at the same time is a mirror, a world view, a model of culture.” The most mature form of its realization mentality finds in the sphere of highly artistic individually authors works. The mythopoetical comprehension of the world, being a characteristic of the eastern culture finds more and more interesting realization in the contemporary fine arts of the Republic of Buryatia: poetry, music, plastic creation. The works of Alla Tsibikova and Dashi Namdakov are the brightest examples of the contact between artists works and people's living philosophy.

Keywords: Badluev D., Dugarov B., mentality, mental basis, Namdakov D., contemporary fine arts of the Republic of Buryatia, traditional culture, Tsibikova A.

Panyikui

Khuan Gunvan's landscape «Reclusion in Fuchun mountains» as a reflection of author's aesthetic view

The article presents the analysis of famous Chinese artict of Juang epoch Khuan Gunvan's landscape «Reclusion in Fuchun mountains». The scroll painting that master created in the end of his life became the summit of his artistic glory and the evidence of his own artistic style maturing, that seriously influenced his contemporaries and followers.

Keywords: scroll painting, landscape, reclusion, Juang epoch

Iconography typology of the author's political poster of the period of perestroika

The article reflects the interrelation of public moods, a policy and art of the author's poster in perestroika time. Using iconography methodology, the author compares verbal elements of posters with written documents, fiction, and visual elements with photos, products of other kinds of the fine arts. Research is directed on revealing of the general in visual and verbal elements of the poster with an epoch and its realities.

Keywords: the author's poster, an iconography, typology, perestroika, conscience, freedom, publicity, a society, a myth, an image, the slogan.

B.G. Kontrebinskiy

Educational potential of theaterized forms of cultural leisure activities

The author presents the theoretical analysis of holiday-ceremonial culture as a specific phenomenon. Structure, functions and actual condition of the holiday-ceremonial culture are considered in the article.

Keywords: holiday, theatre

G.S. Rozenberg

Noospheric crossroads: «backward to the nature», «forward to the nature», «together with the nature»?

The constructive approaches to realization of the concept of a sustainable development for hierarchically organized territories of different scale are discussed. Some scenarios of achievement of a sustainable development are critically considered.

Keywords: a noosphere, a sustainable development, principles, scenarios, «backward to the nature», «forward to the nature», «together with the nature».

A.I. Subetto

Noospheric economy and social intellect as a paradigm basis of society's stable development

The author considers substantive concepts of contemporary society's stable development paradigm as well as noospheric economy and social intellect from the position of noospherism as the development of V. I. Vernadsky's noosphere doctrine.

Keywords: biosphere, great evolutionary turn, global ecology catastrophe, logic of social development, logic of social-natural evolution, noosphere, noospheric economy, social intellect, social-natural harmony, stable development, civilization.

G.N. Paranina

Existential bases in a sign of Rjurik

Rjurik's signs can be deciphered as reflection of position in space and time. Like many others signs and sign systems they are originally connected with northern Gnomon-labyrinth and include its elements. The features of day shadow geometry shades reflect the way of sun on the sky and the specificity of the astronomical periods. Space and time orientation signs are used in the geographical characteristic of territory. In ancient symbols it is possible to see main laws of nature – recurrence and reflection.

Keywords: Gnomon, reflection law, Rjurik's signs, calendar, labyrinth, natural signs, solar signs, recurrency of natural processes.

N.V. Lovelius, A.J. Retejum

The incentury rippling of the world ocean

The article reveals the incentury anomaly in the world ocean's level alteration and analyzes environmental factors in the years of abnormal ocean level's rippling. It gives the examples of ocean's level changes depending on planet's position.

Keywords: aphelion, global temperature, rippling, ocean, perihelion, solar activity, level, atmosphere circulation.

The largest freshwater lakes-seas Baikal and Ladoga as continuously refilling treasures of Russia

In the article the difference between two largest lakes of Russia in the geographical, economical and military respects is discussed. The importance of the fresh water problem in the World and a role of Russia in its decision is shown. The preferences of Lake Ladoga compared with Baikal in the State economy and defence is clarified. In conclusion a necessity of the special law for Lake Ladoga and its basin to guarantee required ecological level of the region, a high quality of fresh water for Saint-Petersburg supply and for its possible export is once more confirmed.

Keywords: Baikal, Lake Ladoga, water resources of Russia

V.A. Rummyantsev, L.A. Kuderskiy

The Ladoga lake: the general characteristic and ecological condition

The general characteristic of lake is made and its unique features like high quality of water are accentuated. Рассматривается история озера и происхождение его биоты в последние 10–15 тыс. лет. The peculiarity of organisms living in the lake is mentioned especially the fish population and the condition of fish reserves are described in details in the article.

Keywords: biota, catchment area, water quality, fish population, cold water, ecological condition.

N.V. Lovelius, A.P. Kolesnikov

Variability of pine and fir growth in the valley of Luga river

The article analyzes the growth of annual rings of the main forest-making types of coniferous trees, growing in the Valley of Luga River and Distinguishes the dates of growth anomaly for two sorts, fir and pine. The analysis of meteorological and geophysical factors in the years of growth anomaly is made in the article.

Key words: annual ring, temperature, precipitation, solar and geomagnetic activity, atmospheric circulation, galactic cosmic rays, growth anomaly, fir, pine.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Лидия Ивановна – член Санкт-Петербургского Союза Журналистов, Почетный гражданин г. Волхова Ленинградской области, Волхов. E-mail: eg-vg@yandex.ru

Бойко Алексей Алексеевич – аспирант Факультета Декоративно-прикладного искусства, кафедра культурологии и искусствоведения, Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии, Санкт-Петербург. E-mail: Lex144@yandex.ru

Букина Татьяна Вадимовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры звуко-режиссуры Санкт-Петербургского университета профсоюзов, Санкт-Петербург. E-mail: tbukina2002@mail.ru

Бурковский Игорь Витальевич – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Елецкого филиала Российского нового университета, Елец. E-mail: elgrosnou@mail.ru

Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: klein_schwarz@mail.ru

Боронова Татьяна Анатольевна – кандидат искусствоведения, директор Республиканского художественного музея имени Ц.С. Сампилова, заслуженный деятель искусств Республики Бурятия, Улан-Удэ. E-mail: tat_boronojeva@mail.ru

Вдовушкина Наталия Сергеевна – аспирант кафедры философии культуры и культурологии философского факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов. E-mail: attury@yandex.ru

Веричев Андрей Валентинович – гвардии полковник авиации в запасе, военный журналист, историк. E-mail: eg-vg@yandex.ru

Глазов Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, декан экономического и социально-гуманитарного факультета Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: esgf@rshu.ru

Гуменюк Лидия Сергеевна – специалист по изучению памятников архитектуры ГМЗ «Петергоф», секретарь конференции, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: postamt.g@gmail.com

Дегтярёв Геннадий Матвеевич – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, ведущий научный сотрудник ФГУП «ГосНИИ прикладных проблем Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России», Санкт-Петербург. E-mail: center-04@mail.ru

Демидова Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Волхов. E-mail: razdor68@mail.ru

Дорский Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: dorski@yandex.ru

Дронов Роман Владимирович – кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент Института ФСБ России, Санкт-Петербург. E-mail: roman2511@mail.ru

Егоркин Владимир Георгиевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, заместитель директора по научной работе филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Волхов. E-mail: eg-vg@yandex.ru

Еремина Татьяна Ивановна – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: ereminaT52@mail.ru

Заглубский Сергей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург. E-mail: zagr-sergej@yandex.ru

Зарембо Наталья Геннадьевна – главный специалист отдела организации учета и хранения Российского государственного исторического архива, аспирантка кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: natalzar@yandex.ru

Звенигородская Наталья Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: z-n-f@mail.ru

Игнатьев Денис Юрьевич – аспирант кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: denisignatyev@yandex.ru

Исаев Роман Игоревич – аспирант кафедры государственного, муниципального и организационного управления Государственной полярной академии, Санкт-Петербург. E-mail: the-roma@mail.ru

Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: kultura2007@yandex.ru

Карлин Лев Николаевич – профессор, доктор физико-математических наук, ректор Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: rector@rshu.ru

Колесников Алексей Петрович – аспирант кафедры физической географии и природопользования Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: kolesnikov55@inbox.ru

Контребинский Борис Глебович – заслуженный работник культуры РФ, директор БДТ им. Г.А. Товстоногова, Санкт-Петербург. E-mail: dabdt@nkl.ru

Кошелева Татьяна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства факультета менеджмента Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: toozool@yandex.ru

Кузнецов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, Санкт-Петербург. E-mail: kvnguga@mail.ru

Кудерский Леонид Александрович – доктор биологических наук, профессор, главный специалист института озерадения РАН, Санкт-Петербург. E-mail: lovelius@mail.ru

Лимонов Владимир Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, заместитель директора Центра профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих СЗАГС, Санкт-Петербург. E-mail: lvavl@mail.ru

Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природопользования Института озерадения РАН, Санкт-Петербург. E-mail: lovelius@mail.ru

Малькевич Александр Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, Санкт-Петербург. E-mail: amalkevich@mail.ru

Маркова Елена Геннадьевна – научный сотрудник Института озерадения РАН, Санкт-Петербург. E-mail: lovelius@mail.ru

Носов Виктор Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник ФГУП «ГосНИИ прикладных проблем Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России», Санкт-Петербург. E-mail: center-04@mail.ru

Осипов Дмитрий Владимирович – доктор биологических наук, профессор, директор Биологического научно-исследовательского института Биолого-почвенного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: osipov@bio.ru.ru

Пань Икуй – магистр художественного образования, старший преподаватель Художественного института при Ланьчжоуском торговом институте, Китай, Пекин. E-mail: panyikui@126.com

Паранина Галина Николаевна – кандидат географических наук, профессор кафедры физической географии и природопользования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: galina_paranina@mail.ru

Пилявский Валерий Павлович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного, муниципального и организационного управления, проректор по науке и развитию Государственной полярной академии. Санкт-Петербург. E-mail: pil2@mail.ru

Пыхалов Игорь Васильевич – историк, публицист. Санкт-Петербург. E-mail: pyhalov@sonix.ru

Разлогов Кирилл Эмильевич – доктор искусствоведения, профессор, директор Российского института культурологии, Институт европейских культур, Москва. E-mail: nina.kochelyaeva@gmail.com

Рассказова Лариса Викторовна – кандидат культурологии, главный хранитель Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области, Пенза. E-mail: laraaras@mail.ru

Ретеюм Алексей Юрьевич – доктор географических наук, профессор географического факультета Московского государственного университета, Москва. E-mail: lovelius@mail.ru

Розенберг Геннадий Самуилович – доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти. E-mail: genagozenberg@yandex.ru

Рудинская Аксинья Дмитриевна – ведущий научный сотрудник ФГУ «Государственный природный биосферный заповедник «Гаймырский», Хатанга. E-mail: rudinskaya.aksin@mail.ru

Румянцев Владислав Александрович – член-корреспондент РАН, директор Института озерадения РАН, Санкт-Петербург. E-mail: lake@limno.org.ru

Сержантов Василий Филиппович (1919–1998) – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург.

Сидорова Мария Николаевна – соискатель кафедры экономики предприятия и учетных систем Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: esgf@rshu.ru

Смирнов Сергей Борисович – доктор культурологии, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: eg-vg@yandex.ru

Сорокин Александр Иванович – член-корреспондент РАН, советник РАН, заведующий лабораторией Института озерадения РАН, лауреат Государственной премии, Санкт-Петербург. E-mail: lovelius@mail.ru

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург. E-mail: subal1937@yandex.ru

Сунарчина Марина Мунировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, преподаватель кафедры философии, социологии и педагогики Башкирского государственного аграрного университета, Уфа. E-mail: aniram.m@mail.ru

Тельнова Ирина Николаевна – специалист отдела по связям с общественностью Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: co@rshu.ru

Хандожко Леонид Андреевич – доктор географических наук, профессор кафедры экономики предприятия и учетных систем Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: esgf@rshu.ru

Цветаева Марина Николаевна доктор культурологии, профессор кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: museum@pisem.net

Цветкова Галина Петровна – старший научный сотрудник Ново-Ладожского историко-краеведческого музея, Новая Ладога. E-mail: mir-gum@rambler.ru

Чистов Леонид Михайлович – доктор экономических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, Санкт-Петербург. E-mail: alch@peterstar.ru

1. Материалы к публикации представляются на электронном носителе на адрес редакции (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru. При необходимости прилагается распечатка. Электронная версия должна полностью соответствовать распечатке. Объем статей – 0,5 авторского листа, включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия проблемы, не должны увеличивать объем статьи более чем на 0,1 авторского листа.

2. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.

3. Редакция в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию, которая заключается в создании условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

Согласно запросу ВАК об обеспечении более эффективной работы экспертных советов ВАК редакционный совет принял решение об определении приоритетных направлений журнала (согласно классификации отраслей знаний ВАК): 03 – биологические науки, 07 – исторические науки, 08 – экономические науки, 09 – философские науки, 17 – искусствоведение, 22 – социологические науки, 24 – культурология, 11 – географические науки. До утверждения ВАК официальной специализации журналов рекомендуем авторам учитывать, что публикации других отраслей знаний могут не засчитываться ВАКом при рассмотрении диссертационных работ.

Журнал будет продолжать прием, рассмотрение и публикацию статей других отраслей знаний, не связанных с соисканием ученой степени кандидата или доктора наук.

4. Все рукописи проходят внутреннее рецензирование, могут быть возвращены на доработку или отклонены. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала полагает полезным увеличение количества как авторов, так и читателей нашего журнала. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала. Публикация материалов аспирантов осуществляется на бесплатной основе.

5. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Word.

Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбит на колонки.

Кавычки должны выглядеть так: «... ..», кавычки внутри цитат так: «... “...” ...».

Иллюстрации должны быть предоставлены отдельно в виде файлов с расширением .JPG.

Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.

Надписи на рисунках даются на русском языке. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

6. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК. Статью должны сопровождать аннотация и список ключевых слов на русском языке, название, резюме и список ключевых слов на английском языке, список литературы.

7. Список литературы оформляется следующим образом:

- предпочтительно располагать названия в алфавитном порядке;
- сведения об издании включают (в указанной последовательности) фамилию автора, его инициалы, название издания, номер тома / части (если есть), сведения об ответственности, место издания (город), название издающей организации, год издания, количество страниц;
- для статей из журналов, газет, сборников необходимо указать основное название издания, из которого взята статья; номер выпуска, тома, части; номера страниц, на которых эта статья находится; для журналов и газет – дату выпуска.

8. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25]». Все поясняющие примечания и сноски даются на последней странице текста статьи.

9. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны, e-mail.

- В. Г. Егоркин (главный редактор), доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, заместитель директора по научной работе филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Волхов.
- Н. А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- В. В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- А. А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, председатель комиссии по охране природы Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- В. Р. Арсеньев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург.
- А. О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- А. А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы, Москва.
- Н. В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природоиспользования Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- В. Н. Малинин, доктор географических наук, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург.
- Л. В. Никифорова, доктор культурологии, профессор кафедры музееведения и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза художников РФ, Санкт-Петербург.
- А. В. Петров, доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.
- В. А. Румянцев, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- А. И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- И. Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до 1917 г. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
- Л. М. Чистов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН), Санкт-Петербург.

На 4-й стр. обложки: Тимков Н.Е. Корабли Ладожской флотилии отражают налет немецких самолетов. 1944. Ленинград. Бумага, акварель, гуашь. 57,0×41,0. Фрагмент // Художники Победы. Живопись, графика, скульптура из фондов музеев Ленинградской области. Каталог: К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – М.: СПб.: «Альянс-Архео», 2010. – 236 с., пер.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион». 191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 275-73-00, 275-53-92, 970-35-70, asterion@asterion.ru

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 193. Подписано в печать 21.06.2010. Бумага офсетная. Формат 70×100^{1/16}. Объем 23,43 п. л. Тираж 800 экз. Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 275-73-00, 970-35-70, E-mail: asterion@asterion.ru, <http://www.terrahumana.ru>